

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Евгений ЩЕПЕТНОВ

МОНАХ.
ПУТЬ К ЦЕЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Учить драконицу летать – что может быть сложнее? Особенно если ты бескрылый человек, умеющий только лишать жизни врагов. А их столько! Ткни пальцем – и угодишь во врага, умного, хитрого, умелого. Не просто избавить мир от Зла. Но надо стремиться к этому, тем более, если тебя, как ты думаешь, для того и забросили в параллельный мир. И снова идет по миру Андрей, бывший спецназовец, бывший наемный убийца, бывший монах, а теперь – учитель драконов и борец со Злом. Что ждет его в конце пути?

- [Евгений Щепетнов](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)

- [notes](#)

-
-

Евгений Щепетнов

Монах. Путь к цели

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

*Пытаюсь отгадать загадку, что вокруг меня,
Но чем я ближе к ней, тем больше сам боюсь себя.*

Silence Dead

Глава 1

– Вход пять медяков! И за животное медяк! – Солдат в воротах злобно прищурился на Андрея, как будто тот намеревался украсть его любимые портянки.

Андрей не раз замечал, что некоторые люди, получая даже минимальную власть – например, власть «не пущать!», – становятся совершеннейшими монстрами, тиранами, злобными жабами, вымещающими свою несчастную жизнь на тех, кто, по их мнению, стоит ступенью ниже на социальной лестнице.

Спорить он не стал, молча отдал шесть медяков, не глядя в глаза этому хилому чахоточному адепту правопорядка, и, подпернув на спине вещмешки, зашагал через ворота на столичную Привратную площадь.

В голову почему-то пришло воспоминание о милиционерах, которых он встретил некогда на московской улице. Они решили проверить у него документы и долго мурыжили, придираясь к штампу прописки, по их мнению недостаточно хорошо пропечатанному. (Чертовы заказчики, готовившие документы! Заказ на человека стоил сто тысяч долларов, а эти уроды не могли потратить немного денег, чтобы сделать приличные доки!) Тогда он отдал им тысячу рублей, чем эти менты удовлетворились, не зная, как близки были к смерти. Андрей мог переломить их худые шейки за доли секунды, так что они не успели бы этого и осознать. Он был профессиональным наемным убийцей, бывшим спецназовцем, работающим по контракту на тех, кто заплатит. Впрочем, он не без оснований подозревал, что заказчик у него один – полугосударственные и государственные структуры, устраняющие неугодных им людей.

В конце концов шлейф его грехов стал настолько ощутимо пахнуть серой, что руководство решило убрать киллера, знающего слишком много. Закономерный конец любого наемного убийцы. Вот только Андрей не был любым. Он был убийцей высшего класса, можно сказать – из элиты профессиональных убийц. Он почуял момент X и исчез. Вначале в сибирский монастырь, а оттуда – непонятным образом в этот мир. Как он тут оказался, он не знал. Просто лег спать в своей монастырской келье и проснулся в этом мире. Он не раз размышлял о произошедшем, но неизменно приходил к заключению, что лучше проснуться в таком дерьмовом мире, чем не проснуться вообще.

И вот теперь, пройдя череду испытаний, приключений и

преобразований – в том числе и телесных, – он оказался в главном городе Славии, ее столице – Гаранаке, с грузом драгоценных драконьих чешуек в рюкзаке и драконом на плече – вернее, драконицей, маленькой, ехидной, злобной фурией, именуемой Шантаргон, в просторечии – Шанти.

Конечно, сидела она на плече не в виде маленького дракона – это крылатое племя умело принимать обличье любого животного, которое жило в этом мире или которое мог представить их причудливый разум. Только вот людей представлять не могли – все-таки ходить на двух ногах сложнее, чем на четырех. Навык нужен. Опять же – люди заметны, а кошки или мыши – кто на них обращает внимание? Люди и драконы уже много тысяч лет жили рядом, но знали об этом только драконы...

Шанти отправилась с Андреем неспроста: когда он в результате борьбы с лесным оборотнем нахлебался его крови, то сам стал оборотнем, обретя новые способности – например, теперь он видел ауры людей и зверей и мог лечить.

Совершенно подсознательно бывший монах видел по ауре болезнь и устранял недуг. Вот только искалеченной Шанти он пока не мог помочь – нужна была хирургическая операция и специальные инструменты, дорогие и редкие. Для того он и пришел в столицу, чтобы найти эти инструменты и сделать операцию. Впрочем, не только для того. В столице жили его друзья – Федор Гнатьев, бывший вояка, мастер фехтования, и его любимая женщина со своей маленькой дочкой, которых Андрей и Федор встретили в путешествии и взяли с собой. Женщину звали Аленой, а ее дочь – Настенкой. Когда наемники по приказу сумасбродного графа, кузена которого Андрей убил на дуэли, захватили монаха, он велел Федору и Алене ехать в столицу, устраиваться там и ждать его – если выживет, он обязательно их найдет.

У Федора хранились все деньги, все ценности, которые Андрей забрал с убитых им исчадий, служителей демона Сагана, единственного божества Славии. Где в столице искать Федора, Андрей не знал. В общем-то Гаранак не был его целью – путь Андрея и его спутников лежал в Балрон, соседнее со Славией государство, где исчадия считались врагами и куда не допускались ни под каким видом. Некогда Андрей обещал одному хорошему человеку, убитому на Круге на потеху толпе, что он позаботится о его дочери, живущей в Анкарре, столице Балрона. Девушке было то ли семнадцать, то ли восемнадцать лет, и звали ее – Антана.

В любом случае Андрей не собирался задерживаться в Славии – у него буквально земля горела под ногами, после того как он навел террор среди исчадий, занявшись тем, что умел лучше всего – убивать. Его захватили,

заставили выступать на Круге, где изощренно лишали жизни тех, кто хранил приверженность Светлому Богу, а также преступников всех мастей, которые не сумели откупиться.

Андрей выжил на Круге, снова попал в застенки исчадий, освободился, убил всех тех врагов, кто оказался рядом, и сбежал вместе со своим другом Федором.

К столице он прилетел на драконице – матери Шанти, громадной драконице Гаре, которая, оставив дочь на попечение Андрея, улетела по своим делам. Фактически Андрей снял с нее громадный груз ответственности – уже сто лет драконица кормила свою покалеченную людьми дочь, отсиживающуюся в темной пещере.

Теперь Андрей был Шанти за мать – правда, та этого не признавала и считала Андрея и весь род людской недалекими, глуповатыми существами, особенно по сравнению с драконами, мудрой, великой и долгоживущей расой. Впрочем, Андрей до сих пор не знал: а сколько же он сам может прожить? Его раны заживали за считанные минуты или часы, его скорость в сравнении со скоростью людей была выше в несколько раз, если не в несколько десятков раз. Он был многократно сильнее обычного человека.

Сколько живут оборотни? Андрей этого не знал, тем более что на Земле эти самые оборотни считались персонажами вымышленными, сказочными, и он не интересовался вопросами их метаболизма и сроками жизни. Итак, теперь оставалось найти Федора в большом городе и отправиться дальше, к границам Славии.

– Чего это за тебя взяли пять медяков, а за меня медяк? – недовольно буркнула, потягиваясь на плече Андрея, Шанти, принявшая обличье черной кошки. – Я считаю, что это несправедливо! Я стою дороже тебя! Люди вообще не умеют правильно оценивать объекты и ситуации. Посмотри, как я прекрасна, а от тебя пахнет потом. Ты когда последний раз мылся?

– А сама-то? – фыркнул Андрей. – Ты-то когда мылась? Постеснялась бы уж! Сто лет просидела в грязной дыре, а еще рожи корчишь! Вообще непонятно, как ты не стала идиоткой, сидя в темной пещере и не получая никакой информации. Любой человек бы свихнулся от такой жизни – жрать да гадить, жрать да гадить, и так сто лет. Кстати, может, потому ты и такая придурковатая? Все время несешь всякую чушь. Может, ты свихнулась?

Шанти зашипела и выпустила когти, проткнувшие одежду и впившиеся в плечо Андрею. Тот поморщился и негромко сказал:

– Если ты еще раз сделаешь что-то подобное, то я тебя кину куда подальше! Поняла?

Кошка зашипела и еще глубже впилась в плечо человека, не признавая

его главенство, и тогда он схватил Шанти поперек туловища, оторвал от себя и так метнул ее через всю улицу, что она, пролетев метров пятнадцать, завершив красивую дугу, плюхнулась в мусорный бачок возле какого-то трактира. Вдобавок ко всему вышедшая из трактира служанка выплеснула в бак ведро помоев, и страдальца в кошачьем обличье вмиг оказалась покрыта слоем жирной воды, в которой мыли тарелки, и кусочками объедков.

Андрей усмехнулся и прибавил шаг, постаравшись убежать подальше от места предполагаемого выплеска гнева разъяренного дракончика. И тот не заставил себя ждать: дикий кошачий вопль, наверное, слышали у городских ворот, а выскочившая из бачка фурия с горящими глазами, торчащими усами и оскаленными белыми зубами напоминала настоящего демона, отчего служанка чуть не упала в обморок и долго материлась на это кошачье отродье, размножившееся так, что людям житья нет никакого. Потом этот демон кошачьего рода припустил по улице за одиноким, быстро шагающим путником, задрав хвост и шипя так, будто это была не милая кошечка, а клубок ядовитых змей. Впрочем, ядовитые змеи в этот момент не сравнились бы по злобе и ярости с «милой кошечкой» – столько ругани Андрей не слышал очень давно и потому рассердился еще пуще, заявив, что, если ее поганая пасть не закроется, она никогда больше не будет восседать на его плече как важная персона, а будет или тащиться за ним следом, сбивая свои нежные лапы, или же поедет в мешке, как крыса. И если она и в дальнейшем хочет, чтобы он имел с ней дело, то пусть учится вести себя пристойно, не царапать его, не кусать, не обзывать... и вообще, перечень того, что ей делать нельзя, он озвучит позже. Потому что перечисление всего займет слишком много времени, а им надо устроиться в гостиницу, а прежде – пообедать. Кроме того, он не пустит на свое чистое плечо какую-то помойную кошку, от которой воняет, как из мусорного бачка.

Шанти еще немного поругалась – больше для виду, чтобы показать свою независимость, а потом побрела за своим спутником, уныло повесив голову.

В действительности-то ее шерсть не пострадала по одной простой причине – шерсти этой на самом деле не было. Ее облик кошки был лишь иллюзией, под которой находилось тело маленького дракона, но вот этому маленькому дракону досталась порция помоев, и теперь он и вправду сильно отдавал отбросами. И идти ей было трудно – за сотню лет сидения в норе не больно-то научишься ходить как следует. Тем более что для дракона хождение само по себе унизительно: стихия дракона – небо! Так

что хоть человек и отвратителен, но Шанти принимает его условия – это она так заявила после тирады Андрея. На что он ей повторил, что озвучит список ее прегрешений и условий будущего сотрудничества позже, в удобное для него время. А пока пусть эта крысодраконица не болтает как заведенная, а шагает за ним след в след, и поближе, иначе на нее наступит какая-нибудь лошадь.

Шанти немедленно приблизилась настолько, что Андрей стал опасаться, что она оттопчет ему пятки или он врежет пяткой ей по морде. Брать ее на плечо он и вправду не хотел – от драконицы шел просто невероятный по своей гадостности запах. Пахло дерьмом и дохлой кошкой одновременно. Ему подумалось, что в трактир, из которого выносят такие пахучие нечистоты, ходить не стоит – чем они кормят постояльцев, если объедки так воняют?

Заметив вывеску с нарисованной на ней постелью и сладко спящим мужчиной, Андрей свернул к этому дому, небезосновательно полагая, что здесь находится гостиница не слишком высокого пошиба.

Так-то денег у него хватало – золотишко оттягивало пояс, и довольно внушительно, но устраиваться в дорогих гостиницах, не зная, сколько времени уйдет на поиски друга, было бы расточительно и потому неправильно. А еще неправильнее было бы засветиться.

Он знал еще по Земле, что все крупные элитные гостиницы обязательно стучат о подозрительных постояльцах в компетентные органы, и не сомневался, что здесь происходит то же самое. Человеку, находящемуся в бегах, излишняя известность как нож острый. Поэтому он сразу отправился из центра города в район попроще, где надеялся найти гостиницу без изысков.

Толкнув дверь, он оказался в помещении, вызвавшем ностальгические воспоминания: в подобном трактире он работал долгие месяцы своей жизни в этом мире – вначале разнорабочим, а потом вышибалой, вместо убитого гвардейцами исчадий парня. Похоже, все заведения подобного типа строились по одному проекту – лестница наверх напротив входной двери, стойка, за которой трактирщик, такой же как и во всех мирах, меланхолично протирает кружки и стаканы, зал, уставленный столами, способными сопротивляться не только напору пьяных возчиков, схватившихся в ритуальной вечерней драке, но и приземлению летающей тарелки – дубовые столы были монументальными. Андрей не удивился бы, если бы те были наглухо привинчены к полу, чтобы не служить таранами пьяным гостям. Массивные стулья имели следы перелетов из одного конца комнаты в другой, но стоически держали форму благодаря умелому

столяру, изготовившему их много-много лет назад. Возраст мебели подчеркивали многочисленные следы попоек в виде несмываемых винных пятен, царапин от ножей и вмятин от своих собратьев, летящих снарядами по воздуху.

«Веселое заведение!» – подумал Андрей и шагнул к стойке с вялым трактирщиком. В воздухе пахло мясом и приправами, так что его живот отреагировал на запахи бурным урчанием, а рот – обильным слюноотделением.

– Что хотел? – скучно спросил трактирщик, не переставая манипулировать с кружками. Со стороны это напоминало то, как если бы буддист меланхолично вращал молитвенный барабан вокруг оси и бубнил про себя: «Ом мани падме хум! Ом мани падме хум!»

– А чего обычно хотят в трактирах и гостиницах? – усмехнулся Андрей. – Поесть, снять комнату, отдохнуть. Или у вас ничего этого получить нельзя? Тогда я пойду в соседнюю!

– Конечно, конечно, можно! – послышался женский голос, и из кухни вышла высокая привлекательная женщина лет тридцати – тридцати пяти. – Урквар, болван, не видишь, человек хочет поесть и снять комнату?! Ты чего их натираешь? Займись делом наконец! Видишь, с каким людьми мне приходится работать? Двоюродный брат – и выгнать жалко, а работает как во сне! Спит на ходу! Ой, какая кошечка! – Женщина широко улыбнулась и потянулась к отпрянувшей Шанти. – Ну-ну, Олра тебя не укусит!

«Кто кого еще укусит!» – буркнула Шанти.

– Помыться только тебе надо – такая милая кошечка и так воняешь! Ну так что ты хотел снять, уважаемый? Комнатку подешевле? Или что-то более приличное?

– Хм... что-то среднее. Мойня тут у вас есть? Хорошо, мне бы не помешало сполоснуться, как и моей спутнице. Давайте нам комнату, мы бросим вещи, сходим в мойню, а вы пока что приготовите нам обед. Побольше мяса, и лучше с кровью. Молока, сладкого чего-нибудь – пирогов, например, и-и-и... пива. Светлого, холодного. Кстати, у вас как тут, спокойно? Не сильно буйный народ?

– Когда как, – словно извиняясь, улыбнулась хозяйка гостиницы, – сами знаете, как подопьют – все бывает. Но обычно быстро утихомириваем, Никат хорошо справляется. – Она кивнула головой на сидящего в углу массивного мужчину со сломанным носом и прижатыми к голому черепу сплюснутыми ушами, по виду бывшего борца или кулачного бойца. – Сейчас Урквар отведет тебя в комнату, выдаст ключ от двери, и можешь воспользоваться мойней – она у нас бесплатная. Извини, не в обиду, деньги

за комнату и обед мы берем вперед – времена смутные, пойми правильно. – Женщина смущенно улыбнулась. – Комнату на сколько времени будешь снимать?

– Пока на сутки, потом продлю.

– Хорошо. Пять серебряников за ночь. И за обед три серебряника. Извини, все-таки столица – все дорого. Ты же откуда-то с севера? Там у вас подешевле. Нам везут дичину уже с двойной накруткой...

Андрей расплатился, достав заранее приготовленные деньги из кармана куртки – не лазить же в пояс на глазах у всех, – и пошел следом за трактирщиком вверх по лестнице.

Комната ничего интересного собой не представляла. Двухспальная кровать, столик, тумбочка – будто попал в провинциальную гостиницу. Не хватало только торшера и старого неработающего телефона. Туалета и душа, конечно, тоже не было.

Оставив рюкзаки, Андрей достал из одного смену белья, мыло, полотенце и отправился вниз в поисках купальни. Шанти со страдальческой миной побежала за ним, всем своим видом изображая непереносимые муки, которым подверг ее жестокосердный человечиска. Она нарочито хромала, а когда Олра жалостливо заметила что-то о больной кошечке, так сильно страдающей, стала хромать ее больше, напоминая моряка дальнего плавания, только что ступившего на твердую землю, шатающегося и пытающегося найти равновесие.

Андрей иронически отнесся к ее попыткам вызвать жалость окружающих и пристыдить бесстыжего человека и, входя в мойню, заметил, что лучше бы смотрелось, если бы она пустила пену и поползла на одних передних лапах – это вообще произвело бы фурор. Шанти зашипела и, обнаружив, что их уже никто не видит, пошла как следует, подпрыгивая волейбольным мячом от переполняющих ее недобрых чувств.

В мойне стояли большие деревянные корыта и маленькие тазы. Андрей тщательно вымыл одно корыто, наполнил его и едва успел поймать в воздухе вонючее существо, которое с мстительной радостью намеревалось плюхнуться в воду, приготовленную для человека.

– А вот фигурки! Это корыто не для вонючек! – Андрей погрозил пальцем дракончику. – Идем-ка сюда. Вот, вот, в кадочку ныряй... Моем, моем трубочиста чисто, чисто, чисто, чисто, будет, будет трубочист чист, чист, чист... Ну вот, теперь ты похожа на праведного дракона, а не на кусок старой ветоши из помойки. Теперь моя очередь помыться... если сумею отмыться после тебя. Все, не мешай!

Андрей с наслаждением погрузился в корыто, оставив на поверхности

лишь лицо, и замер, наслаждаясь теплом и покоем. Он отбросил все мысли, сосредоточившись лишь на ощущениях здорового тела, требующего пищи и отдыха. Ноги слегка гудели, отходя от пешего перехода, – драконица не стала подвозить их слишком близко к городу, чтобы никто не заметил ее прибытия, так что им пришлось несколько километров тащиться пешком. Вернее, не им – ему, потому что Шанти путешествовала на его плече.

От мыслей его отвлек чей-то мокрый зад, который, плюхнувшись ему на лицо, погрузил его в горячую воду. Андрей вынырнул, очумело кашляя, и успел заметить, как за дверями мойни скрывается черный хвост террористки, громогласно хохочущей и обещающей ему дальнейшие кары за неуважительное поведение.

Андрей улыбнулся, покачал головой и принялся намыливать мочалку – некогда разлеживаться. Есть хотелось неимоверно. Он всегда подозревал, что есть верный и, наверное, единственный способ убить оборотня – ну кроме сожжения: запереть его в каменном мешке и не давать есть несколько дней. Смерть гарантирована. Его тело с ускоренным обменом веществ съест само себя.

Через двадцать минут он уже сидел за столом и поглощал горячее мясо с кровью. Раньше он такое не ел, предпочитая хорошо прожаренные бифштексы, но с обретением способностей оборотня приобрел и некоторые привычки, присущие Зверю, – например, иногда ему очень хотелось поест свежей убоины, еще исходящей паром на прохладном воздухе, и попить крови...

Шанти сидела рядом и глотала кусочки говяжьей печени, стараясь делать это пристойно и аккуратно – после обещания Андрея, что он скинет ее со стола и дракончик пойдет есть со всеми кухонными кошками, возле помойного ведра. Посмотрев на это скопище ободранных, покрытых шрамами и блохами кошанов, Шанти согласилась, что хорошие манеры пристали добропорядочному дракону, и теперь являла собой пример воспитанности и хороших манер.

Андрей за считанные минуты, хоть и сдерживал себя, смел все, что было подано на стол, заказал еще пару пирогов с олениной и в ожидании заказа, принятого подавальщицей в чистеньком, застиранном сарафане, налил себе холодного пива. Отдуваясь, попивал его, чувствуя, как шипучая жидкость заливает жажду от съеденного мяса.

Он попросил положить в мясо поменьше специй – с некоторых пор его чувствительный нос перестал воспринимать специи и различные приправы как необходимые принадлежности любого вкусного блюда. То, что раньше он чувствовал как приятный аромат, теперь его чувствительный нос

ощущал как жуткую, ураганную вонь. Приходилось и самому мыться почаще – нюхать себя, грязного, целыми днями было просто невыносимо.

Некоторые способности Зверя ранее проявлялись, только когда он перекидывался в него из человека, в последние же дни они почему-то стали проявляться явно и ярко – например, он великолепно видел в темноте, а кроме того, мог постоянно видеть ауры людей, зверей и предметов. Да, у предметов тоже были свои ауры – слабые, но были. Что эти ауры означали, Андрей пока не мог понять – если ауры живых существ указывали на состояние их здоровья, то что значила оранжевая аура вон того стула? Или же смесь аур вон той табуретки?

Поразмышляв над этим фактом, он пришел к неожиданному выводу: это остатки аур людей, которые касались этих предметов. То есть, сделал он вывод, ауры могут оставаться на предметах, как отпечатки пальцев или же запах. Кстати, и запах он тоже ощущал, и после того, как ощущал какой-то из запахов вкупе с видом остатка ауры, в его мозгу возникал образ этого человека – схематичный, неполный, но образ. Например, вон там несколько часов назад сидел толстый человек с басистым голосом и большими руками, ростом выше Андрея – настоящий великан. А с ним рядом была молодая девушка – ноздри Андрея раздулись, вдыхая ее мускусный запах... Проститутка – сделал он вывод. Дешевые вонючие духи, запах нескольких мужчин, смешивающийся с ее запахом... Монах поморщился: запах порока был настолько очевиден, что воротило с души.

Нет, он был не против этой древнейшей профессии – глупо бороться с тем, что существует тысячелетиями. Однако и умиляться этому явлению не собирался. Его не трогали рассказы о том, как несчастные девушки попадают в сети сутенеров и начинают свою ужасную деятельность, страдая и плача. Он знал многих проституток и услугами многих из них пользовался – от самых дешевых, тысячерублевых, до самых дорогих, элитных, подрабатывающих своей ухоженной вагиной в свободное от показов модных платьев и фотографирования в нижнем белье время. Так вот, многим из них нравилась их работа. Нравилась жизнь, которую они вели. А о том, что когда-то это закончится, и закончится, возможно, дурно, – об этом они не думали. Ну что же, каждый выбирает свою дорогу в жизни, или, скорее, дорога выбирает его. Они закончат дурной болезнью или ножом пьяного клиента, а киллер – стрелой... или пулей в лоб. У всякой профессии свои издержки. Вот у него – какая сейчас профессия? Монах? Киллер? Охотник за нечистью? Скорее все, вместе взятое. Вот только методы, которыми он попытался искоренить Зло, оказались совсем негодными, и вместо того, чтобы уменьшать количество Зла в мире, он

лишь увеличивал его, и делал это вполне успешно.

Ему показалось, что кто-то далеко-далеко рассмеялся глумливым, издевательским хохотом, и Андрей тряхнул головой, отгоняя дурные мысли.

– Что, голова болит? – раздался голос рядом.

Андрей поднял глаза и увидел, что подле его стола стоит хозяйка гостиницы, держа в руках миску с горячими пирогами. Она улыбнулась и, поставив миску на стол, спросила:

– Можно, я присяду за твой стол? Не будешь против? Не помешаю?

Андрей равнодушно пожал плечами:

– Присаживайся. Не мешаешь.

Женщина присела на стул, а монах взял из миски кусок пирога, разломил пополам и, откусив от него, посмотрел на женщину. Он еще раньше отметил, что молодуха приятна лицом и фигурой – гладко зачесанные волосы заплетены в косу, сарафан, украшенный вышивкой, округлые бедра, обтянутые тесноватым подолом, и красивые руки с небольшими перстеньками. Обручального кольца не было – женщина незамужняя, сразу понял он. И еще он учуял возбуждение, самка хотела самца – нюх Зверя уловил это сразу, как только та оказалась возле столика. Аура женщины была здоровой, и только в одном месте полыхал небольшой красный язычок – что-то с рукой. Андрей взглянул на левую руку – она была перевязана белой чистой тряпицей.

– Порезалась сдуру! Точильщик так наточил ножи, что как булатная сабля режут, а я сдуру и цапнула за лезвие. Вот теперь хожу как после битвы. Ты, наверное, удивлен, чего это к тебе баба прилезла, да? – проникательно глядя в глаза, спросила женщина.

Андрей услышал в голове голос Шанти: «Она тебя хочет заманить на совокупление, это понятно даже бродячим кошкам! Я чувствую, как она возбуждена».

– Я увидела интересного мужчину, решила с ним поговорить. Тут так скучно – одни пьяные рожи да вот этот сонный телок. – Олра кивнула на своего кузена. – А я люблю слушать о путешествиях, о том, что делается в других городах и землях, что вообще на свете делается. Особенно когда мне рассказывает такой симпатичный мужчина.

Она игриво подмигнула, а Андрей с усмешкой подумал: «Внаглую снимает меня! Я снимал женщин, но чтобы меня... А графиня Баданская, забыл? Да что же это за поветрие такое пошло – бабы начали вешаться мне на шею! Раньше я такого не замечал... новая способность Зверя? Вероятно. Я где-то читал, что оборотни всегда были в чести у женщин, те как будто

бы клюют на звериное начало в мужчине, хотят brutального, сильного самца. Как-то определяют такового в человеке и подсознательно желают с ним размножаться, рожать от него такое же brutальное и сильное потомство. Впрочем, это лишь мои умозаключения...»

– Да что там, в других городах? – пожал плечами Андрей. – Такие же люди, такие же трактиры – один в один. Ты думаешь, если они живут за тысячу верст отсюда, то перестают лгать, воровать, любить и ненавидеть? Все то же самое. Все, как тогда, когда... – Он чуть не сказал «когда их создал Бог». До сих пор он не мог избавиться от многолетних привычек.

Здесь упоминание Бога было равносильно смертной казни. Тут же кто-нибудь бы донес, и участь боголюбца – оказаться на смертельной арене Круга или умереть на жертвенном алтаре во время кровавого жертвоприношения исчадий.

– Нет, люди те же, – улыбнулась Олра, – но мне же как-то надо было начать разговор, правда? Вам, мужчинам, легче – подошел к понравившейся женщине и давай расписывать ей прелести общения с таким красивым и умелым во всех отношениях парнем. А нам, женщинам, что делать? Тебе не кажется, что общество просто душат условности?

Андрей чуть не поперхнулся: встретить феминистку в параллельном мире, в средневековом обществе – это нечто дикий!

– Я тебя смутила своими странными высказываниями, да? – Женщина улыбнулась и розовым язычком облизнула верхнюю губу. – Ну вот такая я, какая есть. А ты какой есть, путник? Да, что касается «есть» – это ты на высоте, да! Давно не видала, чтобы кто-то так красиво и много ел. Ты как будто неделю голодал, хотя по тебе и не видно. Одежда новая, как из лавки, кошечка сытая и ухоженная, вряд ли ты нищенствуешь. Пояс хорошо набит, и в нем позванивают монеты – я запах денег чую издали. Но одет скромно, чтобы не бросаться в глаза. На исчадие не похож, скорее на... хм... В общем, странная ты личность, мой уважаемый гость. Что тебя привело в этот поганый город, средоточие порока и зла? Сидел бы себе в глухой чащобе, общался со зверюшками и птичками, зачем ты пришел в этот каменный лес?

– Слушай, ты стихи не пишешь? Песни? – усмехнулся Андрей. – У тебя бы получилось.

– Ты думаешь? – Лицо Олры озарилось внутренним светом. – А ведь мне иногда хотелось попробовать себя в сложении песен. Я пою, и неплохо. Но под настроение, когда выпью и станет тоскливо...

– Можно спросить?.. – начал Андрей, и женщина сразу его перебила:

– Где мой муж, где мои дети, да?

Ее лицо как-то увяло, и Андрей пожалел о своем любопытстве. Ведь именно это он и хотел спросить. Странно, что у такой красивой и уверенной в себе женщины нет мужа и детей, это в ее-то возрасте, что для патриархального средневекового общества категорически невозможно.

– А нет у меня ни мужа, ни детей. Не могу я иметь детей. Вот и мужа нет. А гостиница досталась от отца, он умер три года назад. С тех пор я одна веду дела. Мать умерла давно – нашли в переулке с ножевой раной в спине. За двадцать серебряников убили. Это же столица... – Ее лицо стало совсем грустным. – Сбежала бы отсюда, да ведь все деньги тут. Где заработаешь больше? И сижу здесь, и буду сидеть, и помру здесь... а вон тот хряк или его дети унаследуют трактир. Мне-то больше оставить некому. Почему я тебе рассказываю? А почему и нет? Ты симпатичный мужчина, сегодня здесь, а завтра ушел – и нет тебя. И забыл про меня. И я про тебя. Я душу излила, мне стало легче. А ты посидел в компании с красивой женщиной, которая обратила на тебя внимание, разве не приятно? – Глаза женщины смеялись, и Андрей тоже улыбнулся.

«Очень умна, – решил он. – И похоже, что на ней лежит проклятие, как на многих умных женщинах: где найти такого же умного, как она, чтобы жена не подавляла своим интеллектом, чтобы он не чувствовал себя ущербным, придавленным ее умом? То-то же... Без проблем выходят замуж дурочки или маскирующиеся под дурочек – они хихикают, жеманничают, при первом удобном случае затаскивают жениха в постель, залетают... хм... а вот тут как раз и проблема. Детей иметь не может – значит, пустая, бесполезная, по понятиям Средневековья... Вот только все равно кто-то был бы рядом с ней – гостиница, трактир, обеспеченная женщина. Опять же – красивая и, похоже, очень сексуальная. Вон как многозначительно губы облизывает...»

– Думаешь, почему со мной рядом мужика нет? – усмехнулась Олра, как будто прочитав его мысли. – Не удивляйся, вы, мужики, для меня прозрачны, как стеклышки. У тебя все на лбу написано. И не три лоб, бесполезно! Эти слова татуировкой на нем впечатаны, – рассмеялась она, когда Андрей в шутку стал тереть лоб.

Ему нравилась эта женщина, такая непохожая на остальных женщин этого мира. Скорее она походила на мужчину – своим умом, смелостью в высказываниях и неординарностью мышления.

– Ну скажи, зачем мне вот такой муж, а? – Она указала на сонного бармена. – Или вот такие? – Она незаметно кивнула на компанию из четырех краснолицых купцов, осоловело хлебающих из глиняных стаканов красное вино и спорящих о том, кто в эту поездку больше заработал и

какую девку купит. – О чем мне с ними говорить? И притом, они все норовят посвататься за гостиницу, а не за меня, понимаешь? Ну на кой черт он мне нужен, такой муж? Деньги у меня и так есть, а мужика на ночь я всегда найду. Ведь все-таки я красивая, согласись? – Она заложила руки за голову и глубоко вдохнула, отчего ее высокая грудь поднялась и едва не разорвала лиф сарафана.

Один из купцов промышал что-то, и все четверо стали жадно присматриваться к столику, за которым сидели Андрей и Олра. Самый пьяный, глупо улыбаясь, приподнялся со стула с явным намерением подойти к парочке, но натолкнулся на холодный взгляд Андрея. И было в этом взгляде что-то такое страшное, смертельное, что купец побледнел и плюхнулся на место, с испугом отвернувшись и начав делано смеяться какой-то шутке своего приятеля.

– Хм... а ты сильный человек... – удивленно протянула Олра. – Тебя можно испугаться, да... вроде и невидный, неприметный, но такой... жесткий, как вот этот кинжал, что у тебя на поясе...

«Все успела заметить, Шерлок Холмс в юбке, – уважительно подумал Андрей. – Ну и ну...»

– ...и такой же опасный, как стальной клинок. Ну так что же привело тебя в столицу? Я уже тебе все мои тайны рассказала, чуть не до описания моего месячного цикла, а ты молчишь и молчишь! Может, ты вообще не умеешь говорить, а?

– Ну ты же сказала, что тебе надо, чтобы выслушали, и только. Нет? – с усмешкой спросил Андрей. – Тогда, может, стоило усадить перед собой кухонную кошку и наговорить ей всего? Зачем это рассказывать первому встречному?

– Кошке неинтересно – пробовала! – хихикнула Олра. – Притом она долго не сидит, сбегает. А ты не сбежишь – за комнату-то уплатил! Вот и слушай теперь в довесок к услугам мою дурацкую исповедь. Кстати, а у тебя есть жена? Ведь нет же? Оставайся у меня. Будем вместе гостиницей управлять. Поставлю тебя управляющим, а там, может, и поженимся, а?

– Вон ты как жестко завернула! – от души рассмеялся Андрей. – Ты же даже не знаешь, как меня зовут. И тут же – поженимся!

– А чего, первый раз, что ли, иметь дело с мужиком, имя которого узнаешь... потом? – тоже расхохоталась Олра, вытирая выступившие слезы. – Но вообще-то ты крепкий – обычно в этом месте мужики или сбегали, или требовали сразу вести их в магистратуру для регистрации брака. И тут же оформить завещание – на него, конечно. Вдруг меня черный понос прошибет?! Забо-о-отливые...

– Андрей меня звать, – решил монах. – А в столицу пришел – друзей я тут одних ищу. Федора и Алену. Вот не знаю, где искать, каким образом. Может, ты что-то посоветуешь? Откуда начать искать?

– Они на чем приехали? Или пешком пришли? Город-то большой, найти не так просто. Надо знать, куда, в какой район они могли пойти. Чем он занимается, твой Федор? Купец, возчик, портной или кожемяка? Понимаешь? Вот чем он занимается или занимался – среди своих, скорее всего, и пойдет искать приют.

– Охранник купеческих караванов, бывший. Потом стражник. А отец его купцом был. Где здесь у вас купеческий квартал? Где они обитают? А может, они в гостинице живут?

– Это вряд ли, – уверенно мотнула головой Олра. – Скорее всего, сняли жилье или, если деньги есть, купили. Но искать надо точно в купеческом квартале. Где же еще он будет чувствовать себя в своей тарелке? Не в квартале проституток же, в самом деле? Хотя охранник... шучу, шучу! Не хмурься! Вижу, что за друга порвать готов. И-и-эх... женись на мне, а? Не женишься? Почему-то я так и думала. Ну ладно. Тебе еще чего-нибудь подать? Может, вина? Или кошечке – молока? Вон как она притомилась, бедная! Ну спи, спи, красотка... не буду тебя гладить, нет. Не беспокойся. У меня была кошка – Фортуной звали. Она всех так драла, только клочки летели! В мою комнату и заходить боялись – она по шкафам бегала и когтистой лапой, как рыбок, всех гостей выуживала. А то еще любила: спрячется за шкаф, как выскочит – и вцепляется в ногу. Тип один ко мне забрался – то ли обворовать хотел, то ли посмотреть, как живут трактирщицы... говорил, хотел просто спросить... Чего спросить? Зачем спросить?.. В общем, она его так изодрала, что пришлось лекаря вызывать. В ключья просто порвала. Сдается, и твоя красавица из той породы. Ну все, не беспокою – раз ты ничего больше заказать не хочешь и жениться на мне тоже не хочешь, сиди отдыхай. Уже вечер, скоро музыкант придет, песни петь начнет. Потом народ соберется – там уже совсем весело будет, особенно когда еще музыканты подтянутся.

Женщина улыбнулась Андрею, встала, вздохнув, и решительно зашагала к кухне. Вскоре оттуда послышался ее недовольный голос – она отчитывала кухарку за какую-то провинность, а Андрей отхлебнул слегка потеплевшего пива и подмигнул своей боевой подруге.

– Ну что, когтистая, может, мне и правда остаться тут, заделаться важным трактирщиком, растолстеть и в конце концов умереть от ожирения?

– Это тебе не грозит, – фыркнула Шанти, поднимая голову и следя за

людьми, проходящими по залу. – Когда-нибудь я тебе голову откушу, как только ты меня сильно рассердишь. Ты уснешь, я подкрадусь и отгрызу.

– Тогда спать будешь на улице, – невозмутимо парировал Андрей. – Я не могу подвергать свою жизнь опасности, засыпая рядом с таким злобным и коварным существом. На коврик пойдешь, к блохастым! Нахватаешься блох, наступит на тебя кто-нибудь, вот тогда и узнаешь прелести жизни кошачьей.

– К сведению: блохи на драконах не живут, – недовольно ответила Шанти. – И вообще, я пошутила. Ты абсолютно лишен чувства юмора! Ничего я тебе не собираюсь отгрызать. Если только так, для профилактики, слегка... чтобы не забывался.

– Во-во, о чем я и говорю. На коврик пойдешь! Печенки еще заказать тебе?

– Ох нет... облопалась, спать тянет. Я же кормлю ту часть тела, что находится в этом мире, а она маленькая, ей мало надо еды. Та часть, что в подпространстве, есть не просит. Ты говоришь, откуда я знаю про мир, если просидела в пещере сто лет. Почему я не сошла с ума... да сошла бы, если б не мама. Она передавала мне в картинках все, что видела и чувствовала сама... ну... кроме интимных подробностей, конечно. Так что я знаю все, что знает она. Ну почти все.

– Понятно. Значит, ты высокообразованная и разносторонняя личность?

– А ты сомневался? Кстати, а что ты думаешь делать с этой женщиной? Я ведь почувствовала идущее от тебя сексуальное влечение. Сразу заявляю: я спать за дверью комнаты не согласна! Хочешь с ней совокупляться – иди в ее комнату.

– Вообще-то я и не думал об этом, с чего ты взяла?

– Знаешь что, дорогой мой человек, это ты от себя можешь скрыть желания и мысли, а я, когда ты со мной разговариваешь, чувствую то, что ты чувствуешь. Впрочем, и то, что чувствуют остальные существа вокруг, тоже. Как у вас называется это умение?

– Эмпатия. Хм... интересно. И что эта женщина чувствовала ко мне?

– Желание. Она хочет тебя, аж трясется.

– Да перестань! Я же только что пришел, как она может так в меня втюриться с первого взгляда? И я не красавчик...

– Хм... я не очень-то разбираюсь в людской красоте, но в сравнении с остальными мужчинами, что тут находятся, ты просто идеал красоты. Вероятно, ты не разбираешься в этом деле. Она правильно сказала: от тебя веет опасностью. Даже я тебя побаиваюсь. А мама тебя как зауважала! Она

вообще мало кого уважает – для нее большинство существ сравнимы с насекомыми. А с тобой она как с равным разговаривает. Я удивлена.

– Кстати, а что у нее за история, связанная с Драконьей горой? Чего она так переживает?

– Это наше драконье дело. Не знаю, могу ли я посвятить в него тебя. Давай-ка оставим эту тему, хорошо? Есть такие вещи, о которых лучше не спрашивать. Я вот не лезу в твоё прошлое? Ага, вот видишь! Чувствую, как ты сразу ошетинился, насторожился. Не хочешь, чтобы я лезла. Захочешь – сам расскажешь. Закажи-ка мне молока, хорошо? Что-то захотелось глотку промочить. Мне его не приходилось пить, когда я сидела в своей пещере. Если бы ты знал, как это страшно и плохо – годами сидеть в этой норе и знать, что нет выхода, что так будет вечно, что ничего не изменится...

Андрей подозвал подавальщицу и попросил принести миску и кружку молока. Девушка с улыбкой приняла заказ, глядя на сидящую торчком кошку, и через пару минут Андрей уже наливал густое, пахнущее деревней молоко в неглубокую миску. Вот что хорошо было в этом мире – никаких тебе генно-модифицированных продуктов, никакого порошкового молока, все натуральное, все настоящее, а не на сое и химикатах.

Тем временем жизнь трактира входила в свою обычную колею – народ собирался, заказывал выпивку и закуску, в зале висел чад светильников, гул толпы. Послышались резкие звуки настраиваемых струн, и Андрей увидел темноволосого мужчину, на коленях которого лежал инструмент, напоминающий то ли мандолину, то ли гитару. Он минут пять сосредоточенно настраивал инструмент, а потом запел неожиданно чистым, вибрирующим голосом под сопровождение несложных аккордов. Песня была о любви, о верности, об уходящих годах. Зал притих, а когда песня закончилась, взорвался стуком кружек о столы – так посетители выражали свое удовольствие. Музыкант с достоинством кивнул и запел что-то новое, берущее за душу.

Андрей с удовольствием слушал певца. Так-то он не был таким уж любителем пения бардов, но хорошую музыку и хорошие стихи видно издалека. Олре повезло, что у нее в трактире выступает такой профессионал. Это точно увеличивает посещаемость заведения.

Кстати сказать, рулила своим заведением она очень даже виртуозно – трактир работал как отлаженная машина, без сбоев и остановок. Подавальщиц стало уже трое, они бегали между столами, обеспечивая гостей всем необходимым, кухарки быстро выдавали нужное блюдо, до того как гости начинали кричать, требуя скорейшей доставки заказанного. Олра стояла возле стойки, зорко следя за происходящим и время от

времени отдавая команды, как капитан корабля с мостика, ведущий свое судно между опасных скал.

Какой-то из гостей решил оказать ей знаки внимания, она выслушала его с улыбкой и отрицательно мотнула головой, он все равно настаивал, и Андрей уже напрягся, готовый прийти на помощь, когда из угла поднялся вышибала. Встав между хозяйкой и подвыпившим гулякой, он всей своей громадной тушей оттеснил его в сторону и усадил на место, примиряюще улыбаясь. Улыбка человека с редкими зубами, шрамом через губу и сплюснутыми от ударов ушами была настолько страшной и многообещающей, что гость сразу утихомирился и замолчал, сделав вид, что не так уж было и надо. Не хочет она сидеть за его столиком – ну и ладно.

Андрей улыбнулся – в громадных габаритах и страшной физиономии есть свои преимущества. Ему в бытность вышибалой приходилось больше уповать на четкие, взвешенные фразы, взывать к логике, а когда не доходило – просто вырубать клиента. Впрочем, вскоре все завсегдаи знали, что с Андреем лучше не связываться, себе дороже. Хорошо, если только вырубит, а не покалечит. Но он старался не калечить, хотя и мог любого нарушителя порядка убить или изувечить в мгновение ока. Зачем калечить? Это же клиент, за счет которого живет заведение, даже если он сейчас и немного не в себе. Ему завтра снова приходиться и оставлять в трактире свои денежки.

Шанти, вылакав целую миску молока, свернулась клубочком и засопела. Выглядела она настолько по-домашнему, настолько уютно, что Андрею захотелось оказаться где-нибудь подальше от этого шумного сборища. И чтобы горел камин, потрескивая дровами, а на плече лежала голова красивой женщины с припухшими от поцелуев губами... Он увидел лицо этой женщины, и оно оказалось лицом Олры.

Андрей тряхнул головой, отгоняя грешные мысли, и сосредоточился на музыке. Но, увы, в последний раз тренькнув тонкой струной, музыкант поклонился, обошел гостей с шапкой в руках и ушел в угол зала, где ему накрыли скромный стол. Мужчина пересчитал деньги из шапки, кривовато усмехнулся – мол, ну бывало и хуже! – и приступил к ужину. Ел он жадно, возможно, что перед этим у него целый день крошки во рту не было. «Что же, – подумал Андрей, – это вам не Земля, где придурковатые «певцы» получают бешеные гонорары за свои бездарные творения. Если их перенести сюда – с голоду бы сдохли. Их после первой же песни с позором бы выкинули из трактира».

– Эй, ты чего тут расселся один, как король?! И еще свою кошатину на

стол выпер!

Андрей очнулся от своих размышлений и увидел перед собой того самого гостя, что приставал к Олре. Тот находился в тяжелой степени опьянения, когда на ногах еще стоят, но мозг уже не соображает, что делает тело. Андрей досадливо поморщился – ему ни к чему скандалы, драки, а этот тип только и напрашивался на разборки. Видимо, выбрал самого тихого и безобидного ботана среди посетителей и решил самоутвердиться, так сказать, взять реванш, после того как его унизил вышибала.

– Мы скоро уходим, – спокойно сказал Андрей. – И если ты вернешься на свое место, то не будет никаких неприятностей. После того как мы уйдем, ты займешь мое место. Договорились? Я тебя предупрежу, когда буду уходить.

Увы, на красном лице мужчины было написано лишь желание поставить на место этого тощего придурка с его дурацкой кошкой: «При чем тут место? Знай свое место, болван провинциальный!»

Андрей пожал плечами, встал, собираясь уходить, и краснолицый радостно засмеялся, довольный одержанной победой. Не успел Андрей взять в руки дремлющую Шанти, как мужчина сбросил ее со стола движением руки, и та ощутимо плюхнулась на пол, проснувшись и яростно зашипев.

Вот есть люди, которым все мало. И люди, которые хотят, чтобы их убили. А чего же еще хочет тот, кто оскорбляет незнакомого ему человека, поливает его отборными ругательствами? Он что, считает, что так ему и сойдет с рук, и он так и пойдет по жизни, топча людей, измываясь над теми, кто слабее и беднее его? Кстати сказать, как ни странно, такие люди иногда забирались и на самые высокие ступени социальной лестницы. Ну как тот придурочный миллиардер, который заявил, что те, у кого нет миллиарда долларов, идут в ж... Видимо, не нашлось человека, который бы его остановил. Навсегда.

Иногда Андрей задумывался: а может, его искуплением был бы отстрел вот таких негодяев? Ну зачем им жить, когда умирают, гибнут замечательные люди, которым этот подонок и в подметки не годится? А он живет и процветает... Несправедливо ведь на самом-то деле?

Короткий удар в печень многие даже не успели заметить. Краснолицый побледнел и рухнул как подкошенный. Его парализовало от боли, и мужчина потерял сознание, застыв на полу. Никаких сложных приемов, телодвижений – короткий удар в правый бок, даже ребро не сломалось. Точная работа.

Шанти запрыгнула на столик, подошел вышибала. Он внимательно

посмотрел на Андрея, на лежащего на полу дебошира и, покачав головой, укоризненно сказал неожиданно приятным и мелодичным голосом:

– Ну я же сказал ему: не нарывайся! Все-таки нарвался. Он тебе не помешал? Извини, я не успел – в углу там утихомиривал троих придурков. Пока до тебя дошел – уже поздно. Но ловко ты его уложил. Ты в боях за деньги не участвовал?

– Было дело... – усмехнулся монах. – Давно.

– Ага. Я сразу вижу бойца. У тебя взгляд такой... как у призового бойца. Взглянул – и как будто уже знаешь, как положить противника. Ладно. Ты его не убил? Что-то он лежит как мертвый... – Вышибала наклонился к дебоширу и пощупал пульс на шее.

Андрей присмотрелся к ауре забияки – печень была цела, только сильно ушиблена. Будет держаться за бок неделю. Ребра целы. Так что ничего страшного.

– Нет. Печень ему отбил, но не сильно. Будет жить.

– Ага, вижу. Да, после удара по печени особенно не разгуляешься. Я как-то пропустил такой удар – ой-ей как больно, выдохнуть можешь, а вдохнуть нет. Щас я его вытащу отсюда, а ты не беспокойся – сиди отдыхай. Вон хозяйка тебе машет... видать, приглянулся ты ей. Ты ее не обижай, она женщина замечательная, только с мужиками ей не везет. А ты ей чем-то приглянулся, я видел, как она с тобой разговаривала. Смотри, обидишь – я сам тебя обижу, имей в виду. – Добродушное уродливое лицо вышибалы на миг стало страшным, и Андрею почему-то представился круглый ринг с ревушими в схватке, осыпающими друг друга ударами бойцами. Одним из них был вышибала.

Андрей тряхнул головой, видение ушло, а он улыбнулся и сказал:

– Верю. Я не собираюсь ее обижать, она и вправду славная женщина.

Вышибала тоже улыбнулся и добавил:

– Ты хороший парень. Сейчас я скажу, чтобы тебе принесли вина за счет заведения. Не самого лучшего, конечно, но приличного – за моральный ущерб.

Вышибала легко поднял стокилограммовую тушу нокаутированного дебошира и куда-то ее унес. Скорее всего, тут была комната для «отстоя» таких вот пьяниц, а может, и выкидывали на улицу, не разбираясь, что с ним потом будет, оберут его уличные урки или нет.

Снова забренчали струны, но это был уже не одинокий музыкант, а целый «оркестр» из четырех исполнителей. Они сели у стойки в углу и заиграли что-то веселое.

Люди сорвались с мест и пустились в пляс, притопывая и с гиканьем

кружась. Андрей снова собрался было уходить – не по душе эти шумные игрища, – и тут ему принесли кружку с вином. Отказаться было как-то неудобно, тем более что хозяйка весело махала ему рукой от стойки, мол, пей на здоровье! Он поднял кружку, отсалютовав ей, и отпил глоток. Вино было вполне приличным, даже на удивление – отдавало виноградной косточкой, терпкое и в меру вяжущее. Андрей с удовольствием стал его пить – что-то давно он не пил ничего спиртного. Впрочем, оно на него и не действовало – алкоголь сразу разрушался в его организме оборотня, давая лишь дополнительные калории. Но вкус хорошего вина был приятен и навевал некие ностальгические воспоминания...

Музыканты заиграли спокойную музыку, для парных танцев, и Андрей заметил, что женщин в зале стало гораздо больше – проститутки, какие-то подружки гуляк и непонятные особы, род деятельности которых сразу и не определить. Может, купчихи, может, жены привезших товар купцов, не желающие оставлять своих благоверных в гнезде разврата без присмотра – мало ли что спьяну придет в голову. Мужика надо держать в ежовых рукавицах!

– Пойдем потанцуем? – Андрей увидел перед столиком Олру, улыбающуюся ему во все тридцать два белых ровных зуба. Она успела переодеться, и на ней было платье, подчеркивающее формы и обнажавшее в декольте высокую грудь.

Андрей растерянно помолчал, а потом пожал плечами и сказал, не зная, как отказать, чтобы не обидеть:

– Я не умею танцевать. Там, откуда я родом, такие танцы не в ходу. – Он кивнул головой на вальсирующие пары.

Это и правда было что-то вроде вальса, так что он немного лукавил, когда говорил, что не умеет танцевать, – умел, но делал это так давно, так давно... что уже и не помнил когда. На выпускном балу в школе? Или на курорте, где он снял ту красотку, с которой потом зависал целую неделю? (Ему пришлось уехать не попрощавшись и оставить ее спящей в номере, обнаженную, пахнущую персиками и любовью. Он потом долго ее вспоминал, но наемный убийца не может привязываться к кому-либо, зная наверняка, что скоро придется бежать... что в конце концов и произошло.)

– Я тебя поведу, – улыбнулась Олра, – ничего сложного нет. Кошечка, ты позволишь мне забрать твоего кавалера? – Она с улыбкой посмотрела на Шанти, а та открыла на миг глаза и, потянувшись, улыбнулась кошачьей улыбкой и замурчала.

«Иди уж! Ну что с вами поделаешь – низшие существа. Вот драконы два раза в год тянутся друг к другу для спаривания – и ничего, живы. А вы

готовы каждый час совокупляться. Тебе не кажется это ненормальным? Вижу – нет».

Андрей встал, обхватил партнершу за талию, и они закружились в веселом вальсе.

Мелькали стены, мелькали столы, а перед глазами Андрея стояло лицо Олры, улыбающееся и такое желанное... Он вначале не попадал в такт, но потом настроился и повел в танце, прижав к себе и всем естественным ощущая упругое тело партнерши, податливо прильнувшей к нему так, как будто они знали друг друга много-много лет.

Утром Андрей осторожно выпростал руку из-под головы Олры, раскинувшейся во сне и явно привыкшей спать в одиночестве – она хозяйски захватила все пространство, оставив ему небольшую полоску вдоль края. Кровать была пышной, застеленной шелком, сбитым в комки после бурной ночи.

Андрею давно не было так хорошо с женщиной – Олра была неистощима на выдумки, не стеснялась своего обнаженного тела и не брезговала никакими способами доставить удовлетворение своему партнеру. Впрочем, и Андрей не отставал от нее. Женщина была очень чистой, ухоженной, пахла миндалем от каких-то притираний, а телом была под стать двадцатилетней красотке – никакого целлюлита или растяжек.

Стараясь двигаться бесшумно, Андрей оделся, но уйти незаметно ему не удалось. С кровати послышался голос Олры:

– Ты вернешься?

– Не знаю, – честно ответил Андрей. – Может быть. Может быть...

– Вот и все вы так, – вздохнула женщина. – Как только приличный мужик попадает, так сразу куда-то бежит, торопится... и пропадает. Куда вы все бежите? Жизнь проходит мимо, а вы все бежите, бежите, бежите...

Андрей присел на край кровати и ласково провел ладонью по твердому животу женщины. Она потянулась, закинув руки назад, и сладко зевнула.

– А хорошо было! Я уже полгода с мужчиной не была. Ты что думаешь, я всех в свою постель приглашаю?

– А разве нет? – ухмыльнулся Андрей, натягивая сапог.

– Тьфу, дурак! – Олра шутливо хлопнула его по спине тяжелой ладонью. – Знаешь же, что совсем не так! Последний мужчина, на которого я запала, жил у меня полгода... а потом уехал – какие-то мужские дела, не до семьи. Вам же семья ни к чему – перепихнулся и пошел, да? Если скажешь «да», я тебе врежу! – Олра весело засмеялась, но глаза ее были грустными, как у раненой косули...

Андрей серьезно помотал головой:

– Нет. Не так. Понимаешь... когда ты ведешь жизнь достаточно опасную, изобилующую делами, которые... в общем, привязываться к кому-то опасно. Можно навлечь неприятности на своих близких. Понимаешь?

– Понимаю. Я не спрашиваю тебя, чем ты занимался и занимаешься, не хочу знать. И вряд ли мне понравится то, чем ты занимаешься. Но человек ты хороший и добрый, даже сам не знаешь, насколько хороший и добрый. Я чувствую это, дар у меня такой – видеть людей такими, какие они есть. Вон вышибала, глянешь на него – урод уродом, страшила, зверь, а ведь он нежно любит свою молодую жену, у них две славные дочки... и добряк, каких мало. Если его не рассердить, конечно. Вот и ты такой же. Только, в отличие от него, красавчик. Тебе сколько лет? Тридцать? Двадцать семь? Или меньше?

– Хм... я гораздо старше. Неужели я выгляжу так молодо? – удивился Андрей. – С чего ты взяла?

– Ты меня разыгрываешь? – усмехнулась Олра. – Глянь-ка.

Она соскочила с постели и пошла к этажерке. Андрей залюбовался ее телом – Олра шла как танцовщица, покачивая крепкими бедрами. Ее талия была тонкой, и силуэт женщины напоминал греческую амфору. Фигура просто дышала здоровьем и красотой – и тем больше Андрей задумывался, как так оказалось, что она стала бесплодной?

Он сосредоточился на ауре женщины и обнаружил в ее животе сгусток черно-красного свечения – что-то и правда было такое, что не позволяло ей зачать. «Скорее всего, непроходимость маточных труб, – почему-то пришло ему в голову, и Андрей усмехнулся. – Может, в лекари податься? А что? Большие деньги бы имел... Хм... а если попробовать?»

Олра принесла зеркало, Андрей глянул в него и поразился: вместо мужика под пятьдесят лет на него смотрел приятный тридцатилетний мужчина, с черными, не тронутыми сединой волосами, с гладким, лишенным шрамов и каких-либо повреждений лицом... И правда – герой-любовник. Постоянные преобразования в Зверя и обратно привели к неожиданному результату – человеческое тело, в которое он возвращался, автоматически меняло состояние, становясь наиболее функциональным, здоровым и сильным, то есть телом тридцатилетнего мужчины. Фактически, чтобы избавиться от ран или шрамов, болезней, ему было достаточно перейти в Зверя и обратно. Это его позабавило и снова привело к мысли о том, сколько же он может прожить? Может... вечно?!

Глава 2

– Видишь? А ты говорил – гораздо старше. – Олра, улыбаясь, потерявила его волосы, стянутые кожаным ремешком в хвост на затылке. – А вот подстричься бы не мешало, тебе не кажется? Ну хоть подровнять. Хотя тебе и так хорошо.

– погоди. – Андрей мягко отстранил ее руку, опрокинулся на спину, обнимая женщину, и она ойкнула, а потом свернулась в комочек, прижавшись к его боку и глядя в лицо хитрыми глазами. Олра в этот момент почему-то так напоминала Шанти, что Андрей невольно улыбнулся и погладил ее по гладкому бедру. Женщина прижалась еще теснее и замерла, сопя ему в подмышку. – Скажи, Олра, как так получилось, что ты не можешь иметь детей? – начал он осторожно, ожидая любой реакции, вплоть до скандала и ругани.

Но ничего не произошло, она лишь на мгновение прекратила сопеть, а потом спокойно, даже очень спокойно ответила:

– Ты и вправду хочешь знать? Зачем тебе это?

– Вероятно, чтобы знать... разве знания бывают лишними?

– Некоторые – да. – Она отстранилась от Андрея и села на краю кровати, держась за спинку и глядя в пустоту. – Я расскажу тебе. Только после этого захочешь ли ты иметь со мной дело?

– А это уже предоставь решать мне, ладно? – хмыкнул Андрей.

– Мне было двенадцать лет. Была очередная война с Балроном. И меня изнасиловали пятеро пьяных солдат. Я еле выжила. А еще они наградили меня дурной болезнью. После этого я стала бесплодной. Где был мой отец в этот момент? Лежал в углу, с разбитой головой. Они ворвались к нам под утро, когда не было посетителей. Отец потом долгие годы болел, и его мучили припадки, поэтому он три года назад и скончался. Последние несколько лет я сама вела все дела, без него. Ну а я... я лечилась. Избавилась от дурной болезни. Шрамы на теле и внутри зажили. Вот только в душе шрамы остались да детей я больше не могу иметь. Хотел рассказа? Ты его получил. Теперь как? Прикоснешься к такой женщине, с дурными болезнями и ранами?

– Это были солдаты Балрона? – сглотнув, спросил Андрей.

– Нет. Наши, славские. Мы потом подавали жалобу, их искали, но не нашли. Вроде как не нашли. Да и что бы это изменило? Мы с отцом снова стали бы здоровыми? Нам вернули бы отнятую радость жизни? Если бы

могла, я бы нашла их и убила – мучительно, страшно. Вот, смотри. – Олра подошла к столу, достала шкатулку и вынула из нее какой-то значок. – Это принадлежало одному из них. Он обронил, когда насиловал меня. Я отбивалась, как могла, но что двенадцатилетняя девчонка может сделать против здорового бугая? Я только помню тяжелый гнилостный запах из его рта и красный, с прожилками сосудов нос. От него воняло перегаром, чесноком, и из его рта капали слюни прямо мне на голую грудь... брр...

Андрей встал, подошел к женщине, обнял, прижав к себе, и взял ее руку в свою. Внезапно его прошибло чем-то вроде электрического удара, он даже вздрогнул – Андрей увидел владельца значка! Его грубое лицо с красным носом, его толстые губы и кривые желтые зубы, ощеренные, как будто он хотел укусить. Картинка исчезла, но лицо человека запечатлелось в памяти.

– Что с тобой? – обеспокоилась Олра. – Тебе плохо? Ты так вздрогнул...

– Нет, все нормально. А что с лечением, почему тебя не смогли вылечить?

– Не знаю. Болезнь вылечили. А потом оказалось – не могу зачать. Я уже всяко пробовала – думала, дело в партнерах. Но нет – во мне. Это точно. Лекари только руками разводили. И все.

– А живот иногда болит? – вскользь поинтересовался Андрей.

– Болит. А ты откуда знаешь? – удивилась она. – Побаливает, да.

– Так... чувствую. Сейчас тоже болит?

– Болит... немного... Но я к этому уже привыкла.

– А хочешь, я попробую тебя вылечить?

– Ты что, лекарь? – Женщина удивленно вскинула брови.

– Нет. Но я тоже кое-что умею. Ну так как? Хочешь иметь детей или только прикидываешься? Решай быстрее, мне некогда, пора идти!

– Издеваешься? – отшатнулась Олра. – Не ожидала от тебя!

– Перестань. Никакой издевки. Иди ко мне! – Андрей подхватил закусившую губу женщину на руки и отнес на кровать. – Расслабься. Сейчас боль пройдет!

Он погладил Олру вдоль тела, женщина расслабилась и прикрыла глаза. Андрей коснулся ее ауры возле живота, где полыхал красный комочек боли. Его прошибло потом, но он сдержался и не отдергивал руку до тех пор, пока красное свечение не исчезло. Олра протяжно вздохнула и прошептала:

– Как хорошо... ох, как хорошо... мне давно не было так хорошо! И ничего не болит... Какие у тебя ласковые руки. Наверное, самые ласковые

руки на свете!

Андрей криво усмехнулся, глядя на свои огромные кисти, свободно ломающие подкову и шею противника, и продолжил лечение.

Теперь предстояло самое сложное – убрать черноту. Хорошо, что там, где была нарушена структура тела, не было костей – их пришлось бы ломать. А спайки, рубцы могут легко рассосаться, если на них воздействовать как надо. А он умел – как надо.

Чернота медленно переходила на его ауру, светящуюся ярко и сочно, растворялась в ней, и на долю секунды аура потускнела, но затем снова засияла ровным, сильным светом. Андрей задумался над тем, какой силы должна быть болезнь, чтобы его аура потухла совсем, и не влияет ли вот этот принятый на себя недуг на здоровье.

Прислушался к себе, но ничего плохого не ощутил, никаких болезненных явлений, ни уколов, ни ломоты. Как было все, так и осталось.

Наконец последние остатки черноты ушли из Олры, блаженно закрывшей глаза. Андрей еще немного понаблюдал за ее аурой и добавил над животом оранжевого цвета, нагнетая его до полной яркости. Он не знал, почему так сделал, просто послушался интуиции.

Олра протяжно застонала, и вдруг ее живот стал дергаться, а все тело свело судорогой, не проходящей несколько минут. Это был мощный оргазм, такой, какие у нее были этой ночью, а может, даже сильнее.

Через минут пять она успокоилась, широко открыла глаза и хрипловатым от возбуждения голосом сказала:

– Кто ты такой?! Ты демон! Я никогда еще не испытывала такого наслаждения, думала, сейчас умру! Я потеряла сознание? Нет? У меня перед глазами точки плавают... ох ты... у меня слов нет. Может, не пойдешь никуда, поваляемся? Ну пожалуйста! Ну хоть полчаса! Успеешь к своим друзьям, никуда они не денутся! Ну пожалей меня, останься, мне так мало радости в жизни досталось!

– Спекулянтка! – хмыкнул Андрей и решительно потянул с себя сапог...

С Олрой он расстался только через час. Она была ненасытна, как течная кошка. И только когда он решительно оторвал от себя ее руки, женщина сдалась, но пригрозила, что, если он не придет вечером, найдет его и икусает до полусмерти. На том и сошлись.

Кстати сказать, одним из аргументов заманивания было обещание взять Андрея вместе со всеми друзьями на постой, на полное обеспечение – лишь бы делал то, что сегодня ночью. В устах другой женщины это прозвучало бы вульгарно, как будто ему предлагали отрабатывать постой

своим телом, но в устах Олры это звучало весело и непринужденно – на нее трудно было обижаться. Она была откровенным и чистым человеком, настолько чистым, что даже трудно представить что-то такое чистое в этом черном, злом мире.

Он зашел в мойню и только потом направился в свою комнату. Проголодавшаяся Шанти извергла на него фонтан ругани. Она шипела, будто прохудившаяся шина, и чуть не плевалась от ярости.

– Ты – мерзавец! Я подозревала, что ты мерзавец, но не до такой степени! – Шанти скакала как мяч и норовила тяпнуть партнера за ногу. – Ты там совокуплялся, как бродячий кот, а я... а я... у меня последний глоток молока был вчера! Почти месяц назад!

– Какой месяц? Ты с ума сошла? Ты же вчера вечером налопалась печенки, напилась молока так, что пузо раздулось, неужели так проголодалась?!

– Проголодалась?! Да я сейчас тебя сожру, если ты не обеспечишь мне кусок печенки и литр молока! А еще... а еще... я потом придумаю. Пошли скорее! – Шанти, задрав хвост трубой, бросилась в коридор.

Ну что же, она заслужила право на раздражение – гулянки гулянками, но о тех, кого приручил, забывать нельзя. Андрей, усмехаясь, направился следом.

В зале было тихо. Следы вечернего безумства убраны, а из столиков занято только два – за одним сидят вчерашние купцы, а за другим... за другим Шанти, с урчанием пожирающая свежую печенку. Устроившаяся рядом Олра с улыбкой поглядывала на «кошечку», поглощающую угощение, как мусороуборочная машина.

– Привет! Давно не виделись! – поприветствовала она любовника. – Сейчас принесут пироги. Они сегодня удались. Эй-эй, не лезь за деньгами, в самом деле! Я, наверное, себе могу позволить угощать тех, кого хочу. Надеюсь, ты не задущен предрассудками насчет того, что мужчине не пристало принимать подарки от женщин? Ну и славно. Ешь скорее. Мадра, принеси еще яблочного сока. С утра пить пиво совсем не аристократично, не правда ли, мой дорогой? – обратилась она к Андрею.

Тот фыркнул, а Мадра, вытаращив глаза, побежала исполнять заказ и обсуждать важную новость с товарками: «Хозяйка нашла себе нового мужика! Да такого красивого! Вот же везет!» – «Будет у тебя гостиница – тебе тоже так повезет».

– Ты найдешь купеческий квартал? Может, тебя проводить? – озабоченно спросила Олра, поводя хитрыми глазами.

– Не сбегу я, – ухмыльнулся Андрей. – Клянусь, что обязательно

вернусь сегодня вечером. Если надо, конечно.

– Ну вот зачем так сказал? – возмущенно фыркнула Олра. – Надо, конечно. А! Ты должен был услышать длинную тираду о том, что я не могу без тебя жить, и что ты обязательно должен оказаться со мной в постели, и лучшего, чем ты, любовника у меня не было? Ну считай, ты услышал. Кстати, забыла спросить: а что с лечением? У тебя получилось?

– Ты чувствуешь, чтобы что-то болело? И вообще, прислушайся к организму – как он себя ощущает? То-то же... я думаю, что у тебя теперь все в порядке. Но не обольщайся – пройдет какое-то время, прежде чем ты убедишься в том, что все получилось как надо. Не жди молниеносного результата.

– Я разве дала основания считать меня душой? – вздохнула женщина. – Знаю, все знаю. Буду ждать. Ох, как я буду ждать! А ты постарайся... пока не уехал, ладно? Пожалуйста... Что касается купеческого квартала – я имела в виду, не послать ли с тобой проводника? Сейчас кликну кухонного парнишку, и пусть тебя проводит. Он рад будет поотлынивать от дела. А мне надо заняться приемом товара, сейчас должны вино привезти, мясо, зелень, муку... да много чего. Не уследишь – эти идиоты мясные туши на мешки с мукой взгромоздят, а зелень бросят под ноги и будут топтаться. Народ у нас совершенно бестолковый и безответственный.

– Думаешь, только у вас? – рассмеялся Андрей. – Это во всех мирах... хм... во всех городах такой. Меня всегда раздражало то, что человек дает обещание и не выполняет его. Или договаривается о встрече и опаздывает на полчаса, а то и больше. Ну почему я должен ждать этого придурка? Почему он не ценит мое время и так ценит свое?

– С такими убеждениями трудно жить, – грустно улыбнулась Олра. – Я сама такая. Иногда просто хочется взять палку и побить этих паразитов. Вам, мужикам, легче – взял да и отлупил негодяев. А нам сложнее, приходится быть изощренными интриганками, воздействуя кнутом и пряником, уговаривая, взывая к совести... и проигрывая. В некоторых случаях все-таки надо прибегать к силе.

– Есть такое выражение: добро должно быть с кулаками, – усмехнулся Андрей, засовывая в рот последний кусок пирога, запивая его соком и нацеливаясь встать с места. – Ну все, нам пора. Пошли, моя ласковая подруга!

Он поднял Шанти, посадил на левое плечо, где она с удовольствием устроилась. Олра поцеловала его в щеку, чем вызвала бурный всплеск эмоций кухонного персонала, выглядывающего в окошко раздачи.

Андрей вышел на улицу, направляясь к центру города. Через минуту

его нагнал пацаненок лет четырнадцати, вертлявый и шустрый, как большинство городских пострелят, и сообщил, что хозяйка отправила его показать, где находится купеческий квартал. И что лучше идти туда не через центр, а вот по этой боковой улице, потому что она кривая и выведет на другую улицу, которая поведет к... В общем, лучше нанять извозчика, и тот за пару серебряников довезет куда надо, и не нужно будет сбивать ноги. А он, если господин не против, побежит по своим делам – он же не может оставить трактир на такое долгое время без надлежащего присмотра?

Андрей шибко сомневался, что мальчуган тут же побежит в трактир таскать воду и чистить овощи, – скорее всего, сдернет к своим уличным друзьям и займется чем-нибудь поинтереснее, но его идея по поводу извозчика была совершенно верной. Тем более что один из представителей местного племени таксистов обнаружился на перекрестке, уныло стоящим на «пятак» в ожидании выгодного клиента.

Бросив обрадовавшемуся мальчишке медяк, Андрей подошел к пролетке и растолкал ошеломленного «водилу», уснувшего в своем «рено».

– Что?! А?! Как?! Да-да! В лучшем виде! Поехали! И-э-эх!

Ехать до купеческого квартала оказалось довольно далеко – с полчаса пролетка петляла по кривым улочкам, громыхая окованными железом колесами и с трудом разъезжаясь со встречными телегами и конкурентами «таксера» – с одним он даже крепко поругался, проскакивая мимо и норовя врезать по тому кнутом. Как понял из их перепалки Андрей, второй «таксер» был нарушителем конвенции и забрал клиента вне очереди, из-под носа первого. За что его ожидала кара при первой же их встрече. Сейчас просто некогда, так как он везет господина. Но вот потом...

Что будет потом, Андрей не узнал, потому что второй извозчик ускользнул, нахлестывая бодрую лошадку, а через минуту они уже въехали в квартал, состоящий из добротных домов, являющихся в основном лавками для продажи товара. Андрей расплатился и, выйдя из пролетки, оказался посреди незнакомого города, не зная, куда идти и с чего начать поиски.

В конце концов он зашел в первую попавшуюся лавку, над которой висел на цепях металлический сапог, поскрипывающий на легком утреннем ветерке.

– Приветствую, господин! – встретил его улыбкой пожилой человек, сидящий в углу комнаты, заставленной полками с сапогами и башмаками различных видов и расцветок. – Вам подобрать что-то достойное вашей мужественной внешности? Такому красавцу не пристало ходить в простых, стоптанных сапогах!

– Нет, благодарю, – улыбнулся Андрей. – Я бы хотел кое-что спросить. Вы случайно не знаете тут дом, где живут мужчина по имени Федор, его жена Алена и девочка Настя? Они не так давно прибыли в город, а я друг их семьи. Хотелось бы навестить, а как найти – не знаю.

– Хм... жаль, конечно, что вы не покупатель... но что поделаешь. Может, и на нашей улице когда-нибудь перевернется телега с золотыми. В общем, так: слышать про вашего друга я не слышал – видимо, он недавно сюда прибыл, но спрашивать нужно Симона. Симон – агент по недвижимости. Ваш друг обязательно или снял жилье, или купил. А все сделки или проходят через Симона, или он знает, кто и что купил-продал. И не только – его связи простираются очень, очень далеко, и знает он многое, если не все. Только должен предупредить: он человек... хм... любящий деньги, скажем так, и за просто так ничего рассказывать не будет. А найти его можно, если пройти вот по этой улице два квартала, там будет серый дом в два этажа, с вывеской «С». Его легко узнать, не ошибетесь. На двери звонок, дерните три раза подряд – так обычно звонят местные, что приходят насчет покупки недвижимости. Он, даже если в сортире сидит, сразу выбежит, даже не подтерев зада, – ну как же, деньги могут уйти! Удачи вам в поисках.

– Благодарю. Я вам что-то должен за информацию?

– Да перестаньте! Я же не Симон! – Старик весело фыркнул и снова уселся в свое кресло, положив ноги на табуретку. – Лучше, как надумаете купить башмаки или сапоги, придите ко мне. Я вам хорошую скидку сделаю за то, что вы приятный, уважительный человек.

– Взаимно. Обязательно, как буду менять обувь, приду к вам. Обещаю! – Андрей улыбнулся и вышел из лавки. В последнее время ему почему-то везло на хороших людей, и он даже слегка обеспокоился – как бы не исчерпать лимит.

Но нет, Симон сразу восстановил баланс, так как оказалось, что это совершеннейшая гнида, мечтающая лишь о том, чтобы клиент пришел, отдал деньги и... ушел. Все. До следующего раза – чтобы повторить пройденное.

Маленький человечек с кудрявой головой и торчащими из носа толстыми черными волосами, он напомнил Андрею одного знакомого адвоката, выжигу и аферюгу. Тот защищал бандитов и прочих подозрительных типов – главное, чтобы у них были деньги. Андрей столкнулся с ним на заре своей деятельности, когда еще числился в рядах Вооруженных сил, но уже не очень чтобы так – числился, но выполнял задания, совсем несовместимые с честью военного. За это ему уже платили

деньги.

Однажды он вляпался в непонятку, попав в милицию со стволом на руках, и занимался им вот этот самый адвокат, в считанные дни вытащивший его из застенков.

В порыве откровенности адвокат пояснил Андрею, когда отвозил его на своем «бентли» из СИЗО, что главная работа адвоката – это не витийствовать на суде, забыть надо всяких там Плевако и Ария. Главное – наладить контакты. Чтобы знать, кому сколько дать. Берут все. Не берут только мертвые. А если попадешься на взятке, молчать и никого не сдавать – ни судей, ни прокурорских, ни ментов. И тогда ты и на зоне будешь жить как человек, и выйдешь раньше, и бабла при посадке не лишишься, и можешь снова быстро заняться той же деятельностью.

Адвокат был слегка пьян – он любил хорошие, дорогие вина. Вел машину водитель. Почему он разоткровенничался перед незнакомым клиентом? Да кто знает – может, хотел произвести впечатление из тщеславия. Да и почему нет? Он же ничего нового не сказал, это и так известно каждому.

– Информация будет стоить пять золотых! – сразу безапелляционно заявил Симон. – Или ищите другого информатора! Мало ли зачем вы их ищите – может, грохнуть хотите? А я потом проблем получу. Пять. Все.

– И если вы знаете, что я хочу их убить, все равно дадите мне информацию? – спросил Андрей, чувствуя дрожь в руках от желания свернуть шею дерьмецу.

– А что вы так возбудились? – усмехнулся Симон. – Если хотите их убить – ваши проблемы. Не я же их убиваю. Все стоит денег. И вот эта информация стоит пять золотых. И я вам дам адрес. И я гарантирую, что те, кого вы ищите, находятся по этому адресу. По крайней мере, последние несколько дней они были там. Без меня вы будете искать их долго. Найдете, да. Потратите время, деньги, силы и найдете. Или же пять золотых – и скоро вы обнимаете, или убиваете, тех, кто вам нужен.

– Скажите, – поинтересовался Андрей, ласково улыбаясь Симону, – почему вы до сих пор живы? Вот я сижу и думаю: а может, ему шею свернуть?

– А невыгодно. Я всем нужен. И вам нужен. Вот понадобится вам какая-то информация или же контакт с каким-нибудь высокопоставленным негодяем – куда вы пойдете? Что будете делать? Ко мне пойдете. Зачем резать курицу, несущую золотые яйца? Смысла нет. Ну да, я негодяй. И что? Это как-то повлияет на качество информации? Я всегда держу слово, если я дал информацию – она на сто процентов точна. Зачем меня убивать?

– Сука ты, – буркнул Андрей. – Один золотой, и ни серебряником больше.

– Четыре.

– Два!

– Три, и не меньше! Последнее слово. Меньше не будет, и то только потому, что ты не собираешься их убивать. А так было бы дороже.

Через десять минут Андрей шел вниз по улице и думал о том, что все-таки с такими откровенными циниками и подлецами иметь дело легче, чем с теми, кто внешне ставит себя ангелами, а в спину шипит гадости и исподтишка строит козни. Эти ясны как божий день, а вторые – опаснее всего. Тут все просто: отдал бабла – гони товар. Честная сделка.

На перекрестке стоял давешний извозчик, который обрадовался клиенту и вмиг домчал его до нужного дома. И всего за серебряник. После долгого объяснения про трудности жизни и дороговизну овса.

Простой дом – добротный, одноэтажный, с крепкими воротами. Там ли Федор? Сколько он уже его не видал? Несколько месяцев? Уже и не упомнить, сколько он не видел друга – пока был в плену у графа, потом путешествовал к Драконьей горе, потом добирался до столицы...

Андрей решительно подошел к воротам и забарабанил в калитку. Никто не ответил, и тогда он усилил напор. Опять ноль. Неужто обманул Симон? Он уже долбил ногой, когда калитка открылась и хриплый голос грозно спросил:

– Какая сука тут ломает калитку? Вот я сейчас башку-то снесу! Там же есть веревочка – дернуть что, ума не хватает?

– Не-а... глупый я совсем, – признался Андрей. – Привет, друг. Как вы тут без меня?

– Андрюха, ты?! – Федор выскочил из калитки, принял Андрея в медвежьи объятия и поднял, сдавив так, что хрустнули кости. – Наконец-то! Я знал, что этим козлам тебя не погубить! Скорее заходи! Только у нас беда... – Он вытер глаза левой рукой, в правой же Гнатьев держал неизменную саблю.

– Что такое? Что случилось? – похолодел Андрей. – Кто-то напал, обидел вас? Исчадия?

– Нет. Чума. Тсс... а то нас тут запрут в доме, а дом спалят. Скорее заходи! – Федор втащил Андрея во двор и, оглядевшись по сторонам, не видел ли кто, запер калитку. – Не знаю, где они подцепили – вначале Алена, потом Настенка. Буквально два дня как. Они на базар ходили, возможно, подцепили от кого-то из приезжих. Тут это бывает. Смертность пятьдесят процентов. Обычно, как кто заболевает, из дома не выпускают, окна-двери

забивают, только через месяц заглядывают – если выжили, значит, выжили. Нет – значит, нет. А дом сжигают. Я пока не заболел, держусь. Ухаживаю за ними. Они уже нарывами покрылись – смотреть страшно.

– Ни хрена себе... Во ты меня радуешь. Веди к ним. Они в сознании?

– Уже нет – бредят в горячке. Андрюха, спаси их, а? Ты же сможешь, Андрюх? – Федор беззвучно заплакал, и по его щекам потекли крупные, прозрачные слезы.

Всегда страшно, когда близкие тяжело болеют... а уж чума...

Андрей никогда с ней не сталкивался, на Земле эта болезнь давно была уничтожена, но раньше, в Средние века, она косила людей сотнями тысяч. Миллионами. Даже выражение такое появилось «пир во время чумы», когда люди, зная, что все равно умрут и спасения нет, пускались во все тяжкие: пили, гуляли, совокуплялись с кем попало – терять-то все равно нечего! И действительно, многие умирали в считанные часы.

Кстати сказать, земная чума отличалась от здешней: та убивала людей быстро – два-три часа, и труп. А тут – два дня, и только лихорадка, выживаемость пятьдесят процентов. У земной чумы смертность более девяноста процентов, это он знал точно. Как-то попалась статья о «черной смерти», так он с удивлением узнал, что некогда от чумы полегло более пятидесяти миллионов человек, и это при том, что населения-то было не как сейчас – миллиарды, а гораздо, гораздо меньше.

– Пошли-пошли, ничего страшного, сейчас все решим! – Андрей подтолкнул друга в сторону дома.

В комнатах пахло тленом, смертью и затхлостью, как и всегда рядом с тяжелобольным человеком.

Андрей посмотрел на Шанти и спросил:

– Может, погуляешь на улице? Во дворе? Чего ты со мной будешь болтаться – иди подыши воздухом.

– Я не против, – кротко ответила драконица, – тем более что мне надо сходить по нужде. Только дверь не закрывай, чтобы я могла войти.

– Не закрою. Федь, она просит не закрывать двери, чтобы могла потом сама войти. Оставь открытой, заодно пусть тут немного проветрится, а то запах ужасный.

– Ты разговариваешь с кошкой? И она отвечает? – вяло удивился Федор. – Впрочем, рядом с тобой ко всему можно привыкнуть. Нам в эту комнату, тут они.

Алена и Настя лежали, накрытые теплыми одеялами, и тряслись в лихорадке. Их лица были красными, а когда Андрей откинул одеяла, то увидел несколько черных, с фиолетовым оттенком нарывов – в

подмышечных впадинах и на груди, животе, шее. Зрелище было отвратительным, чума – это не то зрелище, которое радует глаз. А тем более нос.

Обостренным обонянием Андрей ощутил такую вонь, что у него чуть не помутилось в голове. Андрей пошатнулся, и Федор с испугом поддержал его под руку:

– Что с тобой? С тобой все в порядке?

– Норма. Понимаешь, у меня нос стал как у собаки... я запахи чую, как охотничий пес... вот и получил заряд запахов по носу. Ничего страшного, привыкну. Дай мне стул и молчи, не мешай.

Андрей осмотрел пациенток – над ними клубились сполохи черного и красного, охватывая их буквально со всех сторон.

Начать он решил с Насти, как с более слабой. Протянув руки вперед, Андрей коснулся ауры девочки, и его пронзил удар такой боли, что он не смог удержаться и скривился. Справившись с собой, он стал всасывать черную энергию болезни. Аура светлела, красного становилась все меньше, черное серело... и через пять минут на постели лежала розовая, вполне на вид здоровая девочка. Нарывы исчезли, рассосавшись, и не оставили на ее теле даже следа. Настя спала, дыша ровно и глубоко.

Теперь настал черед Алены – тут болезнь зашла глубже, и монаху пришлось потрудиться больше. Он всосал в себя ее болезнь минут за пятнадцать, не оставив в организме женщины ни следа от страшной «черной смерти».

Федор молча стоял рядом, вцепившись в спинку стула, а когда все было закончено, обнял Андрея и уткнулся ему головой в грудь. Плечи его тряслись, и Андрей смущенно приговаривал:

– Ну чего ты, все кончилось, все хорошо, перестань! Буди их – пусть прибираются, всю эту дрянь надо сжечь в печи, а комнату залить спиртом, вымыть всю – пол, стены, потолок. И дай-ка я на тебя погляжу – с тобой-то все в порядке? Нормально. Здоров как бык. Видать, так проспиртовался, что болезнь тебя напугалась. Помоги мне, я что-то приустал...

Андрей тяжело встал и вдруг ощутил боль в животе. Он побледнел и побежал к выходу – только успел перешагнуть порог, как его вырвало пирогами, которые он недавно ел. Федор, побледнев, с ужасом смотрел на него.

– Так начинается чума! Неужто и ты заразился?! Тебя-то чем теперь лечить? Ты сам никак не можешь себя вылечить?

– Сейчас все устроим, – усмехнулся Андрей и, отойдя от опоганенного места, стал снимать с себя одежду и обувь. Потом подал импульс и быстро,

в считанные секунды, перекинулся в Зверя.

Сделав несколько прыжков, он обернулся к ошеломленному Федору, никогда не видевшему его в этой ипостаси, и помахал ему лапой, отчего тот еще больше обалдел.

Неожиданно в дверях показалась Настена. Она спросонок терла кулачками глаза и, увидев Зверя, радостно пропищала:

– Собачка! Пап, какая собачка хорошая! Ты купил собачку?!

– Доча, иди в дом, иди! – Прогнав Настю, Федор махнул Андрею рукой.

Тот снова перекинулся в человека и быстро оделся. Чувствовал он себя отлично, его не тошнило, а тело было так наполнено энергией, что хотелось бегать, скакать, кричать.

Андрей подавил порыв и тут же сильно захотел есть – трансформация есть трансформация, так просто не дается. Он немного посидел на скамейке во дворе и пошел в дом, где уже полным ходом шла уборка. Алена, увидев Андрея, подбежала к нему и, обхватив за шею, поцеловала.

– Наконец-то! Как ты вовремя! Почему-то ты всегда так вовремя, если бы не ты... Не ревнуй, Федя, он мне дорог, как брат!

– Я знаю, – усмехнулся Федор. – Эй, Настенка, глянь, кто пришел!

– А-а-а! Дядя Андрей! Ура-а-а! А где собачка? Это твоя там собачка была? Куда собачку дели? Пап, собачку!

– Нет собачки. Зато есть кошечка – глянь, какая славная! – Федор кивнул на входящую в дом Шанти, и Настенка с визгом бросилась к драконице.

– Осторожнее! – всполошился Андрей. – Это очень сердитая кошечка! Она может поцарапать!

«Глупец, – сразу отреагировала Шанти, – я младенцев не трогаю! Они всяко лучше вас, взрослых, чище вас и порядочнее. Впрочем, если она будет дергать мой хвост, я ее выпорю!»

Шанти аккуратно отбила мягкой лапой руку Насти, тянущуюся к ее драгоценному хвосту, и благосклонно дала погладить себя по голове. Потом легко вспрыгнула девочке на плечо, где и устроилась, как экзотический воротник обернувшись вокруг шеи.

– Славная кошечка... – Алена восхищенно посмотрела на разлегшуюся Шанти и заторопилась: – Мужчины, идите разденьтесь! Одежду давайте сюда – я ее всю выстираю. Как бы зараза не впиталась. Вообще, я бы выехала из этого дома, не зря дома сжигают после того, как в них заболевают чумой. Нет, мы вот как сейчас сделаем: кровати – во двор! Одежда, подушки – на кровать! Раздевайтесь! Дочка, выйди, папка с дядей

Андреем тут будут голыми задами сверкать, тебе пока рано на голых мужиков смотреть. Давай-давай отсюда, я сказала! Иди покажи кошечке куколок, домик для них, поиграй с ней, а то ей скучно. Андрей, я видала голых мужиков, не сомневайся, так что можешь раздеваться. Вынесли? Ага, одежду долой! Сейчас я вам Федины штаны принесу и рубахи. Только прежде вымойтесь, сейчас корыто будет. Отмывайтесь хорошенько – это вам не что-то, это «черная смерть»! Я пока что комнату водкой ототру. Надо будет ее еще окурить – потом куплю на базаре специальные коренья, есть такие для окуривания после болезней.

Андрей натянул чистые Федоровы штаны, надел рубаху и заметил:

– Жена-то у тебя боевая стала. И куда делась та нерешительная, напуганная женщина, которую мы встретили на дороге?

– У тебя что-то с памятью, – хмыкнул Федор. – Она и тогда была бой-баба. Вспомни-ка, как она выступила против толпы односельчан и собиралась пойти в лес биться за Настену с кикиморой? То-то... а говоришь – нерешительная. Она мне вина пить не дает: я только бутылку в руки – она в драку! Знаешь, я забыл, когда уже и вина-то как следует пил. И еще – ты знаешь, она ведь беременна...

– Поздравляю! – искренне порадовался Андрей. – Значит, у вас на самом деле так все серьезно? Это здорово, я рад за вас.

– Пока не видать живота, но уже... Что касается серьезности – я и сам не думал не гадал. Это я настоял: хочу ребенка, и все тут. Она не хотела, говорит, непонятно, что впереди. Но ведь если все время ждешь и ждешь, когда заживешь спокойно, можно и не дожидаться счастья, не так ли? Мне уже за сорок, и ничего за душой, кроме старого дома да сумасбродного друга, влипающего в неприятности. На старости лет встретить любовь – надеюсь, ты меня поймешь.

– Пойму... – усмехнулся Андрей, и перед его глазами почему-то встало лицо Олры. – Наверное, пойму.

– Андрей, какие у нас планы? – осторожно поинтересовался Федор, расчесывая деревянным гребешком мокрые волосы. – Ты по-прежнему собираешься в Балрон? Или решил обосноваться тут, в столице?

– Да, собираюсь. И надеюсь, что вы последуете за мной. Почему? Потому что тут оставаться опасно. Потому что за нами тянется такой вонючий хвост, что его вонь может перебить все запахи жизни вокруг нас. Потому что... в общем, ты и сам все знаешь. Дом купил или снимаешь?

– Купил, – грустно ответил Федор, поглядывая в окно. – Ты прав, конечно. Я сам все понимаю – вдруг сюда дойдет информация исчадий... Кстати, а как ты с графом разобрался? Как вырвался от него? Расскажешь?

– Расскажу. Я тебя тоже понимаю: дом, достаток, любимая женщина – и вдруг пускаться в неизведанное путешествие, в какое-то чужое государство, неизвестно как там пойдут дела. С беременной женой и маленькой приемной дочкой... Федь, я тебе одно скажу: там, где нет исчадий, какое бы оно государство ни было, все равно лучше, чем там, где они есть. Согласись, что это так. Деньги у нас есть... кстати, ты не все еще истратил? Нет?

– С ума сошел – там столько, что истратить трудно. Впрочем, если постараться – можно. Просто масштабы у нас не те. Я только на дом взял да на проживание – и то из своих. Твои все целы, я не трогал. Там еще украшений на круглую сумму, хватит на все.

– Федь, ну чего ты ерундишь? Мне деньги нужны только для того, чтобы о них не думать. Бери столько, сколько тебе надо, не стесняйся. Это проклятые деньги, и чем быстрее они уйдут, тем лучше. Твое, мое... ерунда какая.

– Ты взрослый человек, тебе тоже нужны деньги на обустройство в этом мире, ты не обязан нас кормить-поить. Я тоже взрослый, должен обеспечивать свою семью сам, а не рассчитывать на друга, иначе это не по-мужски получается, – нахмурился Федор.

– Ну что ты за упрямый осел! По-мужски, не по-мужски, чего ерунду порешь! – рассердился Андрей. – Говорю тебе: надо денег – бери! Если так тебе будет спокойнее, потом сочтемся. Считай, в долг взял, если тебе так легче. Все, вопрос закрыт, а то мне тебя уже треснуть хочется!

– Эй, вы чего тут ругаетесь? – В комнату заглянула Алена. – Обедать пошли. Только прежде подпалите кровать с барахлом. Я там дровами обложила, бутылки с крепкой водкой рядом поставила – польете, все нормально и сгорит.

– Может, когда будем уезжать, этот дом подпалить? – предложил Андрей. – Пропади пропадом эти деньги, зато никому чумной дом не достанется. А то вселятся люди и подцепят заразу. Кстати, второй раз ею болеют? После того как переболели?

– Нет. Больше не болеют, – отрицательно мотнула головой Алена и нахмурилась. – Все-таки уезжать? Я знала, что так будет... – Она тяжело вздохнула, потом встрепелась и добавила: – А подпаливать не надо. Я хорошо вымыла, а потом окурю все. Жалко дом. Мы тут так хорошо жили... – Она взглянула на Федора, и ее глаза затянуло поволокой, как будто она что-то вспомнила. – Ничего, еще лучше дом купим. Правда, мужики?

– Правда, – усмехнулся Андрей. – Федор, тебе не баба, а клад

достался. Береги ее! Не будешь беречь – я сам на ней женюсь! Такие бабы на дороге не валяются!

– Но-но! – рассмеялся друг. – Такая самому нужна, особенно с тем, что у нее в животе!

– Ну вот, все выболтал, – покраснела Алена. – Я на третьем месяце уже, Андрей. Федор настоял...

– И правильно настоял! – заверил монах. – Нечего откладывать, надо сейчас жить. А мы постараемся, чтобы твоему будущему ребенку было где жить. Вот переберемся в Балрон, купим дом, хороший дом, лучше этого, и будете в нем жить-поживать, добра наживать.

– Все, хватит болтать, пошли за стол. Федь, сходи подожги эту заразу, а то забудем.

– Вместе сходим, – ответил за друга Андрей. – Вы с Настенкой пока садитесь ешьте, а мы через пару минут придем, хорошо? А то девчонку уж голодом заморили, ребенку надо хорошо питаться, особенно после болезни.

Алена кивнула и ушла, а мужчины отправились во двор, где стояла деревянная кровать, на которой раньше лежала Алена. На этой кровати стояла вторая кровать – Настина, и на них уже было навалено барахло Федора и Андрея – штаны, куртки, сапоги. Андрей вовремя вспомнил про пояс с деньгами – чуть не отправил его к небесам с черным дымом.

Они обошли кучу, полили ее из больших стеклянных бутылей крепкой водкой, практически спиртом. Потом Федор пощелкал кресалом (Андрей так и не освоил в нужной степени это искусство – зажигать огонь с помощью таких древностей), и вскоре голубое пламя взметнулось вверх, занялись сухие дрова, облизывая языками пламени заразные матрасы, одеяла, уничтожая «черную смерть», въевшуюся во все поры одежды, белья и дерева кроватей.

Мужчины немного постояли у огня, глядя на языки пламени, как будто не в силах оторваться от зрелища, и Федор спросил:

– Ты у нас, конечно, ночуешь? Кроватей нет, но мы постелем на полу – матрасы найдем!

– Нет. Я в гостинице ночую, – слегка смущенно ответил Андрей.

– Чего это в гостинице? Зачем? Деньги тратить! Мы что, чужие тебе? Ты чего, стесняешься? Даже и не думай! Ночуешь тут! Никаких вариантов больше.

– Я обещал, что буду ночевать в гостинице, – усмехнулся Андрей.

– Кому обещал? Чего это ты обещал... Э-э-э... друг мой, неужто свершилось? Монах – и завел себе женщину? Ну-ка, ну-ка, с этого места поподробнее! Как ее звать, кто такая, где живет и чем занимается?

– Ну щас прям! – рассмеялся Андрей. – Может, тебе еще рассказать, в каких позах мы занимались любовью?

– И это можно, – невозмутимо парировал Федор. – Вдруг я что-то новое узнаю. Может, у вас там, в параллельном мире, какие-то особые выверты есть, так нам с Аленой, может, они и по ндраву придутся! Она любит все экзотичное.

– Это чего ты там про меня рассказываешь, охальник? – послышался веселый голос Алены. – Только оставишь этих мужиков одних, и тут же начинаются сплетни! Вы в конце-то концов пойдете обедать?! Я сейчас вот вас веником погоню!

– Погонит, погонит, злостная баба! – забеспокоился Федор. – Пошли за стол, там и расскажешь. Слышь, Ален, наш-то Андрей себе женщину тут уже нашел! Вот тебе и Андрей, вот тебе и скромник!

– А что, он мужик видный, почему бы и нет? Он еще как будто и помолодел с тех пор, как мы его видели. Красавчик, да и только! Смерть бабам. Если бы не ты, мой корявый, любимый муж, то... Ну пошли, пошли, щи стынут, а теплые щи – это уже извращение!

Они прошли на кухню, пересмеиваясь и подшучивая друг над другом, и сели за стол. На его краю важно сидела Шанти, которую с рук кормила Настена, громко восхищавшаяся статью и красотой кошки, отчего та млела и мурлыкала, как настоящая. Исходили ароматным паром тарелки с красным борщом, именуемым здесь то щами, то собственно борщом, стояла бутылка с вином, к которой Федор тут же радостно протянул руки с криком: «Повод есть! Есть повод – друг приехал!»

Они выпили за встречу, шумно заедая горячим борщом. Он был просто огненным, поэтому приходилось дуть на ложку, благо что ложки были деревянными и не обжигали губы.

Несколько минут они насыщались молча, потом Федор приподнял бровь и пожаловался жене:

– А ведь ускользнул от ответа! Что за женщину встретил, где, кто такая, как звать! Ален, а ведь все тихоней прикидывался. Я уж, грешным делом, стал подумывать – может, он не женщин любит...

– Тьфу на тебя! – фыркнул Андрей. – Ну женщина как женщина. Олрой звать. Хозяйка гостиницы. Очень хорошая, приятная... Но вряд ли с ней что-то серьезное получится – зачем ей я, перекаати-поле, злобный, побитый жизнью мужик...

– Не знаешь ты себя, Андрей, – усмехнулась Алена, поглядывая на него исподлобья. – Многие женщины были бы готовы прожить рядом с тобой всю жизнь. В тебе есть стержень, ты не согнешься и не сломаешься.

Ты настоящий мужчина, а женщины всегда к таким тянутся.

– Красотка небось, – лукаво подмигнул Федор, – и богатая притом! Может, и не поедem никуда? На кой нам этот хренов Балрон? Когда нам и тут хорошо.

– Мы уже говорили с тобой об этом, – посерьезнел Андрей. – Ты лучше скажи, что это такое? – Он полез в карман и достал завернутый в тряпочку значок, который ему показывала Олра.

– Хм... откуда это у тебя? – настороженно спросил Федор, угрюмо рассматривая значок, на котором были изображены череп со скрещенными костями и сабля. – Это знак полка императорской гвардии, в которой служат только дворяне. Паскудный, я тебе скажу, полк. Как воевать – их нет. А вот на парады да по трактирам – это самое то. Напакостят, напоганят, потом родители их выкупают. Ты-то как с ними столкнулся? Лучше от них держаться подальше – себе дороже.

– А как их можно найти?

– Ну как? В казармах императорского дворца, конечно. Только тебя туда не пустят. Ты в своем репертуаре, да? Опять? Пора фургон готовить? Ну чего ты мне моргаешь? Она все знает. Я же не могу скрывать от своей жены. Мы по жизни вместе, и она имеет право все знать. Настен, поела? Иди, доченька, уложи кошечку поспать. Иди. Мы тут взрослые разговоры разговариваем, тебе неинтересно будет. Иди, моя хорошая.

Взрослые замолчали, а Настена побежала в другую комнату, откуда вскоре послышался ее веселый голосок – она разговаривала с Шанти.

– Что они натворили, сразу говори, – нахмурился Федор. – И к чему нам готовиться?

Андрей вздохнул, пожал плечами и начал свой рассказ. Когда умолк, Алена сидела бледная, прижав ко рту платок, а Федор – туча тучей, постукивая ножом по столешнице.

– Что тебе могу сказать... – сказал он хмуро. – Да, таких тварей надо убивать, однозначно. Но как тебе подступиться к этому делу – не знаю. И тем более, что ведь, уверен, ты хочешь, чтобы она их убила, чтобы отомстила за отца и за себя? А она решится на это? А если решится, как вы с ней будете после этого выстраивать отношения? Ведь она, похоже, думает, что ты что-то вроде солдата, наемника, а не... И не проболтается ли она после этого? И где-то надо будет держать этих уродов после того, как ты их похитишь. И еще: мы рассуждаем, что будет *после* того, как ты их похитишь, но надо еще ведь их найти – и как ты это сделаешь? Прошло... сколько? Ей было двенадцать лет. Сейчас около тридцати. Восемнадцать лет! Им сейчас лет по сорок, если не больше, скорее всего, они уже в

чинах, а может, и вышли в отставку – и где ты их найдешь? Я понимаю, что для тебя нет ничего невозможного, знаю тебя как облупленного, но мне кажется, что это и для тебя уже слишком.

– Есть у меня одна задумка. Дело в том, что я знаю, как выглядел один из них. Тот, кому, собственно, и принадлежал этот знак. У тебя найдется уголек и лист бумаги?

– Хм... сейчас поищем. Ален, найди, пожалуйста, а то я сейчас буду полчаса ползать. Ты вечно уберешь куда-то, найти не могу.

– Да куда я уберу? Всегда в одном и том же месте лежит – ты все запомнить не можешь. Вот, на тумбочке. А уголек сейчас принесу.

Алена вышла, а Федор внимательно посмотрел в лицо Андрею и негромко спросил:

– Зачем тебе это надо? Ну исчадия – ясно. Но эти-то? Они зачем? Прошло столько лет, уже все устаканилось – зачем?

– Федь, не городи ерунды. Представь, что то же самое сделали с Аленой – и что ты бы сделал?

– Честно – не знаю. – Федор задумался. – За мной теперь еще и Настена, и тот, кто сидит в животе Алены. Не знаю... Хм... а ты попался! Ален, он попался! Он сравнивает свою... как ее? Олру с тобой! Похоже, втюрился наш недотрога, попался в ласковые сети. Вот так вот. Сколько ни бегай, а все попадешься. Я, старый карась, думал, так и помру в своем тихом пруду, не оставив наследника, а вот поди ж ты! Судьбу не обманешь... на вот тебе бумагу, на – уголь. Что, рисовать будешь? А ты умеешь?

– Баловался когда-то в детстве. Даже в художественный кружок ходил, – рассеянно отозвался Андрей.

– Куда ходил? – не понял Федор.

– Школа такая... для детей. Где художествам учат. Не мешай, мне сосредоточиться надо.

Андрей взял в руки знак и стал впитывать его ауру. Перед глазами снова встало лицо человека, вначале показавшегося ему взрослым, но теперь он видел, что это парень лет двадцати – двадцати пяти. Двенадцатилетней девчонке он показался старым, конечно, но на самом деле он был вполне молод. Лицо носило следы распутной жизни – красный нос с синими прожилками, нечистое дыхание, желтые зубы, толстые, мокрые губы... Андрей несколькими штрихами набросал лицо, подчеркнув губы, широкие брови, глаза с немного раскосым разрезом...

Через пару минут перед ним лежал готовый портрет, по которому можно было легко узнать этого человека.

– Да ты талант... – с изумлением протянул Федор. – Ты мог бы прославиться как художник! Тебе бы портреты рисовать, а ты железками размахиваешь! Ну и ну...

– Портреты мне удавались всегда, это точно, – усмехнулся Андрей. – Учитель рисования был в восторге. Но жизнь как-то так сложилась – ушел в армию, а там... пошло-поехало. И уже из этой колеи не выскочить.

– Да, знаю по себе, – кивнул друг, – я и то вон еле-еле выскочил... впрочем, не до конца. Как же ты будешь разыскивать этого гада? Есть мысли?

– Есть.

Андрей изложил свой план, а Федор и Алена поохали, дивясь его придумке. Вскоре Андрей засобиравшись и, уже поднимаясь из-за стола, вдруг спохватился:

– Слушай, такое дело – мне нужно купить набор медицинских инструментов, самый лучший, самый дорогой. Где это сделать? Вряд ли они тут на дороге валяются.

– Что, ты хочешь этих уродов по кусочкам резать? – не понял и нахмурился Федор.

– Надо будет – порежу, – резко возразил Андрей, – и скальпели мне для этого не понадобятся. Мне для другого дела надо. Для лечения.

– Кстати, ты так и не рассказал, что с тобой было после того, как мы расстались! – попенял ему Федор. – Уперлись в твою личную жизнь да негодяев обсуждали. А самое-то интересное осталось в стороне. Не-е-ет... пока не расскажешь, никуда не уйдешь. Ну-ка, Алена, подопри дверь! Успеешь к своей красотке – мы дольше ждали. Колись давай – где был, чего делал.

Андрей закрыл глаза и снова сел на место, тяжело вздохнув.

– И не фиг вздыхать! Совесть нужно иметь! Появился через полгода, где был, чего делал – ничего не ясно. Притащился с какой-то кошкой, ничего не рассказывает, и тут же убегать. Нет уж, сиди. Ален, налей-ка нам чаю. А может, еще винца выпьем?

– Хватит тебе винца! – отрезала Алена. – Повода уже нет. Все. А чаю сейчас устрою. Андрюш, ты рассказывай пока, рассказывай – я слушаю.

Рассказ затянулся более чем на час. Андрей описал все, что с ним произошло до того, как он пришел в гостиницу.

– Остальное вы знаете, – закончил он.

Наступило долгое молчание. Потом Федор откашлялся и негромко сказал:

– Если бы мне рассказал кто-то чужой, я бы не поверил. Но ты?!

Драконы, чудеса... я просто в шоке. И ты хочешь лечить это существо? В голове не укладывается.

– Ален, я не хочу при Настене, ты не могла бы ее уложить поспать после обеда? – попросил Андрей. – Она ребенок, мало ли где случайно сболтнет – могут быть большие неприятности. Уложишь?

– Сейчас попробую. Если удастся. Впрочем, она уже и сама спит, – сообщила Алена, вернувшись. – С твоей «кошкой» обнялась и спит.

– Шанти, иди сюда. Только не разбуди ребенка, – попросил Андрей.

Драконница тут же появилась в дверях и независимо прошла к столу. Запрыгнула на него и села, поглядывая на людей. На нее упал луч из окна, и глаза «кошки» засверкали, как два изумруда.

– Видите, какая она у меня красотка! – усмехнулся Андрей. – А еще – вредина, злыдня и обжора.

– Сам-то кто? – невозмутимо парировала Шанти. – Как ты вчера лопал – это надо было видеть. Как два дракона, жрал!

– Она говорит, что я не лучше. Шанти, покажи нам свой реальный вид, только реальный не по размерам – стол сломаешь.

Черная кошка на столе замерцала, и через пару секунд на ее месте остался небольшой дракончик, переливающийся в лучах солнца всеми цветами радуги и сияющий, как драгоценный камень. Люди выдохнули от восторга, как будто получили под дых, а Андрей, глядя на сидящих с вытаращенными глазами Федора и Алену, с удовольствием сказал:

– Теперь вы понимаете, почему я попросил увести Настю? Такое забыть нельзя! Эта красотка навсегда западает в душу.

– Вот теперь хорошо говоришь! – хихикнула Шанти. – Говори, говори дальше.

– К этому телу да характер бы попроще, – продолжил Андрей, подмигнув дракончику. – Теперь видишь, Федор, что мне предстоит сделать. Смотри. – Он оттянул перевитые, изломанные крылья Шанти. – Надо сломать кости, выправить их, связать шинами, срастить... а потом ждать, сможет ли она летать. Пока только бегать может, и то плохо. Ленивая, да и засиделась в своей дыре. Все, перекидывайся в кошку.

Шанти замерцала, и через секунду на столе уже сидела обычная черная кошка, с блестящей антрацитовой шерстью, изумрудными глазами и нервно подергивающимся хвостом.

– Вот так вот, друзья. Ну все, нам пора. – Андрей встал и, оглядев себя, с усмешкой сказал: – Придется в лавку заходить. Не буду же я в твоём барахле шастать. Оно мне на пару размеров шире, чем надо.

– Это в талии, – уточнила Алена, – а в плечах вон трещит все. Кое-кто

отрастил себе слишком большой живот, ты не находишь? Ничего, скоро будет худым и стройным, как и ты.

– С тобой станешь! – проворчал Федор. – Поднимает с утра – то дай, это дай, то сделай, это сделай, и выпить не дает!

– Бунт? Будем пресекать! Сегодня ляжешь на кухне! – засмеялась Алена.

– Чего сразу на кухне-то? Чего сразу репрессии? – забеспокоился Федор. – Айда, Андрюх, провожу тебя. Заодно расскажу, где инструменты продают. Я видал там, когда моим за лекарствами ходил. Это лавка лекаря-травника – как выйдешь, сразу направо, потом...

Андрей толкнул дверь, зазвеневшую колокольчиком, тут же за стойкой образовался невысокий старичок с белой окладистой бородой. Что-то вроде сказочного звездочета, каким его рисуют на картинках.

Андрей усмехнулся про себя: длинная борода, седины – непременный атрибут местного лекаря, как он уже понял. Ну кто пойдет лечиться к юнцу, не разбирающемуся в жизни по причине малого жизненного опыта. А раз не разбирается в жизни, как он может разбираться в болячках?

– Приветствую вас! Что хотели бы купить? Есть возбуждающие мушки – для всех возрастов. Выпить настой на растолченных мушках, и будете заниматься любовью всю ночь напролет. Или вот – корень дерева эффога, привезли из-за моря. Натереть его немного вашей даме в вино – она не отойдет от вас целый день и всю ночь! Очень, очень хвалили кавалеры!

– Хм... я как-то и без мушек справляюсь, и корнем мою даму не надо тыкать, чтобы она от меня не отходила, – рассмеялся Андрей.

– Да, скорее всего, справляетесь... – задумчиво протянул старичок, окинув взглядом поджарую фигуру с широкими плечами и мужественное лицо посетителя. – И дама ваша, скорее всего, и так от вас не отходит... Эх, где мои двадцать лет? Ну так что вас привело ко мне, молодой человек? Порошок от изжоги? От поноса? Может, наговоренный амулет для привлечения женщин? Ах, ну да, ну да... забыл.

– Мне нужен набор хирургических инструментов, – попробовал вклиниться в рекламу медицинских препаратов Андрей, опасаясь, что старик сейчас продолжит перечисление средств от поноса и он застрянет в этой лавке надолго.

– Интересно, очень интересно. – Старик приставил к глазу монокль и вперился в лицо пришельца. – И с какой же целью вы хотите приобрести этот набор, я могу узнать?

– Нет, не можете, – отрезал Андрей, не без оснований подозревая, что

сейчас начнутся долгие и нудные расспросы. – Если у вас есть такой, я куплю. Если нет – уйду и поищу в другом месте.

– Не сердитесь, простите уж старика. Мне скучно, сижу тут один – приходит симпатичный молодой человек, и мне хочется поговорить. Есть такой набор, да. Но он очень, очень дорогой. У вас хватит на него денег? Вы уж простите меня, но он правда качественный, из лучшей стали, из которой делают булатные сабли, и он на самом деле дорогой. Их мало покупают, а я как-то по случаю прикупил и теперь не могу его продать. Покупают все больше дешевые, легко тупящиеся. А наши лекари – народ жадный, глупый, им бы все подешевле да понекачественнее. Да-да, не хмурьтесь, уже несу!

Старик достал с полки небольшой ящичек, инкрустированный серебром и костью, положил его на прилавок и раскрыл. В ящичке размером сорок на шестьдесят сантиметров лежали хирургические инструменты, каждый в своем гнезде, прижатые специальными захватами.

– Видите, как сделано? Даже если уроните, они не сорвутся с места и не поцарапают друг друга! Не затупятся и не выпадут из ящичка! А ящик можно переносить за ручку – вот тут. – Аптекарь показал приделанную сбоку кожаную ручку. – А сталь какая! Смотрите, какой скальпель – да он прорежет все что угодно и даже не затупится! Их и точить не надо, они сами затачиваются. Говорят, – он понизил голос, – здесь применена какая-то магия! Разве могут быть ножи и скальпели такими острыми? А вот зажимы, расширители, ножницы – и все посеребренные, все острые, все высшего сорта! Сто пятьдесят золотых. Меньше – нет. Простите. Если честно, я этот набор за сто пятьдесят и взял, клянусь. Он завис у меня, клиентов не нашлось. Может, плохо искал... но вот так. Дешевле не будет. И кстати сказать, это дешево! Понимающий лекарь отдал бы и тысячу за него. Вот только нет понимающих. Одни болваны пошли. Только денег взять, а работать не хотят. На днях один знакомый жаловался: лечили от простуды, горло болело. Он косточкой рыбной подавился, и она у него в горле застряла! Ну это ли не идиоты? Достал ему кость, что поделаешь. Вы скажите лучше – для кого набор хотите взять? Если собираетесь делать кому-то операцию, и, как я понимаю, тайно, так, может, я чем-то помогу? Много не возьму – двадцать золотых добавьте, и все. Зато я качественно сделаю.

«Нет уж! – подумал Андрей. – Потом вся округа будет знать, что и как делалось. Сам сделаю».

Через каких-то двадцать минут Андрей выходил из лавки, став беднее на сто сорок золотых (он все-таки сбил десятку – старик точно врал про сто

пятьдесят, у Андрея чутье на вранье развилось просто феноменальное). Кроме инструментов он купил хирургических ниток, спирта в бутылке (настоящий спирт, горит без запаха и копоти – проверил). В общем, к операции он был готов. Теперь нужно было навестить еще кое-кого.

– Я же сказал, что ты вернешься! – Обезьянья физиономия Симона выражала полное удовлетворение жизнью. – И что теперь? Надеюсь, не с претензиями, что твои друзья съехали? Нет? Ну и хорошо. Значит, ты принес мне еще денег. Ведь ты же не поздравить пришел старого доброго Симона? С подарками и приветственными одами? Нет? Вас хрен дождешь, что бы вы просто так чего-нибудь дали. Заходи, не торчи тут как столб!

Пройдоха повернулся, запахнув цветастый шелковый халат, и пошел в гостиную, где уселся в кресло перед камином. Хотя столица и находилась южнее, чем Нарск, но осень и тут уже вступала в свои права, медленно, но верно, поэтому на улице было прохладно и ветрено.

Потрескивали дрова, перед Симоном на столе стояла кружка, от которой исходил аромат горячего вина и специй, и в гостиной было тепло и уютно. Мужчина взял в руки кружку, невозмутимо отхлебнул из нее и ворчливо сказал:

– Ну так есть у тебя дело или нет? Мне некогда с тобой расслаживаться!

– Мне надо найти человека...

– Вот как? Неужели? А я думал – дракона!

– Почему дракона? – Андрей чуть не вздрогнул, насторожился и наклонился вперед, глядя хозяину дома в лицо.

– Да это выражение такое, – пожал плечами Симон. – Найти дракона – значит, найти то, чего нет на свете.

«Вот мерзкая тварь! Я бы ему показала, кого нет на свете! – возмутилась Шанти. – Это такой дряни, как он, я думала, нет на свете. Такой пакости, как этот мерзкий человечиска, даже на помойке не найдешь! Крысы и те краше!»

– Кстати, – продолжил посредник, – кошка твоя очень даже симпатичная – не хочешь продать? Я хорошо заплачу.

– Ты любишь кошек? – вскинул бровь Андрей и подумал о том, что ничего удивительного нет – Гитлер же любил собак, но это не мешало ему планировать уничтожение целых народов.

– Нет. Мне лекарь прописал кошачьим жиром натирать ноги. Болят в непогоду, кости ломит. Только надо, чтобы кошка, когда из нее вытапливают жир, была свежей, только что забитой. А лучше – живой. Чего ты так на меня смотришь? Ну не хочешь – не продавай. Я найму людей,

мне бродячих наловят. Твоя жирненькая, ухоженная, много жиру бы получилось, и качественного.

«Нет, ну правда – откуда такие твари берутся? – ошеломленно подумал Андрей. – А если бы ему прописали человеческим жиром натирать? Страшно и подумать...»

«И ты теперь скажешь, что ваш человеческий род добрый и хороший? – угрюмо спросила Шанти. – Давай ему башку оторвем, а? Ну зачем эта тварь живет?!»

– Вот, – Андрей положил перед Симоном написанный углем портрет, – этого человека мне надо найти.

– Род деятельности? Где предположительно может находиться? Как давно там был последний раз? Сколько лет? Сословие? Давай всю информацию, что есть. – Симон насторожился, как охотничий пес, и его умные маленькие глазки зашарили по портрету.

– Гвардеец императора. Был таковым восемнадцать – двадцать лет назад. Сейчас ему лет за сорок или около сорока. Все, больше ничего не знаю. Нужно его имя, где он сейчас находится, где живет, где бывает, его друзья и родственники – вся информация, которую можно получить. Сможешь?

– Смогу, конечно, – усмехнулся Симон. – Двести золотых.

– Обалдел? В прошлый раз ты взял всего три!

– В прошлый раз ты искал обычных людей. Которые на хрен кому сдались. Я что, не видел этого? Сейчас ты ищешь одного из элиты этой страны, дворянина. И ищешь не с целью пожать ему руку – или я не Симон. К этому делу нужно подходить осторожно – обставить все так, чтобы он не заподозрил о слежке, чтобы не перекрылся. Для этого нужны люди высшей квалификации, а они стоят денег. В общем, за меньшую сумму я не возьмусь.

– Сроки?

– Неделя, не меньше. Через неделю можешь зайти и узнать, как продвигаются дела. Деньги с собой?

Андрей кивнул, со вздохом вытряс из пояса последние золотые и отсчитал нужную сумму. Симон аккуратно пересчитал монетки, выдвинул ящик стола и небрежно скинул стопку вниз.

– Все. Можешь идти отдыхать. Заказ будет выполнен.

Андрей встал, пошел к выходу, но на пороге оглянулся и посмотрел в глаза хозяину дома длинным, тягучим взглядом.

– Надеюсь, не надо говорить, что никто не должен знать о том, что я ищу этого человека или когда-нибудь искал?

– Ну я же не идиот, – усмехнулся человечек. – Или ты меня убьешь за длинный язык, или они убьют. Нет уж, я намерен пожить подольше. Чтобы воспользоваться заработанными деньгами. Я не выдаю заказчиков, и все это знают. Можешь не сомневаться. У-у-у... какая жирненькая кошечка... а-а-а! Гадина! Вынеси эту тварь! Через неделю жду!

Симон захлопнул дверь, ухватившись за окровавленный палец, а Андрей, негромко похохатывая, пошел вниз по ступенькам крыльца.

– Молодец, подруга, наказала подлеца! – закончив хохотать, похвалил он драконицу.

– А пусть свои поганые пальцы ко мне не тянет! – ответила довольная Шанти, тоже хихикая и щеря белые кошачьи зубы. – Ну что, пошли к твоей подружке? Что-то печенки захотелось. Ты ей скажи – пусть печенку выбирает посвежее! Вчера не совсем свежая попалась, не очень сочная была.

– А ты дала мне как следует поблагодарить ее за печенку? Вот будешь мне мешать – тебе вообще тухлую будут давать! Что заслужишь своим поведением, то и получишь. Кто вчера хулиганил, носился по коридору и скребся в нашу дверь? И в самый интересный момент! Ведь неспроста, зараза, ты этот момент выбрала! Ты что, можешь подслушивать мысли?

– Ну так, чуточку, – ухмыльнулась Шанти. – Да вы так там шумели, и без подслушивания было все слышно! И вообще, мне было скучно, хотелось компании. Вы только о себе думаете, а я скучаю в одиночестве!

– Ну и посидела в запертой комнате одна. Вот зачем ты там обои ободрала? Вот как мне теперь отчитываться перед Олрой?

– Да ладно... залезешь на нее пару раз, вот и отчитался. Делов-то... Должна же я была показать тебе, что ты не прав?

– Вот ты маленькая гадина! – фыркнул Андрей. – Ладно, пошли печенку жрать, проглотка. Сейчас только извозчика поймаю – отсюда тащиться все ноги собьешь...

Глава 3

Новые сапоги немного жали или скорее пока не размялись как следует. Андрею пришлось заехать в лавку башмачника, очень обрадовавшегося посещению своего случайного знакомого. Он и действительно сделал приличную скидку, и Андрей ушел довольный – и обхождением, и скидкой, и сапогами. Денег у него оставалось кот наплакал, так что любая скидка не помешает. Впрочем, теоретически-то денег было полно, но за ними надо ехать к Федору, а сегодня это делать не хотелось – пусть побудут одни, помилуются, ведь друг уже решил, что простился с близкими навсегда, а тут такая радость. Пусть уж отметят как следует... в постели. Да и Андрея, хоть он не признавался себе, тянуло к Олре, соскучился за те часы, что не был с ней рядом. Женщина очень нравилась ему, если не сказать больше – может, и правда влюбился? Эта мысль привела его в смешливое настроение, как какого-то мальчишку, и монах засвистел непонятную мелодию, слышанную им еще на Земле.

– Ты чего это? – подозрительно осведомилась Шанти, глядя ему в глаза круглыми «изумрудами». – Что за звуки? Это так ты показываешь своей самке, что готов к совокуплению? Интересный обычай. Только глупый. Если бы драконы ревели, подлетая к своей самке, она бы посчитала самца идиотом и отказала ему в оплодотворении яйца. Зачем ей потомство от идиота?

– Ничего ты не понимаешь, – оторвался от художественного свиста Андрей. – Это музыка, дурила!

– Если это музыка, тогда я лошадь, – уничижительно буркнула Шанти. – И вообще, чем ерундой заниматься, ты бы лучше научился говорить со мной мысленно, а не болтать во всеуслышание. Тогда бы я, может, и поверила, что хоть капля мозгов у тебя есть. Закинуть несчастного дракона в мусорный бачок и совершеннейший дебил может, а вот ты попробуй мыслеречи научиться! Тут голова нужна.

– А что для этого надо? Так-то я тебя слышу, значит, и ты меня должна слышать? Может, это как раз тебе надо научиться меня слышать?

– Дело в том, что, пока ты не будешь выстраивать слова и образы в стройные структуры, до тех пор я буду получать вместо слов мешанину из образов и понятий. Наведи порядок в своей голове и научись говорить без слов. Когда произносишь слова, ты волей-неволей выстраиваешь их в стройную структуру, и тогда я тебя слышу и ушами, и в мыслеречи. Понял?

Начни с того, что вроде как произносишь слова вслух, шепчешь тихо-тихо и обращаешь речь ко мне. А потом, как привыкнешь, и это перестанешь делать, будешь говорить, не открывая рта.

– Хм... понял. Буду тренироваться. Скажи, а почему другие не слышат твоих слов?

– Во-первых, я ставлю блок, чтобы они не слышали. А во-вторых, ты что думаешь, все люди способны к мыслеречи? Кроме того, ты не совсем человек или даже совсем не человек. От человека у тебя только глупое, человеческое понимание некоторых вещей, а тело у тебя нечеловеческое. Не забывай об этом. Кстати, ты когда займешься моими крыльями?

– Скоро. Выберу момент и займусь. Инструменты есть, все, что нужно для операции, есть – теперь только найти помещение и время. Не хочется на глазах той же Олры что-то с тобой делать. Не хочу раскрывать твою тайну. Ведь и драконам не нужно, чтобы информация распространилась? То-то же. Вот что, мне нужно зайти в платяную лавку и спустить последние деньги, так что потерпи немного. Ну, не в этой же одежде к Олре идти – эдак она тебя вкусной печенки лишит, а меня довольствия. Странно так – не я угощаю женщину, а она меня!

– А что странного? У нас драконица самцу подарок приносит, быка, – он поест как следует и ее хорошенько потопчет. А без еды какая сила? Что же тут такого? Хочет, чтобы ты ее потоптал как следует, пусть корм хороший дает.

– Хм... что-то в этом есть, – хохотнул Андрей. – Ты всегда отличалась практичным подходом к делу. Вот и лавка – по виду приличная. Все, разговариваем только мыслеречью.

– Попробуем, – хмыкнула Шанти. – Ты думаешь, это так просто?

Через час одетый с иголки и даже вполне прилично, Андрей вышел из лавки, помахивая чемоданчиком. Денег оставалось только на хороший ужин да два раза проехать на извозчике. Сегодня он ухнул столько, сколько не зарабатывает крестьянин, наверное, за всю свою жизнь.

«Да, столица и вправду любит деньги», – подумал он и подозревал извозчика, с шиком подскочившего к богатому клиенту, сияя улыбкой на широком усатом лице. Сияние его быстро потускнело, когда он, заломив за извоз шесть серебреников, услышал от клиента безапелляционное: «Два, и не больше». Но это была справедливая плата, и, пожав плечами, он повез Андрея к гостинице. Она, кстати, называлась «Синяя кровать». Почему так называли, кто назвал – никто не знал, даже Олра. Гостиницу купил ее отец, и очень давно. И вывеска была та же, только подновлялась каждый год после зимы. Клиенты сюда всегда шли, так зачем что-то менять? Ну синяя и

синяя... какая разница, в самом деле?

– Привет, дорогой! – Олра чмокнула его в щеку, потом отстранилась и восхищенно сказала: – О-о-о! Красавец! А куда прежнюю одежду дел? Бросил? Нашел все-таки своих друзей? Молодец. Не остался у них? Еще больше молодец.

– Я же обещал тебе прийти, – улыбнулся Андрей. – Только я без денег теперь, все потратил. Завтра возьму – мои деньги у друзей остались. Как, не прогонишь?

– Ну что ты ерунду говоришь? И вообще, я приказала перенести твои вещи ко мне в комнату. Ты уж прости, но как-то глупо комнату держать занятой, когда ты там не живешь. Пусть лучше там клиенты спят. Кстати, какая безобразница там обои подрала? А кого веником? Ладно, не шипи – хрен с ними, с обоями. Шкафом задвинем. Ужинать будете? Да чего я спрашиваю-то... Мадра, быстренько нам сооруди чего-нибудь дельное! Супу давай – мужчине без супа нельзя, желудок болеть будет. И пирожков с мясом к супу – у нас сегодня знатные удались, мясо хорошее привезли. Я тоже с вами поем – весь день сегодня бегаю. А чего это у тебя за ящик такой? Или это секрет? – Олра скосила любопытные глаза на ящик с медицинскими инструментами.

Андрей задумался в поисках ответа, потом нашелся:

– Ты же говорила, что лекарем выгодно работать, вот я и прикупил инструменты. Вдруг пригодятся.

– Ох, темнишь что-то, – усмехнулась Олра. – Ты на лекаря похож, как я на призового бойца.

– Не веришь? – покачал головой Андрей. – Вот, гляди.

Он положил ящик на стол и открыл крышку. Олра с любопытством взглянула на содержимое и удивленно раскрыла глаза.

– И вправду инструменты. Ты что, на самом деле решил лекарем заделаться? Хм... а что, – оценивающе прикинула она, – ты бы имел успех у знатных дам. Такой красавчик ощупывает, вставляет инструмент...

– Тьфу, перестань! – рассмеялся Андрей. – Не хочу я ощупывать знатных дам и вставлять в них инструмент. Ешь давай, вы с моей кошкой обе злостные вредины.

Они еще минут сорок ели, болтали ни о чем, смеялись, и Андрей поймал себя на том, что испытывает огромное удовольствие – как будто находился дома, некуда было спешить, нечего бояться и он сидит со старым другом, с которым не надо выбирать выражения и думать, обидят его сказанные слова или нет.

Андрей не сразу заметил, как глаза Олры внезапно расширились. Он с

досадой подумал о том, что стал расслабляться, а это неверно. Вот, кстати, сейчас он вопреки своим правилам сидит спиной к входу. Так можно и жизнь потерять.

Оглянувшись, Андрей увидел крепкого мужчину с саблей на поясе, в сопровождении трех товарищей, шумно приветствующих бармена и подавальщиц. Человек передвигался ловко и стремительно, как танцор, и было видно, что его тело великолепно тренировано и подчиняется своему хозяину до последней клеточки сильного организма. Это был настоящий боец – как и Андрей. Бойцы сразу видят, кто есть кто, им не надо выспрашивать, какие дипломы и регалии имеет противник. Регалии – тлен. Настоящий бой – вот что показывает, стоит ли боец своих регалий.

Мужчине было лет тридцать, довольно хорош собой, худощавый, высокий – выше Андрея, тонкая талия и длинные руки. Его спутники были похожи на него как братья – а может, это и были братья? Но скорее всего, нет. Андрей определил для себя род занятий этого человека как бретер, телохранитель или... наемный убийца. Впрочем, частенько эти профессии сливались в одну, уж это-то он знал великолепно.

Андрей снова сел прямо и спокойно продолжал есть и пить, как будто ничего не заметил. Олра, сделав над собой заметное усилие и искусственно улыбаясь, вернулась к прерванному разговору, расспрашивая Андрея, в каких лавках он сегодня был и как нашел друзей. Послышались легкие, упругие шаги, и к их столику подошел тот самый мужчина. Он с улыбкой посмотрел на Олру, не обращая внимания на Андрея, и только собрался что-то сказать, как она порывисто встала и резко, напряженным голосом произнесла:

– Халид, пойдем поговорим. Извини, Андрей, я сейчас.

Она отошла в дальний угол комнаты и присела на край свободного стола, опираясь на него обеими руками и повернувшись лицом к залу. Мужчина лениво последовал за ней. Ослабившись и криво усмехаясь, снисходительно поглядывая на женщину, встал рядом, выставив левую ногу чуть вперед. Андрей хорошо слышал даже шорохи мыши, копошащейся под половицей, а уж разговор, который вели всего в десяти метрах от него, тайной и вовсе не являлся.

– Ты мерзавец! Сбежал, да еще и прихватил пятьсот золотых! Скотина!

– Ну я отработал их, разве нет? – Голос мужчины был усмешливым и ироничным. – Я старался той ночью. Ну прости, милая. Не последние же у тебя это деньги! А мне они были очень нужны. Очень. Ты просто спасла меня – я проигрался в пух и прах, пришлось даже бежать. Но теперь я вернулся, и все пойдет по-прежнему. Я же тебя люблю!

– Пошел ты на хрен, Халид!

– Ты забылась, женщина! Я могу тебя поучить и по-другому! Забыла, каков мой ремешок?

– Скотина! Я тебя тогда простила, а зря. Тварь ты. Пошел вон отсюда и больше не приходи. У меня есть мужчина, и он не чета тебе.

– Это вон тот сморчок, что ли? Да мне его только положить на ладонь и прихлопнуть, мокрое место останется. И чем же он занимается, твой мужчина? Нищеврод небось какой-нибудь. Ты вечно привечаешь нищевродов.

– Это точно, один из них передо мной. А он – лекарь, и богатый. Ему мои деньги не нужны, в отличие от тебя, живущего за счет баб! Ты не мужчина, ты сам баба!

Послышался звук пощечины, и голова Олры мотнулась, а на ее щеке остался отпечаток ладони.

Андрей вытер руки о полотенце, встал и решительно зашагал к собеседникам. Подойдя к мужчине, стоящему к нему спиной, Андрей взял его за плечо, развернул и нанес оглушительный удар открытой ладонью – пощечина за пощечину.

Халид едва не упал – удар «лодочкой» может сбить с ног обычного, неподготовленного человека, но этот был крепок. Он ошеломленно посмотрел на Андрея и потянул из ножен саблю. Андрей изготавился к бою, но Халид остановился, глядя на что-то за его плечом, и, оглянувшись, Андрей увидел вышибалу с армейским арбалетом в руках, направленным на дебошира.

– Еще движение, и ты труп. Олра, отойди от него. И ты, Андрей. Я всегда говорил тебе, хозяйка, ни к чему связываться с подонками. Халид, пошел вон!

– Ну что же, – усмехнулся бретер, – вы считаете, что бессмертны и что арбалеты имеются только у вас? Что, лекаришка, у тебя хватает смелости раздавать пощечины лишь под прикрытием арбалетчика? А на дуэль выйти слабо?

– В любой момент, – пожал плечами Андрей. – Хоть сейчас. Только не здесь, конечно. И сабли у меня нет.

– Саблю я тебе дам. Жду тебя через полчаса на пустыре к югу от трактира. Там очень удобное местечко, и нам никто не мешает. А если не придешь, я спалю эту поганую дыру вместе с сукой хозяйкой. Клянусь. Пошли, друзья! – Он махнул рукой своим товарищам, с интересом наблюдавшим за происходящим, и крупными, легкими шагами, как будто шагал большой, сильный зверь, вышел из трактира.

Олра устало опустилась на ближайший стул и уронила руки на колени. Потом посмотрела на Андрея и опустошенно сказала:

– Зря ты вмешался. Только масла в огонь подлил. Он теперь точно не отвяжется.

– Кто он вообще такой? – Андрей сел рядом, взял ее руку в свою. – Чего ты так всполошилась? Ну дерьмец какой-то, знавал я таких... наглец, живущий за счет баб. И я вот такой же – ем за твой счет. И сплю в твоей комнате. Чего ты так перепугалась-то?

– Да ну тебя, – улыбнулась Олра, – сравнил тоже, себя и его. Ты добрый, с кошечкой ходишь, а он... он опасен. Очень опасен. Спроси вон его, – она кивнула на вышибалу, – кто такой Халид.

– Кто? – подхватил Никат. – Тварь та еще. Когда он исчез, все вздохнули спокойно. И чего ты, хозяйка, терпела его столько времени? Давно надо было гнать дармоеда! Только и делал, что задирает гостей да исчезал по своим темным делишкам. Мы из-за него нескольких постоянных клиентов потеряли. Понимаешь, он кто-то вроде наемного убийцы. Дуэлянт. Он на дуэли убил людей больше, чем у меня пальцев на руках и ногах! Его давно замочить надо было, только никто не осмеливается. Халид связан с какими-то боссами преступного мира в этом городе и выполняет их заказы. Вот как с ним связалась хозяйка, при ее чутье на людей, при ее жизненном опыте и характере – до сих пор для меня загадка. Это только она может пояснить. Ладно, я ушел работать, вы тут сами разберетесь. Да, Андрей, опасайся его левой руки – он обоеручный боец и скрытый левша. Саблю я тебе дам – сейчас принесу из своей комнаты. Его надо завалить, и я надеюсь, что у тебя это получится. Потому что иначе нам тут солоно придется. Учти это.

Вышибала, тяжело проминая пол, зашагал в сторону служебных помещений, а Олра грустно усмехнулась:

– Все верно Никат сказал. Как я с ним связалась, с Халидом? Сама не знаю. То, что он хороший, неутомимый любовник, меня не оправдывает. Как затмение какое-то нашло. И ведь знаю – человек-то дерьмо, а тянет к нему, и все! Может, околдовал?

– Там, откуда я родом, есть такая пословица: «Любовь зла – полюбишь и козла», – улыбнулся Андрей. – Надеюсь, теперь-то ты от этой любви излечилась?

– Напрочь. И стоило лекарство всего пятьсот золотых. Согласись, не такая уж высокая цена за излечение от такой дурной болезни? Слушай, Андрей, не ходил бы ты на дуэль, а? Как бы хуже не вышло. Я знаю, как выйти на главного бандита в нашем районе, – мы платим ему мзду за то,

чтобы нас не трогали. Он с ним поговорит, Халид отстанет. Ну обойдется мне в какие-то деньги, они есть, эти деньги. Может, так сделать поумнее будет?

– Даже и не знаю, что тебе сказать, – хмыкнул монах. – А если не отстанет? Если будет преследовать? Тем более что от меня он, скорее всего, не отвяжется – может и на моих друзей выйти. Нет, его валить надо – правильно Никат сказал.

– А сможешь? – с сомнением и тревогой спросила Олра. – Он ведь и правда один из лучших бойцов этого города. Я страшно боюсь за тебя. Если он тебя убьет... мне будет очень, очень плохо. И не потому, что Халид вернется – с ним я как-нибудь справлюсь, – а потому, что тебя не будет. Похоже, что я влюбилась на старости лет.

– Ну до старости тебе еще очень далеко, – усмехнулся Андрей, – а что касается «убьет»... Я его убью. Стопроцентно.

– Надеюсь, – прошептала Олра, но Андрей ее уже не слушал – он внимательно смотрел в зал.

Двое из тех, кто был с Халидом, вернулись, сели неподалеку от стойки за столик и внимательно следили за тем, что происходит в зале, нарочито расслабленно попивая из кружек пиво. На улице – Андрей был уверен – стояла еще парочка таких же типов. В общем, обложили. Он поморщился – не вовремя, ох как не вовремя! Ему бы посидеть тихо неделю, ну а потом... потом уже можно и пошуметь – перед отъездом.

У него кольнуло сердце: «А как же Олра? Оставить ее тут? Она же никуда не поедет... и как же наши отношения? – И отругал себя: – Какие отношения? Всего чуть больше суток знакомы! Уеду – она найдет себе другого мужика, и все. А может, не найдет? Каждому мужику хочется думать, что он особенный, не такой, как все, что женщина будет целыми днями убиваться по нему и плакать в подушку, вспоминая его нежные, сильные руки... тьфу! Просто сериал какой-то... А что не сериал? А то, что надо жить моментом, принимать все таким, какое оно есть. И не задумываться о том, что будет дальше. Иначе жить невозможно, если всего бояться».

Андрей улыбнулся своим мыслям и взглянул на подошедшего к нему вышибалу. Тот держал в руке сверток из тонкой холстины. Положил его на стол, развернул – в нем оказалась сабля в ножнах. Никат аккуратно выдвинул узорчатое лезвие из ножен и, глядя на Андрея, сказал:

– Проверять пальцем остроту не советую – распорешь до кости. Это очень хорошая, булатная сталь. Потом вернешь саблю – она призовая, и я не намерен раздавать такое оружие направо и налево.

– А если не смогу вернуть? – усмехнулся Андрей. – Вдруг убьют?

– Не убьют. Или я ничего не понимаю в людях. Только готовься – он один не ходит, и никто из них не собирается соблюдать дуэльный кодекс. Впрочем, а кто его вообще соблюдает? Если никто не видит, могут устроить любую пакость. Может, в других странах и не так, но это – Славия. Тут ухо остро держи. Смотри, чтобы в кустах никто не засел. Я бы с тобой за секунданта пошел, но рабочее место боюсь оставить – мало ли что тут без меня начудят. Тем более что вон они, придурки, сидят...

– Иди с ним! Иди, продержимся без тебя! Вдруг и правда там что-то нечестное будет? – встрепенулась Олра. – Арбалет возьми на всякий случай!

– Нет. Я один пойду, – твердо заявил Андрей. – Все будет нормально, не беспокойтесь. Я прошу, отнесите ящик в комнату, хорошо?

– Хорошо... – вздохнула Олра. – Ты уверен, что один справишься?

– Совершенно уверен. А сабля хороша! – Андрей погладил ножны, взял их в левую руку и плавным движением выхватил клинок. Он был отлично уравновешен, переливался морозными узорами и был как раз по длине его руки – не больше и не меньше. Он вложил саблю, завернул ножны в полотно и сунул под мышку.

– Пошел я.

– Кошку с собой берешь?

– Конечно, – улыбнулся Андрей. – Она потом меня обдерет, если лишится такого зрелища!

Олра неуверенно улыбнулась в ответ и проводила любовника взглядом. На душе у нее было отвратительно, и ужасно хотелось напиться вина так, чтобы забыть все и вся. Ну, может быть, кроме этого мужчины с холодным взглядом убийцы... таким теплым и нежным, когда он смотрит на нее.

Шанти вскочила Андрею на плечо, когда он проходил мимо столика, где она сидела.

Андрей с сожалением посмотрел на недоеденное и недопитое, вздохнул и решил, что закончит позже. Не откажет же ему подруга в парочке пирогов на сон грядущий? Впрочем, с полным животом заниматься физическими упражнениями не очень-то комфортно... это касается, кстати, и дуэли.

Он вышел из трактира, определился с направлением и бодро зашагал по улице в сторону пустыря. Он сразу засек за собой «хвост» – двое стояли через дорогу и всем своим видом изображали полное отсутствие интереса к своему объекту, а двое вышли из трактира следом за ним. Андрей

усмехнулся – дилетанты чертовы. Им не следить за кем-то, а гусей пасти.

Пустырь открылся внезапно, когда улица круто завернула за угол какого-то дома, смахивающего то ли на склад, то ли на заброшенный завод. Пустырь прилегал к городской стене – пыльный, утоптаный множеством ног, он, по-видимому, постоянно использовался для дуэлей.

Андрей огляделся, и ему показалось, что в окне на втором этаже заброшенного здания что-то мелькнуло. Он подумал и мысленно, стараясь точно передать все слова, обратился к Шанти:

– Не хочешь позабавиться? Похоже, на втором этаже сидит стрелок. Полная свобода действий – хоть голову ему оторви.

– Ловлю на слове! – ухмыльнулась кошка и с опозданием спохватилась: – Ты все-таки научился говорить мысленно?! Хм... беру назад свои слова насчет полного отсутствия у тебя мозгов. Побежала!

Шанти соскочила с его плеча и, задрав хвост трубой, дала стрекача – прямо в темный дверной проем, а Андрей проследовал к центру площадки, где его уже дожидался Халид.

Убийца стоял со скучающей миной – видно было, что ему это не в первый раз и он полностью уверен в своем успехе.

– А я думал ты не придешь, – с усмешкой сказал он. – Скажи, а ведь хороша она в постели, да? Я ее многим штучкам научил. Так что можешь мне сказать спасибо, что перед смертью пришлось попробовать такую бабу. Надеюсь, ты хорошо ее для меня разогрел? Не давал скучать? Как только я закончу с тобой – пойду и как следует ее отдеру, вспоминая, как перерезал тебе глотку. Мне будет вдвойне приятно!

Андрей невозмутимо посмотрел на словоблудничающего бретера и спокойно спросил:

– Скажи, как она могла запасть на такого пустозвона и придурка, как ты? Вот не понимаю, и все тут. Открой мне тайну, я ведь никому не расскажу – ты же меня все равно убьешь.

– Убью. Почему запала? Пара капель специальной разжигающей страсть жидкости, пара сладких слов, сильный амулетик, вызывающий тягу к партнеру, вот тебе и результат. Что касается придурка и пустозвона – за это ты ответишь. Я хотел убить тебя быстро, а теперь в спору тебе брюхо и задущу тебя твоими же кишками.

– Это уж как получится, – меланхолично хмыкнул Андрей и достал саблю, аккуратно положив в сторонку ножны и холстину, в которую они были завернуты. – Ну что, начнем? Или ты так и будешь, как ребенок, хвастаться своими пакостями? Сдается мне, что ты зажился на белом свете. Тебе не кажется? Нет, вижу – не кажется, – сказал Андрей, отбивая

яростный выпад Халида.

Андрей бился с саблей в правой руке и кинжалом в левой. Поодаль стояли люди Халида – то ли подчиненные, то ли друзья. Их было четверо, а сколько пряталось в здании – неизвестно. Андрей не собирался затягивать поединок, ему нужно было скорее прикончить подонка и идти по своим делам – пироги недоедены, а этот идиот тут железкой машет. Посему он начал ускорять темп.

Вначале Халид ничего не понял – он решил, что встретил лоха, которому быстренько отрубит башку и после этого пойдет и возьмет его женщину. Однако «лох» почему-то не желал дать отрубить себе башку, и более того, ни один хитрый удар Халида не достиг цели. Этот незнакомец со скучающе-спокойным выражением лица отбивал все самые каверзные и быстрые финты. А ведь Халид был признанным мастером клинка.

Он начал ускорять темп, доходя уже до предела возможности, но этот человек ускорился сам, и так, что стал теснить Халида, загоняя к городской стене.

Халид не дожил бы до таких лет, занимаясь грязными делишками, если бы не умел предусмотреть самые фантастичные и странные варианты развития событий. На всякий случай он поставил в здании напротив двух стрелков с арбалетами, они должны были выпустить болты по его команде, если что-то пойдет не так.

Отступив на шаг, Халид подал условный сигнал, взмахнув саблей вверх и вправо, как будто отдавал салют. Через секунду после этого из окна второго этажа вылетели два круглых предмета, в которых убийца без труда опознал головы своих помощников. Они покатались по площадке почти к его ногам, и Халид, став белее мела, на мгновение замер.

Андрей не видел, что происходило за его спиной, но догадывался. Не беспокоясь о тылах, сделал несколько финтов, выпадов, затем ускорился в несколько раз и косым ударом через ключицу разрубил бретера до самого сердца, ударив с потягом, как когда-то его предки-казаки.

Он сделал шаг в сторону, почуяв шевеление за спиной, и вовремя: в том месте, где он стоял, свистнули две сабли – помощники Халида вступили в бой, и за ними спешили еще двое.

Молниеносный отбив, укол – сабля вышла из шеи одного... движение в сторону, подсек, сверху добил – из черепа брызнула кровь, и второй ничком упал, заливая площадку пенящейся в пыли кровью.

Двое других дико закричали, и Андрей увидел громадную черную кошку, настигавшую убежавших бойцов. Она была размерами с лошадь, и у людей не было никакого шанса, особенно если они не бились с оружием в

руках, а сбежали, подставив спину и спасая свои жалкие жизни. Впрочем, даже если бы они решили биться с Шанти лицом к лицу, с саблями в руках, им ничего не светило. Драконью броню можно пробить только тяжелыми копьями, или стрелометами с теми же копьями, или стальными дротиками.

Беглецы погибли в секунду – когти дракона сорвали им головы, как если бы они были нарисованы на бумажных листках. Бой завершился катастрофическим и полным разгромом противника.

Вокруг было тихо, и никто не интересовался, чего это тут шумели и кричали. Народ в Славии вообще-то отличался редкостным отсутствием любопытства – в тех случаях, когда кого-то убивали, насиловали или грабили. Зачем лезть не в свое дело? Это же их проблемы. Ходят где не надо, общаются не с тем, с кем надо. Вот теперь пусть и получают. Жертва сама виновата в совершившемся над ней насилии. Как говорил один персонаж: «Наказания без вины не бывает!» Никто ничего не видел, не слышал, ничего не знает. Как та китайская (или индийская?) мартышка.

Андрей подошел к обезображенному трупу Халида, обшарил карманы, извлек кошелек, собрал украшения и амулеты. Обошел остальных нападавших, собрал трофеи и с их трупов – деньги никогда не помешают, а он их честно заработал. Появилась Шанти, она была уже обычных размеров, и ее довольная мордашка просто светилась от счастья – ну как же, такое развлечение! А то, что это были люди, разумные существа – да какие они разумные? Они заслужили свою смерть на сто процентов.

Впрочем, и Андрей ничуть не комплексовал по поводу совершившегося убийства. В отличие от своей земной деятельности, в этот раз он честно вел бой (ну, почти честно – если забыть о его способностях оборотня!). Те, кто нападает со спины, не могут рассчитывать на снисхождение. Да и с какой стати? Они выбрали свою работу, свою судьбу. Есть определенные правила игры – по этим неписаным правилам они всегда могут быть убиты и живут на этом свете очень, очень недолго. Зато и получают яркую, интересную жизнь – по крайней мере, с их точки зрения.

Трофеев оказалась приличная кучка: штук триста серебеников, золотишко – монет тридцать, в основном у Халида. Множество украшений – как и все их собратья, убитые бандиты имели склонность к цепочкам, кулонам и всякой прочей дребедени. На некоторых безделушках Андрей обнаружил ауры других людей и быстренько завернул все добытое в тряпку, чтобы не касаться голыми руками, – ему не хотелось видеть картинку того, как эти предметы попали в руки новых владельцев.

Он собрал сабли, кинжалы – получилась небольшая вязанка «хвороста». Только было пошел с места дуэли, как вспомнил: двое лежат

наверху, в здании.

Вошел в заплесанный и загаженный подъезд, выбрал место почище, сложил туда трофеи. По деревянной скрипучей лестнице поднялся наверх – ну да, два кадра с оторванными головами. Хребты, белея костями, торчат среди разорванных сосудов и ошметков мяса.

– Интересно, а вы, драконы, едите людей? Вот приспичило тебе – стала бы есть этих вот придурков? – поинтересовался Андрей, обыскивая убитых.

– Чего ты глупые вопросы задаешь? – недовольно фыркнула Шанти. – Как будто вы, люди, не станете есть друг друга, если приспичит. По-моему, вы только это и делаете. Гибель дракона от зубов другого дракона – редкость. Это событие, которое отмечается в веках, это ритуальный поединок – за власть или за самку. А вы... вы походя убиваете друг друга, как будто раздавливаете насекомое. И ты после этого называешь людей разумными?

– Что же, признаю, иногда люди хуже зверей, – вздохнул монах. – А чисто ты сработала. Они успели тебя увидеть?

– А то ж! Иначе интереса никакого. Надо было видеть эти рожи... я думала у них глаза выкатятся, как игральные кости. Между прочим, хорошо подготовился твой «друг». Уйти отсюда тебе было практически невозможно – если бы ты не был оборотнем и если бы у тебя не было злобной, вредной и жадной подружки.

– Ладно-ладно, признаю твои заслуги, – усмехнулся Андрей. – Получишь двойную порцию печенки. Кстати, чего ты уперлась в эту печенку? Неужели ничего повкуснее нет?

– Хм... как-то не думала над этим. Ну хочу я печенку, и все тут. Значит, она нужна моему организму. Ты вот что-то любишь, а что-то не любишь – не значит ли это, что твой организм отвергает одну пищу и хочет другую, и то, что он любит, наиболее подходит его телу?

– Ага... ты это Расскажи любителям картошки фри и бигмаков!

– Не знаю, что такое фри и бигмаки, но если им это нравится – пусть жрут. Каждый свободен в выборе своих действий и сам должен отвечать за то, что за ними последует.

– Чего это тебя на философию пробило? Стареешь? Бабулька...

– Сам-то! – фыркнула Шанти. – Если перевести на ваши годы, мне лет тринадцать, а ты уже старый пердун! Тебе несколько тысяч лет на наши годы! Кто бы говорил!

– Да... иногда я кажусь себе таким древним, таким ветхим, что скоро не будет сил дернуть за хвост некую зазнайку!

Андрей схватился за вышеозначенный предмет и хорошенько дернул под шипение и улыбку Шанти. Она в ответ укусила его за ухо, отчего монах вскрикнул и выругался. Все остались довольны.

Пришлось подобрать арбалеты – они стоят денег, штучная работа, – бросать их совсем глупо. Так что к трактиру Андрей направился тяжело нагруженным и в не очень добром расположении духа: одно дело – шагать с небольшим свертком под мышкой, а другое – «лошадка, везущая хворосту воз».

Когда проходил мимо места схватки, заметил, что у трупов уже копошатся «стервятники» – разувает, раздевают, – в этом городе ничего не пропадает зря. Вдруг перед глазами возникло видение: уличный продавец пирожков, стоящий у горячей жаровни... Решил для себя – никогда больше не покупать пирожков на улице. В прошлый раз вкус купленных у торговца пирожков и вправду показался каким-то странным. Где они берут свое мясо?

Зал стих, когда дверь распахнулась и в образовавшийся проем, чертыхаясь про себя, протиснулся Андрей с ворохом трофеев. Из угла к нему метнулся Никат и подхватил выпадающие арбалеты и кинжалы.

– Живой! Я и не сомневался! – Уродливое лицо парня расплылось в улыбке. – Я понимаю толк в людях. Иди скорее к Олре, она у себя в комнате, переживает.

– Слушай, покорми, пожалуйста, мою кошку, ладно? А то она с голоду уже мое ухо жевать принялась. Печенки ей дай, иначе она скоро мою печенку выест.

– Сделаем, – кивнул вышибала. – Скачи ко мне на плечо, Черная Смерть!

– Слушай, а точное ты ей имечко подобрал, – рассмеялся Андрей. – Еще какая чума!

– А что, я недостаточно смертоносна?! – возмутилась Шанти. – Кстати сказать, я сегодня больше тебя негодяев поубивала. Так что молчал бы уж!

Она прыжком переместилась на плечо вышибалы, мстительно оставив на коже поморщившегося Андрея царапины, и он подумал, что надо пришить наплечники. Царапины, конечно, зарастают очень быстро, почти мгновенно, но ощущение-то гадкое.

Он прошел в комнату Олры. Та дремала на постели. Андрею сразу бросился в нос запах алкоголя, и он недовольно хмыкнул – не хватало еще любить алкоголичку. Впрочем, он ее еще не видел пьяной, а сегодня... сегодня просто такой случай. Можно посчитать и так.

Андрей сел на постель рядом с женщиной и положил руку ей на плечо.

Олра вздрогнула, ошалело подняла голову с раскрытыми в ужасе глазами и облегченно простонала:

– Ты-ы... ох какой мне гадкий сон приснился! Халид убил тебя, явился в трактир, зарубил Никата и пришел ко мне... Живой, все-таки живой... Иди ко мне, обними! Мне так плохо... я одна, совсем одна...

Олра потянулась, обхватила Андрея за шею и пьяно зарыдала, заливая ему рубаху слезами. От нее сильно пахло вином, волосы были растрепаны, а глаза покраснели – то ли от выпивки, то ли от тех слез, что она сегодня пролила. Андрей обнял ее за плечи, стал баюкать, как ребенка, и неожиданно для себя запел:

– Спи, моя радость, усни... В небе погасли огни...

Он пел минут пять. Рывдания Олры стихли, женщина подняла голову, с интересом глядя на Андрея, и неожиданно спросила:

– А что ты сейчас пел и на каком языке?

Андрей чуть не откусил себе язык, ругая себя последними словами, – он пел по-русски.

«Это же надо было настолько расслабиться! – подумал он. – Вот потому и нельзя профессионалам привязываться к женщинам. Это расслабляет, делает уязвимым. Только попал я в город – и чем занялся? Начал мстить врагам своей подруги, как будто других дел нет. Что это значит? А значит, что я совсем размягчел. Эдак и до проигрыша недалеко...»

– Это так, одна старая песня на старом языке. Колыбельная для детей. Забудь.

– Ты меня баюкал, как ребенка? – рассмеялась Олра. – А что, мне всегда не хватало матери... впрочем, и отца. Он постоянно болел, а когда не лежал, отходя от приступа, то ждал наступления следующего и заливал страх вином. Наверное, и я переняла эту привычку – заливать страх вином. Я так за тебя боялась. Прости, что я напилась. Тебе, наверное, неприятно на меня смотреть. Сейчас, сейчас я приведу себя в порядок, сейчас! – Олра вскочила, пошатнулась и чуть не упала. Если бы Андрей ее не подхватил, она точно разбила бы себе голову о тумбочку.

– Ложись сейчас же! – прикрикнул он на нее. – В порядок она себя приведет! Лежи и не шевелись. Закрой глаза!

Андрей посмотрел на ее ауру – в ауре проблескивали красные нити, видимо, Олру поташнивало и болела голова. Он собрал все нечистое из ауры, вытянул черные нити, уравновесил завихрения – женщину как будто пробило током, она вздрогнула и открыла глаза.

– Что?.. Что ты со мной сделал?! Ох, как хорошо себя чувствую... и

голова не болит. А то раскалывалась, как треснутый кувшин.

– Сейчас еще лучше будет, – коварно усмехнулся Андрей и добавил ей желто-оранжевого цвета вокруг живота.

Женщина тут же задержалась в оргазме, который не прекращался минуты три. Ее глаза закатились так, что видны были только белки, а руки, сжатые в кулаки, побелели, будто сделанные из мрамора. Андрей испугался, как бы не переборщил, и поскорее нормализовал ауру.

Олра утробно застонала и, разжав сжатые до скрежета зубы, с трудом выговорила:

– О-о-ох... никогда так больше не делай... никогда... я чуть не умерла... нет, делай... делай... ох-х-х... ты кудесник. Ты демон! Может, ты и правда демон? – На Андрея глянули умные, прищуренные глаза совершенно трезвой женщины – он полностью снял у нее не только последствия приема алкоголя, но и остатки опьянения.

– Не знаю, – серьезно ответил он. – Не знаю.

– Все подготовил?

– Вроде все, – ответил Андрей, чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди. Он погладил Шанти по спине и, волнуясь, сказал: – Ты ложись на живот и ни о чем не думай. Не бойся, больно не будет. Я сейчас боль уберу.

– Ага, ни о чем не думай! – Ментальный голос драконицы как будто дрожал. – Не тебе крылья будут ломать, а мне! Постарайся, пожалуйста, ладно? А то я маме пожалуюсь!

– Нет уж. Не надо нам мамы тут, – усмехнулся Андрей. – Спи. Спи!

Драконица клюнула головой и упала на стол, будто из-под нее выдернули землю.

Андрей до сих пор не мог понять механизма воздействия на ауру и действовал совершенно интуитивно. Надо ему, чтобы драконица уснула, он внушает ей: «Спи! Спи!» – и она засыпает. Ну а что, разве земные гипнотизеры точно знают, как они воздействуют на мозг человека? Если и говорят, что знают, как это работает, – врут. Человеческий мозг – один из самых неизученных объектов в мире, его тайны до сих пор неподвластны умам ученых. Единственно что – для того чтобы произвести какие-то действия с аурой объекта, Андрею нужно касаться этой самой ауры. Почему так – он, конечно, не знал. На расстоянии ничего сделать было нельзя.

Шанти лежала на столешнице такая беззащитная, такая маленькая... будто это не она сутки назад бегала за супостатами, как скаковая лошадь, и

не она оторвала им головы, как бумажные китайские фонарики со стены.

Уже на следующий день Андрей решил попробовать провести операцию. Вернее, не попробовать, а провести. Какие там пробы, когда на кону здоровье и жизнь друга? Делать надо.

Все-таки он крепко привязался к этой взбалмошной девчонке, надо признать. И то, что сегодня ему предстоит сделать, было настолько важно, что у него руки тряслись от предвкушения и волнения. А вдруг не получится? Вдруг ничего не выйдет?

Крылья дракона представляли собой прочнейшую, покрытую чешуйками кожу, натянутую на полые, очень крепкие кости. Ему предстояло убрать эти самые чешуйки, затем взрезать кожу, сломать кости, соединить их как следует и заживить все заново. Левое крыло вообще походило на жгут из неправильно сросшихся костей и рубцов кожи, правое не так сильно пострадало, но его кости торчали под прямым углом друг к другу. Рука подлейшего существа на планете – исчадия – была видна сразу. Если не сделать операцию, драконица никогда не сможет летать. Впрочем, было неясно, будет ли она летать и потом, после того как ей вправят кости.

Андрей вздохнул и приступил к делу. Федор и Алена сидели рядом в комнате, но когда Андрей стал специальными щипцами-зажимами выдергивать чешуйки, женщина не выдержала и, зажав рот, убежала, сказав, что не может на это смотреть и ей ужасно жалко Шанти. Настю они после обеда уложили отдыхать, так что в комнате теперь остались Андрей и Федор.

Чешуйки скрипели под скальпелем – приходилось каждую поддевать и отгибать вверх, потому что никаким другим способом отогнуть их было нельзя, так плотно они прилегали к телу, заходя друг на друга. В образовавшуюся щель просовывался захват, чешуйка цеплялась стальными щечками инструмента, Андрей со всей силы тянул ее, она поддавалась и со звуком рвущейся ткани выскакивала из крыла.

Драконы время от времени линяли, вместо старых чешуек вырастали новые, а старые сами по себе или после почесывания о камни и стены пещер выскакивали легко и свободно. Они отсоединялись от своего корешка, как какой-нибудь молочный зуб у человеческих детей, и отпадали, как им и положено. Эти же чешуйки были молодыми, здоровыми и яростно сопротивлялись изменению привычного местоположения.

Пока Андрей очистил оба крыла, прошло два часа, и он весь покрылся испариной. Слава богу, Шанти все это время спала. По прикидкам Андрея, боль должна была быть такой, как будто у человека выдергивают ногти. Покрытые сукровицей крылья выглядели так, как будто рыбу почистили

вживую. В конце концов не выдержал и Федор, уйдя на кухню к жене и заявив, что видеть это хуже, чем поле, усеянное порубленными пехотинцами.

Андрей залечил гнезда, в которых раньше торчали чешуйки, и Шанти, даже если проснется, не почувствует ничего, кроме холодка на коже, не прикрытой чешуей.

Теперь предстояло самое важное.

Взяв острейший нож, он аккуратно проткнул кожу крыла и стал надрезать ее вдоль искривленной кости. Теперь стало видно, что кость была изломана в нескольких местах, и осколки срослись так, как будто кучу веток сгреб бульдозер. Нужно было не повредить связки, суставы и сломать кости там, где они срослись неверно.

Он взял в левую руку еще одни щипцы, крепко ухватил кость в том месте, где она срослась, образовав уродливый изгиб, напрягся... щелчок! Кость сломалась. Тогда он свел концы в ровную линию и сосредоточился на ауре, заживляя, убирая красные и черные сполохи. Кость срасталась медленно, в отличие от тканей, которые затягивались обычно за считанные секунды. Андрей прикинул: на исправление одного перелома у него ушло не менее двадцати минут, значит, на все кости потребуется не менее трех дней. Вылечить все сразу он не сможет при всем желании – не хватит ни времени, ни сил.

Так оно и вышло.

Закончил Андрей поздней ночью, когда темнота уже накрыла своим плотным покрывалом весь мир, оставив на небе лишь мириады сияющих серебряных гвоздиков, чтобы запоздалый путник мог найти дорогу домой. Все, что он успел за сегодняшний день, – выправить несколько переломанных костей, вернее, две кости, сломанные в нескольких местах так, как будто их провернули в мясорубке. Ему пришлось сложить края распоротой кожи, срастить ее, чтобы Шанти могла нормально двигаться, и оставить в таком виде – он решил продолжить начатое завтра, прямо с раннего утра. Чешуйки быстро не отрастут, так что завтра он сразу приступит к правке костей.

Андрей разбудил Шанти, она некоторое время никак не могла понять, что происходит, потом очухалась и спросила:

– Ты сделал? Получилось?

– Нет, извини. Часть сделал, а осталось еще процентов восемьдесят. Работа сложная, и я физически не успел. Но сделал уже многое. Еще парутройку дней, и будешь как новенькая. – Он почувствовал, как огорчилась Шанти, и поспешил ее успокоить: – Ну не расстраивайся! Я же тебе

говору: все будет отлично, все замечательно! Дело идет хорошо, кости выправляются, сращиваются. Вот подвигай левым крылом – уже лучше расправляется, заметила?

– Заметила. Но все равно настроение плохое. Мне думалось, ты раз-два – и сделаешь. А тут вон сколько времени, и почти ничего... что, уже вечер? Это я весь день проспала? – Шанти потянулась, приподняв крылья, помахала левым, прислушиваясь к ощущениям, потом сложила оба и превратилась в кошку.

– Уже не вечер, уже глубокая ночь, – хмыкнул вошедший в комнату Федор. – Он с тобой провозился весь день!

Андрей замер с раскрытым ртом, Шанти тоже перестала чистить перышки, и оба вытаращились на мужчину.

– Федь, ты что, ее слышишь? Как так?

– А я знаю? – пожал плечами тот. – Слышу... раньше не слышал, а вот сейчас услышал. Откуда я знаю почему?

– Вероятно, я потеряла контроль над мыслями, – невозмутимо пояснила Шанти, – а у него природные способности к мыслеречи. Так что ничего удивительного.

– Я и раньше слышал, как со мной разговаривал один дракон, еще в молодости, – продолжил Федор, – так что, наверное, я могу разговаривать с драконами.

– Не наверное, а можешь, – усмехнулся Андрей, протирая спиртом хирургические инструменты и укладывая их в ячейки чемоданчика. – Ладно, нам пора. Чемоданчик положи подальше, чтобы по полу не валялся и Настенка не нашла. А то ткнет в себя этими скальпелями, а они острые, как сабли.

– Сейчас скажу Алене. Она там еще не спит, вроде как на стол собирает. Вообще какого рожна ты пойдешь? Ночуй здесь. Тебе тащиться через весь город, а извозчиков ночью не сыщешь. При том что освещается только район императорского дворца да центральная площадь, темень хоть глаз выколи. Еще шеи себе посворачиваете...

– Федь, я вижу в темноте, как днем, – заверил Андрей, – да и подружка моя крылатая не хуже видит. Олра будет волноваться, переживать, да и я тоже буду думать, как она там. Нет уж, пойду.

– Кстати, после твоей дуэли ничего не было? Все тихо? Никто не приходил, не предъявлял?

– Пока нет. Но думаю – придут. Потому и волнуюсь, – коротко ответил Андрей и заторопился. – Все, держи чемоданчик, мы побежали. Алене привет, извинись, скажи – в другой раз поужинаем. Отдыхайте. Завтра с

утра приду.

Андрей вышел на ночную улицу, вдохнул свежий осенний воздух и посмотрел на небо – оно было чистым, прозрачным, мерцали звезды. Город спал. Люди ложились рано, чтобы и встать рано, с рассветом – чего зря жечь светильники. Было немного прохладно, и монах, шагая по гулкой мостовой, запахнул куртку, зацепив петли на медные крючки.

Шанти молчала, покачиваясь на плече и всматриваясь в окружающее пространство светящимися зелеными глазами, напоминая демонического кота из ужастика.

Андрей всегда удивлялся: в этом мире черных котов никто не связывал с неудачами и невезением, как на Земле. Наоборот, считалось, что черный кот приносит прибыль, любовь женщин, и каждый второй посетитель трактира Олры норовил дотронуться до приносящей удачу Шанти, не подозревая, как близок к травме. Хорошо еще, что Никат пресекал попытки погладить «кошку», отгоняя от нее непрошенных доброхотов.

Шанти уже приноровилась сидеть рядом с ним в то время, когда он занимался своей работой, и щурилась, одобрительно поглядывая на то, как он выбрасывал подгулявших пьяниц. Дважды она даже набросилась на тех, кто пытался врезать вышибале табуреткой, когда тот не видел, и в кровь разодрала им затылок. Никат довольно похохатывал и, показывая на сверкающую глазами «кошку», грозил буйным посетителям, что, если они будут шуметь, он натравит на них «черную смерть», она выдерет им глаза и отгрызет нос. Как ни странно, это хоть и преподносилось в шутливой манере, но на бузотеров действовало безотказно.

Олра в шутку заявила, что, если Андрей оставит свою кошку в трактире, она возьмет ее на полное довольствие вышибалы и, ей-ей, не прогадает!

Она и не подозревала, как близка была к истине. Лучшего трактирного вышибалы, чем дракон, и представить трудно. Главное, чтобы не плевался огнем.

Но с этим у Шанти пока было слабовато – железы, отвечающие за «плевание», не до конца развились. Как-то Андрей спросил у нее, когда же это произойдет, и получил в ответ великолепный выплеск ярости и шипения, с туманными угрозами и оскорблениями, из которых следовало, что он – бестактный болван, тупой урод, и вообще худший представитель рода человеческого, и вообще худший в этом мире. Потому что спрашивать такие вещи у драконов неэтично, гадко и подло.

Размышляя потом над этим взрывом ярости, Андрей пришел к выводу, что, вероятно, у его подружки задержка физического развития в связи с

сидением в темной пещере и отсутствием свободы передвижения, а пресловутые «плевательные» железы сравнимы с грудью у малолеток – попробуй намеки девчонке, что она плоская как доска! Она тебя порвет в клочья не хуже дракона. А при всем том у Шанти из-за ее инвалидности был ужасный характер – уродство точно не добавляло ей терпимости.

Похоже, что развитие желез, выделяющих жидкость для образования огня, находилось в прямой зависимости от умения дракона летать. То-то она так трепетно ждала возможности научиться пользоваться крыльями – полета как символа ее взросления, полноценности драконьей. Чувство собственной ущербности, уродство мучили ее всю жизнь, с тех пор как она начала осознавать себя как личность.

Парочка прошла уже с километр, а топтать было еще километров семь, не меньше. Андрею внезапно в голову пришла одна мысль, он ее обкатал в голове, хмыкнул и предложил:

– У тебя нет желания добраться до трактира побыстрее?

– Само собой есть, – буркнула Шанти. – Хочешь переброситься в Зверя? А что, давай. Все равно ночью никто не видит.

Андрей отошел в сторонку, разделся и сложил вещи в узелок, сделанный из куртки. Было уже холодно, и дул отвратительный северный ветер, так что его зубы стали клацать, но Шанти недовольно потребовала, чтобы он прекратил, потому что из-за него ее саму пробирает дрожь.

Преображение заняло полторы секунды – полторы секунды боли, вспышек и красной пелены перед глазами, и вот перед узлом с одеждой и поясом с деньгами стоит Зверь. Глаза его светятся в темноте, а стальные клыки белеют, как будто сделаны из сахара.

Он поднял зубами узелок, дождался, когда на спину вспрыгнет Шанти, и с места взял в карьер, летя над мостовой громадными прыжками, преодолевая по пять-семь метров кряду.

Мелькали дома, деревья, стальные ноги оборотня несли его стремительно, неумолимо и сильно, как будто он вышел на охоту в осеннем лесу. Уши Зверя прислушивались к тому, что происходит вокруг, поворачиваясь, как локаторы, туда, откуда доносился хоть малейший звук.

Внезапно он услышал жалобный плач где-то вдалеке. Человек бы не услышал, но Зверь, которому подвластны были все звуки в мире, который мог слышать термита, прогрызающего нору в ножке старого стола, тут же уловил этот сигнал и внезапно остановился, насторожился, глядя в сторону далекого нагромождения деревьев, по недоразумению именуемого городским парком. Плакала девочка, судя по всему, лет десяти. Она заходилась захлебывающимся криком и умоляла:

– Дядечки, не надо, пожалуйста, не надо! Ну не надо, дядечки, миленькие!

Зверь бросил узелок с одеждой под забор и рванул с места так, что его когти высекли искры из мостовой. Через три секунды он был уже в углу парка, где у заброшенной будки зрителя копошились трое мужчин, подмывавшие что-то маленькое, хрупкое. Он с ходу оценил ситуацию, и, когда один из насильников сказал: «Держите ровнее, что ли! Что вы возитесь?! После меня будете. И заткните рот этой мерзавке», – Зверь кинулся в атаку. Одному он оторвал голову, второй хрипел в агонии, пытаясь зажать разорванное горло. Третьего он отбросил к забору, сломав ему шею и перекусив глотку. Тот так и замер возле ограды парка, со спущенными штанами.

Девочка была без сознания. Зверь осторожно отнес ее метров за пятьдесят от этого места – негоже ей видеть, когда очнется, обезглавленные трупы.

Шанти соскочила с него в самом начале убийства насильников, и Зверь, когда возвращался к своему узелку с одеждой, обнаружил, что она яростно визжит и рвет когтями спины убитых негодяев так, что летят клочья ткани вперемешку с кусками кожи и мяса. Увидев, что Андрей бежит мимо, она помчалась за ним и нагнала возле узелка.

– Куда ты без меня побежал? Решил здесь оставить?

– А ты чего там с ними делала? – спросил Андрей, перекинувшись в человека и спешно одеваясь.

– Ненавижу тех, кто мучает маленьких девочек, – ответила Шанти сердито. – Жаль, что ты не дал мне убить хотя бы одного! В следующий раз, когда будем охотиться на негодяев, оставь мне одного подонка, я с ним хорошенько позабавлюсь.

– Договорились, – рассеянно ответил Андрей и заторопился в парк.

– Ты куда? – слегка озадаченно спросила драконица.

– Неужели оставим девчонку тут? А если еще кто-то к ней полезет? Надо отвести ее домой.

– А думаешь, у нее есть дом? – скептически спросила Шанти и потрусила вслед за приятелем.

Дом у девочки был. Халупа за парком. Интересно, что парк находился практически в центре города, но за ним простирались такие убийственные трущобы, что волосы вставали дыбом от вида этого безобразия.

Девочку звали Дирта, и ей было девять лет – по крайней мере, она так сказала. Выглядела она моложе. Дирта вначале дичилась, а когда увидела перед собой в темноте мужчину, перепугалась, решив, что это очередной

насильник, и, только когда заметила у него на плече кошку, испытала облегчение и залилась горькими слезами, выплакивая волнение, боль и свою несчастную судьбу. Потом она будничным тоном объяснила, что до утра ей домой нельзя, так как у ее мамы мужчина и та выгнала ее погулять, пока с ним работает.

Андрея передернуло от ее рассказа, и он решил все-таки посетить эту любвеобильную мать – не оставаться же девочке на холодном ветру всю ночь, это верный способ заработать воспаление легких. Тем более что ее жалкое застиранное платьице было порвано и не могло укрыть своими обрывками дажемышь.

Идти было недалеко – искомая хибарка находилась прямо за парковой оградой, в третьем ряду таких же убогих домишек. На стук долго никто не открывал, потом за дверью зашуршало, и в проеме показалась растрепанная женщина лет двадцати пяти в накинутом на голое тело грязном покрывале. Она держала в руках светильник, мерзко воняющий прогорклым горелым маслом. Из жилища тянуло запахом пота, мочи, алкогольного перегара и мускуса – тут хорошо веселились. Это подтвердил и грубый голос мужчины из глубины комнаты:

– Эй, кто еще там! Я до утра оплатил! Пошли все...

Женщина, разглядев девочку, зашипела:

– Чего приперлась?! Куда бы тебя деть, тварь такую! Ни работать с тобой нельзя, ни жизнь устроить! Сказала же – не приходи до утра!

– Эй, Жоанна, там твоя сучонка приперлась, что ли? Давай ее сюда, я тебе заплачу вдвойне!

Женщина перевела мутные глаза выше и тут только поняла, что девочка пришла не одна, с ней незнакомый мужчина.

Она вытаращила глаза и злобно сказала:

– Что, попользовался девкой? Плати! А то я сейчас Отрусу скажу, он из тебя дух выбьет! Десять золотых за целку! Она целка была! Что уставился, придурок, плати! Отрус, тут тип какой-то, платить за Дирту не хочет и, похоже, ее испортил. Ты же ее сам хотел, а он испортил! Иди разберись!

Отодвинув Жоанну, в проеме появился здоровенный голый мужчина, как будто двойник Никата – со сломанными ушами и носом, а его руки толщиной напоминали ногу обычного, стандартного человека. Он вытаращился на Андрея и, схватив его за грудки, занес дынеобразный кулак.

Но ударить не успел. С плеча Андрея слетела черная молния и, визжа, как бензопила «Дружба», впилась в лицо подонку. Тот завыл, пытаясь оторвать от себя страшную фурию, но тут же захлебнулся в крови и упал,

дергаясь и булькая кровью из разодранного когтями драконицы горла. Потом Шанти отпрыгнула в сторону и, шипя, стала вытирать окровавленные лапы об нападавшую под деревом листву.

Андрей повернулся и пошел прочь от окаменевшей от ужаса Жоанны, держа Дирту за руку. Отведя девочку подальше, сказал строго:

– Никуда не уходи, стой здесь. Кошечка будет с тобой и не даст тебя в обиду.

Вернувшись к дому, он увидел, что проститутка пытается оттащить в сторону труп клиента. Завидев Андрея, она злобно крикнула:

– Чего zenки вылупил? Убери его отсюда, мне спать надо, холодно ведь с открытыми дверями-то спать!

Андрей пару секунд смотрел на эту тварь, потом приблизился, схватил ее за голову обеими руками и мгновенным движением сломал ей шею. Хрустнули позвонки, женщина обмякла и упала на труп клиента.

По дороге в трактир, Андрей обдумывал, как и что скажет Олре и как она воспримет его появление с нищей девочкой. «В крайнем случае, – решил он, – придется брать ее с собой. Алена не откажет помочь. Олра все-таки человек непредсказуемый, я мало ее знаю. Вдруг скажет «всех не пережалеешь» да и отправит меня с нечаянным приобретением куда глаза глядят? Зачем ей лишняя обуза?»

– Ты убил мою маму? – негромко спросила девочка.

– С чего ты так решила? – сбился с шагу Андрей, а Шанти недовольно буркнула, чтобы он получше смотрел под ноги.

– Я и сама хотела ее убить... когда вырасту. Она меня все время била и говорила, что я плохо расту, клиенты отказываются меня покупать. Что у меня мослы одни, не на что посмотреть. А сама кормила плохо, а как я вырасту, если мне есть нечего, правда же?

Девчонка смотрела на него синими доверчивыми глазами, а у Андрея закипали слезы горечи и ярости – ну не должно, не должно быть в мире такое! Никогда, нигде, ни за что!

Он ни на миг не пожалел, что убил этих двух тварей, ни на долю секунды, но говорить девочке о том, что убил ее мать, не собирался – ни к чему. И Олре знать, что он так легко убил этой ночью двоих, тоже ни к чему.

– Нет, не убил. Я дал ей денег и навсегда тебя выкупил у нее. Теперь ты никогда не вернешься в этот вонючий сарай, а я отведу тебя к хорошей тете, она тебя покормит, и ты будешь там жить. – Андрей в этом был не совсем уверен, но говорить девочке об этом тоже не собирался. – Ты вымоешься, наденешь новое платье и будешь совсем хорошая девочка.

– Ты будешь со мной спать? Ты не сделаешь мне больно?

Андрей закашлялся, потом сплюнул и хрипловатым голосом ответил:

– Нет, я не буду с тобой спать. Когда ты вырастешь, ты сама выберешь, с кем ты будешь спать. А до тех пор ты будешь жить как все девочки, помогать на кухне, играть с котятами... Хорошо?

– Хорошо, – прошептала Дирта. – Только ты не обманивай меня, ладно? Взрослые всегда обещают что-то, а сами обманывают...

Андрей остановился, присел на корточки, посмотрел в синие глаза девочки и, обняв ее, сказал:

– Никогда. Забудь все, что было. Это всего лишь сон, дурной, гадкий сон. Скоро ты проснешься, и все будет хорошо.

Они вновь побрели по дороге к трактиру.

Ночь подходила к концу, и в зале оставались только самые завязтые гуляки. Со столов собирали кружки, подметали пол, Никат выносил гуляк в «отстойную» комнату-вытрезвитель, на кухне гремели котлами, убирая в холодную кладовку, чтобы не испортился недоеденный гуляш.

Олра не спала и, увидев Андрея и рядом с ним маленькую девочку, всплеснула руками:

– Ты куда пропал?! Я тут с ума схожу! А это что за маленькое чудо, где ты ее взял?

Андрей отвел девочку к столику, усадил и велел не сходить с места. Она понятиливо кивнула и принялась с интересом разглядывать обстановку трактира, людей, а когда к ней подбежал котенок, играя с коркой хлеба, нагнулась, подняла его, прижав к себе, а корку быстро засунула в рот, оглянувшись – не хочет ли кто-то ее отобрать? И начала, давясь, жевать. Потом стала баюкать котенка, как ребенка укачивая. Котенок попробовал было вырваться, но передумал и вскоре успокоился, мурча и закатывая глазки.

– Вот так все и получилось, – закончил свой рассказ Андрей. – Я не мог ее оставить. Если ты не сможешь принять ее, она тебе в обузу, я отведу Дирту к своим друзьям.

Олра помолчала и вдруг ударила его по щеке.

– Скажешь за что? – потирая щеку, глухо спросил Андрей.

– За то, что так хреново думал обо мне! За то, что решил, что я могу выгнать девочку из дома! И кто ты после этого?

– Свинья, – улыбнулся Андрей и облегченно вздохнул.

– Раз осознал, дай я тебя поцелую. Ох, щечка моя... прости, милый... не сдержалась. Я не должна была. Хочешь, ударь меня тоже? Хочешь? Врежь мне как следует! Я виновата. Надо сдерживать свои эмоции, я не

должна была тебя бить. Простишь?

– Не знаю... может быть, – усмехнулся Андрей. – Но больше так не делай. По крайней мере, прилюдно. Иначе ни меня, ни тебя не будут уважать.

– Прости, пожалуйста, – виновато повторила Олра и встала на колени, не обращая внимания на ошеломленные взгляды свидетелей этой сцены. – Я больше никогда не буду так делать! Я так переживала, так ярко представила происходившее с этой милашкой, что меня просто трясло от ненависти к ее мамаше, к насильникам. И ко всему этому дерьмовому миру, допустившему такое. И тут ты допустил, что я могу выгнать ее на улицу. Нет, не бывать этому. Как, ты сказал, ее зовут? Дирта? Дирта, детка, иди ко мне! Теперь ты будешь тут жить. Меня звать Олра, а это Андрей. Сейчас я отведу тебя в мойню, вымоем тебя хорошенько, оденем, и ты пойдешь баиньки. Мадра, Жугра, быстренько ко мне! Девочку в мойню – вымыть хорошенько, вычесать... нет, у нее, наверное, насекомые, обрейте ее наголо и намажьте мазью. Разогрейте ей бульончика и пирожков – но немного, а то как бы не заболела, похоже, еды ей перепало совсем мало – вон, ребрышки торчат. Впрочем, вначале бульон и пирожки, потом все остальное. Быстро, быстро! – Олра хлопнула в ладоши, и закрутился хоровод.

Вокруг девочки суетились полные, пышущие здоровьем женщины, а Олра руководила процессом. Дирта с легким испугом смотрела на происходящее, но когда перед ней оказалась чашка с бульоном и тарелка с пирожками, даже затряслась, почуяв запах, и, захлебываясь, стала пить через край, зыря по сторонам, как будто боялась, что еду отнимут. Потом затолкала в рот пирожок и собралась затолкать другой, давясь и кашляя, но Олра, испугавшись, что ей станет плохо, отняла у нее тарелку. Девочка тихо заплакала, и за ней начали рыдать женщины вокруг. Потом они подхватили ее на руки и унесли в мойню, заверяя по дороге, что Дирта получит пирожков столько, сколько захочет, а Андрей остался сидеть на стуле, устало откинувшись на спинку.

Ему было хорошо – ведь день прожит не зря.

Глава 4

– Еще долго?

– Не лезь под руку! – Андрей сам не ожидал, что так рявкнет на друга, и, тут же устыдившись, добавил: – Прости, я очень устал, меня сейчас лучше не трогать.

– Да-да, понимаю, – согласно кивнул Федор и вышел из комнаты.

Уже пятый день Андрей трудился над крыльями Шанти. Задача оказалась очень сложной, гораздо сложнее, чем он по наивности своей предполагал. Каждую косточку, каждую складку кожи приходилось расправлять, кроить и сшивать. Это напоминало составление мозаики. Только вот картинка из кусочков камня неживая, а тут – целый дракон, желающий свободно парить в небесах. Даже если Андрей как следует соберет крылья, мышцы драконицы атрофировались, это все равно как если бы инвалид с переломанными ногами долгие годы сидел в кресле, и вдруг ему собрали ноги и сказали: иди! Он попытался встать... и все. Нечем двигать ноги. Не на что вставать. Обтянутые кожей кости и сухожилия. Мышц нет.

Шанти и бегать-то как следует не может. Если только рвануться на короткую дистанцию и потом задыхаться от трепыхания своего маленького сердца. Андрею предстояло еще придумать систему тренировок для драконицы, что было очень, очень непросто, ведь аналогов не существует ни в одном из миров. А еще сложнее – заставить ее все это делать. Страх, комплексы, нежелание признать себя ущербной и обычная кондовая лень – вот что предстояло преодолеть.

Поздней ночью Андрей закончил работать с правым крылом и зарастил крупную маховую кость. Работать с правым крылом было полегче, и мышц тут сохранилось побольше – драконица кое-как могла им двигать и, когда вскакивала на возвышение, неосознанно размахивала им, как бы помогая себе взбираться.

А вот с левым крылом все было печально – даже левая сторона тела была заметно меньше, чем правая, из-за недоразвития спинных, самых мощных в теле дракона мышц. Хотя драконы и обладают способностью уменьшать свой реальный физический вес – иначе бы просто не смогли поднять свою гигантскую тушу в воздух, – но все равно передвигать такую массу без сильных мышц невозможно.

Андрей устало сел рядом со столом, где лежала в забытьи Шанти, и,

коснувшись ее ауры, разбудил подружку. Она вздрогнула, очнулась и, повернув голову с небольшим шипастым гребешком, спросила:

– Ты закончил или еще надо продолжать? Я смогу летать?

– Шанти, – начал Андрей осторожно, – возможно, что ты сможешь летать. Вероятность этого высока. Однако только при достаточных усилиях и...

– Прррррр... – Шанти изобразила звук, похожий на то, как кто-то выпускает газы. – Ты можешь сказать конкретно, без этой нравоучительной болтовни и чуши – я буду летать или нет?

– Ах так? – рассердился Андрей, не особо расположенный к реверансам. – Хочешь конкретики? Будет конкретика! Если ты дура – не будешь летать. А если у тебя есть хоть капля мозгов и ты будешь слушаться, выполнять то, что я тебе говорю, – будешь летать! Пока что предпосылки за то, что не будешь. Потому что ведешь себя как избалованная, тупая кукла!

– И что мне нужно делать? – неожиданно спокойно спросила Шанти. – Я поставлю вопрос по-другому: если я буду выполнять то, что ты мне скажешь, я смогу летать?

– Да. С вероятностью девяносто девять процентов, – отрезал Андрей.

– Почему девяносто девять? Что за один процент? – подозрительно спросила драконица.

– Психологический барьер. Ты подсознательно думаешь о том, что ты не можешь летать. И ты не можешь летать.

– Это как так? – удивленно спросила Шанти. – Или можешь летать, или не можешь летать – как это можешь и не можешь одновременно?

– Физически ты сможешь. Когда накачаем тебе мышцы. А вот психологически... ну, представь, что ты хочешь перепрыгнуть широкую яму. Шириной метров десять. А прыгаешь ты на пять. Ты знаешь, что не сможешь этого сделать, а потому, как бы ни пыталась, бесполезно стараться. Не перепрыгнешь. Ведь ты *знаешь*, что не перепрыгнешь. Вот такой барьер сейчас образовался и в твоем сознании. И его будем ломать долго и трудно.

– А мне кажется, ты какую-то чушь несешь, – раздраженно заявила Шанти. – Я хочу попробовать полетать. Вынеси меня во двор. Сейчас, наверное, уже темно? Вот и отлично. Там площадки как раз хватит для разгона, я попробую. А лучше, чтобы я стартовала прямо у тебя с плеча – так повыше будет, я сразу и полечу.

– Ты что, не слышала меня? – угрюмо ответил Андрей, перемывая и складывая медицинские инструменты в ящик. – Ты не сможешь летать.

Впрочем, сейчас я закончу, и пошли, попробуешь. Только потом не плачь.

– Сам ты плачешь! – оцетинилась драконица. – Я крепкая, как кремь! И буду летать!

– Будешь, будешь, – вздохнул человек и, уложив на место последние инструменты, защелкнул ящик и предложил: – Забирайся. Пошли во двор.

Шанти подпрыгнула, оттолкнувшись задними лапами с острыми коготками, уцепилась передними за рукав Андреевой рубахи и перелезла ему на плечо, где и расселась, горделиво поводя полураспущенными крыльями и посверкивая глазами.

Чтобы выйти из дома, надо было пересечь гостиную, где сидели Алена и Федор. Они явно ждали Андрея – на столе стояли три тарелки, три кружки, лежали нарезанный хлеб и овощи. А еще была большая чашка с нарезанной ломтями печенкой – друзья уже знали вкусы Шанти, – кружка с молоком и плошка с медом.

Обнаружилось, что драконица еще и сластена. Открытие такой штуки, как мед, было для этого существа потрясением. Ведь на самом деле что она видела? Черную дыру пещеры? Мусор на полу, с которым она играла в ожидании матери? Вид от пещеры на холодное море и Драконью гору, когда Шанти решала подышать свежим воздухом?

Конечно, никто не баловал ее особыми вкусами – мясо, мясо, мясо разной степени свежести и происхождения. И вот – пахучая плошка с тающим во рту веществом, а его можно запить молоком... и приходит мысль – жизнь удалась? Удалась бы, если бы можно было летать... О-о-о... полет! Шанти видела во сне, как планирует над зелеными лугами... рывок, и вот блеющий барашек у нее в когтях... горячее, вкусное мясо! И тут она просыпается – и все по-прежнему, безнадега и тоска.

Андрей вселил в нее жизнь, она поверила в успех – и не хотела поверить в неудачу. Никакие аргументы, никакие разумные доводы не могли убедить ее в том, что, заимев здоровые крылья, она не полетит. И вот... первая проба. Надежда!

– Готово? – встрепнулись Федор и Алена. – Поужинаете? Мы вас тут ждем, наготовили всего. Согласитесь, надо отметить выздоровление нашей красотки! Скорее за стол!

– Нет, – усмехнулся Андрей, – за стол потом. Сейчас оне желают полетать в вышине! Оне не считают нужным тренироваться, а считают, что сейчас воспарят в небе, как горный орел. Вернее, орлица.

– Я тебя не хочу слушать! И не слышу! – заявила Шанти. – Неси меня на улицу, и хватит словоблудия!

– Пусть попробует девочка, ну чего ты, Андрюш? – вмешалась

Алена. – Ну не получится – значит, не получится. А вдруг? Она так мечтала... дай ей попробовать.

– Правда, Андрей, ничего плохого же не случится, пусть попробует! – поддержал ее Федор.

– Заговор с драконами? И-э-эх... а еще друзья! – покачал головой Андрей. – Да жалко, что ли? Пусть морду об землю разбивает, если такая дура. Пойдемте посмотрим на полет нашего аэроплана.

– А чего такое аэроплан? – заинтересовался Федор.

– Это так... дракон такой железный. Летает, воняет, громко шумит и время от времени падает на головы прохожим. Точь-в-точь как наша Шанти. Все, пошли!

Андрей решительно зашагал к двери, захватив по дороге куртку, и, толкнув скрипучую массивную дверь, вышел во двор, заросший мелкой травой-подорожником. Сзади шли Федор с Аленой, и женщина выговаривала мужу за то, что он никак не сподобится смазать петли, и они скрипят так, что стыдно перед гостями. Федор вяло отбrehивался, потом прикрикнул:

– Ну что ты насчет этой демонской двери?! Тут такой момент, а ты нудишь – дверь, дверь... тьфу!

Алена затихла, и последние несколько метров они шли в тишине, если не считать сопения и пыхтения – Федор и правда отрастил животик, мешающий ему передвигаться.

– Вот тут, – показал рукой Андрей, – как раз метров двадцать свободного пространства до конюшни... Федь, откати тележку с бочкой, ладно? А то она ее башкой пробьет ненароком. Может, тебя подбросить в воздух, злыдня? Нет? Ну что же, сама так сама. Ребята, зайдите мне за спину – существо маленькое, но вонючее, сейчас еще вас снесет.

– Андрюш, ну чего ты ее так ругаешь? – укоризненно покачала головой Алена. – Девочка такая хорошая...

– Хорошая?! – разъяренно рявкнул Андрей. – Знала бы ты, как она сейчас меня материт! Я сейчас сам отсюда улечу, пусть делает что хочет! Все, лети! Хватит мне тут вопить в башку!

Шанти захлопала крыльями, подпрыгнула с плеча Андрея, поднялась вертикально вверх, как махолет на Земле начала двадцатых годов двадцатого века... и рухнула вниз, перевернувшись и громко хлопнувшись на спину у ног людей. Потом замерла на две секунды, встала на ноги и побежала по траве, разворачивая крылья и маша ими все сильнее, сильнее, сильнее... Люди замерли в ожидании, Алена закусил губу, Андрей сжал кулаки так, что ногти врезались в ладони, Федор вытянул шею, с

волнением глядя за попыткой драконицы. Масляный фонарь, принесенный с собой, давал мало света, но и этого было достаточно, чтобы рассмотреть общую картину происходящего.

Шанти подпрыгивала, яростно махала... и тут левое крыло подломилось, ослабев, и она кувыркнулась в траву, как подбитая тетерка.

Поднявшись, сложила крылья и галопом побежала назад, добежав до людей, развернулась и снова побежала, все пытаясь взлететь и не веря, что не сможет. Ее тяга к небу, ее упорство были настолько сильными, настолько истовыми, что это вызывало не то что уважение – восхищение ее упорством.

– Шанти, может, хватит? – негромко спросил Андрей, с грустью глядя на попытки подружки достичь недостижимого. – Мы потренируемся, и у тебя все получится! Шанти, девочка, хватит, а? Пойдем, ты поешь, отдохнешь, а там мы с тобой решим, какие упражнения нужны, что сделать, чтобы крылья стали работать как следует, чтобы ты смогла летать. Не мучай себя зря.

Драконница молчком поднялась и, пыхтя как паровоз, снова совершила пробежку. Упала, уткнувшись в пыль. И так раз пятнадцать, не меньше. И осталась лежать в пыли, затихнув, несчастная, грязная и безмолвная. Андрей пошел к ней, Федор было двинулся следом, но Алена поймала его за руку:

– Не лезь. Пусть останутся вдвоем. Пошли в дом... – Ее женское чутье подсказывало, что эту парочку лучше сейчас не трогать.

Хозяева дома тихо открыли дверь, даже не скрипнувшую, как будто она тоже чувала торжественность момента и не хотела нарушить тишину, и ушли со двора.

Андрей подошел к непривычно тихой и молчаливой Шанти, сел рядом с ней. У драконицы из глаз катились слезы, как маленькие жемчужины, оставляя на ее яркой чешуе дорожки, промытые в пыли. Андрей помолчал, потом осторожно поднял драконицу, посадил к себе на колени и прижал к груди, поглаживая по гладкой шее, закрытой плотной, непробиваемой чешуей.

– Ну чего ты... ну не плачь. Все будет хорошо. Я тебе обещаю. У тебя еще и чешуя на крыльях не отросла, и мышцы ты не нарастила – ну как ты могла надеяться, что все получится? Ты же умненькая девочка, ты сама все знаешь. Я тебя понимаю, очень понимаю, и очень жалею тебя и люблю. Ты же мне как сестренка – маленькая, хулиганистая, но любимая. Я тебя не дам в обиду. Ну не плачь...

– А может, я никогда не буду летать? Может, все напрасно? Зачем тогда

жить? Зачем я, уродка, буду жить?! К чему?! Кому я нужна такая?!

– Нельзя так говорить! – жестко сказал Андрей. – Ты дорога мне, дорога маме, Никат тебя обожает, Олра любит – пусть и в виде кошки. Федор с Аленой тебя обожают и жалеют, что не могут раскрыть твою истинную сущность Настюшке – она бы тебя целыми днями слюнявила, дай ей волю. Заобнимала бы до смерти. Так что нехорошо так говорить. Случись что с тобой – мы бы все рыдали. У тебя полно друзей, которые любят тебя, ценят тебя, думают о тебе. Вспомни-ка, кому ты была нужна, кроме мамы, когда сидела в пещере? А теперь перед тобой весь мир, ты будешь летать, будешь! Или я ничего не смыслю в этой жизни! Все, давай отряхнемся и пойдем в дом.

Шанти внезапно раскрыла крылья, обняла ими Андрея и прижалась к его груди головой, увенчанной гребешком и украшенной рядами острых, как шила, белых зубов.

– Спасибо тебе, Андрей! Прости, что я была такой вредной и дерьмовой!

– Ладно, чего ты... – Голос мужчины дрогнул. – Взрослеешь, видно. Все, отряхиваемся, и пошли. Поздно уже. Посидим за столом с ребятами? А то неудобно...

– Посидим. Они славные люди. Почти как драконы. Все-таки ты умеешь подбирать друзей. Одна я чего стою, – усмехнулась драконица. – И кстати, не обольщайся, я все та же, и характер у меня все тот же! А то, что я расслабилась и потеряла контроль над чувствами, это ничего не значит.

– Ф-ф-фух... а я-то было и напугался! – ухмыльнулся Андрей. – Значит, все в порядке. Шанти вернулась. Повернись-ка другим боком, я с тебя землю стряхну, иначе не пущу на плечо – ты мне всю куртку уделаешь.

Шанти повернулась одним боком, другим, Андрей сорванным пучком травы обмел ее как мог, заметив, что потребуется хорошая мойка, и потом торжественно водрузил на плечо. Шанти накинула личину кошки, и они пошли в дом.

Сидели недолго – парочка торопилась в трактир. Пара тостов, пара славословий в честь прекрасной драконицы, съеденная второпях печенка и вылизанная плошка с медом, запитым кружкой молока, – пора идти. Андрей лишь заморил червячка, решив поесть как следует уже в трактире.

Выйдя со двора, Андрей разделся под забором, в тени кустов сирени, и перекинулся в Зверя.

На обратном пути обошлось без приключений, как Андрей и надеялся. Сегодня у него не было ни малейшего желания выступать в роли Бэтмена или Супермена, защитника слабых и обделенных. Он устал и физически, и

душевно. Все, что ему хотелось, – это забраться под бок к любовнице, на толстую перину, под теплое одеяло и задряхнуть без задних ног.

Так и получилось. Правда, прежде ему пришлось посетить мойню, да и Шанти нужно было отмыть.

Теперь она спала в комнате Олры, за ширмой, поставленной по настоянию Андрея, который заявил, что ему не нравятся всякие бесстыжие животные, подглядывающие за людьми. На что Шанти огрызнулась, что ей совсем не интересно подглядывать, как они там тискаются, и вообще – это еще надо посмотреть, кто тут животные. Разумные существа спариваются два раза в год, и только животные – каждый день. Однако Андрею время от времени казалось, что он видит темный глаз, выглядывающий в щель ширмы, это его раздражало, а Олра смеялась и говорила, что он какой-то совсем дикий – как можно стесняться своей домашней кошечки? Да еще такой милой.

Утром Андрей позволил себе поваляться в постели подольше: не надо было срочно бежать ловить извозчика, чтобы ехать к Федору и снова заниматься операцией, не надо целый день стоять над распоротым крылом драконицы – лежи, сопи и мечтай...

Олра на рассвете тихо выскользнула из постели, оставив на подушке мятный запах волос, забрала из-за ширмы Шанти, топающую по полу как слон, в надежде что о ней вспомнят, выпустят до ветру и поплотнее накормят, и спустилась вниз, заниматься делами.

Андрей замер в полудреме, с наслаждением ощущая телом шелковые простыни и пододеяльник. Если бы все и дальше было так хорошо... но ничего не бывает вечного.

Сквозь перекрытия пола доносился далекий шум трактира – покрикивали возчики, разгружая мясные туши и перетаскивая ящики с фруктами и овощами, гремели бочонки с вином, перекачиваемые по гулким полам, – заведение жило своей обычной жизнью. Перекрывая шум, звенел детский голосок. Андрей улыбнулся – Дирта.

Девочка быстро освоилась в трактире. Она была абсолютно приспособляемой к любым условиям и уже через два дня командовала похохатывающими возчиками, требуя, чтобы они лучше делали работу, и вворачивая такие словечки, что окружающие падали со смеху.

Теперь девочка была душой трактира, старалась помочь чем могла, и только до сих пор ее глаза страшно горели, когда видели еду, «плохо лежащую». Дирта старалась отщипнуть кусочек и украдкой сунуть в рот – ей казалось, что все это кончится и еды больше не хватит.

Из полудремы Андрея вырвал стук открывшейся двери.

– Андрей, вставай! Андрей! – Голос Олры был тревожен.
Андрей открыл глаза и увидел озабоченное лицо подруги.

– Что случилось? Ты чего такая хмурая?

– Там пришли... тебя требуют.

– Кто? – Он спрыгнул с кровати, схватил брюки и не спеша, но и не задерживаясь, стал одеваться. – Из-за Халида?

– Да. Сам Черный Абдул.

– Кто такой?

– Второй по значимости босс преступного мира столицы. Конкурент Хасса, которому я плачу за спокойствие. А может, и равный ему. А может, даже выше Хасса статусом. Не знаю.

– А Хасс чего? Обратилась к нему? Что говорит?

– Посылала Никата. Он вернулся, говорит: Хасс передал, что наши разборки с Халидом были разборками из-за бабы, то есть не по воровским канонам. Он вмешиваться не будет. Сами улаживайте.

– Когда уже Никат успел сбегать-то? И Абдул все это время тут сидел?

– Нет. Он позже пришел. С охраной – толпа уродов, каждый размером с Никата. До этого был посыльный, предупредил, что тот придет и зачем. Чтобы готовились.

– Так-так... – Андрей натянул сапоги. – Значит, у тебя ленивая крыша... ясно.

– Что значит ленивая крыша? – не поняла Олра.

– Это выражение такое. «Крыша» – те, кто прикрывает. То есть твой Хасс. А ленивая – они особо в твои дела не лезут, не вмешиваются, не пересчитывают твои доходы, довольствуясь определенной мздой, но и за тебя не впрягаются, если какие-то бандитские разборки. Главное, что тебя не трогают.

– Да, именно так и было, – удивленно приподняла брови Олра. – А слово интересное – крыша. Надо запомнить. Так что делать будем? Надо ведь идти к ним, в комнате не отсидеться. Что-то надо решать.

– И пойдем. Перво-наперво надо послушать, что они скажут. Предъявлять будут мне, а не тебе, я постараюсь свести дело к счетам со мной. Возможно, мне придется уехать.

– Я знала, что ты когда-то все равно уедешь, – грустно усмехнулась Олра, – но не думала, что так быстро. – Она помолчала, глядя в окно, потом обернулась к Андрею и изменившимся голосом сказала: – Знаешь, а у меня ведь задержка.

– Что значит задержка? – недоуменно спросил Андрей, голова которого была занята совсем другими проблемами.

– То и значит. Похоже, залетела я. Сын у тебя будет. Или дочь.

– И ты так спокойно об этом говоришь? Ты же мечтала об этом, хотела этого. Почему же такой трагический тон?

– Мечтала. И сейчас мечтаю, – улыбнулась женщина, – но все как-то... внезапно, что ли. Ты ворвался в мою жизнь, и все стало меняться. Все полетело кувырком, и вот – моя мечта, мой ребенок... а тут навалилось какое-то дерьмо. Никогда не бывает, чтобы все было абсолютно хорошо. Обязательно в противовес большому счастью – большая беда. Это как если бы в одном месте густо, в другом – пусто. Закон такой.

– Угу. Такой закон, – рассеянно поддакнул Андрей. – Все будет нормально. Все, пошли, потом обсудим наши отношения.

Олра печально кивнула и вышла из комнаты. Андрей следом. Они спустились в обеденный зал. Там было тихо: случайных посетителей, извинившись, выпроводили, дверь в трактир закрыли, двери на кухню и на склады – тоже, там командовали кухарки, стараясь не заглядывать в обеденный зал и мышками перемещаясь по подсобкам. Никому не хочется привлечь к себе внимание во время таких «мероприятий».

В одном углу сидел Никат, рядом на столе возлежала Шанти. К вышибале жалась притихшая Дирта, испуганно наблюдавшая за происходящим. В другом углу расположились десять мужчин, среди которых выделялся высокий, худой тип лет пятидесяти, с длинным, слегка крючковатым носом и умными карими глазами. Он был похож на лавочника средней руки, и одет небогато, но добротно – в темных тонов куртку, штаны, короткие мягкие сапоги.

Мужчина негромко беседовал с кем-то из своих подручных, улыбаясь время от времени, отчего тот бледнел, краснел и начинал заикаться. Андрей уловил несколько последних слов, из которых явствовало, что этот человек проштрафился при сборе дани с рыночных торговцев и ему предстояло возместить недостачу круглой суммы из своего кармана, в тройном размере.

Олра спокойно подошла к группе мужчин и с достоинством сказала:

– Абдул, ты хотел видеть моего мужчину? Вот он. – Она кивнула головой на Андрея, вставшего рядом. – Говори, что ты хотел.

– Что я хотел? – усмехнулся Абдул и кивком отпустил сидящего перед ним человека.

Тот отошел в сторонку и сел чуть поодаль, хватая ртом воздух. Андрей взял это себе на заметку – Абдул наводил страх на своих людей, что же тогда говорить о простых гражданах?

– Я хотел говорить с ним. Женщина, отойди. А ты, Андрей – так тебя

звать? – присядь сюда. – Он указал на стул, на котором сидел перед этим провинившийся, как бы указывая собеседнику его место в этом мире. Абдул отвел ему роль виноватого, будто сажая на скамью подсудимых.

Андрей все просек и, усмехнувшись, сказал:

– Ничего, я пока постою. Может, вырасту побольше...

– Ну-ну... – неопределенно протянул Абдул. – Хочешь вырасти таким, как я? На недостижимое надеешься? Что же, многие мечтают о несбыточном, хотя надо лишь делать то, что положено, и не допускать в голову беспочвенные фантазии. От этих фантазий голова пухнет, мозг разжижается и теряется разум, уберегающий от необдуманных поступков. Ты со мной не согласен?

– Нет. Или я должен был сказать – да? Вероятно, все твои люди всегда тебе говорят «да»?

– Мои люди всегда говорят мне «да», иначе они никогда больше не смогут говорить. Я вырву им язык. Может быть, вместе с головой. Как и тем, кто становится на моем пути. Или пытается это сделать...

– Абдул, мне еще нужно позавтракать, потом заняться неотложными делами. Ты не мог бы подойти к сути вопроса побыстрее? – Андрей зевнул, прикрыв рот ладонью.

Абдул сверкнул глазами, напрягшись, и монах тоже напрягся, ожидая команды к атаке. Но нет, авторитет снова расслабился и скривился в усмешке.

– Ты наглец. Ты напоминаешь мне Халида. Он тоже был наглецом. Удачливым наглецом, и очень дельным. Он был умным и эффективным убийцей, и я не думал, что его можно так просто убить. Вместе с его людьми. Как погляжу, опасным ты не выглядишь, ничего особенного в тебе – мужчина как мужчина. И как это ты смог побить Халида? Ты им устроил засаду, да? Ты оказался умнее Халида. Это хорошо. Значит, я приобрету себе мастера. Ты будешь работать на меня, пока не отработаешь свой долг. Впрочем, можешь сразу заплатить пятьсот тысяч золотых и идти на все четыре стороны. И тогда я не трону тебя и твою подружку. А также твоих друзей и их дочку. Как их звать? Федор и Алена? И Настя. Видишь, я все знаю. Это же просто – посмотреть, куда ты едешь, расспросить извозчика. Навести справки. Ты что думал, убивать моих людей без моего позволения можно? Ошибаешься. Моих людей могу убивать только я. Вот так! – Откуда-то в руке авторитета появился небольшой метательный нож и, просвистев в воздухе, вонзился в глаз человеку, которого Абдул распекал несколько минут назад.

Мужчина задержался, захрипел и упал на пол. Под ним образовалась

лужа крови, пропитывающая скобленный пол, небольшой ручеек стал подкрадываться к сапогам Андрея. Олра побледнела, а монах, брезгливо сморщившись, переступил через ручей и, пожав плечами, спросил:

– У меня есть время на размышление? Может, я соберу пятьсот тысяч? Я еще не решил.

– Ты так богат? – приподнял брови Абдул. – Хм... может, и вправду дать тебе время на размышление? Люди смертны, а пятьсот тысяч есть пятьсот тысяч. Хорошо. Срок тебе до завтрашнего утра. В это же время ты придешь ко мне и дашь ответ. Если не будет пятисот тысяч или же ты откажешься на меня работать – умрут все, кого я перечислил. И те, кто под руку попадется, – надеюсь, ты не хочешь их смертей.

Внезапно раздался визг, отчего все вздрогнули – на бандитов бросилась Дирта и попыталась ударить кулачком Абдула.

– Гад, сука, ты..... не трогай маму Олру! Я тебя убью!

Бандит поймал руки беснующейся девочки и усмехнулся:

– Смелая. Пожалуй, я оставлю ее в живых. Воспитаю как надо. Таких смельчаков надо ценить. Забери ее, женщина!

Олра подхватила сразу затихшую девочку и, успокаивая и поглаживая по голове, увела в подсобные помещения, где передала с рук на руки Мадре, строго-настрого велев никуда не выходить. Затем вернулась в зал, чтобы захватить последний этап переговоров.

Абдул как раз уходил, бросив на ходу:

– Завтра, в это время. Я пришлю посыльного. И не думай, что тебе удастся ускользнуть – твоя женщина остается тут, а если попробуешь сбежать с ней – везде мои глаза и уши. Ты даже не выйдешь из города. Эй, заберите это дерьмо. – Он указал на труп с ножом в глазу.

Бандиты покинули трактир, а Андрей, Олра и Никат остались в пустом зале.

Олра присела к столу, положила на него руки, сжатые в кулаки, и простонала:

– Ну зачем, зачем я связалась тогда с Халидом?.. Ну почему так случилось?..

Андрей сел рядом и успокаивающе погладил ее по плечу:

– Не казни себя. Вообще-то я знаю, как он тебя окрутил. Ты была права – он тебя околдовал, сам признался мне перед смертью. Он же думал, что я не выйду оттуда живым, и, как человек тщеславный и самовлюбленный, похвастался мне, рассказал, как все было сделано. Какие-то специальные капли, заговоренный на любовь – видимо, на тебя лично – амулет, и ты уже только и мечтаешь о нем. Ты для него была

кошельком. Ну и удобной повседневной...

– Подстилкой, да? – горько усмехнулась Олра. – Нечего выбирать слова. Подстилка и была. Дура!

– Я что-то подобное и подозревал, – вздохнул Никат и неожиданно ощерился в улыбке. – Ты видал, сколько охраны он с собой взял? И самых отборных! Я их знаю еще по боям на арене. Лучшие бойцы. Видимо, все-таки побаивался за свою жизнь. А покойника они унесли с собой? Ага, унесли. Эрдан был жадным человечешкой и глупым – разве можно воровать деньги у Абдула? Он все просек и специально казнил его на твоих глазах и на глазах своих людей – воспитательный момент.

– Да я понял, – отстраненно сказал Андрей, напряженно о чем-то думая. – Скажи, Никат, кто основной конкурент Абдула?

– Хасс, конечно. Они вечно на ножах, но уже давно заключили соглашение, поделив территории. Абдулу достался рынок – Хасс на него давно зубы точил, но обломался, слишком много крови надо пролить, чтобы его взять, ну а Хассу платят трактиры, лавки в купеческом квартале, еще кое-кто. Ну и все грабители, воры платят им дань, если работают на их территории. Вот так. А почему ты спросил? Думаешь, Хасс за нас заступится? Тебе Олра не сказала?

– Сказала. Есть у меня одна мыслишка... прикидываю, что получится. Где можно найти Хасса? Мне нужно с ним встретиться. Время, ох как нужно время... срок до завтра, это очень, очень мало. Проводишь меня к Хассу, Никат?

– Провожу, конечно, – пожал могучими плечами вышибала, – только смысл какой? Он же уже сказал, что не будет за нас заступаться.

– Знаю, знаю. Пошли к нему. Олра, ни о чем не беспокойся, занимайся своими делами. Шанти, ты со мной пойдешь?

Кошка прыгнула со стола на плечо Андрея, где и пристроилась, задорно глядя на окружающих. Предстояла веселуха, и она не могла остаться в стороне – а как же иначе?

Через двадцать минут Андрей и Никат подошли к длинному, баракообразному строению с множеством входов и выходов. Перед ним стояли группки людей, в основном мужчин, якобы празднующихся, но когда чужаки приблизились на расстояние арбалетного выстрела, их тут же окружили и потребовали отчета, куда и зачем они идут. В общем, это была охрана, первая линия обороны.

Андрея это не удивило и навело на мысль о том, что уголовные авторитеты живут тут довольно «весело», каждую минуту опасаясь нападения. Или же он просто попал в такой день, когда отношения между

группировками обострились. Впрочем, это ему было на руку.

Под конвоем их отвели в здание, и, пройдя по длинному коридору со скрипучим полом (тоже элемент обороны? что-то вроде сигнализации?), они поднялись на второй этаж, где находился «офис» Хасса. Здесь было всего три двери, и сопровождающий, подойдя к одной из них, осторожно постучал. Дождавшись разрешения, вошел, прикрыв за собой дверь, потом выглянул, поманил рукой – айда, мол.

Андрей вошел следом за Никатом и оказался в большом кабинете, от которого пахло чем-то ностальгическим, земным – письменный стол, стулья, диван, кресла, чайный столик, картины на стенах, ковер на полу, – не средневековый уголовный авторитет, а бизнесмен средней руки, вполне успешный и добропорядочный. Впрочем, а что, на Земле уголовные авторитеты бегают с ножами в зубах и размахивают пистолетами, зажатыми в обеих руках? Уголовный бизнес – это тоже бизнес. Времена Ваньки-жигана с кистенем давно прошли. Теперь вместо кистеня дорогие юристы и правоохранительные органы, щедро финансируемые из общаков. Мелкая уличная преступность по большому счету уголовным боссам неинтересна и даже мешает. Куда выгоднее иметь постоянный доход от бизнесменов, то бишь лавочников и купцов, охотно отдающих часть прибыли за то, чтобы их не трогали. Однако и уличной преступностью брезговать не стоит – деньги не пахнут, как сказал один земной император, да и отряды уличных преступников успешно пополняют состав армии авторитетов. Это пушечное мясо, которое можно легко бросить в горнило войны между преступными кланами.

Хасс был человеком лет пятидесяти, с густыми волосами, в которых почти не видно седины – настолько они были светлыми. Его глаза настороженно ощупали гостей, за каждым движением которых следили телохранители, стоящие по бокам его кресла.

Андрей обвел глазами стены кабинета и заметил под потолком отдушины, не прикрытые сеткой. Он побился бы об заклад, рупь за сто, что за этими отдушинами стояли стрелки с арбалетами и фиксировали каждый шаг посетителей. Резкое движение или команда босса – и во лбу этих людей расцветут экзотические цветки с металлическим стеблем.

Андрей не обольщался – Хасс был такой же тварью, как и Абдул. Никакой защиты у него он искать не собирался – глупо было бы об этом даже подумать. У Хасса имелось лишь одно неоспоримое достоинство – он был врагом Абдула. И этим все сказано.

– Так-так... вот из-за кого весь этот шум поднялся! – усмехнулся Хасс и, выйдя из-за стола, предложил посетителям присесть в кресла у столика

возле стены.

Уселся сам и, дожидаясь, когда гости рассядутся, внимательно рассматривал Андрея, как будто просвечивал его насквозь.

– И зачем вы ко мне пришли? Я же сказал Никату: мы не будем вмешиваться в это дело. Это не по нашим канонам, чтобы вмешиваться в разборки из-за бабы. Хотя Олра – сладкая, очень сладкая штучка! Не правда ли, парень? – Хасс улыбался, но глаза его были холодными, как у змеи. – Ну так что у вас? Давайте выкладывайте, мне скоро обедать, я и так засиделся в кабинете. Тем более что меня ждет бабенка не хуже Олры – впрочем, я же еще Олру не пробовал... может, она гораздо лучше моей бабы. Вот только не хочет меня время от времени ублажать. Хотя я ей и намекал об этом. Может быть, тогда я и подумал бы о том, как ее прикрыть. Ведь попала она в это дерьмо по твоей милости. Как там тебя звать? Андрей? Ага, Андрей. Баба твоя, так что и защищать ее тебе. По моему мнению, ты все сделал по понятиям: тебя вызвали – ты убил. А что там Абдул себе напридумывал – это его дело. Но меня это не касается. Слушаю тебя.

– Мне нужно знать, где живет Абдул, куда ходит, расписание его поездок, наличие и расстановка охраны. Срочно. Чем быстрее, тем лучше.

Хасс молча и немигающе посмотрел на Андрея, потом жестко сказал Никату:

– Выйди в коридор. И вы тоже выйдите! – велел он телохранителям, жадно ловящим ушами каждую фразу.

В комнате остались только трое – Хасс, Андрей и сопровождающий, который привел их в кабинет. Хасс посмотрел на него и приказал:

– Срочно Зирка сюда. Пусть бросит все дела и идет ко мне.

Потом Хасс прикрыл глаза и расслабился, как будто заснул. Андрей не обольщался – стрелки в отдушниках остались, так что авторитет совсем не был безрассудным, отпуская телохранителей. Они были больше для антуража – положено иметь телаков, так почему бы и нет? Авторитета больше. Каждый уважающий себя бизнесмен должен иметь телохранителей – положено по статусу.

Наконец в кабинет вошел плотный, мускулистый мужчина среднего роста, сбитый и крепкий. Он сильно походил на борца своими квадратными плечами, обритой головой и сломанным носом. Скорее всего, он и был бывшим борцом, однако в его маленьких глазках под тяжелыми надбровными дугами светился ум – без светлого разума и холодной головы невозможно стать правой рукой крупного авторитета, начальником его охраны. А еще Зирк был убийцей по призванию.

– Присаживайся, Зирк. Вот он желает знать всю информацию по Абдулу. Где тот бывает, когда, что ест и куда ходит испражняться. Дадим?

– Дадим, – серьезно ответил Зирк. – А в нас рикошетом не ударит?

– А как? Приходил за защитой, мы отказали. Все. А что он там творит на свой страх и риск – это его проблемы. Тебе не кажется, что это решение?

– Да, ты, как всегда, прав, хозяин. Мне можно идти?

– Иди. Его бери с собой. Это все, Андрей? Или есть еще какие-то вопросы?

– Нет. Только к Зирку.

– Ну вот и иди с ним, задай вопросы. Мне уже недосуг. – Хасс демонстративно зевнул и встал с кресла, показывая, что аудиенция закончена.

Андрей коротко кивнул и тоже встал. Больше они не обменялись ни словом. Зирк оглянулся у двери, как бы приглашая Андрея, и тот вышел за ним в коридор.

Андрей отпустил томившегося в ожидании Никата, сказав, что все нормально и пусть он идет и успокоит Олру. Тот с явным облегчением покинул бандитское гнездо, а Андрей проследовал за своим провожатым в комнату на первом этаже, почти что копию кабинета Хасса. За исключением того, что вместо картин по стенам было развешано оружие разных видов, родов и конфигураций.

– Садись. Что тебя интересует по Абдулу конкретно? В первую очередь?

– Где он ночует, где будет в ближайшие сутки, и расположение постов охраны. Также их вооружение и квалификация.

Через час Андрей вышел из штаб-квартиры Хасса вполне удовлетворенным и более спокойным, чем до прихода туда. Все, что ему было нужно, он получил. Его не спрашивали ни о чем, кроме – почему он всегда ходит с кошкой, на что он ответил, что у каждого свои извращения и он не обязан отчитываться в своих ни перед кем. На том вопросы и закончились.

Всем все было ясно. Ясно было, зачем Андрей пришел к Хассу, это совершенно очевидно. Также ясно, почему Хасс отказал в помощи Олре, – какие-то там, к черту, каноны? Они просчитали на раз, что Андрей – квалифицированный убийца и что он обязательно придет к ним, чтобы разобраться с Абдулом, – у него просто не было другого выхода. То, что ему потребуется информация, тоже очевидно, так она была у них с самого начала – группировки усиленно следили друг за другом, отслеживали передвижения лидеров.

То, что между группировками заключены какие-то соглашения, не значило ровным счетом ничего. И даже меньше, чем ничего. Хасс точил зубы на рынок, который был под Абдулом, Абдул спал и видел, как размажет Хасса, – нормальная деловая жизнь столицы. И тут у Хасса появляется великолепная возможность убрать соперника чужими руками, не подставив своих людей, – кто же этим не воспользуется? Совершенное оружие – вот кем был в его глазах Андрей. Умное, умелое, самостоятельное и эффективное оружие. А что делать с ним потом... видно будет. Конечно, лучше убрать. Зачем кому-то знать, что в эту самонаводящуюся торпеду были введены координаты цели именно Хассом – ни к чему знать, лишние неприятности. Да и человек, убравший Абдула, станет слишком влиятельным, слишком самостоятельным – вырастить еще одного Абдула? Нет уж. Абдул тоже когда-то начинал с обычного убийцы и за счет ума, хитрости, изворотливости пробился наверх. Впрочем, Хасс был из той же породы.

Андрей вел свою игру. Честно сказать, в этой пакости, творящейся вокруг, он был как рыба в воде – этим Андрей занимался много лет. Убрать одного человека, ускользнуть от другого, получить информацию и узнать подоплеку всех событий – для него это было привычно и рутинно, если можно так выразиться. Антураж лишь другой, а так – чем эти авторитеты отличались от земных? Ничем. Запросы только поскромнее, масштаб помельче, вот и все. Уголовщина, она и есть уголовщина. Он не сомневался, что уберет Абдула. Вот только потом нужно было уцелеть и не подставить под удар Олру и друзей. Как это сделать? Это и была его главная задача на ближайшие часы.

В трактире его ждали. Олра нервно расхаживала вдоль стойки, а хмурый Никат сидел, постукивая толстыми пальцами по столешнице, на своем обычном месте в углу трактира.

– Наконец-то! – подбежала к Андрею Олра. – О чем ты разговаривал с Хассом? Никат ничего не говорит, отмалчивается! Что вы от меня скрываете?

– И я не скажу. Есть такие вещи, которые лучше не знать. Спать спокойнее будешь. Обещаю, что до завтрашнего утра все наши проблемы будут разрешены. Будь уверена. Лучше дай-ка нам с Шанти поесть. Ты не забыла – я ничего еще сегодня не ел, и у меня уже живот поет песни. Не хочешь же ты заморить меня голодом?

– Да-да, сейчас! – заторопилась женщина и убежала на кухню отдавать распоряжения.

Шанти соскочила на стол к Никату, Андрей присел рядом с

вышибалой. Тот поднял на него внимательные глаза и тихо, весомо сказал:

– Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь. Если понимаешь... Тебе не кажется, что после того, как ты уберешь Абдула, весь удар будет направлен на Олру? Ты-то рядом с ней, все события произошли из-за нее, так что у нее точно будут неприятности.

Андрей помолчал и, не отвечая на вопрос, задумчиво спросил:

– Скажи, местные авторитеты, когда они кого-то казнят, подбрасывают, к примеру, какой-то отличительный знак? Мол, убили не просто так, а по приговору босса. Есть что-нибудь такое?

Глава Никата расширились, и он с удивлением посмотрел на Андрея. Его лицо просветлело.

– Вот оно как... хм... интересно. Да, может прокатить. Абдул любит убивать собственноручно, он мастерски владеет метательными ножами – ну ты видел. Хасс предпочитает клинок держать в руках, когда убивает, а не метать его в кого-либо. Хотя и прекрасно владеет этим искусством. Что касается каких-то отличительных знаков – не припомню такого. Это из разряда каких-то романтических рассказов, мне кажется. Придется тебе напрячь мозги, как перевести направление удара туда, куда нужно. Когда хочешь начать? Помощь нужна?

– Нет, – помотал головой Андрей. – Сегодня ночью. Только я... и моя подружка. – Он кивнул на Шанти, прислушивающуюся к разговору.

– Оставил бы ты ее здесь. Она тебя затормозит, сидя на плече, да и вдруг ее зашибут – жалко кошатину. Я присмотрю за ней, не бойся, ничего с ней не случится.

– Она мне этого не простит, – усмехнулся Андрей. – Куда я, туда и она. Мы с ней неразлучны, как небо и звезды. Правда, моя дорогая?

– Правда, дорогой, – в тон другу поддакнула драконица. – Куда же ты без меня? Еще подстрелит кто-нибудь. Кстати, мы когда займемся упражнениями?

– Скоро. Сейчас поедим и займемся, – ответил Андрей мысленно, а вслух сказал: – Говорит, что не отпустит меня одного. Вдруг кто обидит!

– Шутник ты, – хмыкнул Никат. – Хотя, глядя на вас с кошкой, я иногда думаю, что она и правда понимает человеческую речь и тебе отвечает. Вы с ней настолько спелись, что уже как одно целое. Я уж и не представляю тебя без этой черной бестии на плече. Будто вторая голова у тебя выросла!

– И надо заметить – самая умная и красивая! – хихикнула Шанти.

– Кстати, мы прокалываемся, – серьезно сказал Андрей. – Если Никат заметил, то и другие могут заметить. Нужно быть осторожнее. Учти это.

Андрею и Шанти принесли обед, и они с полчаса наслаждались

вкусной едой – готовили в трактире отменно, видимо, потому тут всегда было много посетителей. Олра запрещала готовить из плохих продуктов, справедливо считая, что зарабатывается авторитет заведения годами, потерять же его можно вмиг – стоит кому-то отравиться несвежей рыбой или мясом.

Закончив обед, Андрей поднялся и поманил Шанти:

– Пошли прогуляемся?

– Куда прогуляемся?

– Куда-куда... увидишь. Запрыгивай.

Кошка взлетела на плечо, и Андрей пошел разыскивать Олру.

Она на заднем дворе распекала возчиков, перегородивших проезд и сцепившихся колесами. Они никак не могли разъехаться – одна телега, почти доверху груженная мукой, вторая с бочками вина, уложенными рядами и весящими вместе не менее тонны. «Как несчастная лошадь-то тянет?» – удивился Андрей.

– Ты посмотри, посмотри, какие идиоты! – увидев Андрея, яростно крикнула раскрасневшаяся Олра. – Нет бы пропустить – один идиот заезжает, и другому надо! И все одновременно! И теперь чего делать? Теперь из-за двух дебилов надо разгрузить телеги, поднять их, расцепить и потом уже снова загрузить! До склада далеко, грузчики отказываются тащить на такое расстояние, бочки катить по земле – все вымажутся и побьются, а за разгрузку кто будет платить? Вы, идиоты, вы зачем так сделали вообще-то? Ты вот – с какой стати одновременно с ним полез? – Олра обратила свой разгневанный взгляд на бородатого возчика, похожего на Льва Толстого.

– А чего... моя очередь становиться под разгрузку, а он вперед лезет! Я и поехал, я что, знал, что он рванет вперед меня? – вяло защищался возчик.

– Моя очередь! Я отходил по нужде, а ты приперся! Я должен был въехать! Вот он пусть и оплачивает разгрузку! – протестовал второй, молодой парень с прыщавым лицом и реденькой порослью над верхней губой. – Я вообще ни при чем! Он наглец, старый пердун! Раз молодой, значит, можно на хрен посылать?! Пошел ты сам на хрен!

– Да я тебя!.. – Бородатый кинулся к истошно заверещающему, напуганному молодому возчику, схватил его за грудки и занес корявый кулак.

– Тихо, все! – не очень громко, но резко сказал Андрей. – Отпусти его. В сторону!

Возчики ошеломленно и опасливо посмотрели на худощавого человека с черной кошкой на плече, и молодой шепнул старому:

– Это Андрей с Черной Смертью! Говорят, эта кошка по его команде сразу глотку перегрызает – только брызги летят! Страшный человек.

Андрей усмехнулся – ему все было слышно. Он подошел к телегам – задние колеса торчащими в стороны втулками попали друг другу в деревянные спицы и намертво заклинили проход. Телеги крепкие, и взмыленные лошади, как ни старались, не могли ни сдвинуть, ни сломать колеса и только тяжело дышали – видимо, возчики хлестали их кнутами, требуя исправить плоды человеческой глупости.

Андрей терпеть не мог, когда на слабых вымещали свою злобу и глупость. Посмотрел на провинившихся возчиков, попятившихся под его холодным взглядом, потом на группку их коллег, чьи телеги скопились перед заблокированным въездом, и спросил:

– А чего эта толпа стоит? Взялись бы да приподняли – вон сколько мужиков! Кишка тонка, что ли?

– А мы чего, нанимались, что ли? – крикнул кто-то. – Чего мы пузовать будем из-за двух дураков? Да и не подлезть там – один или два встанут, а всей толпе не встать! Пусть они и разгружают.

– Придется и вправду разгружать, – всплеснула руками Олра, – а время идет! Скоро народ пойдет, а у меня на складах закончилось все. Сегодня завезти хотела, и вот! Ладно, чего теперь, пойду грузчиков потерблю. А ты чего приходил, что-то спросить хотел?

– Попросить хотел одну вещь... только не знаю, как сказать...

– Ну говори, говори, – нетерпеливо бросила Олра, – мне еще этих олухов из подсобки вытаскивать да за разгрузкой следить. Не уследишь – все кое-как вывалят и в грязи вывозят. Говори же!

– Мне комната нужна – для Шанти. Чтобы она там жила и ночевала. Можно такое устроить?

– Хм... не хочешь, чтобы она из-за ширмы подглядывала? – усмехнулась женщина. – Будет ей комната. Скажи Урквару, чтоб дал тебе ключ от угловой комнаты. И пусть проследит, куда грузчики сложат мешки с мукой – прошлый раз они в сырой угол плюхнули, хотя я им говорила, не надо туда класть! Там угол отсыревает – крышу надо уже делать, где-то черепица отстала. Ну все, побежала я!

– погоди, – остановил ее Андрей. – Сейчас посмотрим, что можно сделать.

Он обошел телеги, пролез между ними, прикинул еще раз – да, если приподнять и толкнуть, втулка выскочит из зацепа. И стоять можно было только одному. Прикинул вес – тонна-полторы, может, и больше. Вдохнул: ну выйдет, значит, выйдет, не выйдет – попытка не пытка.

Взялся за колесо, напрягся, пробуя, держат ли мышцы. Вроде ничего. Сухожилия тоже не трещат. Напрягся... еще... еще... телега с мукой качнулась, дерево ее основы, пошедшее наперекос, затрещало, но выдержало. Колесо пошло вверх – толчок! И телега уже катится по двору. Возчики зашумели, заговорили разом, а Олра, вытаращив глаза, посмотрела на любовника и восхищенно сказала:

– В жизни бы не поверила! Я только в детстве видала, как ярмарочный силач приподнимал телегу, но он был раза в три шире тебя и выше на голову, а вес телеги был раза в два меньше! Что я еще о тебе не знаю, а? Может, ты и по воздуху летать умеешь?

– Увы... если только на драконах, – невозмутимо ответил Андрей, а Олра радостно рассмеялась:

– У тебя и чувство юмора на высоте. Ты клад, а не мужик! Дай я тебя поцелую – заслужил.

Женщина чмокнула Андрея в губы под одобрителный гул толпы зевак и шуток возчиков, показала возчикам кулак и сказала, что оштрафует этих двух идиотов на два серебряника каждого. И вообще, их надо было оштрафовать на десять каждого, но в честь благополучного завершения дела она их прощает. Андрей же отправился на поиски Урквара.

Маленькая комнатка, кровать, стол, два стула. Стол деревянный, тяжелый – то, что нужно. Андрей аккуратно запер дверь на засов и снял со стола тонкую скатерть. Стол был раздвижным – конструкция вечная, крепкая и актуальная во всех мирах, где есть маленькие квартирки. Он ссадил с плеча Шанти, устроив ее на столе, и приказал:

– Прими образ дракона. Не полного размера, конечно. Ага, хорошо. Теперь делаем так: я раздвигаю половинки стола... ты становишься в центре... нет, головой туда, ага. Цепляйся лапами за края! Ну крепче, крепче! И лети!

– Как лети? Издеваешься? – обиделась Шанти.

– Да нет! – досадливо поморщился Андрей. – Раскрывай крылья и маши ими, как будто ты летишь. Маши, пока не устанешь, пока не выбьешься из сил! Ну! Хочешь отрастить себе плевательные железы? Хочешь летать в вышине? Тренируйся. Стол не даст тебе сорваться с места и улететь, а нагрузка на крылья будет такая, что мало не покажется. Давай-давай, не ленись.

Драконница распустила крылья, довольно большие по размаху – правое крыло чертило по стене, и пришлось отодвинуть стол. Теперь ничто не мешало.

Шанти раскрыла крылья и начала ими махать, пытаясь поднять себя в

воздух. Стол стоял крепко, не делая никаких попыток взлететь, и Андрей успокоился – все шло отлично. Шанти работала вентилятором, перемалывая воздух крыльями, а он уселся на кровать, наблюдая за ее тренировкой. Минут через пятнадцать драконица выдохлась и, тяжело дыша, пробормотала:

– Никогда не думала, что полеты такая тяжелая штука! У меня сейчас сердце выпрыгнет из груди!

– Это только начало. Потом легче будет. Вот так надо каждый день, каждый день – по многу раз. Сумеешь себя заставить – будешь летать. Для организма ты сейчас летала – значит, у тебя наращивались мышцы, значит, развивались все органы, и сердце в том числе. Скоро ты с этим столом в лапах летать будешь! Главное – у тебя крылья сейчас работают четко, точно, все раскрывается хорошо. Я поглядел – у тебя уже чешуйки новые начали вылезать, скоро покроешься новой чешуей, блестящей, красивой. Давай-давай, детка, еще разок, ну?

И Шанти послушно заработала крыльями.

Андрей, лежа на кровати, смотрел, как драконица усиленно машет крыльями, и думал: останется ли она с ним, когда научится летать? Зачем ей одинокий человек, непонятно для чего оказавшийся в этом мире? Пока он ей нужен – лечение, питание. А потом? Улетит, скорее всего. Но это естественно. Все дети, отрастив крылья, улетают. Их не удержать подле себя. Их зовет небо...

Ему стало слегка грустно – привык уже к чертовке. Но он многое был готов отдать за то, чтобы Шанти стала нормальным, здоровым драконом.

– Молодец. Хорошо получается. Вот так день за днем, и через месяц мышцы окрепнут настолько, что ты сможешь летать. Обещаю. А на сегодня хватит, наверное, и так все будет болеть.

– Я не чувствую спины, – призналась Шанти. – Мышцы как ватные. Уже не могу поднять крылья. Никогда так не уставала!

– Знаешь, мы вот как сделаем: я не буду запираť дверь, так что ты, когда сможешь, будешь приходить сюда тренироваться. И спать будешь тут – и тебе удобно, и нам. А каждую свободную минуту тренируйся. Ты умненькая и сама понимаешь, насколько это тебе надо. Ведь понимаешь же?

– Понимаю, – согласилась драконица. – Буду тренироваться. Знаешь, а я сейчас первый раз поверила на сто процентов, что полечу! Раньше как-то не очень верила, хотела, но не верила. А теперь верю. Почему? Сама не знаю. Наверное, потому, что это не колдовство, а труд, тренировка, и это зависит от меня. А раз зависит от меня, я все сделаю, чтобы это

получилось. Спасибо тебе.

– Умничка. Иди ко мне! – Андрей привлек к себе драконицу, она прижалась к его груди головой, потом отстранилась и медленно, неуклюже полезла на плечо. Было видно, что Шанти и вправду так устала, что еле двигается.

– Может, поваляешься здесь? Или пойдешь поешь? – предложил Андрей.

– Поесть надо. Потом отдохну. Сегодня тренироваться больше не буду. Как я поняла, сегодня ты намерен устроить знатное веселье, с плясками и игрищами. Так что мне нужно быть в форме. Без меня тебе будет труднее. Что я буду делать, если тебе голову оторвут? Придется уничтожать этот город – а мои соплеменники этого не поймут. – Шанти хмыкнула и прижалась к Андрею.

– Ну что же, пойдём, уничтожительница. – Он ласково похлопал драконицу по спине, она ойкнула и попросила его быть поосторожнее – спина болит, как будто по ней били палками. Андрей задумался, потом хлопнул себя ладонью по лбу. – Ну-ка, ну-ка, сядь-ка на стол! Сейчас кое-что попробуем. – Он усадил Шанти на столешницу, оставленную раздвинутой, посмотрел на ее ауру внимательно и увидел красные сполохи. – Вот я болван, – пробормотал он. – Ну и осел же я! Похоже, что мы сможем тебя натренировать гораздо быстрее! Сиди-ка...

Андрей коснулся ауры драконицы рукой и стал убирать ее боль. Сполохи бледнели, бледнели и исчезли совсем. Он сосредоточился на том, чтобы увеличить регенерацию тех мест, где Шанти испытывала боль, и вскоре ее аура засветилась ровным изумрудно-голубым светом, как и всегда. Она восторженно расправила крылья и помахала ими в воздухе:

– Не болят! Они не болят! А-а-а! Не болят! Я могу еще потренироваться!

– Давай. Без проблем. Теперь мы тебя быстро поднимем в небо, уверен!

Шанти уцепилась за стол и снова истошно замахала крыльями, поднимая ураганный ветер. Колыхались занавески, приподнималось покрывало, а Андрей сидел счастливый, будто выиграл миллион долларов в лотерею, – получилось!

Он был ужасно рад за свою упрямую подружку. И сердит на себя, что не разглядел короткий путь к цели. Ведь всего-то надо было активировать регенерацию порванных от нагрузки волокон мышц, чтобы организм понял это как команду к наращиванию мышечной массы и начал срочно ее восстанавливать в том объеме, который должен был быть изначально

выращен, если бы драконица развивалась как положено. Теперь они и вправду могли ее поднять на крыло за считанные дни. Хм... скорее не поднять на крыло, а восстановить форму, нужную для поднятия на крыло, а уж сможет ли она преодолеть психологический барьер – это зависело только от нее.

Через два часа полностью выдохнувшаяся, но ужасно довольная Шанти была оторвана от столешницы и насильно посажена на плечо.

– Хватит. Твой организм больше не выдержит. Ты понимаешь, что он уже истратил все запасы, чтобы мышцы набрали объем? Чувствуешь, как тебе хочется есть? Мы сегодня уже семь попыток делали.

– Да, – призналась подружка, – честно говоря, я бы сейчас просто быка съела! Аж трясется все от голода.

– Теперь тебе пару дней отъедаться придется. Будешь есть, есть, есть, пока не наберешь массу. Потом продолжим. Думаю, что дня через три ты будешь полностью готова. У тебя уже левая сторона спины стала толстой, мускулистой и почти сравнялась с правой. Заметила, что тебя уже не тянет влево и что левое крыло не так устает?

– Ага, заметила! – счастливо рассмеялась Шанти. – Я буду летать! Я буду летать! Я буду летать! А-а-а!

– Все-все, тихо, оглушила. Кстати, а ты можешь говорить по-человечески? Не мыслеречью, а глоткой?

– А зачем? Мне и так хорошо. Я ваши слова понимаю, а с кем мне, кроме тебя и Федора, говорить?

– Ну так, к примеру – идет мужик какой-нибудь, а ты ему по-человечески: «Стоять! Бояться!» Он и обделался от страху. Забавно?

– Забавно, – хмыкнула Шанти. – Надо потренироваться. Так-то мы можем говорить, как вы, но не любим. Вообще-то это считается ниже достоинства дракона – говорить по-человечески. Ну как если бы вы учили речь собак и тявкали с ними. Или блеяли с баранами. Но то, что ты сказал, интересно. Я подумаю.

– Подумай, – усмехнулся Андрей.

Вообще-то он хотел научить Шанти человеческой речи не для того, чтобы пугать случайных прохожих, это и ежу понятно. Ему хотелось иногда говорить с ней на обычном языке, плюс ко всему, и это основная причина, чтобы она могла разговаривать с обычными людьми, которым недоступна мыслеречь. Мало ли что с ним случится... хоть его и трудно убить, но он тоже не вечен. Пара стрел в голову... отрубленная голова... и нет оборотня. Голова – вот его слабое место, его ахиллеса пята. «Как, кстати, и у большинства людей, – с усмешкой подумал он, – голова – слабое

место. Если бы люди могли как следует продумывать свои действия, могли тщательно планировать их, скольких неприятностей и бед можно было бы избежать...»

День медленно, но верно подходил к концу. Они с Шанти крепко подзаправились, потом Андрей попросил у Олры бумаги, чернил и принялся сосредоточенно выводить что-то на листках, нарезанных на четвертинки. На ее вопрос, что он делает, Андрей пошутил, что пишет ей любовные послания. Потом будет зачитывать – под настроение. Раздосадованная Олра ушла на кухню, где выместила раздражение на несчастной Жугре, отчитав за плохо вымытый котел и бросив в нее половником. Потом Олра отправилась в мойню, забрав с собой Дирту – та умудрилась перемазаться соусом, свалившись в котел, со стенок которого пыталась собрать остатки кусочком хлеба. Как ни бились Олра и остальные женщины, доказывая, что еды хватит и что Дирта получит все, что захочет – и пирожки, и мясо, и бульон с лепешками, – та только виновато хлопала синими глазами и опять бралась за свое. Барьер. Психологический барьер. Еды мало – надо беречь.

Когда стало темнеть, в трактир набился народ – на улице было холодно, осенний ветер завывал меж домов, разгоняясь в тесных улицах, как в аэродинамической трубе. В трактире горел камин, потрескивали дрова, и посетители наслаждались теплом, горячими пирогами с бульоном, горячим вином и холодным пивом. Никат, как всегда, был на страже – поле обеда он сходил домой, навестил свою семью, жену и теперь был благодушен и спокоен, как танк, стоящий на постаменте памятника танкистам.

Андрей потихоньку поднялся, собираясь выйти из зала, Никат заметил это и сделал ему знак: подожди. Подошел, посмотрел в глаза и тихо шепнул:

– Удачи. Вернитесь живыми.

Андрей усмехнулся – Никат не добавил «здоровыми». Знал, что предстоит сделать, и был уверен, что это не то что не просто, а самоубийственно. Но что делать?

Он кивнул вышибале и вышел из зала. Олра была в своей комнате, сидела на кровати и молчала, глядя в пространство. Когда Андрей вошел, она подняла глаза и сказала:

– А может, уедем? Давай уедем, а? Бросим все – деньги у меня есть, пристроимся где-нибудь и начнем жизнь сначала? Я беременна от тебя, мы будем жить семьей, и никто не будет знать, кто мы. Я не хочу, чтобы тебя убили! Я готова бросить все и уехать. Поехали?

– А Федор? Алена с Настей? А Дирта? А те люди, которые на тебя работают, имеют кусок хлеба и крышу над головой? С ними как? Нет, милая моя. Один умный человек сказал: «Мы в ответе за тех, кого приручили». И вообще, чего ты меня раньше времени хоронишь? Поверь, все будет нормально. Я и не из таких передряг выходил целым и невредимым. Какой-то придурок-бандит – тьфу! Размажем, как плевок по мостовой!

– Размажем! – вдруг граммофонным голосом сказала Шанти, и Олра вздрогнула:

– Она умеет говорить! У тебя говорящая кошка! Вот это да!

– У нее много талантов, – усмехнулся Андрей, – но вот длинный язык, распускаемый не вовремя, не входит в ее достоинства. Ага. Ну все, мне пора.

– Дай я тебя поцелую. – Олра тут же забыла о говорящей кошке, порывисто вскочила и обняла Андрея за шею, впившись в губы горячим, крепким поцелуем. – Вернись живым, пожалуйста! Я тебя буду ждать.

– Ну как я могу не вернуться, если ты меня ждешь? – улыбнулся Андрей. – Вернусь, конечно.

Он прошел в комнату, которую выделили для Шанти, потушил светильник и осмотрелся: окно выходило во внутренний двор, а под ним была крыша мучного склада, крытая черепицей.

Андрей осторожно открыл створки окна и протиснулся в узкий проем. Опустил ноги на черепицу, попробовал – крыша держит. Прошел к ее краю, внимательно оглядываясь по сторонам, – во дворе никого не было. Очень хорошо, пусть соглядатаи Абдула, наблюдающие за трактиром, думают, что он так и сидит в зале. Да и вообще ни к чему, чтобы кто-то знал, что он покидал трактир в этот вечер. Никто не сможет связать его с будущими событиями. Ну – почти никто.

Андрей спустился с крыши, отметив для себя, что черепица в углу и вправду повреждена и ее надо менять, не зря угол протекал. Усмехнулся – какие мысли лезут в голову непосредственно перед акцией. Совсем одомашнился.

Прыжок с забора, и вот он уже между домами, на темной улице, не освещаемой фонарями. До нужного места нужно было идти часа полтора – логово Абдула находилось на противоположном конце города, возле городского рынка. Но это – идти, а он идти не собирался.

Раздевшись, Андрей сложил одежду в приготовленную заранее сумку, спрятал под дерево и засыпал ее осенней листвой, оставив лишь пояс из-под денег. В него он напихал исписанные листки бумаги.

Перекинувшись в Зверя, минут десять, урча как трактор, раздраженно прилаживал на поясницу этот пояс и в конце концов повесил на шею. Шанти вспрыгнула ему на спину, как заправская наездница, и странная парочка понеслась сквозь ночь, распугивая заливавшихся лаем бродячих собак и шипящих, как спущенная шина, кошек.

Глава 5

Зверь мчался по улицам, автоматически сканируя все, что происходило вокруг. Он видел мир не так, как люди. Если в человеческом теле Андрей мог рассмотреть ауры и темнота почти не влияла на остроту его зрения, то Зверь видел все четко, как днем, ауры же сияли, горели пламенем, их оттенки были преувеличены, как будто он разглядывал их под микроскопом. Зверь осознавал все это, но его восприятие происходящего тоже отличалось от человеческого. Все абстрактное, все отвлеченное от сиюминутной проблемы задвинуто в дальние кладовые памяти, как бы затуманено, но то, что находилось на переднем плане, он осознавал внятно и осмысленно. Зверь мчался убивать.

Все, что касалось убийства, было просто и понятно. Разум этого существа, неизощренный или неразвитый – *другой*, – был целиком направлен на то, чтобы прийти в определенную точку, совершить то, что он умел лучше всего, и уйти незамеченным. Все, что нужно было сделать, Андрей заложил в себя заранее, как программу, как руководство к действию, и четко следовал этому плану.

Нужное здание показалось через минут двадцать – оно в точности соответствовало описанию, данному Зирком.

Большое трехэтажное здание возле городского рынка. В это время Абдул всегда находился там – за редким исключением. Здешний народ не любил шастать по ночам, кроме работников ножа и топора, но Абдул уж точно давным-давно не относился к категории уличных грабителей. Да он и не был грабителем. Начав «карьеру» наемным убийцей, он благодаря своему уму и хитрости продвигался вверх семимильными шагами, поступая, как султан Бейбарс на Земле – после каждого переворота, захвата власти он уничтожал тех, кто помог ему подняться. Постепенно, но всех до одного. Зачем нужны конкуренты и предатели? Сегодня они предали своего хозяина, а завтра предадут и его. А кроме того, зачем держать рядом слишком умного человека, способного подсидеть? Это было и силой, и слабостью Абдула: с одной стороны, некому было узурпировать его власть, а с другой – он слишком надеялся на самого себя и некому было в нужный момент подсказать ему, дать дельный совет. Впрочем, он давно уже считал, что в советах не нуждается и сам знает лучше других, как ему жить и что делать.

Охрану своего особняка распределял сам – как умел, как считал

нужным. Вся оборона была рассчитана на человека умного, умелого убийцы высшей квалификации, такого, как Халид или Андрей. Подходы к зданию контролировали стрелки с арбалетами, вокруг здания, начиная с расстояния пятисот метров, стояли открытые и скрытые наряды бойцов, предупрежденных о том, что этой ночью возможна попытка нападения на хозяина.

Абдул прекрасно осознавал, что поставил Андрея в невыполнимые условия, и выход был только один – работать на него. Или попытаться убить. Конечно, работающий из-под палки не особенно эффективен. Но ему и не надо было длительной работы этого убийцы – достаточно, если он уберет Хасса и несколько мелких боссов. После чего его работа и жизнь закончены. И он не обольщался – Андрей точно попробует совершить на него, Абдула, покушение. Ведь он, Абдул, поступил бы так же. А потом бы сбежал, бросив и эту бабу, и ее трактир, и так называемых друзей – кто они ему? Какая-то баба, какая-то семейка.

У Абдула не было друзей и семьи, эффективный убийца не может ни к кому привязываться – это аксиома, которой он следовал всю свою жизнь. Тут был и еще нюанс – Абдул прощупывал состояние обороны Хасса, способность отстоять принадлежащие тому куски и кусочки собственности. Ведь трактир стоял на территории конкурента, Хасс имел с заведения доход, и если сегодня отнять этот кусочек, завтра другой – под таким же надуманным поводом, послезавтра – третий, а там, глядишь, и Хасса нет. Ну это в том случае, если Андрей при попытке покушения будет убит. Но Абдул все-таки надеялся, что того возьмут живым.

Абдул отдал приказ, чтобы Андрея в первую очередь попытались взять живым, а уж потом уничтожали, если увидят, что другой возможности остановить нет. Его должны были остановить на подступах к резиденции авторитета.

Также этот конфликт мог послужить для разведки боем – если Хасс решит, что необходимо встрять за эту бабу, за свой трактир, он организует сопротивление, и тогда тоже можно будет напасть, разорвав договор, придравшись к тому, что он нарушил неписаный кодекс – не вступать в разборки из-за баб. В общем, как ни крути – сплошная выгода. А что этот наемник? Да ничего. Разменная монета. Как и его баба. Как и его «друзья», за которыми внимательно следит наряд бойцов.

Зверь засек первый наряд задолго до того, как приблизился на расстояние видимости человеческого взгляда. Для него улица была ярко освещена луной, звездами, и попытки этих жалких людишек спрятаться были смешны. Как и попытка отвлечь нарядом бойцов, стоящим открыто,

на улице. Трогать их было нельзя – исчезновение постов обязательно заметят, и поднимется шум. Он должен был сработать абсолютно аккуратно – мало поубивать всех, кто встал на его пути, надо сделать все элегантно и правильно. Эффективное убийство – это большое искусство, которому учатся годами, но не все могут научиться.

Зверь осмотрелся и стал искать, как подойти к зданию незаметно. Сделать это было очень, очень трудно – прилегающее пространство вычищено, свободно от строений, кустов и деревьев, которые могли бы послужить укрытиями. Справа от здания забор, за забором территория рынка. Подойти незаметно невозможно. Только если взлететь на здание. Но, увы, крыльев у Андрея нет. Так, а вот в двадцати метрах от интересующего его здания стоит еще одно – на территории рынка. Что-то вроде администрации? Или магазин? Двухэтажное, с высокими сводчатыми окнами, заделанными мозаичными стеклами. Храм? Может, и храм.

– Остаешься тут. Без команды в бой не лезь. Все понятно?

– Понятно. – Шанти была сосредоточена и на удивление послушна. Возможно, понимала серьезность момента.

Она соскочила со спины Зверя и скакнула к забору, а Андрей еще раз осмотрел пространство возле дома Абдула, ярко освещенное множеством факелов, трепещущих на ветру и дающих неверные, мельтешащие тени. Повернулся, помчался назад, обходя район по широкой дуге, и зашел к рынку сбоку, там, где метрах в пяти от забора, украшенного стальными пиками, стояло высокое дерево. Ветки с одной стороны обрублены – чтобы никто не мог с него перебраться на территорию рынка. Значит, на рынке есть охрана и товары остаются в палатках на ночь.

Зверь скакнул по стволу вверх, цепляясь за него когтями, как стальными крючьями, влез на толстую ветку, выдерживающую его немалый вес. Прыжок! Мягко приземлился на территории рынка. Шепот поодаль:

– Ты ничего не видел? Вроде мелькнуло что-то?

– Мерещится. Смотри по сторонам внимательнее. И потише, бормочешь так, что слышать за версту. Подломают палатку – будем выплачивать. Тебе это надо? Мне нет.

Зверь осторожно прокрался вдоль забора к зданию возле дома Абдула. Осмотрел стену, вход – заперто. На окнах решетки. Примерился, зацепился когтями за подоконник, рванул вверх – захват за следующее окно, подоконник держит. Еще рывок – зацепился за карниз и выбросил свое тело на крышу. Она была плоской, как и у всех остальных домов в городе. Отголоски требований к обороне – на плоских крышах удобно сидеть

стрелкам, и, если штурмующие все-таки ворвутся в город, их встретит смертоносный дождь стрел с крыш. Впрочем, почему отголоски? Это и был средневековый город, и требования к постройке домов однозначны – плоские крыши. Правда, уклон был – для стока воды, но очень небольшой.

Прикинул расстояние – метров пятнадцать. Или больше? Больше... И вот это превышение метра на три... То есть ему надо прыжком преодолеть расстояние в пятнадцать метров, да еще с превышением по высоте, и уцепиться за крышу здания Абдула. Невозможно. И почему это невозможно? Кенгуру прыгают на расстояние тринадцати метров и на высоту пять метров. А оборотень?

Если не сможет перепрыгнуть, грохнется вниз. Не смертельно, но все планы полетят к черту. Придется просто всех валить, вместо стройного и обдуманного плана.

Зверь отошел назад, к краю крыши, и, мгновенно собрав все силы, что у него были, задействовав все ресурсы могучего организма, начал разгон.

Мышцы застонали, толкая вперед стокилограммовую тушу, сухожилия звенели, как натянутые гитарные струны, и тело, будто пушечное ядро, полетело вперед.

Оттолкнувшись, невероятным усилием Зверь послал себя вперед и вверх, целясь уцепиться за край крыши соседнего здания. Вытянутое в струну тело живой стрелой пролетело над забором с торчащими стальными штырями, над пустырем, освещенным факелами, и с тупым стуком, как будто кто-то шмякнул кусок мяса, врезалось в стену. Этот «кусок мяса» чуть не взвыл от боли во внутренностях – он немного не рассчитал и ударился животом прямо в острый край крыши, похоже, сломал пару ребер. Крепость организма оборотня, конечно, несравнима с человеческой, но и его возможностям существовал предел.

Впрочем, система регенерации оборотня тут же бросилась залечивать сломанные ребра и отбитые органы. Зато он был на здании, и никто не видел, как он туда перелетел... Ошибка. Перед ним стоял ошеломленный, заспанный стрелок – видимо, он, несмотря на все приказы, все-таки уснул на посту. Он так и так был обречен – спал бы он или нет, – свидетелей оставлять нельзя. Удар лапой – и стрелок, вытаращивший глаза и не успевший даже пикнуть, покатился по крыше со сломанной шеей. Почему-то больше стрелков Андрей не обнаружил – крыша была чиста. Вероятно, основная масса засела у окон второго и первого этажа.

Зверь сделал несколько мягких шагов в сторону выхода на крышу – это была небольшая будка, в которой находился люк с лестницей на верхний этаж. Остановился, поразмыслил и стал перекидываться в человека.

Поежился – холодно. Подошел к убитому стрелку, прикинул – размер одежды примерно совпадает. Стянул с него сапоги – понюхал, скривился. Но надел. Современный человек не может ходить босиком – боеспособность сразу теряется. Стянул штаны, куртку, надел. Потом оторвал кусок рубахи и замотал себе лицо – вылитый ниндзя. Усмехнулся. Поднял арбалет, готовый к выстрелу, снял с трупа кинжал, колчан с болтами, нож. Сабли не было. Скрипнув разохшейся дверью, вошел в будку, поднял крышку люка и стал аккуратно спускаться вниз.

– Хист, ты чего? Твой пост наверху! – услышал он чей-то хриплый голос и буркнул в ответ что-то вроде: «По нужде».

– Хист, ты обалдел? Хозяин тебя подвесит за это! На крыше бы делал!

Говоривший не успел ничего больше сказать – только протянуть руку за арбалетом, лежащим на подоконнике, когда увидел замотанную физиономию лже-Хиста, и получил болт прямо между глаз.

Здесь было что-то вроде подсобки или такой технической комнаты, в которую, собственно, и вел люк. Второй убитый стрелок при падении наделал шуму, что привлекло внимание еще кого-то в соседней комнате – дверь открылась, и выглянувший тут же получил удар кинжалом в глаз. Он упал молча, только его пятки выдали барабанную дробь по натертому воском полу.

Андрей втащил его в комнату, аккуратно положил на пол, достал его кинжал, вынул листок из пояса и приколол к груди убитого. То же самое проделал с другим покойником. Осмотрел их оружие – у одного нашлась перевязь с метательными ножами, чему Андрей обрадовался. Метание ножей было одним из его основных боевых умений – наравне со стрельбой из винтовки. И из арбалета.

Вооружившись, достал из перевязи один нож, открыл дверь и пошел дальше. Шел тихо, настолько тихо, что его трудно было услышать, даже если знать, что он сейчас здесь пройдет. Отметил для себя: у Хасса он не смог бы так пройти, скрипучие половицы сразу бы его выдали. Тут же пол был натерт, блестел и сверкал – скрипучих половиц в организации Абдула не уважали. А зря...

В коридоре у окон два стрелка. Два молниеносных движения рукой – один нож в горле, один в глазу. Всегда предпочитал бить в глаз, если не было возможности зажать рот, – сразу выключить мозг, чтобы не было позывов на крики и стоны. Отключил мозг – и пусть себе дергается. В горло тоже неплохо – перерезал связки, и жертва не кричит. Только вот клокочет громко, хрипит. В тишине звучит как рев самолета. Затих в углу, ожидая, не появится ли кто-нибудь. Нет, все тихо. В этой части здания три

двери, три комнаты. Где Абдул? Должен быть точно на втором этаже. Надо делать полную зачистку – выбивать всех. Иначе можно пропустить – сбежит, или придется засветиться. Все должно выглядеть так, как будто на штаб-квартиру Абдула напал Хасс. Для того Андрей и подготовил листки бумаги с надписями: «Прихвостень Абдула. Так будет со всеми, кто встанет на дороге Хасса!» Немного нарочито и пафосно – но кто будет разбираться? Первым шагом того, кто возглавит шайку после смерти Абдула, будет месть. По крайней мере, Андрей на это надеялся.

Не станут мстить – пусть. Тогда ему самому придется убирать Хасса. Нужно же зачистить концы? Нужно. Хасс и Зирк знают, что Андрей получил информацию для того, чтобы расправиться с Абдулом. Начнутся переговоры с конкурентами – все может вылезть. Переговоров быть не должно.

Открыл первую дверь – комната отдыха для охранников. Спят трое. В одежде, вооруженные. Смена стрелков? Подошел – два удара кинжалом в горло и глаз, двоих нет. Один схвачен за горло и хрипит, в ужасе пытаясь оторвать стальные руки человека-оборотня. Тот укоризненно грозит пальцем:

– Молчи! Тихо! Крикнешь – получишь кинжал в глаз! Где Абдул?

Охранник с ужасом смотрит на перевязанную тряпкой физиономию, косит глазом на окровавленные трупы товарищей и кивает – скажу, мол. Оборотень осторожно отпускает горло человека и приставляет кинжал к его глазу.

– Говори.

– В том крыле, комната с узорчатой дверью.

– Сколько охраны у двери? Чем вооружены?

– Арбалеты, сабли, кинжалы. Десять человек. Внутри комнаты – пять телохранителей. Призовые бойцы. Пощади!

Молча вдвинул кинжал в глазницу, выдернул и, не глядя на труп, встал, обтерев клинок об одеяло, лежащее на кровати. Не до сантиментов. Оставлять живого противника за спиной – идиотизм. Бросил бумажки на трупы.

Приоткрыл дверь, задумался – десять человек у двери и пять в комнате. Одному не справиться. Пока будет разбираться с охраной снаружи, Абдул или сбежит, или поднимет такой шум, что сюда сбегутся все вокруг. А тогда какой смысл во всей этой эскападе? Мог просто прийти на встречу с авторитетом и поубивать их всех. Нужен другой подход – этих задержать, связать боем, а самому внутрь. Шанти! Ну да, останутся следы когтей. И что? Главное, чтобы Абдул был заколот как следует, как надо –

кинжалом. А остальные – без разницы.

– Ты далеко?

– Напротив входа.

– Можешь незаметно войти на второй этаж здания? – Андрей передал картинку.

– Наверное, могу. Если кто-то будет выходить, я прошмыгну.

– Посмотри, дверь закрыта или открыта?

– Небольшая щель. Только мышь пролезет. Поняла. Могу.

– Слушай внимательно... – Андрей описал драконице, что она должна сделать, осторожно вышел из комнаты и тенью застыл за углом.

Шло время, он, затаив дыхание, прислушивался к шорохам. Наконец услышал:

– Пришлось дожидаться, когда снова приоткроют дверь. Больше никогда не буду делаться такой маленькой – того и гляди, тараканы начнут лапы крутить! Размером с жука я еще ни разу не делалась.

– Ты где? – перебил подружку Андрей.

– Выглядываю из-за угла. Боюсь, заметят, наступят и раздавят.

– Посмотри на узорчатую дверь. Видишь такую?

– Вижу.

– Она открывается внутрь или наружу?

– А как я пойму? Я-то откуда знаю? Ты думаешь, что драконы всю жизнь двери в дома вставляют?

– Не тупи. Глянь петли, представь, как она открывается, – помешает ей косяк открыться или нет. Это очень важно.

Помолчала. Минуту, две... пять. Наконец:

– Внутрь.

– Точно?

– Точно. Один сейчас туда входил. Стучал особым стуком. Его впустили, он вошел, потом вышел. Потом загромыхали – заперли, видать. Что делаем?

Андрей объяснил, потом оторвался от стены и спокойно, размеренным шагом двинулся по коридору. Двое охранников стояли у окна и смотрели наружу, двое в коридоре у лестницы, остальные сидели наготове, на табуретках возле двери. Охранник из первой линии обороны заметил его:

– Глянь! Кто это?

– Давай! – мысленно крикнул Андрей и, перекинувшись в оборотня, ринулся вперед.

Не обращая внимания на ошалевших охранников, он просто их перепрыгнул и всей массой тела врубился в запертую дубовую дверь.

Единственная мысль билась в голове: «Лишь бы не сталь! Лишь бы не стальная дверь!»

Нет. Дубовая, но очень крепкая. Вмазал когтями – пробил, вырвал куски дерева, огромные щепки. Еще, еще – дыра. Просунул туда лапы, рванул – дверь сломалась пополам, поперек железный брус – какое тут вышибить с ходу?! Сзади вскрики, удары, бульканье – чего она там творит? Смотреть некогда, но не утерпел, оглянулся на секунду – прекрасный дракон, сложив крылья на спине, перемалывает, как мясорубкой, своей огромной пастью всех, кого достанет. Шанти приняла свой реальный облик – существо размером с лошадь, она всей массой прижала людей к стене, как бульдозер, и рвет их так, что в стороны летят брызги и куски плоти. Кровь стекает по сверкающей в отблесках луны и лучах светильников чешуе драконицы. Он прекрасна и ужасна одновременно. Ее пытаются бить кинжалами – саблей размахнуться негде, – но она откусывает руки прежде, чем они успевают до нее добраться. Скорость драконицы потрясающа. У обороняющихся никаких шансов.

Секунду смотрел на художества подруги, но этого хватило людям в комнате, чтобы перейти из обороны в нападение. Все-таки это были призовые бойцы, и работали они на совесть. И безразлично, кто перед ними – человек или существо из кошмара, похожее одновременно и на волка, и на гигантского бабуина. Тренькнули арбалеты, и два болта вонзились в грудь оборотню. Человек бы сразу умер, но тело оборотня заткнуло дырки, пробитые в сердце этими металлическими цилиндриками, и продолжало работать как ни в чем не бывало. Оборотень поднырнул под брус и ринулся к оборонявшимся. Подскочил, вырвал у себя из груди болты и, прежде чем стрелки успели среагировать, воткнул им в глаза. «Кто с болтом на нас пойдет, болт и получит!» – мелькнуло в голове.

Трое других с саблями и кинжалами обступили дверь в другую комнату – похоже, что там Абдул и спал. Неужели он будет спать при своих телохранителях? Некомфортно.

Сбил одного, ударом оторвав ему руку у плеча, двое успели нанести удары, застрявшие на мощных костях, особого вреда нет, как будто палец порезал. И раны тут же перестали кровоточить. Зато бойцы пали мгновенно, не помогли ни многолетние тренировки, ни умение биться на мечах и саблях – все умения против человека. А что противопоставить гигантской гиене, раны которой затягиваются за считанные минуты? Разве только отрубить ей голову. Но кто бы это дал сделать? Андрей не дал. Оба были мертвы прежде, чем упали на пол.

Удар с разгону, дверь слетела с петель – не очень большая комната,

обставленная роскошно и вычурно: кровать, ковры. Окон нет. Но Андрей не сомневался – тут точно есть второй выход. Должен быть. Не может быть, чтобы Абдул его не предусмотрел. Вон и хозяин комнаты! Спускается во что-то вроде люка, еще немного – уйдет! Прыжок! В воздухе настигает болт арбалета! Откуда прилетел – не видно, застрял в грудных мышцах. Не успел, гад, уйти – сунул лапу, когтями поддел крышку, откинул. Человека схватил за шиворот, вытащил, бросил, как мешок, на постель.

Еще один болт воткнулся в бок. Рыкнул, обернулся – стоит девка, абсолютно голая, и заряжает арбалет. Очень удобно – и телохранитель, и любовница в одном флаконе. Вот какую роль ты готовил Дирте?

Прыжок – голова красотки покатилась по полу, а прекрасное тело застыло у кровати. Абдул пошевелился, сел и с ужасом посмотрел на чудовище. Андрей перекинулся в человека, вонзившиеся в грудь болты выпали. Остатки драной одежды – при превращении она разлетелась в клочья – повисли на плечах, животе, ногах.

В глазах авторитета понимание:

– Ты?! Тварь!

Тут же атака – рефлексy уголовника на высоте, лучшая защита – это нападение. На прыжке встретил ударом в горло, перебив гортань. Реагируешь ты быстро, а вот навыки потерял – привык пользоваться услугами других! Абдул распластался на ковре.

Андрей сходил в соседнюю комнату за кинжалом. Достал из пояса бумажки, нашел нужную, положил на грудь бандиту и ударом вогнал кинжал до рукояти, приколов послание. Подумал, принес еще один клинок и вырезал на животе убитого крест – букву Х. Еще раз взглянул на записку: «Получи, тварь! Давно напрашивался! Рынок мой! Вы, прихвостни Абдула, – и ваш черед придет. Ждите! Я иду! Хасс».

Вышел в другую комнату – навстречу идет Шанти в обычном своем виде: черная кошка, небольшая, аккуратная, как только что из мойни. Вроде и не она там сейчас кромсала толпу, как газонокосилка.

– Я закончила.

– Живые есть?

– Нет. Я проверила и на всякий случай всем оторвала головы.

Вышел в коридор, содрогнулся – головы бойцов с застывшими на лицах гримасами ужаса, удивления, страха и боли выстроены в ряд и таращатся открытыми глазами. Достал последние листки, хотел вставить им в рты – побрезговал. Противно. Просто бросил на трупы.

– Пойдем.

– Куда?

– Там есть выход. Только беги сама, у меня плечи голые, потом заберешься.

Вернулись в комнату... вдруг запах и дыхание – кто-то живой. Посмотрел – еще одна девушка, тоже голая, с кинжалом в руке, машет им крест-накрест, обороняясь. Пряталась в шкафу.

– Давай я?

– Я сам.

Натянул арбалет и, направив, спустил курок. Затихла. На душе гадко, но иначе нельзя. Нельзя оставить хвосты, надо зачищать. Никто не должен знать, что он тут был.

– Проверь, мертвая или нет?

– Готова.

– Ты зачем в дракона перекидывалась? Кошкой нельзя было остаться?

– А какая разница? Мне так комфортнее. А если кто и видел – не поверит. Откуда тут дракон, если их вообще на свете нет. А еще они все так перепугались – мифическое существо ведь. Я сгребла их в кучу и порвала. Скажи, что хорошо вышло!

– Хорошо вышло. Быстро за мной, а то как бы кто не пришел. Долго тут болтаемся. Как это еще никто не примчался на шум.

– А кто примчится? Пока ты там стоял, я всех остальных по комнатам поубивала. И на первом этаже тоже. Остались только те, кто на улице.

– Интересное дело... а кто тогда Хасса мочить будет? Если ты всех поубивала? – пробормотал Андрей и начал спускаться по лестнице в потайной ход.

Небольшой коридорчик, по которому можно было идти только согнувшись, вывел, как и ожидалось, в систему городской канализации, мощную и разветвленную. Обычное дело для больших городов. Дождей не было, так что по полу выложенного кирпичом тоннеля тек небольшой вонючий ручеек. Шанти ругалась, что вместо благодарности за помощь он посмел засунуть ее в вонючую помойку, и требовала, чтобы он взял ее на плечо. Андрей отмалчивался, брел вперед, хлюпая порванными сапогами, и, только когда она совсем допекла, рыкнул: «Скоро выйдем и побежим!»

Вышли они довольно скоро – Андрей увидел колодец с вделанными в него металлическими скобами, и волей-неволей ему пришлось принять на плечи свою радостно хихикающую подружку:

– Вот видишь, видишь – теперь мне пришлось залезть на тебя грязными ногами! А взял бы на плечи сразу – и был бы чист!

– Сейчас будешь топтаться своими вонючими ножищами, я тебя вообще в это дерьмо сброшу! Заткнись лучше, и так тошно!

Шанти еще для порядку хихикнула, и через несколько минут они уже вылезали из люка на мостовой в купеческом квартале.

Андрей перекинулся в Зверя, Шанти амазонкой запрыгнула ему на загривок, и они понеслись по улицам. Было самое глухое время – под утро. Ночи уже в это время года длинные, так что на горизонте только-только занималось свечение, даже не свечение, а просто небо слегка посерело и поблекли звезды.

Одеваться Андрей не стал – забрал мешок с одеждой и так же тихо, как и раньше, перепрыгнул через забор. Уже во дворе перекинулся в человека, убедившись, что за ним никто не наблюдает. Сорвав с себя тряпки, оставшиеся от одежды, снятой с убитого стрелка, бросил их через забор. Прокрался в мойню, прихватив с собой Шанти, и через минут сорок вышел оттуда одетый, обутый и чистый. Прикинул – лезть через окно или же все-таки войти в трактир через дверь. Нет, стучаться, объяснять, как и что, откуда взялся, ни к чему. Подошел к складу, подпрыгнул, зацепившись руками за край крыши, подтянулся и вытолкнул себя на черепицу, проворчав:

– Скорее бы ты летать начала! Сейчас бы этак р-раз! – и подняла меня к окну!

– Тебя только моя мамочка поднимет, – хихикнула Шанти, – ты вон какую... хм... фигуру наел.

– Ну не такую уж и наел! – оскорбился Андрей. – У меня ничего лишнего. Жира вообще нет – чего брешешь? Тьфу на тебя. Спать иди! Можешь потренироваться перед сном, если хочешь. Только дверь тогда на засов запири.

– Какие там тренировки? У меня лапы отваливаются и хвост болит, – пожаловалась драконица. – Ты, кстати, погляди – там один говнюк мне сильно по хвосту рубанул. Прорубить не прорубил, но прямо по косточке, скотина, заехал. Теперь ноет хвост.

– Сейчас посмотрим, – озаботился Андрей.

Он занес Шанти в ее комнату, посадил на стол, и она сняла иллюзию кошки. Андрей посмотрел – и правда на чешуе что-то вроде ссадины. Кто-то из бойцов был поистине могучим, а еще – имел саблю из очень, очень хорошей стали.

Андрей коснулся ауры и убрал розовые сполохи боли. Шанти с облегчением вздохнула:

– Все. Хорошо. – Зевнула и прыгнула со стола, раскрыв крылья, прямо на кровать. Крылья ее выдержали, и она мягко спланировала на подушку. – Видал! Погоди еще – даже такого здоровилу, как ты, подниму!

– Молодец, – порадовался Андрей, – совсем другое дело! Вот теперь точно все получится, вижу. Горжусь тобой! Только особо не раздувайся от гордости и накинь на себя личину кошки. Да! Запрись. Мало ли кто войдет. Ты же не хочешь, чтобы тебе опять крылья пообломали?

– Вот умеешь ты испортить настроение! – буркнула Шанти. – Иди к своей самке, я дверь запру.

Андрей, улыбаясь, вышел в коридор, Шанти закрыла дверь, и он побрел в комнату Олры.

Женщина не спала. И была трезва как стеклышко. Бросившись к любовнику, схватила его за шею, прижалась и стала горячо целовать:

– Живой! Слава небесам! Живой! Я так боялась за тебя... Расскажешь, что и как?

– Нет. Зачем тебе знать? Абдула нет. Больше он к нам не придет.

– Мертв?

– Мертв.

Олра села на кровать, опустошенно глядя в пространство, потом пожала плечами и сказала:

– Он сам виноват, правда? Мы же не лезли к нему? Не трогали его?

– Не трогали, – усмехнулся Андрей. – Давай-ка спать, а? Я так устал сегодня, просто отваливается все. Есть хочу как зверь, но даже не до еды. Хочется упасть и забыться. Ты меня не буди завтра, ладно?

– Уже не завтра, а сегодня, – улыбнулась Олра, глядя на светлый небосвод.

– Тем более, – пробормотал Андрей, лег на кровать и тут же захрапел. Он и вправду устал: несколько преобразований, ранений, беготня, прыжки и удары – немудрено устать.

Олра с улыбкой посмотрела на храпящего мужчину, наклонилась и стала снимать с него сапоги. Андрей даже не проснулся – его сторожевая система в голове совершенно отдельно от его сознания оценивала ситуацию, и он знал, что тот, кто возится с его сапогами, не опасен. А раз не опасен – зачем просыпаться?

Олра хотела его раздеть, но махнула рукой – пусть так спит. Накрыла одеялом и осторожно легла рядом. Через десять минут и она спала, похрапывая не хуже любовника.

Проснулся Андрей только к полудню. И спал бы дольше, да голод разбудил. Голод, а еще голос Шанти в голове:

– Ну хватит дрыхнуть, что ли?! Эй, ты там живой?! Вставай! Иди лечи – у меня крылья отваливаются!

Андрей, кряхтя, сполз с постели и стал натягивать сапоги.

– Ты мое проклятие! Твоя мать специально сделала подлянку всему человечеству, отправив тебя в мир! Ты воплощенное Зло! Ты демоница!

– Хватит причитать, – хихикнула драконица, – иди полечи, да обедать пора. Время уже за полдень, а ты все валяешься! Я уже два раза позавтракала, два раза потренировалась – иди скорей, а то болит уж очень. Не злись.

Шанти сидела нахохлившись, и в ауре действительно мелькали искорки боли – правда, уже не так интенсивно, как раньше. Походя снял боль, восстановил мышцы – уже на автомате, в привычку вошло. Потаскился вниз, посадив черную демоницу на шею и ворча, что, похоже, всю жизнь она так и будет его мучить и сидеть на шее.

Шанти хихикала и утверждала, что сидение у него на шее есть великое благоволение драконьего народа и он должен гордиться тем, что лучшие представители драконов удостоили такой чести простого человека.

Андрея это привело в совершеннейший восторг, он рассмеялся чуть ли не в голос и так и сошел вниз, улыбаясь.

Улыбка исчезла, когда он увидел в зале человека, которого ему меньше всего хотелось видеть. Это был Зирк.

Андрей напрягся и мысленно передал:

– Ты видишь, кто это?

– Еще не ослепла. Бить будем?

– Пока нет. Узнаем, чего ему надо.

Зирк о чем-то мило беседовал с Никатом. Вышибала был хмур, но, когда увидел Андрея, просиял:

– Так вот же он! Он со вчерашнего дня не выходил из трактира, как залег спать, так и дрыхнет. Опух весь со сна уже. Глянь, какой лохматый. Перебрал вчера, что ли?

Зирк внимательно посмотрел в глаза Андрею и негромко сказал:

– Садись, поговорим. Никат, оставь нас.

Никат с готовностью встал и встревоженно посмотрел на Андрея, но не произнес ни слова. Ушел в свой угол, где и замер, откинувшись на спинку стула и полуприкрыв глаза. Он весь обратился в слух, однако узнать, о чем говорят Андрей и Зирк, ему так и не удалось. А говорили они об очень, очень интересных вещах.

– И что будешь делать после? – коротко спросил Зирк.

– После чего? – Андрей пожал плечами. – Извини, не пойму, я заспался чего-то, как вчера залег спать, так и не вставал. Полдень давно прошел, да? Я закажу чего-нибудь. Тебе заказать? Поешь со мной?

– Позже. – Глаза Зирка были немигающими и холодными, как у кобры.

– Ну а я закажу, – добродушно улыбнулся Андрей. – О! Олра! Распорядись, пожалуйста, чтобы нам чего-нибудь дали поесть. Мы со вчерашнего дня ничего не ели.

– Это ты не ел, – усмехнулась Олра. – Как залег, так и дрыхнешь. А твоя подружка уже всю печенку в трактире слопала!

– Врет, врет! Всего-то пару чашек, – вмешалась Шанти. – Должна же я была массу наращивать?!

– Должна, должна, молчи. Олра, скажи, чтобы ей еще принесли, пусть облопается. Может, лопнет в конце концов, – хмыкнул Андрей.

– Сейчас покормлю вас, – кивнула Олра и, косясь на Зирка, ушла на кухню.

– Я тебя боюсь, – неожиданно заявил Зирк, – а когда я боюсь, то вынужден защищаться. А лучшая защита – что?

– Нападение? – хмыкнул Андрей. – А не прогадаешь?

– Боюсь прогадать, – серьезно ответил бандит. – Так убеди меня в том, что мне не надо тебя бояться.

– Как убедить? – рассеянно ответил Андрей, следя за приближающимися к нему подносами с едой. – Чем убедить?

– Чем-нибудь.

– Загадками говоришь. Ладно, что случилось? Зачем ты пришел? Почему Хасс тебя прислал, для чего? Говори открыто, хватит недомолвок. Я человек простой и прямой, как кинжал. Давай не будем словоблудничать, как Абдул.

– Никто меня не прислал. Я сам пришел. Теперь никто не может меня прислать. Нет Хасса. Убили его, когда он выходил из дома. Арбалетчик. Его, конечно, тоже тут же зарубили, а что толку? Труп. Арбалетчик что-то кричал о мести за хозяина. Я слышал, что у Абдула была милая практика – он нанимал знахарей и внедрял своим людям в сознание слепое повиновение и еще – приказ мертвой руки. Знаешь, что это такое?

– Нет, – ответил Андрей, принимая чашки с супом, пирогами, гуляш, пиво. – Ты поешь, поешь со мной. Не отравишься. Я травлю только врагов. А ты ведь не враг мне, так ведь?

– Еще не знаю, – усмехнулся бандит. – Теперь я во главе организации. Приказ мертвой руки – это когда человеку внедряется мысль о том, что за хозяина надо мстить. Мстить убийце хозяина. И человек берет арбалет, находит преступника и убивает его, не считаясь со своей жизнью. Не может не подчиниться приказу. Вот только почему один из телохранителей, по всей видимости обработанный Абдулом, решил, что виноват в смерти хозяина Хасс? С какого такого рожна?

– Да кто знает? – хмыкнул Андрей. – Вы же враждовали, вот он и решил после смерти хозяина отомстить.

– А откуда ты знаешь, что Абдул умер? – жестко спросил Зирк. – Если ты не выходил из трактира?

– Интересное дело! Ты битых полчаса намекаешь мне на то, что Абдул мертв! И что я должен подумать? Слушай, Зирк, расскажи мне то, о чем я не знаю, потом поговорим, ладно? А я пока поем. Как поем, я отвечу на твои вопросы, на какие смогу. Я ведь не много знаю. Например, абсолютно не в курсе, что твоего хозяина убили. Это стопроцентно.

– Думаю, не в курсе, – серьезно кивнул Зирк и, решившись, сказал: – Это же фактически ты его убил. Не сам, конечно, чужими руками. И вот как нам теперь с тобой быть? Потому я и спрашиваю: что ты будешь делать?

– Я-то? Сейчас поем, потом пойду опять поваляюсь в кровати. Потом схожу в город – надо друзей навестить, узнать, как у них дела. В лавку зайду. А больше никаких планов нет. Если ты считаешь, что я лелею план по захвату власти в криминальных структурах города, – ошибаешься. Мне вы неинтересны. Ну занял ты место своего босса – поздравляю. Мне кажется, ты поумнее и не будешь строить планы, чтобы убрать меня и моих друзей. Кстати, у меня к тебе просьба – не бери денег с Олры за покровительство. И помоги ей, если вдруг меня рядом не окажется, ладно? Просто чисто по-дружески. Может, и я когда-то тебе пригожусь, как друг. Ага? Угощайся. – Андрей пододвинул бандиту блюдо с пирогами.

Тот задумчиво посмотрел на него и взял один пирожок, разломил пополам, одну половинку положил перед Андреем, вторую съел сам, утерев мясной сок платком. Затем коротко сказал:

– Договорились. – Встал и вышел из-за стола.

Андрей тоже встал, сунув в рот половинку пирожка, подмигнул:

– Всегда приятно приобретать новых друзей. Особенно таких умных. Так что насчет Олры?

– Я же сказал – договорились. Плату за защиту не беру. Если надо какую-то помощь – окажу. В разумных пределах.

– Замечательно. Посидишь со мной? Нет? Тогда извини – так есть хочу, что живот свело. Заходи как-нибудь, посидим, пива попьем, поговорим о разном?

– Потом. Как-нибудь. – Зирк криво ухмыльнулся, пошел было к двери, но остановился и вернулся к Андрею. Тихо спросил: – Скажи, почему кое-кто из людей говорит, что видели в окне дома Абдула дракона?

– Они чего-то покурили, наверное! Драконов же не существует. Помнишь эту пословицу – «Пойти искать дракона»? Нет их. Бред какой-то.

– Да? Ну-ну, – неопределенно обронил Зирк, повернулся и зашагал к двери трактира.

За ним вышли трое «качков», сидевших чуть поодаль, и в трактире как будто стало даже просторнее – парни были квадратными, здоровенными и заполняли собой большой объем воздуха.

Андрей сел на стул, стал жевать пирожки, но у него слегка пропал аппетит. Может, уже стал наедаться, а может, сказалось нервное напряжение.

Подсел Никат, возбужденно спросил:

– О чем толковали с Зирком? Я видел, как он с тобой заключил договор о дружбе! Он с тобой хлеб преломил! Ничего себе – он теперь первый босс в городе! Когда сегодня ночью вырезали всю команду Абдула и оставшиеся люди Абдула убили Хасса, он стал главным. И люди Абдула перешли к нему – те, кто остался в живых. Теперь и рынок его, и много чего. Говорят, резня была страшная. Кто-то просто порвал людей Абдула, а его грохнул, вместе с его телохранительницами. Он любил держать при себе красивых девок, делал из них телохранительниц – спал с ними. То есть охрана днем и ночью. Звери девки были, они еще ведь и палачами подрабатывали. Очень искусны были в деле пыток... их боялись не меньше самого Абдула. Так что, я считаю, теперь порядка больше будет. Зирк поумнее Хасса, и его уважают. Абдула же никто не любил. Сдох и сдох. Ты как, цел? Не ранен?

– А чего мне сделается? – усмехнулся Андрей. – Как залег вчера спать, так только сегодня и встал.

– Ну да, ну да, – понимающе кивнул Никат, – спал и видел сны. Ладно, обедайте, я пока пойду отпрошусь у Олры. Хочу домой сходить. Ты сможешь посидеть за меня? Часок? Мне надо Ирсу навестить – чего-то простыла, видать. Лихорадит.

– Эй, у нее не?.. – Андрей положил на тарелку надкушенный пирожок и внимательно посмотрел в глаза Никату.

– Чума? Нет, не может быть, – упавшим голосом сказал вышибала. – Не может быть. Посидишь?

– Посижу. А может, я с тобой схожу? Чем-то помогу? Я так-то немного умею лечить...

– Нет уж. Побудь здесь, а я схожу отнесу отвар – корень настоял от лихорадки. Я быстро.

– Ладно. Я Олре скажу, иди, не беспокойся. – И Андрей снова включился в дело поедания высококачественных продуктов.

– Ну что, подруга, засветила нас? – спросил он мысленно, глядя в пустоту.

- И ничего не засветила! Кто им поверит?
- Зирк поверил. Он умный. Вот только почему-то решил, что это я дракон.
- Ты?! Вот умора! Ты – дракон! Глупые люди. Драконы считают ниже своего достоинства становиться похожими на людей. Это отвратительно.
- Скажи лучше, что не могут. И эти твои... ваши драконьи отмазки просто гнилые, как нитки в старой тряпке. Рвутся и не выдерживают критики. Человеком быть непросто.
- Да ладно. Я бы хотела – давно приняла бы облик человека. И ходить бы научилась. Только мне это претит! Ну как тебе объяснить? Это считается извращением. Вот у вас, людей, есть какие-то извращения? Ага. Так вот, у нас одним из таковых считается – становиться человеком. Кто-то из драконов узнает – потом на весь мир ославят. Все откажутся иметь дело с таким драконом.
- Отмазки. Отмазки и отмазки... ладно, оставим эту тему. Не хочешь ли съездить к Федору с Аленой? Да заодно навестим кое-кого...
- Да поехали, прогуляемся. Заодно я там попробую немного полетать. Немного, немного! И хватит так улыбаться – я уже знаю все твои улыбки! Ну да, да, дура была. Чего теперь напоминать?
- А я разве что-то сказал?
- Да у тебя все на роже написано!
- Ой уж – все. Поехали. Сейчас только за курткой схожу, и в путь.
- А Никат?
- Фу, гадство... я болван! – Андрей раздраженно махнул рукой. – Хорошо, что ты мне напомнила. Нам же нужно ждать Никата, пока он не придет. Займемся его работой.
- Занимайся. Я пойду потренируюсь. – Шанти соскочила со стола и побежала к лестнице.

Андрей проводил ее взглядом и улыбнулся – она заметно изменилась. В ее словах и действиях потихоньку исчезали злоба, горечь, ненависть ко всему миру, обида на жизнь. Она стала более уверенной в себе, более добродушной и спокойной. Ведь что надо любому живому существу? Чтобы его любили. Чтобы у него были друзья, чтобы его кто-то ждал дома и думал о нем. Если этого нет, если душа черства, спалена злобой и ненавистью, такое существо нельзя назвать полноценным. А уж находиться с ним рядом – сущее наказание.

Такой в начале их знакомства была и Шанти. К комплексу собственной неполноценности добавилось отношение драконов к людям – как к существам низшим, опасным, извращенным и подлым. Как крысы. Или

глисты. Не зря же даже принять обличье человека у драконов считалось отвратительным и извращенным делом. Ну как будто принять образ глиста.

Андрею стало смешно, он представил Шанти в образе глиста и рассмеялся. Впрочем, глиста он представлял себе как-то слабо – вблизи никогда не видел, если только на картинке в далеком детстве, но все равно выглядело смешно. Червяк с головой Шанти.

Он не удержался и передал картинку своей подружке. На удивление, она не стала материться и поносить его, а долго хохотала, сообщив, что он негодяй, испортивший ей тренировку, – она просто отпала, глядя на себя в образе червя. Когда он объяснил ей, что это за червь, она развеселилась еще больше и, сообщив, что придумает ему такой образ, перед которым эта мерзкая картинка померкнет, отключилась.

Время шло, Никат не возвращался. Прошло минут сорок, когда он появился, бледный и встрепанный, если можно так сказать про человека, у которого на голове почти не было волос – он их выбривал каждые несколько дней. Бойцу длинные волосы невыгодны – за них легко схватить, удержать, а попробуй ухватить за лысый череп.

Никат поманил Андрея и снова вышел на улицу. Андрей похолодел – беда. Точно беда.

Вышибала стоял за углом дома, прижавшись к стене спиной.

– Ты прав. Чума. Они все погибли. – У Никата из глаз текли слезы – крупными каплями, как дождь.

Андрей ни разу не видел вышибалу в таком состоянии – из него как будто вынули стержень, он сразу постарел, как-то обвис, словно старая тряпка.

– Ты можешь что-нибудь сделать, Андрей? Помоги! Я сделаю все, что ты скажешь, отдам тебе все деньги, что есть, что заработаю, буду служить по гроб жизни – спаси их, если можешь! – Глаза Никата смотрели яростно, с надеждой и страхом. Он опустился на колени и, кланяясь, прижался головой к ногам Андрея.

Тот, выругавшись, рывком поднял вышибалу:

– Ты чего тут изобразил?! Пошли, быстро! Как далеко зашло? Какая стадия?

– Плохо. Пока меня не было – а я ночевал в трактире, – они все покрылись нарывами, черные, совсем плохо! За считанные часы! – Голос Никата был хриплым и срывающимся, на грани истерики.

– Успокойся. Раз они живы, сейчас мы их поднимем. Клянусь!

– Пожалуйста, пожалуйста, сделай это, прошу тебя!

Они уже бежали, распугивая случайных прохожих. Никат мчался как

атакующий танк, сбивая всех, кто встретился на его пути и не успел отпрыгнуть в сторону. Андрей не отставал от него и лишь успевал уворачиваться от тех, кого отбросил Никат.

Через пятнадцать минут они уже подходили к небольшому домику, окрашенному в веселый голубенький цвет, с узорчатыми ставенками и зеленым забором. Дверь была полуприкрыта, Никат рванул за ручку, придержал дверь для Андрея, и они вошли в дом.

Пахло болезнью, потом, мочой – как тогда, у Федора. Андрей задумался на секунду – что за чертова болезнь? Откуда она приходит и почему так избирательно убивает людей? Как проклятие какое-то... Но тут же отбросил несвоевременные мысли и сосредоточился на настоящем моменте.

Три кровати. На одной молодая женщина с красным, лихорадочным лицом. Ей от роду лет двадцать пять, и она очень красива, какое-то прямо-таки иконописное лицо. Даже оторопь брала, и думалось: как она вышла замуж за изувеченного, перемятого, как тесто, Никата? Ну да, он хороший, добрый, надежный муж, но ведь женщины любят глазами? Или не так? Андрей не был женщиной, так что на этот вопрос ответить не мог. Решил для себя – спросит у Олры. Потом.

Подошел к детям – две девочки. Одной лет семь, другой годика три-четыре. В мать пошли – симпатичные, кудрявенькие ангелочки. У одной красное, напряженное лицо, вторая бледная и лежит тихо. У Андрея защемило сердце, и он потрогал шею девочки.

– Никат, она умерла...

– Как?! Нет! Не-е-ет! – Вышибала упал на колени и зарыдал. – Дочка, доченька! А-а-а! А-а-а! Ирсочка моя!

– Тихо! – рявкнул Андрей. – Перестань! Молчи, а если не можешь – выйди! Надо остальных спасать!

Он сдернул покрывало со второй девочки и задохнулся от гнилостного запаха – она вся была покрыта нарывами, из которых сочился гной. Андрей возложил руки и стал впитывать болезнь, отдавая свою ауру.

Девочка тут же порозовела, и ее дыхание стало чистым, спокойным, и через десять минут от болезни остался только запах. Аура Андрея стала мутной, неприятного бурого цвета, как запекшаяся кровь, его шатнуло, и он присел на стул, опустошенно уронив руки на колени.

– Что, что с тобой? А жену, жену? – Никат стоял перед ним, сжав огромные кулаки, и трясся, как в лихорадке.

– Погоди... я должен восстановиться, – с трудом выговорил Андрей. Перед его глазами все плыло – болезнь была слишком запущена, и он

получил огромный заряд. По-хорошему, стоило бы восстановиться, перекинувшись в оборотня, но как быть с Никатом?

– Никат, я сейчас кое-что сделаю, но ты должен молчать – никому никогда ни слова. Я могу на тебя рассчитывать?

– До гроба. Я же сказал, – умоляюще ответил вышибала, – только спаси ее! Дочка... Ирсочка... она же была жива, когда я уходил! Ну как же так, как же так?! Это несправедливо!

– Жизнь вообще несправедлива. – Андрей расстегнул куртку и положил на стол, потом рубаху, под изумленным взглядом Никата снял сапоги и штаны, раздевшись догола. – Держи дверь, чтобы никто не вошел!

Он перекинулся в Зверя и тут же почувствовал себя лучше. Болезнь была уничтожена механизмом преобразования. Потом снова стал человеком и, взяв штаны, начал натягивать на себя.

– Так вот кто ты! – потрясенно воскликнул Никат. – Вот как ты смог! Абдул... наплевать на Абдула. Скорее, скорее, ей совсем плохо!

Жена Никата и правда была плоха – ее били судороги, и, похоже, предсмертные. Андрей коснулся ауры – она была черна, как грязь. Заряд болезни был такой силы, что его самого начало лихорадить, и когда он собрал всю черноту, то в его глазах помутилось и он едва не потерял сознание. Спас Никат – тряс его за плечи, хлопал по щекам:

– Очнись! Очнись! Андрей, что с тобой?!

Монах, шатаясь, встал. Снять штаны уже не было сил, и он перекинулся прямо в них, разрывая в клочья. Даже Зверя трясло – количество болезни было запредельно. Андрей снова стал человеком и сел на стул, хватая воздух широко раскрытым ртом.

– Как жена?

– В порядке, – ответил Никат, – в порядке. Спасибо тебе.

– С тебя штаны. Мои вдребезги. Мне до трактира дойти не в чем.

– Сейчас найдем. Будут штаны, – грустно сказал Никат, глядя на трупик дочери. – Дочка, дочка... она так любила кататься у меня на плече! Она была такой веселой, такой славной! Что я скажу жене? Она спит, не знает... Я не смогу сказать! – Никат отвернулся, закрыл лицо руками, а плечи его затряслись, как в лихорадке.

Андрей нахмурился, посмотрел его ауру – ему показалось, что и Никат тоже болен. Но нет – показалось. Он подождал пару минут, пока Никат успокоится, и спросил:

– Как хоронить думаешь? Если узнают про чуму – дом сожгут. А потом поинтересуются, почему остальные не заболели. А когда узнают, что заболели и вдруг вылечились, начнут спрашивать, кто вылечил. И выйдут

на меня. И будут большие неприятности – всем. Итак: как думаешь хоронить?

– Скажу, что она упала и ударилась головой. И умерла. Про чуму будем молчать. Дочка все равно не понимает, а жену я предупрежу.

– Тогда буди ее... нет, погоди, дай мне штаны. Мыло, спиртное есть? Руки протереть. И вы должны вымыть все в доме. Все. И ее тоже... спиртом. Ты в курсе, что спирт убивает болезни? Нет? Так вот, обязательно крепким спиртным или чистым спиртом – вымыть все. Не жалейте денег, вымойте все. Чтобы жить спокойно. Я сейчас уйду, не хочу, чтобы она меня видела. Вы уж сами без меня, ладно?

– Хорошо. Я все сделаю, как ты сказал. – Вышибала удрученно посмотрел на труп дочери и заторопился. – Идем, я штаны тебе дам.

Через двадцать минут Андрей выходил из дома Никата. Тот проводил его до дверей, порывисто обнял, сжав так, что у Андрея перехватило дыхание, и сказал:

– Все что угодно. Все. Я за тебя убью, разорву.

– Перестань, – махнул рукой Андрей. – Береги жену и дочку. Им будет сейчас очень трудно. И вот еще что – узнай, где они подцепили болезнь. Откуда она появилась в доме. Кто принес – жена? Где она была перед тем, как заболела, кто первый заболел? Узнаешь?

– Узнаю, – немного удивленно ответил Никат. – Расспрошу жену.

– Хорошо. Тогда я в трактир. Ты сегодня придешь? Да что я спрашиваю-то... оставайся дома, я тебя прикрою. Поработаю сегодня за тебя. Занимайся семьей.

Андрей вышел на улицу и побрел к трактиру. Он был сильно вымотан и телом, и душой. Смерть маленькой девочки подействовала на него удручающе, всколыхнула отвратительные воспоминания о том, как он был в плену у исчадий, и вызывала смутные подозрения...

Шанти уже сидела на столе, за которым обычно обитал Никат, и поглядывала за обстановкой в зале, как заправский вышибала. Олра ходила где-то во дворе, как всегда занимаясь логистикой и кадровыми вопросами. С ней была и Дирта – она следовала за «мамой Олрой» по пятам, как тень, девочка ее просто боготворила. Андрею иногда казалось, что девчонка его даже ревнует к своему божеству. Может, так оно и было. Андрея она побаивалась, непонятно почему. Он никогда ее не ругал и, боже упаси, не бил – почему девочка его опасалась? Может, отголоски недоверия ко всему мужскому полу? Наверное. Все мужчины вызывали у нее или подозрение, или страх, или ненависть. Андрей надеялся, что это пройдет. Иначе создать семью Дирта никогда не сможет.

Он снял усталость и боль у Шанти, похвалил ее за трудолюбие в тренировках, отчего та просто раздулась от гордости и сообщила, что сегодня махала крыльями целый час, и могла бы махать еще столько же, что сильно порадовало Андрея. Выздоровление драконицы шло семимильными шагами.

Андрей сел на место Никата – похоже, что сегодня посетить Федора ему не удастся. Трактиру оставаться без вышибалы совсем негоже, а тот появится не раньше завтрашнего дня. Так что надо вспоминать свою прежнюю работу.

– А где Никат? – вырвал его из раздумий голос Олры. – Куда он пошел? Скоро посетители начнут прибывать.

– Беда у него, – нахмурился Андрей. – Дочка умерла, Ирса. Он просил меня прикрыть, пока его не будет. Он только завтра придет.

– Ой-ой-ой! – огорчилась Олра и присела на стул рядом. – Такая хорошая девочка! Он так ею гордился... Вот беда-то... А что с ней?

– Не знаю, – соврал Андрей. – Вроде как заболела и умерла. Я ходил с ним, но было уже поздно. Он занимается похоронами. Скажи, Олра, а в городе много случаев заболевания чумой?

– А почему ты спросил? – насторожилась женщина. – Никат? Если кто-то узнает, что у нас чумной вышибала, о трактире можно забыть. Никто сюда не пойдет. Что дочка?

– Нет-нет, они все здоровы, и Никат, и его жена. – «Сейчас здоровы», – добавил он про себя. – Расскажи мне, как появляется в городе чума, как ею болеют, откуда она берется.

– Ну как откуда... берется, да и все, – недоуменно пожала плечами Олра и, посмотрев на Дирту, сказала: – Деточка, иди на кухню к девочкам, скажи, чтобы с гуляшом поторопились, уже вечер близко, скоро люди пойдут, а они все возятся.

– Ты не поняла. Ну вот заболел кто-то. Где он перед этим был, куда ходил, почему умер или не умер. Ведь не все умирают же?

– Наверное, не все, – опять пожала плечами Олра. – И что? Что-то ты темнишь... и с Никатом что-то нечисто. Давай без утайки – зачем ты про чуму спрашиваешь?

– Есть у меня ощущение, что не так просто она появляется. Когда настоящая чума приходит, вымирают целыми городами. А тут – какие-то локальные вспышки болезни, заканчивающиеся гибелью людей. А соседи живы и здоровы. Так не бывает.

– Ой, не морочь мне голову, Андрей! Ты в такие дебри полез, голову сломишь. А мне надо кухарок за гуляш отчихвостить. Давай мы потом про

это поговорим, ладно?

– Ладно, иди к своему гуляшу, чтоб он пригорел!

– Ну не сердись! И на гуляш проклятия не шли – если пригорит, сам будешь тогда его есть! – рассмеялась женщина и убежала на кухню, а Андрей замер в углу, закрыв глаза и постукивая по столу длинными пальцами.

– Думаешь, исчадия? – ворвался голос Шанти.

– А кто еще-то? – хмыкнул он. – Ни хрена это не чума. Чума бы выкосила их, как косой. Где-то сидит сучонок и гадит. Где? Помнишь, Федор говорил, что перед тем, как заболеть, Алена была на рынке? Интересно – одна или с Настеной? И у Никата надо узнать, где, перед тем как заболеть, была его жена. Кстати, забыл спросить, как ее зовут... Почему-то мне кажется, что тоже на базаре. Вот только где на базаре? Там что-то случилось такое, о чем мы не знаем. Мне кажется, Алена не все рассказала.

– А ты не преувеличиваешь? Зачем исчадиям напускать болезнь? Убить на алтаре – это в их стиле. Но болезнь? Толку-то от обычной смерти?

– А кто сказал, что это обычная смерть? Если болезнь наслал исчадие, то гибель больного добавляет манны в копилку Сагана. Даже если жертва не погибла на алтаре. Мы что-то расслабились – засели тут в трактире и спрятались от всего мира. А ведь исчадия-то никуда не делись, ты не забыла? Не забыла, как исчадие тебе крылья ломал?

– Я ничего не забыла. Помню каждую секунду того дня. Я была маленькая совсем. Глупенькая, мне было интересно – забавное существо пришло, манит к себе. Я и подошла... Давай не будем об этом, а? У меня настроение испортилось. Я пойду еще потренируюсь. Или уж лучше поесть?..

Андрей вспомнил, что он тоже сегодня не особо отдыхал, и голод набросился на него с такой силой, что живот буквально завыл. Пришлось бежать на кухню и просить здоровенный мосол с лохмотьями мяса, которое немедленно нашло место в желудке. Потом три пирога. Потом две плюшки с медом. Потом кружка пива. Потом еще пирог. Потом чашка бульона. Еще пирог...

Олга заметила в конце концов, смеясь и похлопывая любовника по плечу, что на кухне уже делают ставки, сколько он сегодня съест пирогов. Такого прожорливого мужчины нет на всем белом свете. Может, потому она его и полюбила? У него все по-крупному – есть, пить... и вообще все крупное.

Вечер ничем примечательным не запомнился. Шумела пара возчиков,

но даже выгонять не пришлось: стоило Андрею только похлопать одного по плечу и попросить вести себя потише – они тут же притихли. Рассказы о том, как он поднял телегу с тонной груза, обросли такими подробностями, что он и сам удивился, – он не просто приподнял, а поднял за днище и протащил квартал на себе, а лошадь при этом была по воздуху ногами и ржала. А еще он крикнул, и одна из лошадей упала замертво от страха... и много чего еще фантастического и странного. Он этого не знал, да и не хотел знать. Главное – никто не мешал ему думать, общаться со своей крылатой подружкой, время от времени ныряющей в «тренажерный зал», да задумчиво поглощать пирожки (он потом узнал, что выиграла одна из кухарок, поставившая на сорок три штуки).

Ночью они с Олрой любили друг друга – нежно, сильно, но как-то домашнему и привычно. Ее комната воспринималась уже как дом родной, а запах ее тела, ее волос впитался в душу Андрея, как нечто неотъемлемое от его жизни. О том, что все равно придется уходить, думать не хотелось. Жить одним днем. Наслаждаться тем, что дал этот день. Что еще ему оставалось?

Утром он встал довольно рано, выспавшийся, здоровый – отъелся, отоспался, несмотря на то что ночью они с Олрой хорошенько помогли друг другу забыться. Никата еще не было – он появился часа через три после рассвета, усталый, немного бледный, но спокойный. Подойдя к Андрею, он поздоровался и сел рядом.

– Спасибо тебе. И жена просила благодарить. Похоронили мы дочурку. Как ты и велел, соседям сказали, что упала и разбилась.

– Ты это... Олра будет спрашивать – ничего про чуму не говори. Я ей сказал, что заболела и умерла, но не чума. Учти. Не сдай меня. Она страшно боится чумы.

– Я понимаю, – серьезно ответил Никат. – Это гибель для дела. Люди не пойдут в чумной трактир – если кто-то из персонала или его семьи заболит, точно слухи пойдут. Ни в коем случае нельзя говорить.

– Ты вот что мне скажи – жена тебе не рассказала, где она была перед тем, как заболела?

– Да на базаре были. С дочками вместе. Как вернулись – и заболели. Я думал, простуда. Кто же мог подумать другое? Да и что я мог сделать – эта болезнь не лечится.

– Ясно. Ладно, работай, я в город схожу. Вчера я так и не попал никуда.

– Спасибо тебе! Мы с женой по гроб жизни тебе обязаны. Обязательно пригласим в гости, она хочет с тобой познакомиться. Я ей рассказал, кому

мы обязаны жизнью... почти все рассказал.

– Надеюсь, что только почти. – Андрей испытующе посмотрел ему в глаза. – Да?

– Да. Про *это* я не говорил, не бойся.

– Хорошо. Ну все, освобождаю тебе место – давай бди. Я ушел.

– Так, не налей! Два серебряника! – Андрей сердито кинул монеты жадному извозчику, потребовавшему двойную плату – с какого рожна непонятно, и зашагал к дому Федора.

Тут ничего не изменилось. Андрей усмехнулся, нашел веревочку, хитро пристроенную в уголке калитки, и подергал. Через минуты три калитка раскрылась, и в ней показалось добродушное широкое лицо друга, украшенное пшеничными усами.

– Наконец-то! А то я собирался уже идти разыскивать! Ты куда пропал? Мы тут скучаем. И Настенка уже о кошечке заспрашивалась. Шанти, подружка, как поживаешь? Не заморил тебя голодом этот злостный тип? Идем, мы тебя покормим. Два дня тебе печенку держу, собирались уже сами съесть – не идешь и не идешь. Пошли скорее, девчонки рады будут!

Андрея и Шанти окружили радостные Алена и Настенка, Шанти тормошили, а Настенка сразу потащила ее показывать, какой домик «кошечке» соорудила. Та стойчески воспринимала все нападки и лишь заметила Андрею, что, конечно, хорошо, когда тебя ждут, но только если не засовывают в картонную коробку, заявляя, что это теперь ее дом. Впрочем, видно было, что драконица тоже рада – приятно же, когда есть друзья, когда тебя встречают и приветчают. Особенно после сотни лет сидения в грязной норе.

Потом их пригласили за стол, и Андрей снова поглощал еду, как будто не ел месяц, – организм сильно истощился после лечения семьи Никата и пользовался любой возможностью восстановить массу. Когда дошли до творога со сливками и сахаром, Андрей, с удовольствием поглощая этот десерт, произнес:

– Не к столу будет сказано, но я хочу спросить. Ален, что ты скрыла от нас с Федором? Что случилось на базаре, перед болезнью? О чем ты не стала нам рассказывать?

– Как так? Ален? – Федор недоуменно посмотрел в лицо жены. – Что ты скрыла? Зачем?

– Я боялась. Боялась, что вы пойдете его убивать и нам придется бежать. Мне хорошо тут, и я не хочу никуда уезжать. А что впереди? Что будет там? – Женщина устало прикрыла глаза, потом снова открыла их и,

теребя носовой платок, продолжила: – Он хотел меня. Сказал, что я обязана ему уступить сейчас же, иначе он проклянет и меня, и мою дочь. Я послала его матом. Тогда он вытянул руку, показал на нас пальцем и сказал, что мы будем прокляты. И что снять проклятие может только он.

– Исчадие? – понимающе кивнул Андрей.

– Ну... да. Он там у своего храма на базаре. Все несут ему подношение – положено так. И я подошла, положила, как все. А он заметил меня и сказал, что хочет меня трахнуть. Так и сказал. И что муж будет только рад, что я дала адепту Сагана. Это угодно Сагану, особенно если я окажу ему особые услуги... я не хочу говорить, что он от меня требовал. Я его послала. Хорошо еще, что дочка маленькая, не понимает. Он и ее хотел, чтобы она присутствовала. Говорит – пусть учится. Вот и все. После этого и началось.

– Это такое здание с высокими сводчатыми окнами, да? Возле забора рынка? – уточнил Андрей.

Его глаза были черны, как смерть, и Федор, глядя в них, невольно содрогнулся...

Глава 6

– С разгона или опять с меня будешь прыгать?

– С разгона. – Шанти отошла к забору, полураскрыла крылья и поводила ими вверх-вниз, готовя к «пробам».

– Может, рано ей? – опасливо осведомился Федор. – Опять себе шишек набьет.

– Во-первых, шишек у меня не бывает, а во-вторых, не мешайте! Я начинаю!

Шанти помчалась вперед – не прыжками, как обычно, а иноходью, раскрыв крылья широко в стороны. Это было похоже на то, как большая радиофицированная модель самолета начинает разбег. Единственное – отсутствовал звук работающего двигателя, а так все атрибуты аэроплана.

Ее ноги топотали по земле, прибитой слабым дождиком, и даже в рассеянном свете, падающем на землю сквозь осенние облака, она была прекрасна – сверкающая, как елочная игрушка.

Андрей в который раз залюбовался драконицей. Жаль, что они не живут рядом с людьми, – жаль, что люди не видят, как прекрасны драконы. Впрочем, почему же не живут? И Гара, мать Шанти, и сама Шанти говорили, и не раз, что драконы живут среди людей, смотрят за ними, обретая облик домашних животных. И Андрей задумался: как узнать драконов среди тех живых существ, что их окружают? Да по ауре, как же еще. Драконица светилась особым светом – голубовато-зеленым, ярким и ровным. У животных ауры были слабыми, обычно сероватыми, коричневатыми. Разумные существа – люди, драконы – ярко светились. У людей ауры были разного цвета, но на основе желтого, с вкраплениями других цветов.

Шанти разгонялась, разгонялась, и Андрей с восторгом заметил, что между ней и землей появился просвет, а ноги лишь слегка касаются почвы. И тут она остановила движение крыльев, поджала ноги и спланировала в угол двора, врезавшись в кучу метел, которые упали и прижали ее к земле. Андрей бросился к ней, схватил и подбросил высоко в воздух раз, другой, ловя и смеясь:

– Молодец! Орлица! Настоящая драконица! Федь, видал, как она неслась! Только напугалась немного и перестала махать крыльями, а так – все, полетела наша Шанти! Ура-а-а!

– Ну уж полетела, – скромно отозвалась довольная драконица. – Так,

немного спланировала. Но да, крылья держат. Знаешь, я ведь теперь их чувствую! Я опираюсь на них! Они меня держат, и я почти перестала бояться!

– Ну вот и славно. – Андрей поднял Шанти над собой обеими руками. – Давай сейчас я тебя толкну, а ты подхватывай воздух крыльями, и вперед! Только не увлекайся и не взлетай выше забора, а то кто-нибудь увидит. Хорошо еще, что забор высокий.

– Тут везде такие заборы, – пояснил Федор. – Столица. Никто не хочет, чтобы соседи к нему заглядывали. Это в деревнях все настезь, все видать. Ух ты, глянь – летит, и правда летит! Молодец, девочка! Андрей, и ты молодец! Это же надо, собрать из кучи костей настоящие крылья и научить летать драконицу! Тебе надо присвоить звание «учитель драконов». Как, Шанти, достоин он такого звания?

– Достоин! – хрипло крикнула Шанти человеческим, утрированным, как граммофонным голосом. – Андрей, ты учитель драконов!

Они еще с час «запускали змея», пока не надоело и не решили наконец отдохнуть и попить чаю. Тем более что Настена уже рвалась на улицу, посмотреть, чего там дядя Андрей с папкой делают и куда дели кошечку.

Еще полтора часа Андрей с Шанти наслаждались покоем и теплом в семье Федора, а потом заторопились.

– Нам пора. Надо еще в пару мест зайти, – уклончиво сказал Андрей.

– Эй, приятель, надеюсь, ты не побежишь сейчас искоренять супостата-исчадие? – встревожился Федор. – Нам бы не хотелось сниматься прямо в ночь.

– Нет, – усмехнулся Андрей. – Посмотреть – посмотрю, что там за урод. Но трогать его пока не буду. Потом. Придет и его черед. Пока что надо завершить другие дела.

– Это хорошо, – облегченно вздохнул Федор. – А как ты догадался, что эта болезнь совсем не чума? Что это исчадия напускают? И вообще, что это за болезнь-то? Я так и не понял.

– Просто ты меньше меня общался с исчадиями, потому и не знаешь. Я, когда услышал про то, как болезнь внезапно развилась после похода в город, сразу заподозрил неладное. Еще когда тебя, Алена, с Настенкой лечил. Странно было – вы болеете, а Федору хоть бы хны. Как так? Не может такого быть. И почему часть людей умирает, а часть нет? Чума, настоящая чума, вообще-то невероятно заразная и скоротечная штука: заразился, два часа – и труп. А тут? Несколько часов, а то и дней, и Федор, который ходит себе между больных. Этого не могло быть. А потом семья Никата – то же самое. Знаешь, Алена, что у вас с женой Никата общего? Вы

очень красивые женщины. Ты бы видела его жену – красота неопиcуемая. Просто совершенство. Конечно, исчадие сразу ею заинтересовался. Ведь у них как? Захотел – взял. Отказали – проклял или убил. Проклясть выгоднее – а вдруг женщина передумает и побежит его ублажать? Тогда он снимет болезнь. Уверен, они могут снимать наведенную ими же болезнь, проклятие. Так что все логично укладывалось в рамки моего понимания их сущности. Тем более что исчадия на меня грозились навести порчу и даже пытались это сделать, но не смогли.

– Почему не смогли? – с интересом спросила Алена.

– Не знаю. Не смогли, и все, – пожал плечами Андрей, допил чай и встал. – Ну все, пора. Эй, летающая кошка, запрыгивай!

Шанти фыркнула, но ничего не сказала и устроилась на плече приятеля.

Покинув этот гостеприимный дом, Андрей пошел вверх по улице к центру. На душе было хорошо: друзья живы и здоровы, Шанти почти по-настоящему летает – что еще нужно для счастья? Он не стал рассказывать друзьям о разборках с Абдулом, о том, что те несколько дней жили под прицелом арбалетов – зачем их беспокоить? Потом когда-нибудь расскажет. Ему ужасно хотелось выбраться из этой страны, но одновременно не хотелось уезжать – тут Олра, тут ему было хорошо. Душу разрывали противоречия, и он в который раз подсадовал: ну почему нельзя, чтобы все сразу было хорошо? Чтобы страна была нормальной, не под властью демона, и чтобы друзья были всегда с ним, чтобы была нормальная семья и чтобы не было никаких проблем, заставляющих отправляться на край света. Ну не на край света, в чужую страну, в Балрон, но все же...

– Эй! Эй, сюда! – Андрей махнул рукой, подзывая извозчика, и тот подскочил, высекая искры из мостовой кованными колесами пролетки.

Они быстро договорились, и вскоре экипаж с грохотом несся по улицам, а извозчик покрикивал, распугивая прохожих, и щелкал кнутом, погоняя застоявшуюся лошадь.

– Заходи, – не здороваясь, кивнул Симон. Он был на удивление серьезен, хмур и, прежде чем впустить Андрея, внимательно осмотрел улицу. – Сюда садись. Заказ выполнен. Только не знаю, отдавать ли тебе все сведения. – Симон испытующе смотрел в глаза своему гостю. – Ты понимаешь, что будет, если ты убережешь командира дивизии гвардейцев императора?

– А при чем тут командир гвардейцев? – вначале не понял Андрей, а потом, хмыкнув, сказал: – Ах вот как! Ну что же, командир так командир. И что? Это он, с рисунка?

– Да. Ладно, я деньги взял, а возвращать их не хочу. Вот тут, на бумаге, имена всех пятерых. Все они действующие командиры гвардии, все из родовитых и очень, очень влиятельных семей. После того как начнется шум, будут искать того, кто их убрал. Предупреждаю: если ты меня убьешь, вся информация сразу будет передана родственникам этих людей. Поэтому убивать меня бесполезно. Я знаю, кто ты, где ты живешь, кто твои друзья. Не обольщайся, я все выяснил сразу – предпочитаю знать, с кем имею дело. Кстати, с Хассом ты элегантно провернул. – Симон усмехнулся и, немного помолчав, продолжил: – Теперь подумай – стоит ли их убирать?

– А с чего ты решил, что я собираюсь их убрать? И тем более тебя?

– А это логично. Ты – убийца. Да-да, я все знаю. Убийца высшей категории...

«Ни хрена ты не знаешь, – подумал Андрей. – Знал бы, сейчас обделался бы».

– ...У тебя заказ на этих людей. Ты их убьешь, будет шум, будут искать, кто это сделал.

– К тебе придут?

– Вполне вероятно.

– Ты дашь информацию?

– Само собой, дам.

– Какую?

– А вот это правильный вопрос. Очень правильный. Ты мой клиент. Значит, выдавать тебя мне нельзя. Но и не выдавать тебя тоже нельзя. Значит, нужно выдать кого-то, кто и будет убийцей. Того, на кого все свалят. Чтобы я дал информацию и одновременно не дал ее. Пока что я не знаю, как это сделать. У тебя есть предложения?

– Только одно: ты сдашь меня, но не засветишь тех, кто мне близок. Потому что в противном случае я приду и убью тебя. Убью страшно. Буду живого резать на куски. Веришь мне? И никто меня не остановит. И ничто. Итак, к тебе пришел человек – опишешь меня. Заплатил денег, чтобы узнать информацию. Кто он и что он – ты не знаешь. Мне не надо, чтобы ты сваливал на кого-то. Впрочем, твои проблемы.

Симон подумал, пожал плечами и вздохнул:

– Что-то подобное я и предполагал. Что же, работа есть работа. Мы поняли друг друга.

Он достал несколько листов бумаги и передал их Андрею. На листках убористым почерком были написаны имена, адреса, все, что было нужно убийце. Андрей коротко кивнул, встал и пошел к выходу. Говорить больше было не о чем, грозить, предупреждать – глупо. Не дети же, к чему эти

пафосные мелодраматические трюки.

Он вышел из дома Симона и уселся в пролетку, ожидающую его поодаль. Скомандовал извозчику ехать и погрузился в свои мысли.

Да, задача был нелегкой. И очень, очень нелегкой. И десятикратно сложнее потому, что сделать то, что он хотел, было почти невозможно. И надо ли? Прошло столько лет... Неожиданно для самого себя он приказал:

– Стой!

Извозчик дернул поводья, лошадь недовольно заржала, а пассажир спросил:

– Скажи, где у вас можно снять помещение – ну склад или конюшню?

– Хотите организовать дело? – понимающе кивнул кучер. – В купеческом квартале, где же еще. Мигом домчу. Поехали?

– Поехали. – Андрей поднял верх пролетки и уселся поглубже – начал накрапывать дождичек, ветерок пробирал даже сквозь куртку, да и не хотелось показывать всем свою физиономию. Береженого Бог бережет.

Через полчаса они оказались в купеческом квартале. Андрей приказал извозчику проехаться по улицам, чтобы посмотреть, не сдаются ли помещения. Он уже заметил, что там, где сдают дома или что-то подобное, вывешивают табличку или рисуют мелом некий значок – треугольник. Он пытался узнать, что означает этот треугольник, но так и не узнал – мол, повелось так, и все. И Андрей выбросил это из головы, как фактор, не относящийся к важным, влияющим на события. Ну треугольник, да. А если бы квадрат? Или круг?

Заметив длинный сарай, похожий на склады или конюшни, с искомым знаком на двери, велел извозчику остановиться и пошел посмотреть, что это за здание. Пахло сеном, навозом – конюшня. Осмотрелся – рядом дом, метрах в десяти. У кого выяснить, чья конюшня? Само собой, у соседей. Он бы мог, конечно, снять помещение через Симона – тот и занимался сдачей и продажей помещений. Но заранее светить тайное место? Нет уж. Не надо об этом здании знать Симону. Постучал в дверь. Долго не открывали, потом калитка распахнулась. Женщина лет шестидесяти. Смотрит пристально и хмуро:

– Чего ищешь?

– Хозяина конюшни. Хочу взять конюшню внаем.

Черты женщины разгладились, она вздохнула:

– Я хозяйка. Вообще-то я продать хотела. Недорого прошу. Но что-то никак покупателей не найду – то ли торговля лошадьми пришла в упадок, то ли... Как муж помер, мне эта конюшня ни к чему.

– А много хотите?

– Пять тысяч золотых. Конюшня теплая, зимняя, на пятьдесят стойл плюс двор закрытый, манеж. Недорого прошу.

– Все-таки сколько будет стоить, если снять на месяц?

– А зачем тебе на месяц? – Глаза женщины подозрительно сощурились.

– Хочу партию лошадей для пробы на продажу пригнать, надо где-то разместить. Если пойдет – тогда куплю конюшню.

– А-а-а... понятно. Ну-у... двадцать золотых. Устроит? Договор составим, чин по чину.

– Вначале посмотреть бы, чего там внутри.

– Да-да, конечно, сейчас посмотрим. Подождите здесь.

– Только не забудьте документ, подтверждающий собственность – что там у вас есть? Я же вас не знаю.

– Шатра меня звать. Документ из магистратуры есть. Сейчас принесу.

Женщина вернулась минут через пять, в накинутом тулупе и платке.

– Вот, гляди – все нормально с документами. И печать есть. И мужа печать есть – купец Экрон. Так что не сомневайся. Пошли.

Большой замок, скрипучие ворота, запах сена, соломы. Чистые денники... стены толстенные – обожженный кирпич. Система блоков.

– Это что за блоки такие?

– Муж придумал. Можно подцеплять грузы, вот по колесикам, вдоль конюшни – тюки с сеном, еще чего-то. Больших денег стоило. Спрашиваю: зачем тебе это? Отвечает: мол, так работать проще, один человек всех может обслуживать. Еще делал очистку механическую – недоделал. Чума сгубила.

«Опять чума! Они, эти исчадия, охренели тут совсем! А чего я хотел? Сагану нужна мана, нужны жизни людей...»

Через час Андрей ехал в трактир, имея договор, подписанный, с печатью купца, и облегченный на восемнадцать золотых – выторговал два. Не торговаться подозрительно – купцы так не поступают.

– Когда задумал? – неожиданно спросила Шанти.

– Через неделю. Кстати, в моих планах большое место отводится тебе, учти.

– Да-а-а? И какое же место?

– Увидишь. Кстати, в эту неделю займемся усиленными тренировками, так что готовься. Завтра поедем за город на весь день.

– Замечательно! А на чем поедем?

– Тьфу. Эй, уважаемый! Стоп! Разворачивай!

Федор удивленно приподнял брови:

– Не ожидал тебя сегодня увидеть. Что случилось?

– Помощь твоя нужна. Завтра нужно поехать за город, подальше – надо Шанти тренировать. И как следует. И еще – я предупредить заехал.

– Что, пора?

– Пора. Через неделю уезжаем. Скажи Алене. Готовьтесь. Здесь оставаться нельзя.

– Я знаю. – Лицо Федора было спокойным, хотя восторга не наблюдалось. – В общем-то я даже рад – каждый день ждал, что ты скажешь эти слова. Жизнь в подвешенном состоянии надоела. Ладно, где тебя завтра забрать? В какую сторону поедem – через южные ворота или северные?

– Где есть гора с пологим склоном, чистым от кустов и деревьев?

– На юге, – не задумываясь ответил друг. – Там горы, в стороне от дороги, верстах в пяти от города. Мне за тобой заехать или ты сюда приедешь?

– Хм... давай все-таки за мной. Пока я найду извозчика, пока доеду – целая история. Через час после рассвета давай, чтобы не слишком рано.

– Сделаю. Сейчас Алене скажу насчет переезда – она будет не шибко рада... – Федор грустно усмехнулся.

– Федь, не рви душу, а? Мне тоже не очень хочется уезжать, но чувствую, мы тут не засидимся в любом случае. Кроме того, скоро шум большой будет.

– Как после убийства Абдула? – проницательно сощурился Федор.

– Откуда знаешь? – вскинул брови Андрей.

– Хм... если ты не говоришь, я не могу сложить дважды два? Слухи ходят, Андрей. Про драконов, про какое-то существо, что бегают по ночам и пугает прохожих. Что это существо убивает негодяев. Народ на базаре только об этом и говорит.

– Базар... тоже мне источник информации, – скривился Андрей.

– Ты недооцениваешь базар. Это источник информации, источник слухов, и, если уметь отделять ненужную информацию, можно узнать много дельного. Засветились вы. Как бы исчадия не всполошились. Ты бы прекратил ходить с Шанти на плече – пусть посидит дома. Или как-то еще... уже все о тебе знают. Ходят слухи, что в трактире Олры живет сказочный богатырь, жонглирующий лошадьми. И на плече у него всегда сидит черная кошка. Чего ты там такое натворил, что все уже знают? Чем ты там жонглировал?

– Тьфу! Телегу приподнял, всего делов-то, – сплюнул в сердцах

Андрей.

– А разнесли – ты там чуть не в каждой руке по телеге держал. И Зирк к тебе на поклон ходит...

– Ух, бред какой... ну все, мы уехали. Завтра жду. – Андрей попрощался, вернулся в пролетку с терпеливо ожидавшим выгодного клиента извозчиком и поехал в трактир. Настроение у него резко испортилось.

«А на что я надеялся? Что все останется незамеченным? Даже когда бежишь по улицам, за окнами ведь живые люди. Может, кто-то воздухом подышать подошел или выглянул на улицу просто так – не спалось. И вот результат. И Зирк чего-то там намекал. Горит земля... Неделя – максимум. И надо уезжать».

Тишина. Стих трактир, усталые кухарки похрапывают во сне, спит Дирта, улыбаясь и прижав к себе куклу, что подарила ей Олра, – у нее никогда не было игрушек, и теперь девочка не расстается с этим чудовищем с намалеванными красными щеками и тряпичными мягкими руками. Никат ушел утешать жену – он сильно переживает и совсем перестал улыбаться. Спит город, даже уличная шпана разбежалась по своим притонам и валяется, обкуренная маком и захлебнувшаяся в дешевом вине.

– Хорошо с тобой. Так хорошо, что и передать не могу. – Олра уткнулась аккуратным носиком в плечо Андрею и тихо дышала, щекоча его теплым воздухом из ноздрей.

Поежилась, погладил руку женщины, лежащую на его груди:

– Поедешь со мной?

Она напряглась, замерла:

– Когда уезжаешь?

– Через неделю.

– Надолго? Или... навсегда?

– Не знаю. Не знаю... мне здесь оставаться нельзя. Я и на тебя беду навлеку. Хочу, чтобы ты уехала со мной.

– И что мы будем делать? Куда ты вообще собрался уезжать?

– В Балрон. В Анкарру. Что делать? Купим трактир. То же самое будешь делать, что и здесь.

– А люди? Люди как? Их куда?

– Поставишь управляющего. Будет работать, передавать тебе прибыль через посыльных.

– Разворует. Растащит все. Все, что мой отец делал, все, что я строила,

берегла долгие годы...

– Я тебе дам денег – не хуже трактир построишь. И этот можно продать – он в хорошем месте стоит, купят. Тут опасно.

– А где не опасно? В Анкарре не опасно? Ты шутишь?

– Нет, не шучу. Там хотя бы исчадий нет. А тут – безобразие. Там еще в Бога верят, а здесь...

– Кому надо и здесь верят. И для этого не нужно храмов. Бог в душе. А исчадия – что они нам, исчадия. Они нас не касаются. Живем себе и живем.

– Пока не касаются – так вы и живете. А как коснутся? Тогда что будете делать?

– Я как-то не думала над этим... – И неуверенно: – Так-то я не против уехать... но через неделю – никак. Надо подыскать покупателя на трактир, надо организовать переезд, устроить людей – я же их не брошу, в конце концов.

– У меня будет для тебя сюрприз – через неделю. Перед отъездом.

– Как-то подозрительно и многообещающе. – Олра усмехнулась и погладила выпуклую, мощную грудь любовника. – Что за сюрприз?

– Какой же это сюрприз, если ты о нем узнаешь заранее? Нет уж. Потом скажу, как время придет. Кстати, как твое самочувствие? Не тошнит?

– Отличное самочувствие, на удивление. Слышала, что многие женщины страдают – тошнота, рвота, а у меня как будто и нет беременности! Это все благодаря тебе, я знаю. Спасибо тебе.

– Из «спасибо» шубу не сошьешь. Где реальная благодарность? Выраженная в правильных действиях?

– Сейчас будет... иди-ка ко мне...

– Далеко еще? Боюсь, застрянем. – Федор внимательно осмотрел местность и направил лошадей под высокую сосну. – Давайте-ка мы пешком пройдемся. И для здоровья полезно. Небось растолстели на сытных харчах в трактире!

– Сам-то! – фыркнула Шанти. – Пузо-то вон какое отрастил.

– Это не пузо. Это стратегические запасы, – парировал Федор. – Пошли быстрее. Не терпится посмотреть, как ты в небесах парить будешь и плевать на нас сверху.

– Обязательно плюну. Как же не плюнуть-то, если можно плюнуть? Согласись!

– Ну в общем, да... – раздумчиво заметил Федор. – Для того и влезают на вершину, чтобы поплевать на тех, кто ниже тебя. Разве не так, Андрей?

– Ну вас на фиг, – рассмеялся монах. – Вы слишком глубокомысленны,

аж до тошноты. Мой слабый разум не понимает ваших аллегорий.

– Никаких аллегорий – это Федор там чего-то придумывает, философствует, – рассмеялась Шанти. – А знаешь почему? Федь, сказать?

– Предательница! Когда-нибудь тебе нос-то прищелят, чтоб не совала, куда не надо! – грозно зашевелил усами мужчина.

– А чего я... ничего. И даже не видала, как он бутылку в карман прятал!

– Чтоб ты в дерьмо коровье приземлилась! А лучше – в человечье!

– Тихо, вы! – улыбнулся Андрей. – Послушайте лучше – никого вокруг? Я из-за вашей болтовни никак прислушаться не могу. Нам лишних глаз не надо. Кстати, Федь, ты опять за бутылку? Какого хрена?

– И ничего не за бутылку... в честь полета можно! Насчет глаз – да откуда тут? Мы забрались в глушь, тут нет деревень, а тракт в пяти верстах отсюда. Эта дорога, вижу, к покосу идет. Осенью тут никто не ездит. Так что сейчас выйдем на склон горы, и лети, метла!

– Сам метла! – запоздало крикнула Шанли и забралась к Андрею на плечо. – Знаешь, меня что-то трясет всю. Я так волнуюсь... не забыл ли ты взять чего-нибудь поесть?

– Не забыл, не забыл, – усмехнулся «драконий учитель». – Пошли, ребята.

Тропинка, усыпанная осенними листьями... голые стволы деревьев, намоченные мелким нудным дождиком. Андрей поежился и поднял воротник. Холодно, да. А что делать? Не в городе же тренировать Шанти в настоящем полете?

– Ты думаешь, я смогу? – с надеждой смотрит в лицо друга. – Я полечу?

– Уверен! – Сказал, а в глубине души копошатся сомнения – а если врежется куда-нибудь? Хряпнется с высоты, и костей не собрать? – Конечно, уверен! Ты самая лучшая летунья в мире! Остальные драконы тебе и в подметки не годятся. Даже твоя мать. Кстати, когда ты с ней в последний раз связывалась?

– Сегодня утром... Я всегда с ней на связи.

– А чего молчала? Я-то думал, она тебя забросила.

– И ничего подобного. Просто она считает, что не должна вмешиваться в дело воспитания. Раз отдала меня воспитывать «драконьему учителю», значит, так и должно быть. Зачем лезть?

– Интересная новость, – покачал головой Андрей. – Ладно, потом обсудим. Видишь склон? Там высовывается здоровенная глыба. С нее удобно стартовать – не бойся, ты лучшая летунья в мире. Уверен. Иди туда,

залезай на глыбу и прыгай. Я рядом, если что.

Шанти понеслась вверх по склону, а у Андрея замерло сердце – как пройдет? Говорить уверенно, важно вещать – одно. А вот что получится в итоге...

Драконица приняла свой драконий вид, забралась на камень, посмотрела вниз:

– Ух, страшно! Ты соберешь меня, если что? Разбросаю тут свои косточки...

– Может, тебе из Фединой бутылки отпить? – пошутил Андрей.

– К сведению: алкоголь на нас не действует. У нас организмы другие. А что действует как алкоголь – не скажу. Фигу вам.

– Не очень-то и интересно. Так, ты чего там болтологией занимаешься? Чего время оттягиваешь? Ну-ка прыгай, или я сейчас пойду и сам тебя скину!

– Злыдень проклятый! Изверг! А-а-а! Лечу! Я лечу! А-а-а! А-а-а! Мама, я лечу!

Да, она летела. Летела красиво, плавно и мощно размахивая крыльями, рассекая воздух, как истребитель. Несколько секунд – и Шанти исчезла за горой, как будто и не было никогда никакой маленькой драконицы. Андрей даже немного расстроился – вот сейчас махнет крыльями, плюнет ему на маковку и улетит куда глаза глядят...

– Как тут классно! Если бы ты мог летать! – слышался голос Шанти. – Как прекрасен мир!

Драконица показалась точкой на горизонте, заложила вираж и, неловко приземлившись, хлопнулась на тот камень, с которого отправилась в свой настоящий полет.

– Ой! Больно! Надо приземление отрабатывать. Ничего, научусь... Ну как? Вам понравилось? Чего молчите-то?

– Ты была великолепно! – искренне ответил Андрей. – У тебя получается даже лучше, чем я думал. Теперь сделаем одну штуку. Ну-ка, прими свой реальный облик!

Замерцал воздух, и на месте маленькой драконицы, размером с большого голубя, возник дракон.

Андрей с восхищением посмотрел на Шанти:

– А так все-таки красивее! Слушай, а ты вроде как даже подросла за это время. Гляди, какая толстая сделалась. Интересно, как ты умудряешься наедать основное тело с помощью своего мелкого изображения?

– Вам не понять, – рассмеялась драконица. – И вообще, брехня. Я не толстая, я сильная! Это мышцы. Натренировала. Ну держитесь! – Она

прыгнула с камня, распахнула крылья и заработала ими со всей силой своих могучих мускулов.

Вокруг замерших Андрея и Федора завихрился ветер, поднимая тучи листьев, разбрасывая веточки. Миг – и она уже плывет над деревьями, уходя все дальше и дальше в небо.

– Слушай, такое впечатление, как если бы лошадь поднялась в воздух и полетела, – потрясенно прокомментировал полет Федор. – А я все: «Шантичка, Шантичка!» – а в ней тонна, не меньше! Как же они умудряются поднять такой вес? Это сколько они энергии должны потратить?

– Честно говоря, сам не знаю, как они поднимают этот вес, – признался Андрей. – Драконы мне говорили, что как-то умеют уменьшать вес своего тела, перекидывая его в подпространство. Как перекидывают свое основное тело, оставляя здесь лишь проекцию. Так же они и меняют внешний вид, принимая чужие образы. Только не спрашивай меня как. Это драконья магия, нам недоступная. И пониманию недоступная. Даже не хочу спрашивать, как это происходит, – только голову сломаешь.

– Что это? – с удивлением показал Федор. – Кто это с ней? Их двое!

– Точно... – удивленно протянул Андрей и спросил: – Шанти, кто с тобой?

– Мама прилетела! Мама! Хочет тебе сказать спасибо!

– О боже! Как она огромна! – в страхе пробормотал Федор, глядя, как крылья Гары закрывают небо.

Почему-то Андрею запомнилось, что она была поменьше. Может, разъелась? Гара была не просто велика – громадна. Размером в десять Шанти, с крыльями, превышающими размер крыльев дочери в несколько раз, с уродливой и одновременно прекрасной головой, украшенной гребнями, с белыми клыками и красно-синей чешуей – Гара вызывала почтительный ужас и восторг. Андрей уже как-то и отвык от ее вида. А уж что говорить о Федоре, никогда не видевшем этого чудо? Он замер с отвисшей челюстью и, лишь когда драконица приземлилась перед ними на склон, осыпав старыми листьями с головы до ног, очнулся, достал из кармана бутылку с вином и осушил ее до дна. Только после этого его глаза приобрели осмысленное выражение.

– Привет, Андрей! – громыхнул голос Гары. – Я обязана тебе. За мной огромный долг, который вряд ли может быть оплачен. – Драконица поклонилась Андрею, отчего ее голова, возвышавшаяся на несколько метров над людьми, оказалась вровень с их головами. – Шанти здорова, и даже неплохо воспитана, как я вижу. Как хорошо, что я в тебе не ошиблась

и не съела, когда встретила!

– Мам, если быть объективными, он не очень-то и дал себя съесть. Ты забыла? – усмехнулась Шанти, и в ее ментальном голосе прорвался некий оттенок ревности.

– Защищаешь друга? У моей дочери появились друзья? Дочка, ты становишься взрослой. Я счастлива. Теперь давайте решим – ты остаешься с Андреем или летишь со мной? Ты всегда хотела летать вместе со мной, ведь так? Охотиться, парить над гладью океана? Ну что?

Шанти долго молчала, потом вздохнула и сказала:

– Мам, я пока останусь с Андреем. Не могу его бросить. Вдруг с ним чего случится – кто ему поможет? Без меня ему будет плохо, правда, Андрей?

– Правда. – Андрей сглотнул комок в горле и откашлялся. Его глаза слезились – осенний ветер бросал песок и ледяным дыханием выдувал из тела тепло. – Все правда. Мне без нее будет очень плохо. Она мне ведь как сестра. Не могу даже представить, как буду без нее.

– Ну что же, пусть будет так, – кивнула Гара. – Если я понадобится – позовете. Я рада за тебя, дочка. И подарочек возьмите – поедите как следует. Шанти нужно хорошо питаться, сил много на полеты требуется. Держите!

Андрей только сейчас заметил, что драконица сидит на туше оленя, держа его когтями. Она легко, как тряпичную, подняла трехсоткилограммовую тушу лапой и бросила к ногам людей – Федор вздрогнул и схватился за плечо Андрея, как будто ища защиты. Затем Гара хлопала крыльями, снова подняв ураган, скакнула со склона вниз, и вот уже ее гигантские паруса-крылья понесли это чудо природы в небо.

– Как ты умудрился развести костер? Тут ведь все мокрое! – Андрей с удовольствием вгрызся в кусок жареной оленины, истекающий соком. – Мм... как вкусно! Шанти, умеет твоя мама выбрать дичь! Мясо прямо-таки тает во рту!

– Опыт. Поохотишься десять тысяч лет – и тоже научишься выбирать жирненького оленя. – Расположившаяся чуть поодаль драконица с хрустом дожевала ляжку оленя и довольно рыгнула.

– Фу-у... где твои манеры, девушка! – поддразнил Федор.

– Манеры? – задумчиво спросила Шанти, открыла пасть, похожую то ли на пасть крокодила, то ли на ковш экскаватора, запустила туда лапу и, поковырявшись когтем в зубах, что-то достала и с удовольствием всосала обратно. – Хорошие у меня манеры! На свои-то посмотри!

– Меня сейчас вырвет, – страдающим голосом сообщил Федор. – Я не могу видеть такую невоспитанность! Андрей, ты когда преподашь ей уроки хороших манер?

– Тебя вырвет потому, что ты выжрал уже две бутылки вина... вру, три. И сожрал кусок мяса килограмма на четыре! – мстительно заметила Шанти.

– Меня с вина не тошнит, – пробурчал Федор и поудобнее устроился у костра. – Ох, как хорошо... а я бы тоже полетал! Жалко, что у меня нет крыльев... Ай-ай, гадина! А-а-а! Андрей, Андрей! Чего она делает! А-а-а! А-а-ай!

– Шанти, перестань! – Андрея начал бить истерический смех, и он никак не мог остановиться. – Федь, ты же мечтал полетать! Шанти, осторожнее! Детка, ты еще не очень хорошо летаешь! Не урони! Шанти!

Драконница, пока Федор, полуприкрыв глаза, устраивался у костра, разогналась и, схватив его на ходу за шиворот, поволокла вверх, в небо, как сокол, налетевший на суслика. Федор, конечно, не был сусликом, с его ста тридцатью килограммами веса плюс одежда, но... В общем, он висел, орал, матерился и требовал спустить его назад, и все это под хохот драконницы. Наконец она нахулиганилась и, приземляясь, плюхнула его на склон горы, приземлившись чуть поодаль и опасливо отбежав подальше.

– Ну ты гадина-а-а! Ну, Шантючка, погоди, вот станешь опять кошкой, я тебя за шкурку-то оттреплю! Вот негодяйка, а? – жалобно сказал Федор. – Я сейчас обнюхаюсь! Мне кажется, я того...

– А чего цеплял ее? – рассмеялся Андрей. – Шанти, пожалуйста, не делай так больше. Предупреждай заранее. А вообще – молодец. Поднять такой вес! Скажи, а какой вес вообще могут поднять драконы?

– Точно не знаю, – хмыкнула довольная драконница. – Уверенно могу сказать одно: до собственного веса. То есть сколько я вешу, столько могу нести. Некоторые могут и больше. Мне мама показывала картинки – ее знакомый дракон нес в когтях кита! Представляешь, какой вес? Если мы можем уменьшать свой вес, значит, можем уменьшать вес и того, что несем в когтях. Как действует этот механизм, я не знаю, но это так.

– А ты, когда несла его, устала?

– Есть немножко. Вон он какой здоровенный. Оленины слопал столько, сколько сам весит. Конечно, мне его трудно нести. Но в общем-то терпимо. Я бы могла его отнести до города и обратно и не уронить.

– Я не согласен! – возопил Федор. – У тебя есть учитель, вот его и носи! Хулиганка! И не подходи ко мне даже!

– Да я не собираюсь тебя трогать, чего ты разволновался-то? –

хихикнула драконица. – Андрей, не хочешь полетать?

– Только не роняй, ладно? – нервно усмехнулся он.

– Перестань. Ты меньше вешишь, чем Федор, да и скорее я сама упаду, чем тебя выпущу!

– Это-то и пугает, – пробормотал Андрей. – А как летать? На твоей маме мы сидели с удобствами, спина-то у нее вон какая. А ты как будешь меня держать? За шиворот? Не хочу за шиворот – это Федор пусть так летает, ему все равно. Не все равно? Ну и мне тоже. И еще: а как ты разгоняться будешь? Пока плохо представляю это.

– Я могу только с разгону – пока только так. Ты становишься на чистом месте, я разгоняюсь, взлетаю, цепляю тебя лапами за спину и тащу. Пойдет?

– Хм... как-то не нравится мне быть сусликом в когтях ястреба. А с места? Попробуй взлететь вертикально. Без разбега.

– Ну не знаю... Я не пробовала еще, – неуверенно сказала Шанти.

– Так пробуй, пробуй! – не выдержал Федор. – Ты мне воротник чуть не оторвала! Тренируйся!

– Тренируюсь! А если под руку вопить не перестанешь, сейчас я тебе еще и рукава оторву!

– Андрей! Приструни свою агрессивную воспитанницу! Она обижает пожилых, беззащитных людей!

– Так, тихо, все! Шанти, попробуй взлететь вертикально – это очень важно. Ты должна этому научиться. Я тебе потом расскажу, почему это важно. У нас с тобой неделя, чтобы ты научилась этому искусству. Иначе все планы летят к черту.

– Хорошо... сейчас попробую. – Шанти отошла от костра и встала, распутив крылья. Потом захлопала ими, пытаясь взлететь, и тут же плюхнулась, приземлившись на зад. – Не получается! – досадливо рыкнула драконица. – Не могу!

– Не спеши. Не надо спешить. Пробуй. У тебя обязательно получится! Так, так... ничего, еще разок, еще!

Неделя пролетела так быстро, что Андрей и не заметил. Рано утром он уходил, оставив Шанти отсыпаться и отъедаться – каждую ночь она вылезала из окна трактира и, как летучая мышь, неслась над крышами домов, над темным городом – туда, где ждали поля, леса. Она упорно летала и летала, тренировалась и тренировалась. На ее крыльях уже почти полностью отросли чешуйки, и теперь она вся переливалась в свете луны. Те, кто случайно видел ее над городом или проносящейся над полями,

говорили, что появились демоны. Особенно когда начали находить оторванные головы косуль и оленей – Шанти почему-то не нравилось разгрызать черепа. Она уверяла, что не может питаться вместилищем разума, это слишком по-звериному. Предпочитает выедать мозг морально.

Шанти все-таки научилась взлетать вертикально вверх, хотя для этого потребовались большие усилия и пять ночей тренировок.

На шестую ночь они с Андреем впервые полетали вместе.

Они ушли из трактира в ночь. Олра пыталась узнать, куда они собрались, но Андрей лишь отшучивался: погулять! Подруга слегка обиделась и отстала – Андрей не сильно переживал, зная, что ночью она его простит... Парочка летунов ушла подальше, на пустырь – тот самый, где некогда бился на дуэли Андрей.

– Тихо? Никого?

– Тихо. Превращайся.

– Готов?

– Угу. Держи крепче! Давай!

Шанти подпрыгнула вверх и мощно забила крыльями, обхватив Андрея лапами за поясницу. Потом она изменила направление движения своих «полотнищ» и начала медленно сдвигаться вверх и вперед, уходя по косой черте в небо. Андрей смотрел вниз, на удаляющиеся дома, на темный город, и наслаждался полетом. Это было так, будто он словесными командами управлял махолетом:

– Левее. Быстрее, вперед. Выше... поднимись на десять метров. Хорошо. Теперь набери максимальную скорость! Вот так!

Воздух свистел в ушах, крылья драконицы вспарывали осеннюю ночь, и, хотя ветер резал глаза и задувал в уши, Андрею хотелось петь. Полет – это прекрасно!

– Как я тебе завидую! – искренне сказал он. – Я тоже хотел бы летать! Великолепно!

– Согласна. Это великолепно, – рассмеялась Шанти и еще быстрее заработала крыльями, так что через несколько минут они оказались за пределами города.

– Все, возвращаемся. Шанти, хватит, неси обратно. Пока летим, я тебе расскажу, слушай меня. Итак, завтра ночью...

Все эти дни Андрей уходил из трактира с одной целью – следить за своими жертвами. Он знал имена всех, он уже знал их в лицо, узнавал по фигурам, знал, как они выглядят, что едят, что пьют. Он следовал за ними, когда они выходили из дворца, знал особняки, в которых они жили. У Андрея были сведения Симона о составе охраны, о том, где можно их

найти, но этого было мало. Он мог убить их много, много раз. Многими способами. По одному. Но не это было ему нужно. Его план был радикальнее и страшнее. Он хотел сделать так, чтобы наказание было страшным и чтобы подонки знали, за что умирают. Ну что проку, если ему в глаз воткнется стрела, или болт арбалета, или метательный нож? Что с этого? Преступник должен знать, за что наказан. И что наказание будет таким же страшным, как преступление.

Времени для полноценной работы по объектам слежки было не очень много. Всего неделя – это очень даже мало. Но почему-то Андрей чувствовал, что ему нужно покинуть столицу именно через неделю. Что это было? Предвидение? Или же опыт человека, много лет находящегося на нелегальном положении? Кто знает... но он знал, что про него не забыли, что погоня идет по пятам. Кто это мог быть? Люди графа Баданского? Или же адепты исчадий? Не так уж это и важно. Но чутье зверя подсказывало: уходи. Уходи!

Федор и Алена срочно укладывали имущество, готовясь к поездке, вздыхая и сопя. Дом продали – с потерей в цене, тому же Симону. Считай, за полцены. Тот был очень доволен.

Сходил Андрей и на базар, посмотрел на исчадие, насылавшего порчу. Это было в последний день перед Ночью длинных ножей, как он потом ее называл.

Он вошел в храм исчадий, настороженный, как зверь, идущий по опасной тропе. Стояли обычные урны для сбора средств – все подходило, клали туда монеты. На стенах храма исчадий висели обычные их «иконы» – какие-то страшные лики, вернее – морды. Исчадие в красной хламиде сидел в кресле на возвышении и следил, как прихожане делают подношения, иногда подзывая кого-то из толпы и что-то им говоря. Андрей прошел к ящику для подаяний и бросил в него серебряник – меньше не было, а идти специально разменивать неохота. Он повернулся уходить, увидев то, что хотел увидеть, когда неожиданно исчадие его окликнул:

– Эй ты, иди сюда!

– Я? – Андрей недоумевающе поглядел на исчадие.

– Ты, ты. Сюда иди.

Андрей подошел и уставился в лицо исчадия. Это был мужчина лет тридцати, с толстыми, слегка выпяченными губами. Глаза белесые, навывкате, цепкие. Длинные волосы – редковатые, ухоженные и чистые. Почему-то бросилось в глаза – испарина на лбу. Чего вспотел? В принципе в храме было сильно натоплено. Рядом алтарь – Андрей с отвращением увидел бурые потеки и почувствовал сладковатый запах тлена, его чуть не

передернуло. Сдержался и стал ожидать слов исчадия. Тот помолчал и подозрительно осведомился:

– Кто такой? Откуда? Я тебя раньше не видел. Купец? Чем торгуешь? Что-то твоя физиономия мне подозрительна. Не пойму, где я тебя видел?

– Лошадьми хочу торговать, сам с юга, – спокойно ответил Андрей. – Вот смотрю, узнаю, какие цены. Только что приехал в город. А что, случилось что-то?

– Тебе-то какое дело? Я спрашиваю, ты отвечай, – холодно отбрил исчадие. – Что-то в тебе такое... неправильное. Какая-то дрожь у меня от тебя... Ну-ка, пошли за мной!

– Куда? – напрягся Андрей.

– За мной иди, говорю! Раскудахтался! Проверим тебя... может, ты боголюб скрытый.

Исчадие встал и, не оглядываясь, пошел к небольшой двери за алтарем. Чтобы войти в нее, надо было наклонить голову. Над дверью находился рисунок – Саган попирает Светлого Бога, пронзая его здоровенным кривым ножом. Похоже, каждый входящий волей-неволей должен был преклонить голову перед великим Саганом. Андрей усмехнулся про себя: глупость и пафос. Внешне можно и прогнуться, а кто следит за прогибанием внутри?

За дверью оказалась довольно большая комната – с алтарем и широкой кроватью посередине. Простыни измяты, и валялись чьи-то трусы – явно женские, с кружавчиками. «Тут, видать, и пользуется своих прихожанок этот адепт», – подумалось Андрею. Ему стало противно, и монах отвел глаза от этого предмета интерьера.

– Сюда иди! – Адепт подошел к большому перевернутому распятию, где вместо бога была распятая женщина, в которую Саган вонзает нож. – Целуй крест!

Андрей посмотрел на распятие – оно было в темных пятнах. Потом посмотрел на адепта и тихо сказал:

– Пошел на...

– Боголюб. Так я и знал. Я вас, паскуд, за версту чую. Братья мне всегда говорили: Хедран, у тебя чутье, как у зверя! То-то ты так косился на лики Сагана, тварь. Ну что же – умри, тварь! – Он направил на Андрея палец и с торжествующей улыбкой замер.

Монах почувствовал, как серебряный крестик, который он держал в потайном кармашке на груди, в рубаше, ожег ему грудь. Андрей невольно поморщился – потом справился с собой и перевел взгляд на адепта Сагана. Тот вытаращил глаза, и его улыбка медленно сползала с лица.

Андрей шагнул к шарахнувшемуся мужчине и, прежде чем тот закричал или же схватился за лежащий возле распятия кривой нож, коротко и сильно ударил того в грудь. Хрустнули кости. Исчадие запрокинулось назад, упал, ударившись головой, и из его рта потянулась кровавая струйка. Андрей наклонился, пощупал пульс – адепт был мертв. Удар раздробил ему грудную клетку, и острые осколки ребер воткнулись в сердце.

Монах перевернул мертвеца и вытряс его из длинного красного плаща с капюшоном. Быстро надел плащ, огляделся – стоило бы обыскать комнату, может, деньги тут есть, в путешествии пригодятся. Деньги лишними не бывают. Потом передумал – времени мало, надо уйти, пока никто не пришел. Иначе будет большой шум, а ведь ночью акция. Обошел вокруг кровати, прикинул – ощупал матрас, приподнял его... ну да, под матрасом имеется полость, углубление. Подхватил труп исчадия, перетащил, накрыл матрасом, сверху небрежно бросил одеяло – вроде как скомканная постель, и все. Если кто-то заглянет – не сразу хватятся. Тем более что сейчас адепт «уйдет». Заметил на полу кровь – поморщился. Схватил полотенце, еще одно – вытирал, пока не осталось ни капли. Полотенца запихнул под одеяло. Все! Теперь валить отсюда.

Запахнул плащ, надвинул капюшон – лица не видно, особенно если наклонить голову. Плащ немного коротковат, но ничего, сойдет. Выглянул в дверь – две женщины кладут подношение. Вышли. Больше никого. Быстро выскочил из укрытия, пересек храм и вышел на улицу. Прохожие шарахаются как от чумы – исчадие, лучше его не трогать, а то убьет или проклятие напустит. Никто не смотрит в глаза. Не старается увидеть лицо. Главное – «своих» не встретить, те живо заинтересуются, куда спешит коллега. Завернул за угол, бросился в кусты. Скинул хламиду, свернул, засунул под корень гнилой березы. По кустам прошел вдоль базарного сквера, осмотрелся – вдали какие-то прохожие, но все тихо. Получилось удачно – хотел исчадие утром грохнуть, после того как разберется с делами, а вон как получилось. Все, что Бог ни делает, – к лучшему. Воистину так.

Теперь исчадия не скоро хватятся – если только он не должен был вечером служить службу... черт! А ведь должен. У них же в двенадцать ночи служба! Ну и чего теперь? А ничего. Может, проскочит, а может, нет. Что теперь – целовать окровавленные богомерзкие деревяшки? Нет уж. Нет. Точка. Что вышло, то и вышло.

Извозчик за серебреник домчал его в трактир. Там Андрея встретила привычная уже суета, хлопоты. Шанти сопела, развалившись поперек кровати. Пусть спит. Сегодня будет тяжелая ночь.

Особняк – темный, но во дворе какое-то шевеление. Сторож ходит? Андрей замер в тени дерева и задумался: хозяин дома – подонок, да, а слуги? Чем виноват этот сторож? Извечная проблема – «ты виноват лишь тем, что хочется мне кушать». Увы, если придется убить – значит, убить. Вариантов нет. А у него семья... а у него дети. Выругал себя – стареет, что ли? Раньше о таком не задумывался. Убивал, и все. Теперь – семья, дети... того и гляди, у самого семья заведется – может, потому так и расслабился? Выбросил лишние мысли из головы и сосредоточился на задаче: проникнуть в дом, найти хозяина особняка, уйти без шума.

Разделся, сложил вещи под дерево – крестик оставил дома, в трактире («Дома?! Ничего себе... м-да... Дом...»). Боялся, что придется бросить вещи, потому и оставил.

Время идет, уже за полночь – самое то для тайных операций. Уже разоспались, а до утра далеко. Помчался Зверем вокруг дома – не может быть, чтобы нигде нельзя было войти. Бесполезно. Забор метра четыре высотой, с острыми пиками наверху, но хуже всего запах собак и топот лап по земле – они на ночь спускают собак. Убить псов не сложно, а шум? Будет столько шума, что безболезненно не уйдешь.

– Готовься. Заберешь меня через пять минут возле дерева.

– Хорошо, я готова. – Голос Шанти спокоен.

Встал у дерева, приготовился – накрыла огромная тень, цепкие лапы схватили поперек туловища (он снова перекинулся в человека), потащило вверх.

– Балкон видишь? Туда давай.

Шанти громадной летучей мышью зависла над домом. Ее крылья работали как у бабочки, она висела в воздухе – много, очень много тренировок, много усилий, но если медведя учить, он на мотоцикле сможет ездить. Отпустила, Андрей прыгнул на широкую площадку, опоясавшую фасад с улицы. Видимо, тут гуляли, дышали воздухом, переходили по этому балкону вон на ту площадку над садом – вероятно, завтракали или пили чай в виду фонтана, теперь затихшего. В голову лезет всякая ерунда – как они тут фонтан запитали, если нет двигателей? Ручные насосы? Криво усмехнулся – надо же, о чем голова задумывается в самый ответственный момент.

Подошел к двери, ведущей в дом, – довольно мощная, но ничего особенно страшного. Тихонько нажал... еще... еще... в господском доме точно не применяют здоровенные засовы, как у городских ворот. Запор лопнул, не выдержав напор человека, и дверь распахнулась, впустив осенний ветер в большой зал. Прикрыл дверь, кое-как приладил на место

запор, лишь бы дверь сама не раскрывалась и сквозняком не колыхало занавески – демаскирует. Хоть прислуга и спит, но... на всякий случай.

Пол паркетный, натертый и... теплый. Система труб под полом, приятно наступать босыми ногами. Коридор длинный, просто длиннющий. Немного растерялся – где искать негодяя? Где он спит? Где спальня? Прошел мимо ряда дверей... стоп! Отпрыгнул в нишу. Пост! Солдат стоит! Хм... важный чин, командир дивизии – это тебе не простой дворянин. Поставили пост. А где ставят пост? У самого важного объекта. Где ночью самый важный объект?

Солдат с саблей, в полном вооружении – кинжал, кираса какая-то, шлем на голове смешной, чем-то напоминает древние конкистадорские. Древние? Это Андрею древние, а тут в самый раз. Увы, солдат, ты оказался тут не в то время... Медленные-медленные движения, как будто кошка подкрадывается к добыче. Встал в нише, закрытой занавесью, готовясь к броску, и вдруг замер – шаги!

– Пост сдал! Без происшествий.

– Принял. Иди хлебни пивка на кухне.

Сменившийся вместе с разводящим офицером ушел вниз по лестнице.

Посмотрел на затылок часового – не повезло ему. Удар сзади – то ли шею сломал, то ли просто вырубил. Скорее всего, наповал. Толкнул дверь – поддалась, но за ней оказался тамбур. Прикрыл первую, толкнул вторую – есть! Комната в шелках, ковры, посередине кровать под балдахином. Опустил часового на пол – тащил его с собой. Отсутствие часового на посту лучше, чем труп возле дверей. Подошел к кровати, всмотрелся в лежащего. Спит не один – девка какая-то. Что не жена – это точно. Ей лет семнадцать максимум, а рядом валяются шмотки то ли кухарки, то ли швеи – не дворянские шмотки. Подумал, схватил девку за горло, секунда, две – рот зажат, пытается мычать что-то... наконец обмякла в обмороке. Хорошо. Не убил – уже хорошо. Мужчина встрепенулся, сел в постели, пытается всмотреться в темную фигуру возле кровати, протянул руку к звонку... Удар в челюсть – обмяк, упав на спину. Подошел, всмотрелся в лицо, изучая. Да, он. Только более холеный, сытый и гораздо старше. Слегка за сорок. Спит в длинной рубахе и колпаке на голове. Натянул ему колпак на глаза, забил кляп, связал руки разорванной простыней, связал ноги – вдруг очнется – чтобы не брыкался. Легко поднял, как мешок с сахаром, и положил на плечо. Прислушался – пока тихо.

Быстрым шагом прошел к двери, приоткрыл, прислушался к происходящему в доме. Все спокойно. Пробежка по коридору к балкону, вышел:

– Готов. Забирай меня и груз. Осторожнее.

– Поняла.

Шанти налетела из темноты, зависла над балконом, и тут откуда-то снизу послышался крик:

– Демон! Демон!

В доме зашумели, закричали.

– Цепляй скорее! – Андрей обхватил свою жертву обеими руками, наклонился и приготовился к захвату. Рывок, даже в глазах потемнело – драконица захватила его с налету. Снизу полетели стрелы – часть ударила в чешую Шанти, не оставив на ней и царапины, часть чудом миновала жертву, одна стрела пронзила Андрею бок, и по бедру потек ручеек крови, тут же запекшийся на ветру.

– Ранен? – Испуганный голос Шанти.

– Плевать! Нормально все! Лети к конюшне.

Проплывает под ногами город, рвет болью бок, холодит встречный ветер... кажется, что полет никогда не закончится. Прошло всего-то десять минут от силы, а кажется – часы. Приземлились за конюшней, Андрей выпустил пленника. Тот еще без сознания. Бьет дрожь – больно и холодно. Сломал стрелу, вырвал из бока. Вроде как жизненно важные органы не задеты, но больно ужасно. Перекинулся, потом назад – все, слава богу, здоров. Достал из-под камня заранее приготовленные ключи, отпер дверь. Шанти скользнула вперед – уже маленькая, снова кошка. Подхватил пленника, втащил в конюшню, отволол в дальний угол и положил в денник. Дверь в конюшню закрыл, пошел в помещение для конюхов. Хорошо, что сообразил оставить тут комплект одежды, иначе так бы и разгуливал по холоду голышом. Вначале ведь как планировал – забраться в особняк в виде Зверя, но, когда увидел, что это практически невозможно, пришлось сразу действовать Шанти.

После того как оделся, Андрей вернулся к стойлу, где лежал пленник. Он уже шевелился – Андрей бил только для того, чтобы оглушить. Взял заранее приготовленный масляный светильник, чертыхаясь, зажег его, используя кресало, – это потребовало почти столько же усилий, сколько похищение аристократа. Наконец зажег. Подвесил, прицепив за перегородку. Потом посадил мужчину к стене, снял с него колпак и вынул кляп. Тот очумело мотал головой, таращил глаза, потом его взгляд стал осмысленным, и он спросил:

– Ты кто? Шпион Балрона? Как смог меня похитить? Из-под охраны? Я готов заплатить за свою жизнь. Скажи, сколько? Мы договоримся. Или могу работать на Балрон – передавать сведения. Пощади!

Лицо аристократа перекопилось от страха, в глазах метался ужас. Он смотрел на незнакомого мужчину и на сидящую рядом с ним кошку, и видно было, что все больше и больше впадает в панику.

– Кто ты? Что ты хочешь? Скажи мне, и я все сделаю! Почему молчишь?

– Вспомни – восемнадцать лет назад, трактир, девчонка лет двенадцати. Ты и твои дружки ее изнасиловали и бросили изуродованную. Думали, что она мертва. Вспомнил?

– Не знаю никакой девчонки!

По глазам сразу было видно – врет. Андрей сильно ударил его ногой в бок, что-то хрустнуло. «Два ребра как не бывало», – подумал Андрей.

– Еще раз задаю вопрос: помнишь ту девчонку в трактире, восемнадцать лет назад? Ты и четверо твоих дружков насиловали и издевались над ней несколько часов, разбив голову ее отцу. Вспомнил?

– Помню... только это не я голову отцу разбил, это Луан. А Сирд был первым на девчонке, он и предложил запереть трактир и как следует повеселиться. Я только третьим был... Я не делал ничего, так, слегка позабавился! Я был сильно пьян!

– Вас потом искали власти – как вы смогли уйти от ответственности?

– Наши родители очень влиятельные люди, они откупились от стражи и от суда. Послушай, она же осталась жива, я же знаю! Я готов заплатить столько, сколько ты скажешь! Я компенсирую!

– И здоровье ей вернешь? И годы, прожитые без детей? И отца ее из могилы поднимешь? Если бы не вы, он бы еще жил и жил. Тебе не кажется, что хватит уже коптить небо?

– Пощади! У меня дети! Жена! Я нужен государству!

– А когда насиловал девчонку, ты думал о ее будущих детях? Вы изувечили ее на всю жизнь! Хватит болтовни. Еще слово, и я сломаю тебе пару ребер. Отвечаешь только на мои вопросы. Если понял – кивни.

Аристократ с готовностью кивнул, и Андрей начал допрос. Через полчаса он уже точно знал – сведения Симона верны и время на слежку за объектами потрачено не зря. Все те, кто указан в списке, были виновны, и именно их он искал.

Андрей снова завязал рот пленнику, привязал его к системе блоков, чтобы руки были вытянуты вверх и двинуться тот не мог. Затем отправился за остальными.

Понадобилось около четырех часов, чтобы собрать всех. По часу на каждого. И это при том, что такой охраны, как у первого, у них не было. Обычные слуги-сторожа. В двух местах его обстреляли, правда,

безрезультатно. Сирд оказал сопротивление – он даже спал с саблей. Крепкий боец, но не против Андрея. Тот выбил у него саблю, удар в солнечное сплетение – и мужчина обмяк.

Под утро все было готово.

Шанти осталась в конюшне следить за пленными – Андрей подвесил их за руки так, чтобы они стояли и были на расстоянии двух метров друг от друга. Они могли видеть, слышать товарищей по несчастью, но коснуться их не могли. Оставить их под охраной драконицы было совершенно безопасно – никто не смог бы войти в конюшню безнаказанно, пока она стояла на часах.

Андрей вышел из помещения. Посмотрел на небо – оно было черное, рассвет должен наступить часа через два-три, так он прикинул. Время осеннее, так что ночи длинные. До рассвета он должен уйти из города. Постучался в трактир, потом еще раз, сильнее, – вышел заспанный кухонный мужик Гитан, очумело вытаращил глаза:

– Ты чего, не ночевал, что ли? А я думал, ты с хозяйкой.

– Не запирай. Мы сейчас с ней сходим кое-куда. Коммерческие дела.

– Ладно. – Гитан недоуменно пожал плечами.

На его лице читалось: какие коммерческие дела в пять утра? Но он ничего не сказал, подумав, что у богатых свои проблемы – пусть их и решают. А он спать пойдет. Взяли дурную привычку шастать по ночам.

Олра спала, разметавшись на постели, и была такой домашней, такой родной, что у Андрея защемило сердце. Он сменил рубаху, положил к сердцу крестик, надел куртку. Еще раньше он переправил свои рюкзаки – один с вещами, другой с драконьими чешуйками – в фургон Федора. Его друзья выехали вечером и должны были ждать его километрах в десяти по тракту на юг, разжечь костер – как и тогда, когда он убегал из Нарска. Только тогда он уходил по канализации, а теперь... теперь его способ бегства был гораздо экзотичнее.

– Олра, вставай! Олра! – Он тихонько потряс спящую женщину за плечо, и она вскинулась, с недоумением глядя на одетого Андрея.

Потом ее лицо изменилось, сонные глаза распахнулись, и она убитым голосом спросила:

– Все-таки уходишь?

– Да. И хочу, чтобы ты ушла со мной. А сейчас собирайся! Будет тебе сюрприз, который я обещал.

– Какой сюрприз? Я так не хочу, чтобы ты уходил, вот это был бы лучший сюрприз, если бы ты остался...

– Собирайся, пожалуйста! У меня мало времени. Ну! Скорее, скорее!

– Сейчас... сюрприз тут или куда-то надо идти?

– Идти. Оденься потеплее, на улице ветрено и холодно.

Через пятнадцать минут они вышли из трактира, Андрей огляделся по сторонам – ни души. Идти было довольно далеко, и он все время потираливал подругу. Та недоуменно хмурилась, но молчала, доверяя мужчине безоговорочно. Андрею было приятно, что она не раздумывая пошла с ним куда угодно, посреди ночи, в холод, ветер, дождь, не спрашивая, куда он ее ведет. Наконец через час, перед рассветом, они оказались в конюшне.

Олга глубоко вздохнула, успокаивая дыхание после долгой беготни – они почти бежали всю дорогу, – и, улыбаясь, спросила:

– Ну и где твой сюрприз?

В конюшне было темно, и она не могла рассмотреть, что там находится. Андрей снова начал процедуру по разжиганию фонаря, Олга, посмеиваясь, отобрала у него кресало, и через минуту фонарь снова горел. Женщина прибавила пламени, отдала светильник Андрею.

– Показывай твой сюрприз! Что-то ты вконец заинтриговал меня!

Андрей взял Олгу за руку и повел в дальний конец конюшни. По мере того как они подходили к стоящим на полу, подвешенным за руки людям в исподнем, выражение лица женщины менялось – от предвкушения удовольствия до непонимания, растерянности и ужаса.

– Что... кто это? Зачем ты меня сюда привел? – Олга была близка к панике.

Андрей обхватил ее за плечи:

– Тихо. Успокойся. Это те, кого ты мечтала увидеть восемнадцать лет. Те, кто убил твоего отца. Те, кто изувечил тебя.

– Не может быть... – Голос женщины был тихим и усталым, как будто она заново проживала всю свою жизнь.

Олга не глядя взяла из рук Андрея фонарь, подошла к первому и стащила с него колпак, затем сорвала повязку, закрывающую рот. Андрей сразу предупредил:

– Кто сейчас крикнет, выколю глаз!

Он достал кинжал и демонстративно стал чистить им ногти.

Олга сняла повязку со второго, с третьего... пятого... Долго всматривалась в их лица, потом хрипло прошептала:

– Да, это они...

Она еще минуту молчала, потом всхлипнула, опустила на пол фонарь и, вытянув руки с загнутыми, как когти, пальцами, подошла к одному из своих мучителей – Сирду. Ее лицо было белым, страшным, как у горгоны

Медузы. Олра всхлипнула и с силой вонзила ногти в лицо подонка, опустив их сверху вниз и сдирая кожу полосками. Он закричал, Андрей поморщился – впрочем, тут же подумал, что все равно особо никто не слышит, это не тот город, чтобы тут бежали на помощь, – и успокоился.

С лица негодяя свисали кровавые лохмотья кожи, и Шанти с уважением заметила, что у подружки Андрея когти как у драконицы. Олра тяжело дышала, глядя в лица насильников, подвывающих от ужаса, и молчала.

– Возьми. Делай с ними что хочешь. – Андрей вложил в руку женщины кинжал, и она недоуменно на него посмотрела.

Потом подошла к Сирду и без размаха, неуклюже, неумело ткнула его в живот раз, два, три, пять... Она била его и била, била и била, пока живот мужчины не превратился в сито. В конюшне отвратительно запахло дерьмом и кровью. Двое подонков потеряли сознание, глядя на расправу, а еще двое лихорадочно что-то бормотали, обещали, молили, плакали. Наконец Олра остановилась, тяжело дыша и всхлипывая, непонимающе посмотрела на дело рук своих, на кинжал, зажатый в руке. Разжала пальцы, и клинок упал, воткнувшись в пол конюшни. Потом отбежала в сторонку, и ее долго и тяжело рвало, со стонами и вскриками. Андрей подошел к ней, Олра отрицательно мотнула головой:

– Не могу. Больше не могу!

Андрей кивнул, понимая – убить человека очень непросто. Он помнил первого, которого убил. Не в бою. Это был почти мальчишка – он выскочил из дома, когда они проверяли один аул. Он нажал на спуск, но забыл снять автомат с предохранителя – это уже после определили. Это спасло Андрею жизнь. Очередь из автомата разрубила парня пополам. И Андрей также отбежал в сторону, и... полоскало его крепко. Потом уже привык к мертвецам – своим и чужим.

Монах поднял кинжал, подошел к ближайшему насильнику и косо, под ребра, воткнул клинок прямо в сердце. Потом второму, третьему... через полминуты все были мертвы. Олра стояла как мертвая, бледная, будто статуя из мрамора, и наблюдала за ним. Андрей вытер клинок об одежду одного из мертвецов, вложил в ножны и, подойдя к Олре, взял ее за руку. Женщина вздрогнула, и ему показалось, что ей ужасно хочется отдернуть руку, что ей стало неприятно. Андрей горько усмехнулся и опустил руку.

– Пройди в помещение. Там есть скамьи, посиди, я сейчас тут приберу и отведу тебя домой.

Олра безжизненно кивнула и побрела к открытой двери помещения для конюхов. Андрей обрезал путы, мертвецы свалились на пол, и он, взяв

в каждую руку по труп, как трактор, потащил их в сторону выхода. Он еще днем приметил люк канализации и заранее его приоткрыл, чтобы потом легко поднять крышку. Через пятнадцать минут все пять трупов были сброшены в подземелье, и Андрей вернулся за Олрой.

– Пойдем. Все готово.

Женщина вышла, неосознанно стараясь не коснуться Андрея даже рукавом, и пошла вперед. Проходя мимо пятен крови на полу, она вздрогнула, заторопилась, зажав рот, но справилась с собой и, выскочив из конюшни, стала жадно вдыхать утренний воздух. Андрей закрыл конюшню, положил ключ под камень, и через минуту они шагали в сторону трактира. Теперь подгонять Олру не было нужды – она неслась, будто за ней гнались все демоны ада, хотя позади был всего лишь Андрей. Дошли быстро, Олра замерла на минуту на пороге трактира, и Андрей грустно сказал:

– Давай прощаться? Ты приедешь ко мне в Анкарру? Я буду тебя ждать.

– Мне нужно подумать. – Олра опустила глаза и, когда Андрей попытался ее поцеловать, слегка отшатнулась. Ее щека была твердой и холодной.

Андрей в последний раз окинул ее взглядом и сказал:

– Прощай.

Больше не оглядываясь, он сбежал с крыльца и уже вдалеке услышал, как хлопнула дверь трактира, закрывшись за его любовью.

Андрей ушел подальше, чтобы никто не видел, как он взлетает с Шанти, и не связал с трактиром. Опять дуэльная площадка – серое осеннее утро, Шанти, молчаливая и мрачная. Захлопали крылья, унося друзей в небо, и вскоре город остался внизу – с его исчадиями, с его людьми, плохими и хорошими, с осенними парками и замерзшими возчиками, стоящими у городских ворот в ожидании, когда их впустят в Гаранак.

Глава 7

Небо серело, хотя темные облака закрывали небосвод толстой периной. Утро медленно, но верно теснило ночь, отгоняя ночные страхи, волнения и темные мысли. Андрей покачивался в лапах Шанти, ему было немного неудобно, теснило в груди, и он вздохнул, поглядывая вперед, где как путеводный маяк реял огонек костра друга. Его душа болела, щемило сердце – почему так всегда бывает? Почему ему не везет, и он, как настоящий монах, вынужден всю жизнь оставаться один, без семьи, без любимой женщины? Он как будто проклят судьбой.

– Не переживай, – вдруг вмешалась Шанти, – я же чувствую, что ты сильно расстроен. Ну не получилось с этой самкой, получится с другой. Зачем ты сжигаешь себя?

– Я ведь хотел как лучше. Она сама сказала, что убила бы их страшной смертью. Я хотел сделать ей подарок. А что вышло? В ее глазах я теперь хладнокровный убийца, монстр! Если раньше она лишь о чем-то догадывалась, то теперь увидела меня в действии. И правда – а кто я такой? Монстр и есть. Монстр!

– Ну коли уж на то пошло, если кто из нас и монстр, так это я, – усмехнулась драконица. – Так люди нас зовут, да? Что касается Олры – дура она. Надо было вцепиться в тебя и не отпускать! Если бы ты был драконом, да я бы тебя ни на шаг не отпустила, а всем другим драконицам оторвала хвосты! Мы бы с тобой оплодотворили яйцо, и не одно. Плюнь ты на эту самку, не стоит она твоей печали. Перестань – а то я чувствую твою тоску и сама расстраиваюсь. А если я расстраиваюсь, то делаюсь несносной, злой, нервной. Я не хочу быть злой. Все эти дни я чувствовала, что тебе хорошо, что ты счастлив, и мне тоже было хорошо. Ты разве не чувствуешь протянувшуюся между нами нить? Так бывает только у близких родственников – у братьев, сестер, родителей и детей. Я тебя чувствую на расстоянии многих километров. Помнишь, моя мать прилетела к нам? А как нашла? Не задавался этим вопросом?

– Честно говоря, нет. – Андрей удивленно приподнял брови и посмотрел на проплывающий под ними осенний лес, сбросивший листья под мелким дождем.

– Это драконье чутье – мы видим, как на карте, тех, кто нам дорог, к кому протянулась ниточка.

– Ясно. Это как будто на экране навигатора... интересно,

действительно интересно.

– Кстати, ты знаешь, а у меня ведь слюнные железы почти выросли за эти дни! Я еще не пробовала ими пользоваться, но мне кажется, что у меня может получиться! – Ментальный голос Шанти был смущенным. Это было похоже на то, как если бы девочка сообщала, что у нее выросла грудь и она уже надевает лифчик.

Андрей усмехнулся и искренне сказал:

– Очень рад за тебя. Хотя у кого-то жизнь налаживается. Кстати, теперь мы всегда будем с хорошим костром! Как только прилетим, попробуем испытать на кучке дров.

– Тьфу на тебя. У тебя такое приземленное, такое людское отношение к таинству плевания! – рассмеялась драконица. – Попробуем. Мне самой не терпится. В городе ведь было некогда и негде – не палить же дома вокруг?

– А ты сейчас попробуй, – вкрадчиво предложил Андрей, – пока летим. Скоро на месте будем – я огонек уж давно заметил. Федя нас ждет.

– Сейчас... хм... почему и нет. – Шанти выдула из дырочки над пастью длинное облако желтоватой жидкости, распыленной в аэрозоль, и тут же добавила в нее из второй «ноздри».

Аэрозоль, соприкоснувшись с новой жидкостью, мгновенно вспыхнул, да так, что Андрея обдало огненными облаком, облако ударило и в Шанти, на мгновение закрыв ее от глаз «груза». Если бы не мокрые волосы и мокрая куртка, которая впитывала капли дождя, Андрей не избежал бы ожогов. А так куртка нагрелась, от нее шел пар, как и от волос, от которых к тому же отчетливо воняло горелым. Брови и ресницы высохли в мгновение ока, и их концы закурчавились.

– Ой, извини, – растерянно сказала Шанти. – И ты сам виноват! Кто подбил меня пробовать на лету? Облако отнесло ветром, и мы маленько погрелись.

– Погрелись? Мы погрелись! – Андрей стал смеяться, истерически, до слез, Шанти неуверенно подхватила этот смех, и так, смеясь и обсуждая происшествие, они долетели до костра-маячка.

– Наконец-то! – обрадовался Федор. – Алена с Настенкой спят, а я весь на нервах. Как там все прошло? Как Олра? Рада была отомстить подонкам?

– Не надо про Олру, – мудро заметила Шанти, взглянув на Андрея и стремительно уменьшившись в размерах. – Расстались они.

– Да? Ну вот... а я за них радовался, – огорчился Федор. – Ну что делать будем? Снимаемся? Кстати, а чего там за вспышка такая была в небе? Это не вы там чудили? Гляжу – как будто звезда сорвалась и летит! Думаю, неужто наши?

– Наши, наши, – задумчиво подтвердил Андрей. – Шанти у нас повзрослела, пробовала пускать огонь. Это не драконица, а целый вулкан. До сих пор от моей задницы пар валит. Давай-ка, Федь, едем отсюда, да поскорее – как бы погони не было. Чего-то нехорошо у меня на душе.

Они быстро потушили костер, забросав его мокрыми листьями и землей, отчего сразу пошел густой, сырой дым, заставивший их расчихаться, забрались в фургон – лошадей Федор не распрягал, и вскоре фургон уже гроыхал по твердому, каменистому тракту. Алена лишь на пару секунд проснулась, приветливо помахала Андрею рукой и снова уснула, накрывшись одеялами. В фургоне было тепло, ветра не чувствовалось, пахло какой-то едой, копченостями, пролитым вином – Федор, видать, опять прикладывался к неприкосновенному запасу и неплотно закрыл пробку. Андрей устроился впереди, улегшись поперек фургона, а Федор правил, сидя на облучке, одетый в непромокаемый, промасленный плащ. Он оглянулся на друга, на прижавшуюся к нему Шанти, которую Андрей накрыл полой куртки, и, ухмыльнувшись в пшеничные усы, сказал:

– Спите. Отдыхайте. Вам сегодня, видать, досталось. Потом поговорим.

Андрей благодарно кивнул, натужно улыбнувшись, и закрыл глаза. Сон не шел. Он все время думал и думал: почему так получилось с Олрой? Почему он вдруг стал ей противен? Ведь она сама говорила, что хочет найти и убить этих людей. И вот он осуществил ее мечту. Так почему, почему такое резкое отторжение? Почему она оттолкнула своего возлюбленного... отца своего ребенка? Или она увидела в нем то, чем он являлся на самом деле – безжалостного, хладнокровного убийцу, для которого убить человека легче, чем зажечь масляный фонарь? Что на самом деле произошло?

– Ну чего ты не спишь? – вдруг раздался у него в голове голос Шанти. – Ты переживаешь, и я не могу уснуть. Я же чувствую твою боль... Ты думаешь о своей самке? Угадала?

– Угадала.

– Хорошо. Давай поговорим. Давай выясним, почему вы с ней расстались. Я тоже хочу это понять. Ведь вы попрощались навсегда, правильно я поняла?

– Да. Навсегда. Я ей противен. Она меня боится. Разве ты не почувствовала этого?

– Ты тоже эмпат? Я-то почувствовала, но ты как это почувствовал?

– Для этого не надо быть эмпатом, – горько усмехнулся Андрей, – все

так очевидно...

– Но ты почувствовал, что она сама себе отвратительна? Что она злится и ненавидит и себя саму?

– За что?

– Тебе виднее. Но это так и есть. Может, за то, что ты заставил ее совершить убийство?

– Я не заставлял, – угрюмо ответил Андрей, – она сама этого хотела и мне говорила.

– И что? Говорила... – Шанти невесело хмыкнула. – Ты вроде такой старый, а глупы-ы-ый... Она женщина, мало ли что она говорила. Она, может, хотела произвести на тебя впечатление, показать, какая она сильная, какая жесткая. А на самом деле, когда убила этого негодяя, поняла, что убила человека. И кто в этом виноват? Кто вложил ей в руку кинжал? Кто заставил ее убить этого мужчину? Ты.

– Это что, я, значит, и виноват еще? Мне что, не надо слушать женских слов? Что-то ты загадками говоришь, моя дорогая подруга.

– Загадками? Но вы, самцы, никогда не понимали и не поймете женщин. Как говорила моя мама, иногда «да» у женщин значит «нет», а «нет» – «да». Ты не поймешь. Это поймут только женщины. У нас другая логика, и неважно, драконы эти женщины или люди. Теперь смотри, что получилось: она винит себя за то, что заставила тебя убивать за нее, и винит тебя за то, что ты оказался болваном и пошел у нее на поводу. И заставил ее убить. И вы виноваты оба, и она не хочет видеть тебя перед глазами как свидетельство своей вины, как свидетельство того, что она стала убийцей.

– Что-то сложно ты загнула. Такие переживания, что голова кругом. Впрочем, в твоих словах есть логика. Вероятно, что-то такое имело место быть. – Андрей вздохнул и легонько погладил Шанти по боку. – Спи. Постараюсь об этом не думать, чтобы не отвлекать тебя своими несчастными мыслями и переживаниями.

– Да ладно... переживай, – усмехнулась Шанти. – А лучше уснул бы ты тоже. Кстати, я бы перекусила хорошенько... но потом. Спать. Спа-а-ать...

Первый раз они остановились, проехав километров двадцать пять, ну если не считать остановок, чтобы сбегать в кусты. Федор нахлестывал лошадей, справедливо полагая, что лучше оказаться как можно дальше от столицы, пока им не поджарили зад. За это время Андрей и Шанти выпались как следует, горели желанием съесть быка, так что волей-неволей нужно было остановиться на обед. Сделали они это на постоялом

дворе, которые были разбросаны по всему тракту примерно в двадцати – двадцати пяти километрах друг от друга, так что проблем с питанием не было – были бы деньги. А деньги в этих заведениях очень любили, впрочем, как и в подобных заведениях на Земле. Андрей всегда удивлялся, почему стоимость того же пирожка в городе в два раза меньше, чем на трассе, и шиномонтаж на трассе в два-три раза дороже.

Так что цены на тракте этого мира были вполне столичные, заоблачные, что, однако, не особо беспокоило Андрея и его компанию – денег у них было много. Просто как-то неприятно чувствовать себя разводимым на деньги лохом, и все. Кормили тут не слишком разнообразно – еда как еда. Дичь – оленина, утки, глухари. Андрей, усмехаясь, обглаживал глухариную ногу и думал о том, что за такой обед в земном ресторане с него содрали бы бешеные деньги – как же, дичь. Здесь это выглядело так, как будто охотник вышел во двор и настрелял воробьев. Леса реально ломились от живности, и, когда фургон ехал по тракту, много раз наперерез выскакивали благородные олени, лоси, косули.

Пообедав и прикупив овсяных лепешек для лошадей, путники отправились дальше. Им предстояло преодолеть несколько сотен километров пути, через всю страну.

Дни шли за днями, дни за днями... ночевки на постоянных дворах, один и тот же ассортимент блюд, постельное белье разной степени застиранности. Тракт с пробитыми колеями и лужами, по которым хлопал тягучий осенний дождь. Впрочем, по мере приближения к границе Балрона становилось все теплее, хотя дождь и не прекращался. Федор пояснил, что в Балроне, а особенно в Анкарре, будет совсем тепло – это южная страна. И кстати, если бы не холода в Славии, ее давно бы завоевали. То, что не могли сделать бездарные полководцы этой страны, делали зимние морозы, уничтожавшие агрессоров. Правда, он тут же добавлял, что это такая версия, но она имеет право на существование. Так как он сам долго служил в армии и видел ее изнутри, всегда поражался идиотизму командиров и очень удивлялся – как это они выигрывали сражения? Скорее всего, выигрывали за счет упрямства солдат – когда солдаты упирались, крыли противника матом и никуда не хотели уходить. Андрей нашел такую позицию смешной, но заметил другу, что ему виднее – он-то сам не служил в армии Славии.

За это время Андрей узнал многое о тактике упомянутой армии. Как оказалось, таковой не было вообще. По крайней мере в последние десятилетия. После того как появились исчадия, тактика и стратегия была одна: выводят вперед исчадие, он проклиная противника, и у того бойцы

или падают мертвыми, или заболевают. Главная задача неприятеля была выбить исчадие – любым способом засадить им стрелу в глаз. Тогда все их колдовство завершалось.

В общем, вся тактика свелась к тому, что исчадия подавляли подразделения балронской армии и искореняли их колдовством, а балронцы охотились за исчадиями и делали им пакости, стараясь держаться вне зоны действия проклятий. Глупо, но эффективно. Так что извечная, можно сказать, тысячелетняя война застыла в вялом противостоянии. Когда она началась, кто развязал эту войну – никто не знал. Федор пояснил, что когда-то страна была одна, но в результате действий неких сепаратистов часть ее откололась и стала самостоятельным государством. Какая часть? А вот это было самое интересное – каждая страна утверждала, что именно она основная часть, а враг – потомки сепаратистов, и следует восстановить мировой порядок и объединить обе страны. На самом деле язык, обычаи обеих стран были практически идентичны, если не считать того, что в Славии были исчадия, а в Балроне нет. В Балроне, как только у кого-то проявлялись присущие исчадиям умения – проклиная, убивать словом, – его тут же уничтожали. Существовала специальная тайная служба, которая и занималась искоренением этой ереси, находила и убивала или захватывала потенциальных исчадий. Во имя церкви. Что-то вроде инквизиции.

Кстати сказать, церковь в Балроне была. В общем-то обычная церковь, где поклонялись Светлому Богу, и ее высшие представители принимали участие в правлении государством. Ни один император Балрона не мог быть коронован без участия высших иерархов.

Сейчас правил император Зарт Четвертый – тридцати пяти лет от роду, женатый, но бездетный. Он сменил уже трех жен, но дело как-то не пошло, и поговаривали, что его величество не может сделать наследника и пора прибегать к услугам конюха, если государство не хочет погрязнуть в войнах за престол, когда император сломает себе шею на очередной охоте или когда очередная жена, которую он обвинит в неспособности произвести дитя, подсыплет ему крысиного яда. Вот в общем-то и вся информация, что получил Андрей, информация о том государстве, в котором ему предстояло жить долгие годы, а может быть, всю жизнь.

Шанти то и дело улетаала охотиться. Она уже великолепно летала и часто возвращалась довольной, сытой и веселой. Андрей с ней больше не летал – как-то не было случая. Он, Федор и Шанти вели долгие разговоры о жизни, о людях, о драконах. Иногда их фургон обгонял караваны купцов, иногда их самих обгоняли верховые, спешащие по своим делам. В каждом

из них Андрей подозревал гонца, посланного передать приказ задержать его. Но до границы было еще далеко, так что скоро он выбросил это из головы.

– Наконец-то... видишь вон те две горы? Их называют Сестры, Первая и Вторая. Так вот, это уже Балрон. Граница проходит по этой реке, она называется Седр. Каменный мост, построенный непонятно кем и непонятно когда, и есть переход через границу. Пошлина – пять серебряников с человека, неважно, взрослые или дети.

– Круто, – хмыкнул Андрей. – За пять серебряников, помню, я работал как проклятый! А тут просто пройти через мост.

– Если пройти с грузом, товаром – еще больше. А ты как думал? Государство своего не упустит. Все ощупают, все визнают. Стойте в очереди – я пойду разведая, как там дела, пошепчусь с возчиками. Что-то до фи́га скопилось народу, глянь, впереди сколько возов – штук триста! Этак мы тут будем дня два стоять. Узнаю, в чем дело. Ален, ты сядь на облучок – от Андрюхи толку мало, он только морды бить умеет, а такое умное занятие, как править повозкой, не для него! – Федор весело подмигнул Андрею, слез с фургона и неторопливо направился к видневшимся вдалеке будкам КПП.

Андрей остался сидеть в фургоне – на всякий случай. Он верил в случайности, да, но предпочитал, чтобы их не было. Такое скопление людей на границе его беспокоило, и даже очень.

Федор появился через час:

– Слышь, Андрей, поговорил я кое с кем. Встретил охранников каравана, я раньше с ними ходил. Так вот, ищут тебя. Ну, не тебя, Андрея, а мужчину с черной кошкой на плече, который снимал конюшню. Ты, оказывается, агент Балрона, а значит, должен пробираться туда, выполнив задание по уничтожению влиятельных лиц государства и армии Славии.

– Как вышли на меня? Впрочем, и так знаю: нашли трупы, стали обшаривать местные дома и строения, нашли конюшню, нашли хозяйку, она описала внешность, сделали выводы, послали гонца – и дело сделано. Так?

– Так. Все точно. Внешность у тебя неприметная, но наша подружка заметна сразу. Но и тебя описали отлично. Баба оказалась глазастой, у них есть твой портрет. Всех, кто походит на тебя, хватают, допрашивают – допрашивают и их соседей. Кроме того, там исчадие сидит. Заставляют тех, кто подозрителен, кто похож на тебя, совершать обряд поклонения Сагану. Почему-то мне кажется, что ты откажешься целовать перевернутый крест с

демоном на нем. И тогда нам всем труба...

– Как обойти пост? Тут есть объездные дороги?

– Хм... дороги, конечно, есть – контрабандисты были и будут, но они, тропы эти, проходят далеко отсюда, русло реки в этих местах неприступно. Да и по тем дорогам с фургоном не пройдешь – только вьючные лошади, тропы такие скользкие, что переход доступен только летом или в сухое время года. Кроме того, верст на двадцать вдоль реки, особенно у бродов, все контролируется пограничными нарядами. Они тоже не дураки, знают, где можно перейти. Там, где броды, – всегда засады. А где засад нет – там обрывистые берега, бурное течение, особенно сейчас, когда река надулась от осенних дождей. Ты бы видел, как там несет все – бревна как былинки летят. Правда, сейчас вряд ли есть какие-то засады – тут только перелетать через реку, никакие броды не помогут.

– Летать, говоришь? – встрепнулся Андрей. – Скажи, а ускорить как-то прохождение таможенного поста можно?

– Можно, конечно. Но это привлекать к себе внимание. Пять золотых – и тебя в начало очереди. По крайней мере, такая такса была раньше. Но могут и заинтересоваться, почему ты спешишь, что у тебя за груз, начнут копать, почему это простая семья выкладывает такие деньжищи, чтобы скорее проехать в Балрон... на всякий случай начнут проверять... нам это надо? В связи с последними событиями...

– Понятно. – Андрей задумался, посмотрел на нахмуренных Федора и Алену, на нахохлившуюся под одеялом Настенку, на Шанти, безмятежно поглядывающую вдаль, и решил: – В общем, так: мы с Шанти сейчас уходим. Пойдем вдоль реки, найдем укромное место и махнем на ту сторону. Там есть где-то постоянный двор? Не очень далеко, но и не у самой границы – вдруг агенты исчадий толкнутся поблизости. М-да... все-таки они меня вычислили. Да это и ясно было, что вычислят в конце концов – трупы уничтожить я не мог, видно, какой-нибудь бродяга нашел, слухи пошли. А руки у трупов связаны, остатки веревок в конюшне на блоках, пятна крови на полу. Несложно. Знаешь, что я тебе скажу? При достаточной энергии, упорстве и финансировании любого можно найти. Если не находят тех, кто совершил преступление, значит, не хотели найти. Или оказались слишком глупыми для этого. – Андрей помолчал, размышляя о чем-то. – Когда приедем в Анкарру, поселитесь отдельно. И вам спокойнее – если что, на вас не упадет тень.

– И тебе лучше, – подхватил Федор. – Ты еще молодой мужик, может, найдешь женщину себе под стать.

– Перестань, – досадливо отмахнулся Андрей, – я думать об этом не

хочу. Женщину я найду, конечно, дочь Марка. Но и все. Помогу чем могу и займусь своими делами.

– Ладно... рассказывай, рассказывай, – усмехнулся Федор. – Летите. В двадцати верстах от границы постоянный двор. Вполне приличный, там большое село – Лебяжино называется. Вроде как из-за того, что там озеро и на нем лебеди любят селиться. Не знаю, как лебедей, но... в общем, женщин там разных много. Вдовушек! – Федор хмыкнул и покосился на Алену, прислушивающуюся к разговору. – Бывало, мы как туда заедем, так...

– Эй-эй, муженек! Так вот чем ты занимался в свободное от работы время! – послышался голос Алены. – Я тебе дам лебедей! Таких лебедей – забудешь, как гузка их выглядит!

– Да я ничего, – пожал плечами Федор, – мне и двух курочек хватает, зачем мне лебеди! Это я Андрюху наставляю на путь истинный.

– Ты наставишь... кто там опять бутылку доставал, а? Кто пролил вино – я все платье уделала! Федь, ну мы же с тобой договорились. Ну что ты как ребенок малый – никак не можешь удержаться, а? Ну как тебе не стыдно? Как ты можешь мне в глаза глядеть? Ну вот что ты за человек такой? Гляди вон, Андрюша и не пьет, и весь положительный – его даже драконы любят, а ты? Ну как тебе не стыдно?

– Ну что ты заладила! – рассердился Федор. – Не стыдно! Я что, не имею права глоток выпить? Для согревания и расслабления? Вот баба вредная, а? Ты видишь, Андрей, что творится? Вот стоит выпить глоточек – запилит до смерти. Может, я с вами полечу? Чего я это вот все слушаю?

– Ага. Полетишь, – ехидно парировала Алена. – Как двину сейчас, так и полетишь! Ребенка заделал – давай соблюдай семью. Говорю тебе: не пей! Ты уже не в том возрасте, чтобы здоровье гробить, чтобы пропивать свое здоровье. Вот случится что-нибудь с тобой, что я буду делать, а? С двумя-то детьми?

Алена начала шмыгать носом, Федор расстроился и, скривившись, сказал:

– Такое впечатление, что я собрался зарезаться, а не кружечку вина выпить. Интересно, все бабы такие? И ведь эта самая лучшая из них! Не считая Шанти, конечно. Шанти, давай я на тебе женюсь, а? Будешь мне давать выпивать?

– Да хоть упейся, – хмыкнула Шанти. – Мы, драконы, считаем, что каждый хозяин своей судьбы. Если ты считаешь, что тебе надо быть идиотом, одурманивать свою голову, не заботиться о семье, кто тебя может от этого отговорить? Только и яйца с тобой оплодотворять ни одна

драконица не будет. Кому нужны дети от идиотов?

– И эта туда же! – разочарованно махнул рукой Федор и выскочил из фургона. – У тебя деньги есть, Андрюх, или достать из тайника?

– Есть. Хватит нам на пару недель. А то и больше – смотря как тратить. Вряд ли вы дольше пары дней тут проторчите, так что не надо ничего доставать. Ну что, пока, Ален... Настюшка... увидимся! Мы ушли.

Андрей, посмеиваясь, похлопал сердитого друга по плечу, подмигнул ухмыляющейся Алене, потом взял в руки Шанти.

– Забирайся-ка ты мне под куртку. Чтобы не видел тебя никто, а то мало ли... раз уж ищут человека с черной кошкой. Кстати, не задумывалась, чтобы сменить обличье?

– Задумывалась.

– Ну и?

– Потом как-нибудь. Под куртку так под куртку... ты когда мылся последний раз?

Пересмеиваясь, Андрей и Шанти спустились с тракта к виднеющемуся внизу лесу.

Здесь царило почти что лето – зеленые кустарники, зеленая трава, сочная, отросшая под осенними дождями. Чем дальше путники двигались на юг, тем больше пейзаж приближался к субтропическому. Андрею он чем-то напоминал пейзажи Пятигорска – залесенные горы, заросшие густым кустарником скалы, озерца у подножия гор. Монаху и его спутнице нужно было отойти подальше, чтобы никто не смог увидеть, что они творят. Иначе слухи разнесутся не только по Славии...

Пришлось пройти не менее пяти километров, прежде чем они удалились так, чтобы тракта не было видно. Дорога шла вдоль подножия гор, над окружающей местностью, так что видимость, особенно в осеннем прозрачном воздухе, была невероятной. Если глядеть с дороги, тоже можно кое-что заметить – уж драконицу размером с лошадь точно, – но уловить масштабы, понять, что это такое, было невозможно. С дороги Шанти должна была выглядеть как какая-то птица в вышине, что-то вроде орла. Этого Андрей и добивался.

Перед тем как переместиться в Балрон, Андрей подошел к берегу реки – здесь она уже не гремела где-то далеко внизу, в глубине каньона, неслась возле ног, ворочая валуны. Прикинул – смог бы он перебраться через этот бурный поток сам, без дракона? Получилось – не смог бы. Даже в виде Зверя. Река была настолько бурной, настолько свирепой, что снесла бы и танк, если бы он вошел в этот брод. Кстати сказать, это действительно был брод – на той стороне виднелись давние следы повозок.

Андрей спустил Шанти с рук и сказал:

– Ну что, подруга дней моих суровых, опять мы с тобой вдвоем? Как и всегда. Куда ты пошла?

– Куда-куда... Тебе объяснить в подробностях?

– Хм... раньше ты не стеснялась делать это при мне. Чего это с тобой такое стало, а?

– Взрослею, наверное, – хмыкнула Шанти и вдруг замерла, повернув голову.

Замер и Андрей, глядя на выходивших из густых кустов людей в военной форме, в кирасах и шлемах. На поясах у них висели сабли, кинжалы, а двое держали арбалеты, направленные прямоком в грудь Андрею.

– Эй, ты чего тут болтаешься, возле границы? – Человек в куртке поверх кольчуги вышел вперед и скрестил руки на груди. – Что, хотел перейти реку? Мы за тобой давно наблюдаем. Груза нет, налегке, значит, не контрабандист, но переходить мост, как все, не желаешь. Лазутчик? Шпион? Ну-ка, вынь кинжал и брось его мне... только без резких движений, медленно, иначе получишь болт в брюхо.

– Господа, – начал Андрей осторожно и примиряюще, – мне бы не хотелось неприятностей. Позвольте нам уйти, и ничего не произойдет. Вы меня не видели, я вас не видел, давайте разбежимся, а?

– Гляньте – он идиот, что ли? Тебе чего сказали?! Снимай кинжал и становись на колени! Вязать будем. На посту разберемся, кто ты и что ты... Кстати, черная кошка мне о чем-то напоминает... ой, это не на тебя ли ориентировку давали?! Убийца-шпион? Да за тебя награда пятьсот золотых! По сто за каждого убитого тобой аристократа! Честно, парень, мне на них плевать, я сам этих богатеев не люблю, но ты слишком много теперь стоишь. А мне надо ростовщику отдать пятьдесят золотых, а Енга жена терзает, что он денег мало приносит, а Пирсу надо на его молодую девку – она деньги очень любит. Да и остальным денежки нужны. Извини, но ты наш кошелек, и мы тебя не отпустим. Впрочем, так и так бы не отпустили. А капитан молодец – послал заставы на броды! Голова! Говорит: беглец попытается обязательно проверить, можно ли обойти таможенный пост.

– Ты чего такой болтливый? – хмуро осведомился Андрей. – Считаешь деньги, не взяв кошелька? Ты еще попробуй возьми меня!

– Хм... да, но ты погляди – нас восемь человек, а ты один. Мы вооружены, в броне, с саблями – ты с голыми руками и сторожевой кошкой. Ага – сторожевой кошкой! – Человек расхохотался, и ему вторили все семь

солдат. – Рассчитываешь нас кошкой затравить? Ну хватит, парень, сдавайся. Я не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал. Мне придется всадить тебе пару болтов в руки и ноги, и ты все равно пойдешь с нами. Лучше бы ты был здоровым, шел сам – самому же приятно быть здоровым, правда же? Ну вот смотри: раненый ты будешь или не раненый – мы все равно тебя доставим на пост, только в первом случае ты понесешь ущерб, будешь мучиться, а результат ведь тот же. Шарс, пристрели его кошку – чего-то мы с ним слишком долго возимся. Надо, чтобы ты понял серьезность ситуации, а то мне кажется, ты недопонимаешь. Шарс, чего встал-то?

– Жалко кошку, командир. Она удачу приносит! Как бы нам свою удачу не пристрелить...

– Дай сюда, болван! – Командир стражников выхватил арбалет у подчиненного и навскидку пустил болт в Шанти.

Надо сказать, стрелять он умел. Металлический цилиндрок, пробивавший броню рыцаря как картонную, с силой ударил в бок не издавшей ни звука драконице и, отрикошетив, ушел в сторону, выбив искры из соседнего валуна.

Стрелявший вытаращил глаза, будто увидел морского змея, а Шанти, раздосадованная задержкой в пути, глуховатым граммофонным голосом громко сказала:

– Ну все, придурки! Он же вам предлагал, дебилы вы эдакие, разойтись миром! Теперь держитесь!

На глазах потрясенных стражников Шанти выросла в громадного черного кошана, а затем, замерцав, в дракона, во всем его ужасе и великолепии.

Драконица вскинула голову, и тут же из ее ноздрей вылетела огромная огненная струя, ударившая в людей. Они дико завопили, бросились бежать, а Андрей запоздало крикнул:

– Шанти, не надо – пусть живут!

– Да я и не собиралась их убивать, – засмеялась драконица, – я поверх них пустила струю, так, слегка макушки поджарила. Ну да, да, засветилась – да наплевать! Все равно нам отсюда улетать. А так бы пришлось их убить. Я же знаю, что без нужды ты убивать не любишь. Ну что, полетели? Сейчас я полюбуюсь, как они бегут... ага, как лоси! Смотри – свои железки побросали. Дай-ка я их слегка погоняю, чтобы думали другой раз, как драконов обижать!

Драконица с короткого прыжка взлетела и понеслась следом за убегающими стражниками, поливая огнем позади них и улюлюкая с вышины:

– Придурки, будете к незнакомым людям лезть? Будете стрелы в кошек пускать? Твари безмозглые! Ну-ка, быстрее, быстрее, а то сожгу!

Насладившись ужасом беглецов, Шанти, довольная, с чувством выполненного долга, подлетела к ухмыляющемуся Андрею и предложила:

– Ну что, пора нарушить границу?

Андрей кивнул, слегка наклонился... рывок! И вот он уже плывет над лесом, над бурной рекой, уходя все дальше в вышину.

Шанти держит крепко, вцепившись так, что у обычного человека, наверное, треснули бы ребра. Но даже оборотню трудно дышать, при всей мощи его могучих мышц. Когда Андрей прошлый раз попенял Шанти за такую могучую хватку, драконица резонно заметила, что, если он не хочет сверзиться с высоты и переломать себе все кости в теле, лучше помолчать и немного потерпеть. Андрей и заткнулся. Правда, как и тогда, во время полета он начал продумывать конструкцию специальной сбруи – что-то вроде сиденья на подвеске. Когда они подлетели к деревне Лебяжино, о которой говорил Федор, у него в голове имелась четкая схема, как надо сделать это сооружение для перелетов.

Стражники остановились метров через сто после того, как Шанти от них отстала. Они бессильно повалились на землю, и командир группы, отдышавшись, сдавленным голосом приказал:

– Никому ни слова. Услышу, что кто-то расскажет об этом деле, – зубы выбью и добыю перевод в задрипанную деревню, где вместо баб только овцы! Будете там границу охранять!

– Почему, командир? – не понял молодой рыжий парень, стряхивая с головы обгоревшие волосы. От него воняло паленой шерстью, как от туши свиньи.

– Потому, болван, что нам никто не поверит, а пройдет слух, что мы вместо службы нажираемся вина, и вообще – идиоты! – оборвал его другой стражник, мужчина лет сорока, с изборожденным глубокими складками лицом. – Командир дело говорит, парни! Молчим все! Ничего не видели, ничего не знаем. Не было никакого дракона. Все. Пошли наше барахло собирать, а то капитан из жалованья вычтет, да еще и выпорют.

– А дракон? – испуганно вытаращился рыжий.

– Он улетел давно, – хмуро ответил командир, вставая и отряхивая с себя землю и травинки. – И вообще, не было никакого дракона.

Стражники побрели к реке, постоянно поглядывая на небо, а командир думал о том, как несправедлива жизнь – вот они, деньги, казалось, уже звенят в кармане, и тут... Нет, несправедлива эта мерзкая жизнь.

– Вот что, сестренка, может, ты и вправду кого-то другого изобразишь? Что-то мы с тобой нарисовались слишком уж, а?

– А я не против. Даже забавно. А кого?

– Давай хорька? Существо мелкое, шустрое и в кармане сидеть может. Засунул тебя в карман, и спи там.

– Должна со стыдом признаться, что я плохо представляю, как этот самый хорек выглядит, – смутилась Шанти. – Кошку-то я хорошо представляю, мне мама рассказывала и показывала, а вот хорька...

– Да нет проблем. Лови картинки... хм... правда, я тоже плохо представляю его раскраску. Вот – коричневая, ага. Вот так. Нет... хрень какая-то... ты на кашку так похожа.

– Тьфу! Не хочу тогда быть хорьком! Чего ты из меня бегающую кашку делаешь? Может, у меня и дурной характер, но не до такой же степени?! Или ты считаешь – до такой?

– Извини, я виноват. О! Придумал. Ты будешь хорек-альбинос. Великолепно! Итак: нос розовый, глаза красные, а шерсть белая как снег. Все, отлично! Ух, ты и красотка!

Шанти и вправду была очень красива – белоснежная шерсть, глазки-бусинки. Теперь размером она была меньше кошки, так что легко помещалась в кармане куртки, куда с удовольствием и забралась, приговаривая, что достаточно сегодня носила Андрея, пусть теперь он носит ее.

Они приземлились в полукилометре от окраины деревни, где собирались дожидаться, когда к ним приедет фургон Федора. Приземлялись аккуратно, подходя к точке касания очень низко, над деревьями, укрываясь за неровностями рельефа. Если в Славии они и на шумели по полной, то тут надо было быть очень осторожными, если хотят в этой стране жить долгие годы. Честно говоря, Андрей не знал, куда бы он вообще делся, если бы его начали преследовать по обе стороны границы. Весь материк был занят Славией и Балроном, и были ли страны где-то еще – он не знал. И местные жители не знали. Они вообще очень мало интересовались тем, что не входит в круг их повседневных интересов. География не входила в их повседневные интересы.

Первым делом Андрей, после того как приземлился, торжественно надел на шею серебряный крестик на шелковом шнурке – хватит уже ходить нехристом, он теперь в стране, где верят в Бога. По крайней мере, он на это надеялся...

Церковь стояла посреди деревни – с золочеными куполами, белыми стенами – нормальная, приятная на взгляд церковь, без всяких там

перевернутых крестов и прочей гадости.

Андрей вошел в храм, вдохнув привычный запах ладана, воска, старого дерева икон, и на душе стало спокойнее – все-таки не совсем плохо в этом мире, раз церкви стоят, иконы висят, а священники служат Богу. Он постоял позади группы прихожан, слушающих проповедь настоятеля храма – там было что-то о терпении, о том, что надо встречать беды стоически и что это Светлый Бог посылает им испытания, чтобы потом поместить в рай. У Андрея в подсознании все время звенел звонок какой-то неправильности. Нет, тут сатанизмом и не пахло, скорее наоборот – прихожане были готовы растерзать всех попавшихся под руку сатанистов и тех, кто на них похож, – так следовало из проповеди священника. Может, это и прозвучало звоночком? Вера – это хорошо, но фанатизм – как-то не очень... Впрочем, решив не делать вывода по первым впечатлениям, он размашисто перекрестился в последний раз и, выйдя из церкви, отправился на поиски гостиницы.

Первая встречная женщина указала ему на двухэтажное здание метрах в пятистах от церкви. Гостиницу сразу было видно: возле нее стояло несколько запряженных лошадьми повозок – видимо, только что прибыли в село. Андрей поспешил к постоялому двору – ему пришло в голову, что он может и не получить крышу над головой, уж больно большое скопление телег возле крыльца. И как в воду глядел: после того как он заявил хозяину, что желает снять комнату, тот виновато развел руками:

– Два больших каравана зашли, все комнаты забиты. Хочешь, спи на конюшне. Или поищи в селе – там иногда женщины сдают комнату тем, кому не досталось места у меня. Извини, парень, что так вышло. Приходи обедать-ужинать – местечко найдем. Сегодня хорошие медвежьи отбивные с клюквенным соусом и пироги с олениной – пальчики оближешь.

С тем Андрей и вышел из гостиницы, заверив хозяина, что уж на ужин-то точно вернется. И на обед. До ужина еще было далеко.

Он с раздражением посмотрел на орущих и бегающих вокруг повозок с товаром возниц, отобравших его законное место в гостинице, и побрел обратно к церкви, решив отловить кого-то их прихожан и узнать, у кого можно снять комнату. Так-то он мог и на конюшне переночевать, да, но, имея в поясе сотню золотых и привыкнув спать в приличных условиях (Андрей с грустью вспомнил кровать Олры и ее саму), он не хотел скитаться по пыльным сеновалам и нюхать лошадиное дерьмо.

– Приветствую вас. Не подскажете, где можно снять комнату дня на два? – обратился Андрей к женщине, идущей впереди всех из церкви.

Она подняла карие глаза, как будто не могла понять, что он от нее

хочет, потом наморщила лоб и сказала:

– У меня можете и снять. Теперь у меня места хватает... Мне деньги нужны, детей кормить надо. Если пройдете со мной, я покажу вам комнату.

Андрей слегка удивился такому попаданию в цель, и неожиданно его тонкий слух уловил шепоток в толпе:

– Вот сучка! Мужа только успели похоронить, а она уже мужика подцепила! И симпатичный какой! Везет же этим шлюхам.

Женщина слегка сгорбилась и пошла вперед – Андрей за ней. Идти пришлось недалеко – до белого, чистого домика с крепким забором и широким двором. Тут чувствовалась мужская рука, вряд ли одинокая женщина могла бы так содержать хозяйство. Видимо, и действительно она только недавно схоронила мужа. На вид женщине было лет сорок – глаза красивые, но потухшие, лицо бледное, одежда неброская и неновая.

– Вот тут. Это наша с мужем комната была, спальня. Муж умер, так что я осталась одна. Я с детьми буду спать, а вы тут. Два серебреника в сутки, не много будет? В гостинице же вы больше бы отдали? Так ведь? Только вот мойни у меня нет... вернее, есть баня, но ее топить надо, а дров у меня нет, только для хаты. Ну так что, будете снимать?

Андрей внимательно посмотрел на женщину. Он чувствовал, как та боится, что клиент откажется, – видать, и вправду ее припекло с деньгами. Однако ему не очень хотелось спать в доме, где поселилось горе. Ощущение пребывания на поминках не оставляло его все время, что он находился в этом доме. Андрей немного подумал и спросил, просто чтобы что-то сказать:

– А дети где? Гуляют?

– Я к соседке отвела. Сегодня сорок дней мужу, мне нужно было сходить поставить свечку. А то соседи бы кололи глаза тем, что не соблюдаю обычаев. Да и отец Никодим уже спрашивался – надо, мол, на сорок дней заказать молитву, да свечей купить, да подношение церкви сделать. Последние деньги отнесла. Никогда не думала, что буду сдавать комнату... Вы не подумайте чего – дети у меня тихие, они не бегают, не кричат, спать не помешают. Будете отдыхать, никто не потревожит. Вы же ненадолго, да? На два дня, сказали?

– А от чего муж умер? – спросил Андрей, колеблясь и раздумывая о своем: надо бы предупредить трактирщика, что он живет у этой женщины, чтобы Федор, когда приедет, знал, где искать.

– Убили его. Нашли за околицей мертвым.

– И кто убил? – вскинул брови Андрей. – Разбойники?

– Нет. Зверь какой-то. У нас много лет время от времени случаются

убийства. И все убитые – мужчины. У нас много вдов. Отец Никодим говорит, что это село проклято, потому что мы мало верим, перестали посещать церковь, погрязли в грехе. Может, он и прав – мы истово никогда и не верили. Как все – свечу поставим, помолимся. Иконы-то у нас есть, да, вон они. Но чтобы целыми днями пропадать в церкви да постоянно туда подношения носить – такого не было. Вероятно, Бог нас за это и наказал. Ну да ладно, это наши проблемы. Так что, останетесь?

– Останусь, – немедленно решил Андрей. – Сейчас только схожу в трактир, пообедаю да и приду. – Он достал из кармана четыре серебряника. – Вот плата. Возьмите сразу. Я скоро вернусь.

Женщина нерешительно убрала деньги, а монах вышел на улицу. Было довольно тепло, он прикинул – градусов пятнадцать, не меньше. Сразу вспомнилась земная весна – видимо, погода навеяла воспоминания. Он любил весну – особенно ранний май, когда весь снег уже стаял, на улице днем тепло и солнечно, а ночью еще холодает («Майскими холодными ночами, отгремев, закончились бои...» – вспомнилась ему песня об однополчанах, о Великой войне). Вот и сейчас было похоже на май или конец апреля: выглянуло солнце и приятно грело кожу, пахло мокрой травой и землей.

Андрей расстегнул куртку и зашагал в трактир. Ему даже захотелось насвистеть какой-то мотивчик – вот что делает солнце после многих дней слякоти, грязи, дождя и ветра.

– Ну что, нашел комнату? – Трактирщик усмехнулся и налил очередному посетителю кружку пива. – У нас это запросто. И комнату предоставят, и еще кое-чего... только спроси. Обедать будешь?

– А можно с собой взять?

– Можно. Но придется оставить залог за горшки и миски. Принесешь – верну деньги.

– Без проблем. И корзину какую-нибудь, чтобы нести.

– Вина положить? Какой обед-ужин без вина! Особенно с вдовушкой... – Физиономия трактирщика расплылась в скабресной улыбке, и Андрею почему-то стало неприятно, захотелось вlepить ему пощечину и потребовать, чтобы он замолчал.

– Нет, – сухо ответил монах, – пива. Три кувшина. И давай чего получше из еды, и корзину побольше. Чтобы хватило подольше. Да, вот еще что... свежая печенка есть? Сырая? И молоко, мед?

– Есть, конечно. А чего ты с сырой печенкой будешь делать? – насторожился трактирщик и понимающе кивнул, когда Шанти высунула голову из кармана. – А! Ясно. Тогда две корзинки бери. С запасом

получится. Еще раз напомним: вернешь – залог возвращу.

Через двадцать минут Андрей, нагруженный двумя корзинами с продуктами, шагал туда, где он снял комнату. Когда подходил к дому, услышал чьи-то голоса: мужской – злой, раздраженный, и женский – высокий, дрожащий и возмущенный:

– Отстань! Не буду я с тобой! Еще когда муж был жив, я тебе говорила: не лезь ко мне! Жаль, что он помер, а то бы тебе морду набил!

– Что ты кобенишься? Без денег не хочешь? Твой муж был еретиком, он никогда как следует не веровал в Бога! Он пособник исчадий! Не зря он все время шастал в Славия. Контрабандист, говоришь? Никакой не контрабандист – агент исчадий он был! Не зря его Бог наказал – жизни лишил. Тебе за счастье приласкать по-настоящему боголюбивого человека, может, тебе твои грехи тогда простятся.

– Какие грехи, ты, сладострастник и негодяй?! Если ты церковный староста, так это не означает, что ты император всего, что вокруг! Пошел отсюда! Пошел!

Из ворот дома вылетел мужчина лет сорока, со слащавой физиономией, приятной на первый взгляд, но сейчас перекошенной, как у демона. За ним показалась женщина, лицо ее покраснело, а глаза метали молнии. Сейчас она меньше всего была похожа на забитую, придавленную жизнью неудачницу-вдовушку, которую Андрей встретил полтора часа назад. Мужчина злобно оглянулся, заметил Андрея, скривился и, сплюнув, сказал:

– Что, к блуднице стремишься? Блуд поощряешь? Все в аду будете, все!

Андрей нахмурился и шагнул к нему, человек отшатнулся в испуге и потрусил прочь. Женщина обессиленно привалилась к столбу ворот и, словно извиняясь, сказала:

– Достал уже. Церковный староста. Я ему отказала когда-то, а потом он все намеки делал, когда я уже замужем была. Муж его встретил, пригрозил, что башку оторвет. Тот напугался, отстал – так-то он трус, только наглый, слишком уж власть забрал. Отец Никодим пьет, на него все хозяйственные дела перевалил, а тот и рад стараться – все деньги, все подношения через старосту идут. Так-то отец Никодим хороший поп, но все позабросил. Ему удобно – староста денег соберет, настоятелю даст, сам поживится. А если есть деньги на вино и выпивку, чего беспокоиться. Совсем этот паук одолел. Ходит по вдовам... я точно знаю – многие уступают. Вот и ко мне подкатил. Да что мы стоим-то? Пойдемте в дом, пойдемте! Я комнату подготовила, все в порядке.

Комната и вправду была приличной – чистой, ухоженной, кровать широкая, чистые простыни, кувшин с водой, тазик. В доме не ходили в уличной обуви – хозяйка и постоялец сразу выдала тапочки, – так что и в кухне, и в гостиной было очень чисто и уютно. Печь пока не топилась – на улице тепло, да и Андрей подозревал, что денег на дрова у женщины не было совсем. Ему подумалось: как они вообще переживут зиму? Ну да, тут сильных холодов нет, но все равно совсем даже не жара.

– А дети где? – поинтересовался монах, усаживаясь за стол в гостиной и ставя корзины с продуктами на пол возле стола.

– Они у себя в комнате. У меня сын и дочь, пять и семь лет. Они очень тихие, не помешают.

Андрей присмотрелся к лицу женщины и удивился – ему казалось, ей далеко за сорок, но на самом деле ей было лет двадцать пять, а может, и меньше. Если только не смотреть в потухшие глаза...

– Ты не могла бы накрыть на стол? У меня в корзине продукты. И кстати, как тебя звать? А то как-то неудобно... Я – Андрей.

– Нерта меня звать, Андрей. Сейчас накрою.

Женщина быстро подхватила корзины, выставила горшочки на стол, достала из шкафа тарелки, ложки, кружку, красиво расставила перед Андреем и хотела уйти, но он остановил:

– погоди. Отнеси детям поесть. И сама присядь, поешь со мной.

– Неудобно... – Нерта сглотнула слюну. – Вы не должны за нас платить, это ваши продукты.

– Перестань, – поморщился Андрей, – не будь дурой, дают – бери. Иди отнеси детям и приходи – считай, это плата за то, что ты составишь мне компанию.

Женщина слегка вздрогнула, не сразу поняв, о чем говорит постоялец, потом кивнула и стала несмело отбирать по кусочку пирогов каждого вида и накладывать в миску немного гуляша с пряностями и овощами.

– Да бери побольше! – махнул рукой Андрей. – Я много купил, надо будет – еще куплю, деньги у меня есть, не пропаду. Бери, бери! Ты мне ничем не обязана, ничего от тебя не требую, просто посиди, поговори со мной, а то мне скучно.

Нерта уже более смело набрала в чашки пирогов, жаркого, гуляша и торопливо вышла. Вскоре на другой половине дома послышались радостные крики, и Андрей улыбнулся – все-таки приятно сделать доброе дело. Самому себе кажешься таким хорошим, таким славным – особенно когда тебе это почти ничего не стоит.

– Что, опять самку себе нашел? – деловито спросила выглянувшая из

кармана заспанная Шанти. – Надо бы подкрепиться. Что-то ты меня совсем голодом заморил.

– Кстати, может, слетаешь ночью на охоту? И сами поедим свежатинок, и женщине оставим? Да не моя она самка, просто жалко стало. Голодные, убогие... если могу помочь, почему и нет? Деньги у меня есть. Надо будет – еще заработаю.

– Ну-ну... – неопределенно хмыкнула драконица, скользнула из кармана на стол и фыркнула: – Где моя печенка? Я не хочу пироги и гуляш! Молока и меду хочу!

– Ой, какая красавица! Это ей вы печенки взяли? Я видала в корзинке. А я-то думаю – зачем?

– Ей, – усмехнулся Андрей. – Положи печенку в миску, хорошо? И еще молока и меда в мисочках поставь. Она у меня сладкоежка.

– Сейчас, сейчас! Ой, красавица. А можно, я потом ее детям покажу? Они будут в восторге!

– Она не любит, чтобы ее показывали. Впрочем, я потом спрошу.

Женщина весело рассмеялась шутке постояльца и, присев к столу, начала жадно есть. Андрей налил кружку пива, поставил перед ней, Нерта благодарно кивнула и, взяв кружку, отпила из нее холодной шипучей жидкости. Закашлялась, покраснев и засмущавшись, потом успокоилась и снова приступила к еде.

Андрей смотрел на хозяйку дома и думал о том, что всех, конечно, не пережалеешь. Но одно дело, когда человек попал в беду по своей вине, по своей глупости, и другое – когда он ни в чем не виноват, но оказался в такой беде, что ему и не снилось. За что? Почему? Бог испытывает? Кого любит, того испытывает? Андрею никогда не нравилось это выражение, это высказывание. С его точки зрения, гадости в мире творились не от Бога, а от Сатаны. И приспешники лукавого искусно выдавали его деяния за проявление Божьей воли. Можно спросить: а как же тогда с всеведущностью? Ведь Бог все знает, все ведает, так почему эти пакости творятся с его ведения? Андрей не знал этого. И для него это всегда было загадкой. Освенцим, Бабий Яр, Треблинка – почему Он попустил? Как это могло быть? Нет ответа.

Андрей встряхнулся, выбросил богохульные мысли из головы и спросил:

– Чем ты вообще живешь?

Нерта слегка вздрогнула, перестала жевать и, опустив глаза, спросила:

– Вам нужна женщина?

– Да нет, ты не поняла... – начал Андрей, и тут до него дошло. – Что, у

вас много женщин оказывают услуги приезжим?

– Многие, – хмуро пояснила Нерта, отложив кусок пирога. – Я не занимаюсь этим. По крайней мере, пока. Хотя, возможно, и придется. Вы хотите купить мои услуги?

– Даже и не думал, – искренне удивился Андрей. – А что, ты бы согласилась? И сколько это стоит?

– Две серебряника за час. Пять – десять за ночь. Так все берут. Если что-то... особенное – золотой за ночь. Или два.

– Это не деревня, это бордель какой-то, – пробормотал Андрей, отхлебывая пиво. Потом немного повысил голос и спросил: – А чем ты занималась до того, как муж умер? Что ты умеешь делать? Родители твои живы? Почему ты осталась одна, что, никого нет родни? Так же не бывает в деревнях.

– Детей воспитывала. А родители у меня померли – в реке утопли. Сирота я. Братьев-сестер тоже нет. Вернее, есть сестра, но она далеко, в Анкарре. Брат был – тоже утоп.

– Чего это на них напасть такая, чего они все потонули-то? – удивился Андрей.

– Дак чем тут все промышляют – через речку контрабанду таскают. Вот как-то и полезли... а там, выше, затор образовался после дождей, запруда, а они-то не знали, и, когда стали переправляться, запруду тут и сорвало. Ну и снесло их... потом нашли – живого места нет. Измочалило. Я как раз в невестах была – сразу и выскочила за Юрсана, он видный парень был. Хоть и без любви, но вышла – одной нельзя оставаться. Потом слюбилась, ничего. Хорошо жили, дети хорошие. Так и было бы все хорошо, не пойди он как-то ночью за околицу, в лес.

– А чего он посреди ночи-то туда потащился? Немного странно...

– Тайник там был, он товар кое-какой туда складывал, хотел ночью забрать. Потом нашли его – без головы. Товар исчез. Но не бандиты – ран от оружия не было, похоже, как зверь какой-то драл. Вот так я и осталась одна. Что умею делать? Шить умею, всегда любила шить. Но тут на кого шить? На церковного старосту? На вдовушек, промышляющих своим телом? Кому нужно мое умение?

– В столицу поехать. Сестра ведь есть, говоришь? Там заняться пошивом. Если и вправду умеешь хорошо шить – дела пойдут.

– А на какие деньги я поеду? Хату продать? Так деревенские же кровь из меня выпьют, купят ее за медяки. Тут дорого не продашь, сразу все прознают и скупят за бесценок.

– А собой лучше торговать? Не за бесценок?

– Так хоть есть шанс накопить... тогда и уехать. А что мне остается, что? – Она даже рассердилась. Андрей, кажется, ткнул пальцем в открытую рану.

– Ладно. Не мне судить тебя, только Бог рассудит. Пойду отдыхать. Приберешь здесь, ладно? – Андрей пошел к своей комнате, но остановился на пороге. – Вот еще что забыл! Скажи, тут можно купить дров? Они дорого стоят? Я хочу, чтобы ты натопила баню, мне помыться надо. Давно в дороге уже.

– Да, можно... воз дров стоит пятнадцать серебряников. Я могу сходить на лесопилку, договориться, чтобы привезли. И баню натопить.

– Возьми. – Андрей дал женщине золотой. – Купи и натопи баню. Я пока подремлю. Дрова наколотыми продают?

– Да, готовыми. Так немного дороже, но выгоднее – возни меньше.

Андрей кивнул и прошел в комнату. Сбросив куртку, он сел на край кровати, потом откинулся назад и упал на перину, раскрыв руки. Мелькнула белая полоска, и рядом пристроилась Шанти, улегшись под бок.

– Наелась?

– Наелась. Нынешнему моему образу поменьше нужно еды. Быстро наедаюсь.

– А может, тебе с таракана размером сделаться? Будешь питаться хлебными крошками – представляешь, какая экономия?

– Андрей, ты чего задумал? – Шанти была серьезна и не обратила внимания на шутки друга. – Ты же неспроста эту самку расспрашивал. Хочешь ее облагодетельствовать? Эдак ты и совсем без денег останешься.

– Да ладно! Что, денег у нас нет? Куча еще денег. Особо не обеднеем. Всех облагодетельствовать не могу, но хоть кому-то помочь – разве это не достойно? Ну скажи, Шанти? Что, у драконов не принято помогать другим драконам, попавшим в беду?

– Нет. Не принято. Если только это не близкие родственники. И то частенько и у родственников – вылетел из яйца и живи как хочешь. Мы же драконы, самые умные, самые сильные, самые долгоживущие разумные существа в мире! Зачем нам соплеменники – мы же выше всего человеческого! Выше жалости, выше сопереживания!

– Что я слышу? – хмыкнул Андрей. – У тебя проснулся сарказм в отношении соплеменников? Чего это вдруг?

– Да так... навеяло. Когда мать меня кормила-поила сто лет, ей предлагали убить этого уродца – меня – или бросить, пусть подохнет. Зачем жить уродам? Ты знаешь, я у тебя многому научилась. Может, вы, люди, и ущербные существа, но лучше быть такими ущербными, чем такими

совершенными, как драконы, которым плевать на все, кроме себя самих. Высокомерные, наглые, считающие себя надзирателями над всем миром. Не люблю я наш род, – неожиданно заключила Шанти. – Ну, кроме мамы. Она у меня тоже нестандартная. Ущербная. Помнишь ту историю, о которой я не хотела говорить? Про Драконью гору? Они с отцом моим там жили, не хочу называть его имя. Он и требовал, чтобы мама освободилась от меня, так как я мешаю им жить. И что они вместе из-за меня не могут летать там, где нужно, и делать то, что хотят. И он хотел меня убить. И мама его убила. Она сильная, мама, и она защищала меня – потому была стократ сильнее. А он был в полтора раза массивнее ее. Она порвала ему глотку, крылья и утопила в море. Моего отца. Только не говори ей, что я тебе рассказала, а то она сердиться будет. Это наша тайна. Почему тебе рассказала? Ты мне стал вместо отца и матери, второй матерью, если можно так сказать, и меня поражает твое умение сопереживать – ведь кто тебе эта вот здешняя самка, ведь никто! И ты думаешь о ее детях, о ней самой – ведь ты купил еды больше, чем надо, потому что заранее знал, что будешь кормить ее детей. И расспрашивать ты ее стал потому, что заранее решил помочь. Ни один дракон даже не задумался бы о том, чтобы помочь другому дракону, его семье. Ни на секунду бы не задумался. А при возможности – забрал бы чужую добычу, и плевать, умрут те драконы от голода или нет. Да, не все люди такие, как ты, у вас тоже хватает таких «драконов», но есть и подобные тебе. Может, потому вы и размножились в таком количестве, что помогаете друг другу.

– Что-то ты расхвалила меня, я даже застеснялся, – усмехнулся Андрей. – Я наемник, убийца-профессионал, и если и занимаюсь благотворительностью, помогаю людям, то, может быть, только для того, чтобы загладить свои грехи перед Богом. Воняют мои грехи перед Господом, смердят, душу рвут. Понимаешь?

– Нет, не понимаю. Ну да ладно – главное, что ты такой, какой есть. И я с тобой рядом становлюсь лучше. Закроем тему. Лучше скажи, когда пойдем оборотня гонять?

– Ух ты, чертовка! Раскусила? Как?

– А чего тут неясного – ты ведешь долгие разговоры, а между делом аккуратненько узнаешь, как убили ее мужа, где убили. И я чувствую твой азарт и нетерпение. Ты же уже знаешь, кто это, так?

– А чего тут не знать... знаю. Я его еще в церкви почуял... родная душа все-таки.

– Да какая родная! Какое отношение он имеет к тебе, ты чего? То, что ты оборотень, не делает тебя зверем, а вот его... мне кажется, что звериная

сущность раскрывает все гадкое, что есть у человека. Если человек в жизни человек, то и став Зверем, он останется человеком. А вот если он и в жизни зверь, то...

– Мне кажется, тут кроме утоления жажды убийства еще практические соображения. Помнишь пропавшую контрабанду? Кстати, я так и не спросил, чего они там возят. Может, наркотики? Они ведь в Славии свободно разрешены, а тут не знаю. Скорее всего, нет. А может, и еще что-то подобное. Впрочем, какая мне разница, неинтересно. Наркотики зло, но все идет от исчадий, не будет их, не будет и наркотиков – если власти как следует займутся этим делом. Прихлопнуть деятельность торговцев наркотиками не сложнее, чем муху прибить мухобойкой. Уверен. А раз это существует – значит, кому-то нужно, чтобы эта деятельность существовала, гарантия.

– Ты конкретнее – когда пойдем искоренять твоего... хм... оборотня, в общем.

– Вечером, охотница ты фигова! Поразвлекся захотелось? – ухмыльнулся Андрей.

– А почему бы и нет? Это и есть настоящая дичь! И тем более – тоже помогу людям. Может, и у меня какие-нибудь грехи есть перед Богом, наберу добрых дел.

– Это какие такие у тебя грехи-то? – скептически хмыкнул Андрей. – В носу, что ли, ковыряла? Или с высоты нагадила на телегу заночевавшего купца? Грешница, тоже мне.

– Ага, у тебя есть грехи, а у меня нет! Может, я вообще великая грешница! Только не скажу тебе ничего. Теперь точно не скажу.

– Ну и не говори. И вообще не говори. Не очень-то и интересно.

Собеседники замолчали, Андрея разбирал смех, Шанти же на него дулась, но потом тоже рассмеялась и выдала:

– Может, я в мыслях представляла, что ты дракон и... Нет, ничего тебе не скажу!

– Вон чего... да, велик твой грех, – улыбнулся Андрей. – Девочка, найдешь ты себе еще жениха. Найдешь. Настоящего дракона. Не человека-оборотня, это точно. А то, что ты представляла, – это не грех, это ты взрослеешь. Как-нибудь ударит тебе в голову весна, и понесешься ты куда глаза глядят на поиски приключений... и забудешь про меня. Ладно, отдыхаем. Успеем наговориться. Кстати, один вопрос. Вы с матерью мне говорили, что драконам запрещено вмешиваться в дела людей. Так как вы решились иметь со мной дело? Вы что, за это можете и пострадать? Вдруг кто-то узнает о том, что вы со мной в дружбе? И что ты участвуешь в моих

делах?

– Я знала, что ты это спросишь, – хмыкнула драконица. – Да, если кто-то узнает, что мы приняли от тебя помощь, если узнают, что я содействую тебе в твоих делах, будут большие, очень большие неприятности. Я не хотела тебя расстраивать и не говорила об этом. Но могут попытаться устранить и меня, и тебя. Нам нужно сидеть тихо-тихо, чтобы никто не догадался, что мы с тобой проворачиваем какие-то делишки. Драконов не так много по миру, но есть и такие, кто следит за тем, что происходит у людей. И они тоже в общем-то нарушают закон, но есть обоснование – они следят за людьми.

– Подожди, давай тогда выясним, что есть ваш договор. Кто с кем договаривался? Ведь когда кто-то договаривается, есть несколько сторон, две или более. Кто договаривался у вас и с кем? Кто решил, что с людьми дело не имеют, не вмешиваются, и кто будет следить за исполнением договора?

– А разве мама тебе не рассказала? Она же вроде тебе все уже об этом сказала, что знала. Нет? Ага, значит, нет... В общем, так: драконов в мире пара сотен – двести с чем-то, точно не знаю. Большинство их летает по миру. Но часть – старейшины – есть и среди людей, надзирают за исполнением договора. Старейшин трое. Имена их тебе ничего не скажут. Двое самцов и самка. Они были избраны всеми драконами на сборе много, много тысяч лет назад и с тех пор не сменялись. Да и зачем? Те времена, когда драконы сотрудничали с людьми, остались в далеком прошлом, и люди в большинстве своем забыли о том, что мы существуем. Кроме тех, кто случайно видел нас в небе или на охоте. Но большинство драконов охотится там, где людей нет. Не было их и там, где жила моя мама, потом появились. Ей надо было давно оттуда улететь, но... почему-то не захотела. Почему? Вопросы к ней. Привыкла, может. Впрочем, она старалась летать только по ночам. Людей мы не трогали, если они сами к нам не лезли. Но вообще последние годы что-то зачастили они с визитами, пора было менять логово, пора. Не знаю, почему мама там задержалась... Вот в общем-то и все. Кстати, ведь мы умеем быть и невидимыми, не забыл? Помнишь, как мама пряталась от глаз? Но появляется это умение только с определенного возраста и по достижении драконом определенного размера. Я пока так не умею.

– Знаешь, что мне пришло в голову... в столицах обязательно есть хоть один старейшина, уверен. И еще более уверен, что засветились мы по полной и они будут нас разыскивать.

– Будут. Но... вот такая штука... они будут искать медленно-медленно,

драконы всё делают так. Они никуда не торопятся. Зачем спешить, если у нас в запасе десятки тысяч лет, практически бессмертие, по вашим понятиям. Они будут ждать, пока мы сами на них не наткнемся.

– И тогда?

– И тогда будут действовать. Как? Не знаю. Все может быть. Надеюсь, к тому времени я стану большой, очень большой... а ты что-нибудь придумаешь, чтобы суметь пробить чешую дракона. Иначе нам конец.

– М-да-а... жалко, у меня тут нет автоматического гранатомета или же просто РПГ, – усмехнулся Андрей.

– А что это такое?

– Оружие. Которое применяется для убийства наших, стальных драконов. Да ну ладно, не забивай себе голову.

– Нет, ну мне интересно, что за оружие. Расскажешь потом?

– Расскажу. Все, поспи, если хочешь. Вечером пойдем на охоту. Чувствую, будет она непростой...

Глава 8

Колокольный звон разносился над пустынными лесами, полями, гас в облаках, к вечеру затянувших небосвод, отражался в стенах домов и рассеивался в осеннем воздухе. Этот звук всегда вызывал немного грустное и волнующее чувство в душе Андрея. Звук колокола отгоняет бесов – вероятно, не случайно во всех храмах исчадий колоколов не было.

Андрей вглядывался в толпу людей, собравшихся к вечерней службе, и, выцепив взглядом церковного старосту, стоящего у ворот храма, подошел к нему и встал позади и чуть сбоку, справа. Тот не видел его и продолжал рассуждать о необходимости обустройства церкви, о том, что прихожане забыли о вере, о том, что надо больше делать приношений на храм, иначе церковь развалится – и так пристройка дала трещину, пожалели в свое время денег на хорошие фундаменты, – а отец Никодим с голоду помрет, и кто будет служить в храме? Кто прогонит Зло, идущее со стороны Славии?

Люди внимательно прислушивались к словам старосты, но постепенно замечали стоящего рядом Андрея и переводили взгляд на него. В конце концов и староста заметил, что за его спиной что-то не так, сбился со своей проповеди на тему «Дайте больше денег, и будет вам благодать» и обернулся, наткнувшись на взгляд монаха. Тот долго смотрел старосте в глаза и молчал. Наконец тихо сказал:

– Я все знаю. Через полчаса после службы я тебя жду у тайника Юрсана – разговаривать будем.

Андрей развернулся и пошел в храм, провожаемый изумленными взглядами ничего не понявших прихожан. Он купил свечку в церковной лавке, поставил ее за здоровье всех тех, кто был ему дорог, постоял и помолился у иконы Бога, затем, перекрестившись, быстро вышел из церкви.

Уже подходя к дому Нерты, он обратил внимание на здоровенный воз, доверху полный поленьями, уложенными ровными рядами – чтобы больше вместились. Телега была запряжена двумя битюгами – обычная лошадь такой воз, наверное, и не сдвинула бы. Рядом суежилась хозяйка, подгонявшая грузчиков, стаскивающих дрова на задний двор.

– Вот, купила! – Лицо женщины было довольным и раскрасневшимся. – Сейчас вам баню натоплю. Да тут хватит и не только на баню, на всю зиму топить! Сдачу сейчас отдам... – Она полезла в карман, но Андрей махнул рукой – мол, оставь себе.

Он прошел в дом, с удовольствием снял сапоги и, войдя в свою комнату, сбросил куртку и улегся на кровать. Служба в церкви должна была закончиться через пару часов, как раз стемнеет – самое время оборотню выйти на охоту. Оборотень на оборотня... Андрей нашел это забавным и усмехнулся, а Шанти заметила:

– Ты уверен, что с ним справишься?

– А ты на что?

– Ну да... это верно. Хорошо, что у тебя есть я.

– Ты от скромности не помрешь.

– Что есть, то есть, – хихикнула драконица. – Любопытно, о чем он сейчас думает? Предвкушает, как оторвет тебе голову? Интересно, вот как так получается – вроде он верит в Бога, заботится о церкви, и при этом негодяй, каких мало. Если он верит по-настоящему, то как он может быть таким подонком?

– А что такого? Кстати, ты верно подметила «если верит по-настоящему». А кто тебе сказал, что он верит по-настоящему? Забыл спросить: как он отреагировал на мои слова? Почуяла?

– Как? О-о-о! Это такая великолепная смесь – ненависть, страх и жажда убийства. Мог бы – тут же кинулся бы и оторвал тебе голову. Ты ударил его в самое сердце. Только вот не пойму, а откуда ты знаешь, где тайник?

– А зачем мне тайник? Мне достаточно выйти за околицу, и он меня встретит. Интересно, в человеческом обличье или... Я бы на его месте попытался узнать, откуда ветер дует.

Он встретил Андрея в человеческом обличье. Далеко за околицей, когда монах подходил к деревьям, возле которых и был найден труп несчастного мужа Нерты. Староста вышел из-за куста, заступив дорогу Андрею, и холодно спросил:

– Откуда ты знаешь? А! Я знаю откуда. Ты ведь тоже оборотень. И что теперь? Попытаешься рассказать всем, что их богобоязненный староста – оборотень? Да кто тебе поверит, пришлый? Убрался бы ты отсюда подброду, это было бы лучше для всех. Но теперь поздно. И ты отсюда не уйдешь.

– Ну об этом я догадывался, – усмехнулся Андрей. – Интересно, как ты меня остановишь... но речь не об этом. Скажи, а как ты стал оборотнем? Как так получилось?

– Как? Да какая тебе разница... так же, как и остальные. – Староста махнул рукой, и из кустов вдруг показались еще несколько человек. Потом

еще. И еще.

Андрей замер, и сердце заглохло: четырнадцать человек! Нет, не человек. Четырнадцать оборотней. Здесь были и женщины, и мужчины, их глаза светились зеленым светом в ночной тьме.

– Вот это ты попал!.. – восхищенно воскликнула Шанти и, выскользнув из кармана, шмыгнула за куст. – Скажешь, когда начинать.

– Скажу, – напряженно ответил Андрей и стал быстро стаскивать с себя куртку, рубаху, штаны – окружавшие его люди-оборотни были голыми, готовыми к превращению. И кстати, среди них было много, очень много женщин, едва ли не большинство, и довольно молодых. Вдовы? Вот зачем староста ходил по вдовушкам... впрочем, и для другого тоже.

– Что, думаешь убежать? – неприятно осклабился староста и тоже стал раздеваться.

– Скажи, а отец Никодим тоже из ваших?

– Не-е-ет... этот старый пьяница просто болван, ширма. А мне нужна была моя стая, мои самки, да и деньги не помешают – разве деньги не главное? – Оборотень мгновенно перекинулся в зверя. – Начнем, пожалуй!

– Начнем, – усмехнулся Андрей и бросился в сторону, крикнув Шанти: – Давай!

Не успела драконица преобразоваться и выскочить из-за куста, как вся толпа оборотней с воем рванула за жертвой, желая разорвать ее, растерзать, выпустить кишки! Позволить схватить себя было слишком опасно – столько оборотней порвут его за считанные секунды. Расчет только на драконью броню да на свою ловкость.

– Да черт побери, где ты?! – рявкнул Андрей, проносясь мимо куста, за которым скрылась Шанти. Ему казалось, что он уже целый час бежит кругами, спасаясь от разъяренной стаи, хотя на самом деле прошло максимум секунда или две. Просто Андрей уже перешел в режим боя, и для него время потекло очень медленно.

Наконец куст с треском сломался, подмятый тушей Шанти, и глазам стаи явилась во всей красе крылатая смерть, сверкающая как ожерелье из драгоценных камней в свете выглянувшей из-за облаков луны. Она грозно рыкнула:

– А вот я вас, скоты!

Видимо, хотела отвлечь их от Андрея. Отвлекла.

Стая по команде старосты не раздумывая бросилась на драконицу, и напор множества мощных тел был такой силы, что ее сбили с ног. Оборотни вцепились в крылья, в лапы и стали рвать, кусать с такой силой, что их зубы оставляли царапины даже на непробиваемой чешуе дракона.

«Шанти, опрокинутая на землю и облепленная зверьми, напоминает Баллу из мультфильма «Маугли», когда тот бился с Рыжими Псами», – мелькнуло в голове Андрея, когда он наблюдал за схваткой, попутно разрывая горло старосте, подмятому им за долю секунды. Староста тоже был оборотнем, да, но ведь Андрей был не просто оборотнем – он был опытным убийцей, сильным бойцом и притом весил больше килограммов на тридцать как минимум. Оборотень трудно умирал. Пришлось порвать ему горло, перекусить шейные позвонки, и даже тогда он еще дергался и пытался ползти.

Андрей бросился к ворочавшейся в куче гадов Шанти и стал вырывать из стаи одного за другим обезумевших человекозверей. Они настолько вошли в раж, что уже не понимали, что происходит, одержимые идеей убивать.

Потом Андрей вспоминал эту схватку и думал, почему он в зверином обличье никогда не терял контроля над мозгом и всегда мог нормально соображать и почему эти люди полностью потеряли свою сущность, оставив лишь одну идею, одну страсть, одно желание – убивать. И еще – как это староста сумел так подчинить этих существ, что они слушались его беспрекословно? Может, тут был какой-то секрет?

Шанти трубно ревела, ворочаясь, как Баллу, отрывая от себя оборотней и раздирая их пастью и мощными лапами. Но все-таки она была не взрослым драконом, весящим десятки тонн. В ней была тонна веса, может, побольше, то есть практически столько же, сколько и у нападавших, и это при их невероятной силе, ярости, стальных когтях и острых зубах.

Часть оборотней – штуки три – Андрей уже порвал, но оставалось слишком много, и они поранили драконицу, которая ревела от боли. Нанести серьезные раны они пока не могли – броня надежно укрывала тело Шанти, но постепенно, чешуйка за чешуйкой, они нарушали целостность защиты, и существовала реальная угроза гибели Андреевой подруги от множества мелких ран – или же от крупных, когда звери все-таки сдерут с нее большую часть чешуи.

– Жги! Шанти, жги! – крикнул в отчаянии Андрей, отрывая от нее очередного мутанта и вгрызаясь в его загривок.

– Как я буду жечь, когда ты вертишься на линии удара?! – взревела драконица. – Уходи в сторону!

Андрей отбежал далеко вправо, и ночь разорвал великолепный фейерверк. Пламя било из драконицы, как из гигантской паяльной лампы – в центре какое-то голубоватое, а по краям оранжевое, клубящееся и испускающее резкий химический запах.

Шанти била по кругу, и вскоре все оборотни были охвачены страшным огнем, полыхая как свечи, – видимо, жидкость, применяемая драконицей, не сгорала до конца в первые секунды и, налипнув на тела зверей, работала как напалм. Они визжали, завывали, кусали себя, совершенно потеряв разум (если он у них только был!), а Шанти безжалостно жгла, жгла, жгла...

Через пятнадцать минут на земле остался десяток догорающих костров, воняющих паленой шерстью, мясом и кровью. Все закончилось.

Андрей, облегченно вздохнув, снова перекинулся в человека – он тоже был покрыт рваными ранами, и, когда перекинулся, исчезла боль, исчезли раны. Он даже забыл про одежду – сразу бросился к Шанти и стал ощупывать ее, осматривать повреждения.

– Что, плохо? – тяжело дыша, спросила она. – Хорошо, что их не сотня, правда? У меня секрет в железах закончился. Плевать стало нечем. Спасибо, что железы достаточно развились.

– Ты похожа на рыбку, не до конца почищенную кухаркой, – пошутил Андрей. – Теперь, пока чешуя отрастет, пройдет неделя, не меньше. А то и больше. Будь поосторожнее в это время. А раны – ерунда, сейчас мы их ликвидируем, будешь как новенькая.

– Оденься, – хмыкнула Шанти, – потерплю пять минут. А то ты голый на холоде скачешь, синий весь уже.

– Я и забыл чего-то... напугался за тебя. М-да... не ожидал. Знаешь, чего-чего, но такого я не ожидал. Хорошо, что ты со мной. Иначе пришлось бы мне бежать, и как можно быстрее. А я как-то не расположен бегать всю ночь. Все, я готов.

Через полчаса Шанти уже была излечена, только сильно голодна и, как следствие, раздражена.

– Я слетаю поохочусь, ладно? Мне сейчас надо много мяса. Хотя... нет уж, потом слетаю. Нельзя тебя оставлять без охраны. Тем более что я чувствую: ты чего-то задумал. Тебя просто снедает нетерпение, и ты хочешь куда-то идти. И это не новая самка...

– А может, я в баню спешу? Напариться, помыться? Хочу, чтобы спинку мне потерли красивые женщины? – рассмеялся Андрей. – Все-то ты знаешь!

– Не-е-ет... я чувствую – это не баня. Куда ты собрался, признавайся!

– Хочу отца Никодима навестить.

– Хм... пошли. Мне тоже хочется посмотреть на местного адепта веры. С его попустительства началось такое безобразие.

Андрей коротко кивнул, а Шанти уменьшилась, снова стала хорьком и

запрыгнула в карман Андрея.

Он направился в деревню, невольно косясь на трупы оборотней. Ему показалось, что в них была какая-то неправильность. Что-то не так, как будто события пошли не по тому сценарию. Монах задумался, что не так, и сообразил: они так и остались зверьми! Андрей вначале удивился, а потом усмехнулся своим мыслям – ну да, так и должно быть. Это только в киношных ужастиках оборотни после смерти превращаются в людей, а в реальности они так и остаются зверями. Впрочем, а как же тогда та кикимора, которую он убил и которая, умирая, почти превратилась в человека? И пришел к выводу: значит, она превратилась еще тогда, когда голова ее была цела и могла управлять телом, его преобразованием. Ведь фактически оборотень никакое не волшебное существо, это мутант, человек, преобразованный под влиянием какой-то заразы, попавшей в его кровь. Эти оборотни погибли прежде, чем преобразовались в человека, и так остались зверьми. Но были ли они людьми в общепринятом смысле? Ведь человек не становится зверем, сменив тело, зверем его делает та звериная сущность, что сидит в его мозгу. Просто при преобразовании в это существо он как бы раскрепощается, выпуская все черное, все гадкое, что в нем есть. Андрей сумел подавить в себе звериное начало, они – нет.

В церкви горел огонек, видимый сквозь маленькое украшенное цветными стеклами окошко. «Отец Никодим там», – догадался Андрей. Как он выяснил у Нерты, тот и жил при церкви, в пристройке, соединенной с храмом длинным коридором.

Андрей подошел к узорчатой металлической двери и постучал в нее кулаком. Удары гулко отозвались внутри пустого помещения, но долго никто к двери не подходил. Но Андрей не отступал – он бил, бил, бил в дверь вначале кулаками, потом начал долбить ногами так, что дверь вибрировала и звенела, как колокол. Наконец послышался слегка надтреснутый мужской голос:

– Да иду я, иду! Не дадут почитать молитвы в тишине! Долбят и долбят, долбят и долбят!

Дверь скрипнула, завизжала петлями и открылась.

Отец Никодим с трудом стоял на ногах, качаясь и держась за дверь, как за спасательный круг. Было ясно, что если он сейчас ее отпустит – свалится и уснет. Волосы и борода, всклокоченные и как будто вываленные в соломе, давали понять, что их хозяин пребывал в очень глубокой молитве, но только не Богу, а зеленому змию.

– Ну и чего? Помирает кто-то, что ли? Или поженить кого? Я немного приболел, езжайте в Шустовку, это тридцать верст отсюда, там отец Зарик

вас обслужит. А я не могу, не могу... – Настоятель покачнулся и упал бы, если бы Андрей его не поддержал.

Он подхватил отца Никодима, легко, как мешок картошки, бросил его на плечо и, прикрыв дверь, пошел в глубь церкви. Настоятель что-то бормотал, размахивал руками, а потом обвис, словно смирившись со своей участью.

Андрей пересек церковь, миновал длинный грязный коридор и, выйдя в жилую часть, оказался в большой гостиной – неприбранной, пыльной, со столом посредине, на котором стояли пустые и початые бутылки вина. Он осмотрелся и заметил кушетку возле стены. Никодим уже уснул на плече «похитителя» и храпел, как артель грузчиков.

Андрей бросил его на кушетку, поп только хрюкнул, но не проснулся. Андрей подошел к столу, с отвращением понюхал бутылку – пахло какой-то брагой, похоже, Никодим пил все, что пьется, без разбору, – и уселся на стул, предварительно потрогав его пальцем на предмет пыли и чего-нибудь похуже. Что делать дальше? Разговаривать с пьяндалыгой было бесполезно, да и просто невозможно – все равно как разговаривать с бревном.

– Ну что будем делать? – спросила Шанти, выглядывая из кармана и принюхиваясь. – Может, голову ему оторвем? А что – бесполезный скот. Как такой скот может научить вере? Чему он вообще может научить? Такие священники ничем не лучше исчадий, согласись.

– Соглашусь, – угрюмо кивнул Андрей. – От таких вред не меньший, чем от исчадий. Что делать, спрашиваешь? А вот сейчас попробуем его поднять...

Он подошел к храпящему Никодиму, сел рядом на кушетку и, протянув руки, сосредоточился на ауре священника, которую решил привести в полное соответствие со стандартом – аурой здорового человека. В ауре Никодима мелькали красные, багровые тона – организм воспринимал алкогольное опьянение как отравление, притом тяжелое, а кроме того, у Никодима имелся целый букет болячек – цирроз печени, язва желудка и еще много мелких болезней, которыми был просто нашпигован организм настоятеля. Это и немудрено – хотя тому было максимум пятьдесят лет, выглядел он на все семьдесят, алкоголь еще никого не делал моложе и здоровее.

Первым делом – багровые сполохи из ауры. Андрея передернуло, когда он всосал в свою ауру этот алкогольно-циррозный мрак. Аура очистилась, но не полностью. Она была какой-то зеленоватой. Андрей усмехнулся – от зеленого змия? А почему нет? Возможно, что организм так показывает предрасположенность к алкоголю. И если убрать этот зеленоватый оттенок,

может, тогда человек вообще излечится от алкогольной зависимости?

Андрей стал очищать ауру, насыщая ее желтым цветом и все время внушая: «Не пить спиртное! Все вино, вся водка, все, что приносит опьянение, тебе противно, тебя вырвет от этого! Ты будешь блевать вином, если оно попадет тебе в рот!» Фактически Андрей кодировал настоятеля от алкоголизма, как это делали на Земле.

Через полчаса аура священника сияла ровным желтым светом, была гораздо насыщеннее и ярче, чем до лечения, а Андрей слегка устал. Конечно, это не «черную смерть» убирать, но тоже нелегко. Лечение всегда дается трудно, это загубить организм легко.

Никодим продолжал спать, но уже не алкогольным тяжелым сном, а вполне обычным, чистым сном уставшего человека. Да, он устал – его организм тоже потрудился, перестраивая себя по установкам, заданным Андреем. Священник даже слегка похудел, кожа его разгладилась, и теперь он выглядел моложе своих пятидесяти лет.

Андрей вздохнул и похлопал настоятеля по щекам. Голова того мотнулась из стороны в сторону, и Никодим встrepенулcя, вскочил на ноги и, не понимая, что происходит, сел на краю своей лежанки.

– Кто?! Что?! Ты кто такой? – Его глаза сфокусировались на лице незнакомца. Тот сидел спокойно, расслабившись, положив ногу на ногу.

– Я – Андрей.

– А как ты тут оказался? Зачем ты тут? – Лицо отца Никодима, обрамленное всклокоченной бородой, выражало полное ошеломление – просыпаешься, ничего не подозреваешь плохого и вдруг видишь перед собой непонятного человека, расположившегося как у себя дома.

– Зачем я тут? Хочу вот узнать, как ты дошел до такой жизни. И когда перестал верить в Бога. И почему ты, неверующий, ничтожный человечешка, учишь других вере, сам не веря. Расскажешь мне?

– Ты что говоришь, богохульник?! Как ты смеешь?..

Хлесткая пощечина – голова настоятеля метнулась в сторону, еще удар, еще... Никодим закрыл лицо руками и испуганно закричал:

– Не надо! Не надо! Что ты хочешь? Денег? Я отдам тебе деньги! Возьми, вон там лежат, в столе! И уходи, исчадие! Не трогай меня!

– Исчадие, говоришь? А мне кажется, ты исчадие. Ты хуже исчадия. Те хоть не скрывают, что они подонки и негодяи, а ты заперся в своей келье и пьешь, а на людях изображаешь благочестие и боголюбие! Тварь ты. И вот думаю я: а не свернуть ли тебе башку? Как твоему помощнику, старосте.

«Шанти, что он чувствует?» – «Бойтся и возмущен».

– Не упоминай исчадий! Я верую в Господа нашего! А то, что пью...

ну да, пью. Пью, потому что ничего не могу сделать, потому что люди, сколько им ни преподноси истины – не убий, не укради, не прелюбодействуй, – все равно убивают, воруют, творят зло. Когда я закончил духовное училище, если бы ты знал, как я верил! Как я хотел нести свет Божественного слова людям, верил, что это что-то изменит. Что от моих проповедей люди будут светлее, чище. И что я вижу? Твари лесные чище людей. Праведнее.

– А почему ты не удивился, когда я сказал, что твоему помощнику свернул голову?

– Это должно было случиться, и давно. Это еще одна причина того, что я пил. Думаешь, не вижу? Думаешь, не знаю, что храм Божий превратился в контору по зарабатыванию денег, что прихожане ходят в него только для того, чтобы не выглядеть неправильными в глазах соседей, или потому, что запуганы старостой? Все вижу. Но сделать ничего не могу... – Священник опустошенно уронил руки на колени и замер, уткнувшись глазами в пол, как будто боясь встретиться взглядом с обвинителем.

– Когда ты узнал, что он оборотень? И что многие из его помощников-прихожан тоже оборотни?

– С год назад. Он сам раскрыл мне свою сущность и пригрозил, что, если я не буду сидеть тихо и спокойно, он оторвет мне голову, и тогда вместо меня пришлют разумного настоятеля.

– А почему он тебя не сделал оборотнем? Ему же так было бы удобнее.

– Не знаю. Это недоступно моему разумению. Может, ему было приятно управлять священником, запугивая его. Он был нехорошим человеком – если ты и вправду свернул ему голову, туда и дорога этому зверю. А много еще прихожан являются оборотнями?

– Четырнадцать человек. Но они мертвы. Их тела находятся на северо-востоке от деревни, возле леска. Ну так что же с тобой делать, Никодим? Я ведь шел тебя убивать. Решил, что ты заодно со старостой.

– Я и был заодно со старостой, разве не так? И мне придется вымаливать прощение у Господа нашего, когда я перед Ним предстану. Прошу об одном: дай перед смертью помолиться, не хочу, чтобы моя душа предстала перед Господом без молитвы и покаяния.

– Ну что же, молись, а я пока подумаю, что делать – сразу тебе голову оторвать или подождать...

Никодим, подойдя к висевшей на стене иконе, опустил на колени. Он долго бормотал молитвы, а Андрей смотрел на него и думал: что делать? Ну прибьет он этого бесхребетника, а дальше что? Пришлют другого, который может оказаться еще хуже. Отрывать голову следующему? И так

до бесконечности?

– Что он чувствует, Шанти?

– Вину, раскаяние, решимость... как ни странно, похоже, ты его пронял своими словами. Хочешь оставить его в живых, я так поняла?

– А куда деваться. Только вот сейчас проверим одну штуку...

Андрей дождался, когда Никодим встал с колен.

– Все, я готов к смерти. Убивай, посланец Божий! Я знал, что ты когда-то придешь, Ангел Смерти. Спасибо, что дал мне возможность покаяться.

– Пожалуйста, – усмехнулся Андрей. – Иди сюда. На вот! – Он налил в глиняную кружку вина из пыльной бутылки и протянул настоятелю. – Выпей напоследок!

– Я не могу. Я сейчас дал обет не пить!

– Свежо предание, да верится с трудом... пей, говорю!

Священник трясущейся от волнения рукой принял кружку, глянул поверх нее на Андрея и с облегчением выпил сразу половину. Шанти, которая с интересом наблюдала за происходящим, сидя на краю стола, едва успела отпрыгнуть в сторону – фонтан, вырвавшийся изо рта Никодима, обдал стол, место, где она сидела, стул перед столом и пол красной вонючей жидкостью.

– Андрей! Негодяй! Ты что, предупредить не мог?! Он чуть меня не уделал всю с головы до ног! Ну я припомню тебе, припомню! И это твоя благодарность за спасение твоей задницы от толпы разъяренных оборотней?! Вот они, люди, вот она, благодарность!

Возмущению драконицы не было предела, а Андрея, тоже едва успевшего отскочить от пахучего фонтана, разбирал смех, и он покусывал губы, чтобы не расхохотаться в голос.

– Я что, виноват? Это же не я норовил тебя обдать. Я и сам не ожидал такого эффекта. – Он посмотрел на смущенного и недоуменно таращившегося в кружку Никодима и приказал: – Пей до дна! Пей!

Священник осторожно допил содержимое кружки... эффект был тот же – фонтан вина вперемешку с содержимым желудка, и в этот раз Никодима рвало дольше, страшнее, казалось, что сейчас его вывернет наизнанку.

– Ну вот и славно, – удовлетворенно сказал Андрей. – Еще хочешь винца? Нет? Вижу – нет. – Он с усмешкой посмотрел на настоятеля, тут же зажавшего рот при одном упоминании вина. – Итак, теперь ты понял, что вино для тебя больше неприемлемо. И теперь можно о чем-то с тобой говорить. Например, о твоём будущем, и самое главное – о будущем вашей церкви...

Когда Андрей появился в доме Нерты, была уже глубокая ночь. Впрочем, глубокая ночь по меркам этого мира. За полночь. Но женщина не спала.

– Наконец-то! Я баню натопила, идите мыться. Полотенце положила, а еще штаны с рубахой – от мужа моего остались, не побрезгуйте, они чистые, стиранные, почти новые, а ваши давайте, я выстираю. Вам помочь в бане? – Она опустила глаза.

– Нет, – усмехнулся монах, – я сам справлюсь. А за чистое белье спасибо. Я и вправду давно в дороге, пропылился и пропотел.

Андрей с наслаждением вылил на себя шайку прохладной воды, остужаясь после жестокого пара, который он нагнал в баню, и, выйдя в предбанник, долго растирался полотенцем. Потом, надев чистые штаны, посидел на лавке, откинувшись и размышляя. Пока все шло как надо, вот завтра что будет... нужно проверить все дома в деревне. Сколько бы их ни было. Если не искоренить всех оборотней, инициированных старостой, стая зверей будет продолжать охотиться на людей. И ведь они многих убили, это точно. Местные были убиты по одной простой причине – старосте нужно было отомстить кому-нибудь. А вот сколько пропало приезжих? Сколько людей исчезло, сняв комнату у оборотней? Кто может дать эту статистику? Похоже, что тут исчезли сотни людей. Странно, что не пошли слухи на этот счет. А может, и шли? Да кто поверит – такая большая, хорошая деревня с множеством любвеобильных вдовушек. Они же не всех убивали, иначе точно разнеслись бы слухи. Видимо, руководил этим делом староста, он и указывал – кого убить, а кого оставить жить. И шло бы это все как по накатанной еще много-много лет, если бы в деревню случайно не забрел Андрей и совершенно случайно не снял комнату у вдовы. Случайно ли? Может, трактирщик имел свой процент? Может, и так. Но Андрей все равно этого никогда не узнает. Да и важно ли это?

Он поднялся и пошел в дом. Нерта ждала его за столом – она напекла лепешек, купила меду, на печи стоял медный чайник и пыхтел из носика паром.

– Присаживайтесь, попейте чаю. Я на сдачу от дров купила. Побалуйте чайком после бани.

Женщина переделась и выглядела довольно привлекательно. Андрей прикинул – ей немного макияжа, была бы красotka. Он посмотрел ее ауру – здоровая, без всяких проблем. И не оборотень – их Андрей теперь чуял за версту.

Он машинально принял кружку с чаем, отпил из нее, не обращая внимания на пристальный взгляд хозяйки дома, и снова задумался: а

правильно ли он сделает, если убьет всех оборотней в деревне? Ну убьет – и что? А если они ничего не сделали? Может, их просто инициировали, но они ничего ужасного не совершили? Тогда как? Разве они не имеют права на существование, эти мутанты? Ведь имеют, и не меньшее право жить, чем у него самого. Так надо ли их убивать?

Так и не придя ни к какому выводу, Андрей отправился спать. Нерта ушла в баню, видимо, стирать его барахло, а возможно, и решила помыться – чего упускать такую возможность, пока баня натоплена.

Посреди ночи Андрей услышал скрип двери. Сторожевой участок его мозга востребовался, и тело напряглось, готовясь к бою. Нерта приподняла одеяло и осторожно скользнула в постель.

– Я не заказывал... услуг, – холодно сказал Андрей, глядя женщине в лицо.

– Я не за деньги... я уже давно без мужчины, – виновато сказала она, осторожно положив руку на бедро Андрею. – Пожалуйста, не прогоняйте меня. Вы такой хороший, такой славный, такой красивый... я не знаю, что будет дальше, но хоть маленький клочок счастья я могу получить от жизни? Вы уедете и забудете меня, и это правильно – кто я вам? Но, может быть, когда-нибудь вспомните, что вот есть такая Нерта в деревне Лебяжино, и помянете меня добрым словом. Мне страшно... мне очень страшно!

Женщина обвила руками Андрея, но тот не пошевелился и не сделал попытки ее обнять. Ему было не по себе – ну да, она сама его хотела, но может ли он? Не будет ли это подлостью – воспользоваться тем, что несчастной женщине, умученной проблемами, безденежьем, несчастьями, захотелось хоть ненадолго почувствовать твердость мужского плеча рядом с собой, хоть на час забыться и почувствовать себя желанной, а не несчастной вдовой, задавленной проблемами.

А потом... потом он забыл о своих мыслях и о праведных сомнениях. Остались только двое – мужчина и женщина. Два взрослых, одиноких человека, лишенных ласки и счастья. Что должно было произойти после этого? То, что и произошло. И Андрей не жалел ни об одной минуте этой ночи. Впрочем, как и Нерта.

Под утро, поцеловав своего случайного любовника, она выскользнула из постели и с улыбкой сказала:

– Ты был очень хорош. Очень. Спасибо.

– А если забеременеешь? Ты хоть предохранялась?

– Нет. Что будет, то и будет. Тебя мне Бог послал. Впрочем, я думаю, что все будет нормально. Почему-то чувствую это. Ты поспи, а мне надо по хозяйству заняться.

Она ушла, а Андрей погрузился в сон, теплый, темный, без сновидений, кроме одного – когда он уже засыпал, ему привиделась хихикающая мордочка Шанти. А может, это был не сон?

– Открывай, отец Никодим к тебе!

– Сейчас, сейчас... – Голос женщины за дверью сразу изменился, стал на полтона ниже – до этого она возмущенно кричала: «Кто тут еще шляется?! Я никого не звала!»

Это был последний дом, в котором побывали Андрей и Никодим. Весь день они бродили по селу, выискивая оборотней. Обошли больше двухсот домов. В некоторых настоятеля сразу тащили за стол, пытались налить ему вина – он с содроганием отказывался, чем вызывал удивленные взгляды прихожан, в некоторых домах его встречали неприязненно – оно понятно, после того, что творилось в селе эти годы. Но в общем-то все прошло нормально, никто ничего не заподозрил.

Оборотней в деревне больше не оказалось. Видимо, староста собрал на поимку Андрея весь «личный состав» стаи, не оставив их «на развод».

Усталые, они побрели было к церкви, но по дороге Андрею пришла в голову одна мысль:

– Пойдем-ка к Нерте зайдём, разговор есть. Заодно пообедаем.

Нерта усадила их за стол, засуетилась, собирая остатки вчерашнего пиршества, и вскоре они попивали чай из глиняных кружек и закусывали пирогами.

– Так что ты хотел мне сказать? – нарушил молчание Никодим.

– Мне уйти? – подхватила Нерта.

– Нет. Это и тебя касается, – остановил ее Андрей. – Отец Никодим, вот вам новая староста. Вместо умершего.

– Староста умер? – поразила женщина. – А как же я буду... я же не знаю ничего! Как вести церковное хозяйство – ничего не знаю!

– В общем-то там ничего сложного, – махнул рукой Никодим. – Собирай деньги, веди учет, следи за хозяйством. Оно и вправду запущено, но я вижу – твой дом в порядке, значит, и церковь сможешь обиходить. Тем более что тебя Андрей рекомендует. Быть тебе старостой. Жалованье положим. Главное – не воруй, иначе прогоню. От меня притеснения не будет, я теперь не пью вообще. Будем заново веру в селе укреплять.

– Да я не против... – Нерта растерянно теребила край фартука. – Просто так неожиданно... спасибо вам. Спасибо, Андрей! А что со старостой случилось? Он только вчера был жив и здоров, как же он умер?

– Видно, лишнего чего-то съел, – усмехнулся Андрей. – Или решил

съесть, – туманно добавил он. – В общем, теперь незачем тебе в город уезжать. Поднимайте церковную общину вместе с отцом Никодимом. Вот вам дело, главное дело вашей жизни.

И тут Нерта чуть не упала со стула – отец Никодим, который всегда был слегка заносчивым и высокомерным, встал на колени перед ее постояльцем и поклонился ему в ноги:

– Спасибо тебе, что вразумил неразумных, покарал нечестивых. Перед Богом и перед тобой клянусь: не отступлю от заповедей Господних, подниму общину, объединю людей вокруг веры. А если отступлю, приди и покарай меня. Я приму кару с благодарностью.

– Ну будет, будет, встань, – нахмурился Андрей. – Надеюсь, что ты сейчас искренен.

«Да, он верит в то, что говорит, – подсказала Шанти. – Он благоговеет перед тобой. Я даже удивлена, насколько он перед тобой преклоняется».

– Жениться бы тебе надо, отец Никодим, – неожиданно заметил Андрей. – Дом твой без женской руки хиреет. Где твоя матушка? Почему без жены?

– Померла... десять лет назад – это был еще повод запить... любил я ее. А потом – кому я, пьяница, нужен? – горько усмехнулся священник. – Даст Бог, найду себе супругу. Теперь все по-другому будет, все будет хорошо.

«Надеждой жив человек», – подумал Андрей.

– Ты, Нерта, приходи завтра с утра в храм, обсудим дела. Завтра и заступишь на работу. А сейчас мне пора, – заторопился Никодим.

Андрей тоже встал:

– Пойдем, я тебя провожу – мне в трактир надо, продуктов купить да узнать кое-чего.

Они вышли, а Нерта, ошеломленная переменами в жизни, о которых никогда и мечтать не могла, упала перед иконой, истово перекрестилась и прошептала:

– Господи, все-таки Ты есть! Благодарю Тебя, Господи!

В трактире было шумно, людно, возбужденный народ обсуждал найденные возле леса обугленные трупы странных зверей и до хрипоты спорил, что это – или такие волки, или изменившиеся медведи, или... Единодушия не было, и люди лишь переругались, передрались и перессорились, выдвигая свои версии. Об оборотнях даже и не заикнулись. Никто не узнал в этих трупах церковного старосту и еще полтора десятка известных в деревне людей.

Андрей быстро купил продукты, сложил их в корзинки и пошел обратно. Его никто не спрашивал, не искал. Скорее всего, по его расчетам, Федор с Аленой приедут завтра – утром или к обеду.

Так оно и вышло. Около десяти часов утра следующего дня, когда Андрей сидел на скамеечке возле дома, наслаждаясь осенним солнцем, он увидел в конце улицы знакомый фургон, медленно, но вернодвигающийся к нему, как напоминание о том, что его ничегонеделанию пришел конец. Федор с облучка весело прокричал:

– Что, бездельник, два дня тут болтаешься! Хватит уже!

– Сам бездельник, – лениво огрызнулся Андрей. – Простоял, проотдыхал возле таможенного поста. А я тут думал, как жить!

– Ага, хорошая работа – думать. Ну что, Андрюха, вот мы и в Балроне. И как тебе тут? Есть отличия от Славии?

– Честно? Кое-какие есть. Хотя бы за крестик сердце не вырвут. Но вот в остальном... разница не очень велика. Впрочем, что я тут видел, кроме вот этого дома да церкви?

– Ну хоть церковь повидал. Ладно. Ты готов ехать? Вещички забрасывай, и погнали лошадей. Нам еще пилить и пилить до ближайшего постоянного двора. А там... в общем, еще пара недель в этом фургоне нам обеспечена. Я что хотел тебе предложить... может, ты вперед полетишь? Подготовишь нам все – дом купишь, обустроишь гнездо? Чего мы все будем трястись в этой телеге? Ты не подумай чего, – спохватился Федор, – еще решишь, что я тебя гоню! Хочешь, будем трястись вместе, нет проблем. Но я и сам бы лучше улетел отсюда поскорее, так надоело в телеге сидеть, и если есть возможность хотя бы тебе не мучиться...

– А если что с вами по дороге случится?

– Да ничего не случится. Первый раз, что ли. Прилепимся к большому каравану. Я охранников многих знаю, ходил с ними не раз. Смотри сам, в общем, решай.

Андрей усмехнулся про себя: ну да, одиночка среди семьи, в замкнутом пространстве фургона – не особо комфортно, да и тесновато. И правда, какого черта он с ними потащится? Можно попросить Гару, отнесет в Анкарру, и все.

– Да, думаю, это верно. Ты немного отсыпь мне там деньжонок. И еще – я рюкзак с чешуйками возьму, попробую продать их. Тем более что дом-то на что-то покупать надо.

– Так ты побольше денег возьми! Пока ты этот мусор продашь, пока дом найдешь, жить-то как-то надо. Я сейчас.

Федор полез в фургон, стал возиться с крышкой тайника, сделанного

специально для хранения ценностей. Тайник был очень искусно замаскирован, так что даже при внимательном осмотре найти его было проблематично, тем более что Федор заваливал его различным барахлом.

– Вот, держи пояс! – Друг кинул Андрею тяжелый пояс, набитый золотыми монетами, потом подал рюкзак с чешуей, шелестящий легкими пластинками, каждая из которых прочнее стали, и сказал: – Ну что, прощаемся в очередной раз?

– Прощаемся, – кивнул Андрей, обнял товарища и недоуменно спросил: – А где Алена с Настенкой?

– Да я их в трактире оставил! – досадливо ответил Федор. – Есть-пить... в сортир бежать – обычные бабские дела. Я-то думал, сейчас тебя зацеплю – и опять поскачем, а пока ехал, и надумал тебе свою идею выдать. Хочешь попрощаться?

– Да ладно, ненадолго же расставание. Скоро приедете. Да, а как будем искать друг друга в Анкаре? Я там ничего не знаю, так что решай давай.

– В купеческом квартале есть трактир «Красная лошадь». Трактирщик Сунар. Вот ему будешь оставлять информацию, где ты находишься. А я как приеду – с тобой свяжусь. Ну все, пока, Андрюха! – Федор еще раз обнял товарища, влез на облучок, хлестнул поводьями лошадей, и фургон закрипел вдоль по улице.

На Андрея навалилось столь тягостное чувство одиночества, что он чуть не бросился бежать следом за фургоном, но опомнился и медленно побрел в дом.

– Я связалась с мамой, – сообщила Шанти. – Она прилетит часа через три. Чем займемся в это время?

– Пойдем в церковь сходим, прощаемся?

– Сходим. С Нертой прощаешься, да? Слушай, как на тебя самки легко клюют, я даже удивлена. Может, это свойство оборотня?

– Сам не знаю, – рассмеялся Андрей и задумался. – И правда, чего это они на меня вешаются? Странно. Раньше такого не было. Впрочем, я женской лаской никогда не был обделен, но чтобы так... Не знаю, сестренка. Вот ты не сказала бы, я бы и не задумался. Пошли простимся с Никодимом и Нертой.

– Само собой, не чужие же, – хихикнула драконица. – Одному ты чуть голову не оторвал, вторую...

– Тсс... не болтай лишнего! Болтушка! – фыркнул Андрей. – Ничего, вот вырастешь, выдам тебя замуж за важного дракона, соорудите с ним дракончика, будешь его учить летать, охотиться, прививать хорошие манеры... чтобы не болтал лишнего.

– Пока мне рано об этом задумываться, – тоном благовоспитанной барышни ответствовала Шанти, но не удержалась и тоже фыркнула: – Честно говоря, мне как-то эти важные драконы совсем неинтересны! Вот что есть они, что нет – безразлично.

– Это ты еще не выросла... вот вырастешь – поймешь. А пока ты пигалица с крылышками, мотылек задрипанный – чего ты понимаешь в любовных делах?

– Понимаю кое-что... тем более на твоем примере, – после недолгого молчания обиженно ответила Шанти. – Вижу, как заканчивается любовь. Прихожу к выводу, что лучше уж тысячи лет одной жить, чем с кем попало яйцо оплодотворять. Да и папаша мой не особенно привил мне любовь к мужскому роду. Один ты исключение – вот был бы ты драконом...

– Эй-эй, извращенка! Брось свои эротические мечты! Мы вообще с тобой брат и сестра, выбрось инцест из своей головы! Надо тебя святой водой обрызгать, может, в тебя бес вселился? – Андрей рассмеялся и легонько щелкнул по носу выглянувшую из кармана Шанти.

– Не хулигань! А то я сама тебя обрызгаю как-нибудь, вот полетим с тобой, а я тебя в реку-то и уроню, узнаешь тогда, как меня святой водой брызгать. А бес в меня не вселится – всем известно, что бес в дракона не может вселиться, дракон для этого слишком силен духом. Потому исчадия и обожают приносить их в жертву на алтаре. Один дракон за десять тысяч душ людей идет.

– Я все слушаю и думаю: сколько зафиксированных случаев принесения драконов в жертву? Ну-ка, статистику мне!

– Хм... я не знаю. Но мама рассказывала – были такие случаи, детенышей находили и приносили в жертву, – растерялась Шанти.

– Мне кажется, это ваши старейшины чего-то мутят, жути нагоняют. С какого такого перепугу душа дракона за тысячу человеческих сойдет? Ты сама-то подумала? По-моему, это ваш, драконов, эпос. Легенды, так сказать. Что, мол, один дракон за тысячу людей сойдет, такой он душевный!

– Да ну тебя! – обиделась Шанти. – Не знаю я. А ты просто хочешь принизить племя драконов. Не буду с тобой разговаривать.

– Даже чтобы попросить меду и молока?

– А есть?

– Есть. Пошли попытаемся, а потом в церковь. А как же ты разговариваешь, если не хотела разговаривать?

– Это только для дела. А так я не разговариваю! Да ну тебя! – прыснула Шанти. – Не могу на тебя долго сердиться. Ты такой болван, а на болванов не обижаются.

– Да? А я думал, наоборот, – ухмыльнулся Андрей.

Они поели, выпили чаю. Это заняло около часа. Потом Андрей собрал вещи и побрел в церковь.

В церкви был аврал: толпа прихожан все мыла, вытирала, женщины бегали с тряпками и ведрами – стены сверкали, пыль и мусор исчезли, как дурной сон. Храм очищался прямо на глазах.

Андрей усмехнулся: и понадобилось-то просто оторвать голову нескольким оборотням да вылечить настоятеля от его дурных привычек – и все заблестело. Если бы так просто было вычистить весь мир... но нужно стремиться к этому.

– Приветствую, Андрей! Зайди в мою келью, поговорим, – радостно встретил его священник, а прихожане с любопытством, тихо переговариваясь, рассматривали странного человека, к которому с таким почтением относится отец Никодим. Не иначе как проверяющий от Синода, не меньше. То-то в церкви началась такая бурная уборка и наведение порядка.

Они прошли в пристройку – тут тоже все изменилось. Чистота, порядок, пахнет ладаном, воском, лежат старинные книги и расстелены чистые ковры.

– Благолепие, правда? – улыбнулся Никодим. – Это Нерта постаралась. Умеешь ты угадывать суть людей, умеешь, Ангел. Вон как все повернулось!

– Не ангел я, – грустно усмехнулся Андрей, – человек, и грехи мои смердят перед Господом. Пытаюсь вот замолить, но не особо получается. Одни замолишь – другие вырастают. Ухожу я. Моя задача тут выполнена. Теперь у вас все будет хорошо.

– Да, Господь не зря привел тебя в нашу деревню, не зря. Ты не в столицу собрался? А то я могу тебе помочь – дам рекомендательное письмо. У меня друг там, священник отец Аким. Мы учились вместе, дружили сильно. Молодые были – почудили по трактирам... о-ох почудили... – Никодим радостно рассмеялся воспоминаниям, и Андрей с улыбкой подумал о том, что бурсаки что на Земле, что тут никогда не отличались особым смирением и всегда первые были в драках и питии – вспомнить только романы Гоголя.

– Напиши, конечно. В Анкару пойду. Туда меня Господь призывает.

– Ну и славно.

Никодим сел за бюро с поцарапанным лакированным покрытием, достал хрустящий лист желтоватой бумаги, гусиное перо, чернильницу и что-то долго писал, усердно водя пером. Потом посыпал бумагу мелким

песком и осторожно стряхнул его обратно в баночку. Андрей с интересом наблюдал за процессом – это тебе не шариковой ручкой нацарапать, так сам Пушкин писал! Чудно видеть такие древние предметы для письма в действии.

Никодим поднял бумагу и громко прочитал:

– «Друг мой Акодим! Податель сего – человек благочестивый и надежный, на него можно положиться во всем, и я ему обязан самой жизнью. Помоги ему чем сможешь ради меня. Твой друг навсегда Никодим. Во имя Господа нашего!» Держи, не потеряй. Он сейчас секретарь Великого Синода, большая шишка. Имеет связи на самом верху, сам патриарх к нему прислушивается. Так что он тебе может многим помочь – ради меня. А ты... ты поможешь ему. Если сочтешь нужным. Во имя Господа. Ну что, прощаемся?

– Прощаемся. – Андрей взял бумагу и положил ее в пояс, к деньгам. Это письмо и вправду могло ему помочь гораздо больше, чем деньги. Иметь деньги – еще не все, мир держится на связях, это Андрей уяснил давным-давно.

Андрей обнял настоятеля, похлопал его по спине ладонью, и тут Никодим отстранился, испытующе поглядел в глаза своему неожиданному «инспектору» и негромко спросил:

– У тебя с Нертой что-то есть? Извини, что лезу не в свое дело, просто она такая хорошая женщина... если у тебя с ней ничего нет, я бы, может, ее в матушки взял. А что – и дети у нее есть, мои будут. А может, и еще народим. Что я все бобылем хожу... мне уже в Синоде выговаривали за это. А то, что пока меня не любит, так женщина умная, слюбится.

– Нет, ничего у меня с Нертой нет, – почти не покрывив душой, ответил Андрей. – Женитесь, заводите детей – думаю, что все у вас будет хорошо. Уверен. Ну все, отец Никодим, мне пора в дорогу. Сейчас сдам ключи хозяйке и пойду. Отпустишь ее на полчаса? Мне надо вещи забрать, а она дом запрет. Все-таки деревня проезжая. Мало ли кто тут шастает.

– Конечно, конечно. – Настоятель с готовностью закивал головой, отчего его расчесанная, чистая борода заколыхалась в воздухе.

Андрей еще раз внимательно окинул взглядом священника. Тот заметно изменился после лечения и встряски: чистая ряса, вымытая голова, свежее лицо – приятный, благообразный человек, в глазах которого светится интерес к жизни и разум.

Захватив с собой Нерту, Андрей отправился к ее дому. Женщина была румяна, глаза блестели, и выглядела она совершеннейшей красавицей, даже помолодела. Андрей забрал вещи, шагнул к порогу, но Нерта остановила

постояльца и, положив руки ему на плечи, сказала:

– Спасибо тебе за все. – И крепко поцеловала в губы. Нахмурилась, вытерла слезы запястьем и улыбнулась. – Отец Никодим предложение мне сделал. Как ты думаешь, сладится у меня с ним? Не начнет он пить?

– Думаю, нет. Будь спокойна. – Андрей утвердительно прикрыл глаза, потом легонько похлопал Нерту по плечу и вышел на крыльцо.

Шанти уже давно сказала ему, что Гара ожидает за околицей, чуть дальше того места, где они бились с оборотнями, так что ему нужно было поторопиться – зачем испытывать терпение драконицы.

Впрочем, его опасения были беспочвенными. Гара, как и все драконы, отличалась невероятным терпением, и даже удивилась, когда они с Шанти так быстро прибыли на место. Драконы никуда не торопятся – зачем? За десятки тысяч лет жизни понимаешь, что спешить-то особенно некуда: что есть – уже было, пройдет это – будет то же самое.

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но *это* было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после»^[1].

И древние были правы – уж кто-кто, а драконы могли подтвердить эту истину...

Сколько составляет скорость летящего дракона? Андрей определил ее примерно километров сто пятьдесят в час. Сколько нужно времени, чтобы пролететь расстояние в семьсот километров? Около пяти часов. Но это теоретически.

Практически же пришлось по дороге приземлиться в лесу. Гара и Шанти полетели на охоту и, довольные, радостные, вернулись часа через два, когда Андрей уже весь изошел на ругань и сердито швырялся еловыми шишками в лесной ручей. Он им, конечно, ничего не сказал, но Шанти чувствовала, что друг очень сердит, и всю оставшуюся дорогу подлизывалась, занимая рассказами из жизни драконов и жизни людей. Иногда вмешивалась Гара и поправляла дочь, добавляя такие подробности, от которых у Андрея глаза на лоб лезли. Например, он узнал, что на юге существует еще один материк и вокруг него кучи островов, тоже населенных людьми. Какими – Гара не пояснила. Люди и люди, какая разница дракону, что это за люди такие? Сам факт того, что существуют еще какие-то цивилизации этого мира, был очень, очень интересен. Не там ли таится разгадка, откуда взялись исчадия?

К Анкарре они подлетели уже к вечеру. Как и всегда, Гара отнесла их

черт-те куда, заявив, что не собирается распугать весь город своим появлением и что немного надо и своими ногами потрудиться, а то ожиреют. Андрей не возражал и вступил в столицу уже в сумерках – потрудиться ему пришлось еще два часа, так как этот «боинг» выкинул их километров за семь от городских ворот.

Сразу после приземления Андрей отметил разницу климата северной Славии и Балрона, особенно в столице – Анкарре. Тут было лето. Осенью еще и не пахло, и вряд ли запахнет. Пальмы попеременно с какими-то хвойными деревьями, названия которых Андрей не знал, а самое главное – море. Сверкающее под последними лучами уходящего в него светила, зеленовато-голубое – он увидел его еще с Гары и предвкушал, как будет в нем купаться. Пейзаж чем-то напоминал сочинский, только не было гор. Поросшие травой пологие холмы, леса, переплетенные лианами, – даже не леса, а уже джунгли...

«Нет, все-таки не Сочи, – решил Андрей, с матом продираясь через какие-то колючие липкие лианы и убивая кровососа, с жужжанием приземлившегося ему на затылок. – Это гораздо хуже Сочи».

Он успел пройти в город, когда солдаты стражи уже целились закрыть створку ворот. Стражник поймал пять медяков за проход путника, и тяжелые ворота закрылись, закрыв город до рассвета. Вообще-то Андрей не понимал этого обычая – зачем закрывать эти чертовы ворота, когда все равно никто не собирается напасть и завоевать город ночью? Что, нет патрулей на дорогах, которые предупредят о приближении врага? Или ночью активность врага резко возрастает, да так, что надо прятаться за закрытыми воротами?

Поразмыслив, Андрей решил, что закрытые ворота служат для контроля за населением – если кто-то начудит, сбежать из города будет проблематично. Если только по морю? В Анкарре был порт, где оттаивались и разгружались купеческие, а самое главное – рыболовецкие суда. Ну и военные, конечно. Где купцы, где деньги – там всегда бандиты и пираты, без этого не обойтись.

Андрей, обливаясь потом в своей тяжелой осенней куртке, огляделся по сторонам – вот он и в Анкарре. Не прошло и года. Путешествие на такие расстояния в средневековом мире занимает чересчур много времени. Времени, выбитого из жизни путешественника. Тупое, одуряющее передвижение по разбитым трактам, трактиры и гостиницы, один в один повторяющие друг друга, – это просто ужасно.

Кстати, о гостинице. Куда идти? Ночевать-то где-то надо. А уж с утра... А что с утра? Что делать? С чего начать? Наверное, сначала. Найти

дочь Марка, помочь, если ей нужна помощь, ну и... нужно делать карьеру. Какую? Военную, наверное. Ну что он еще умеет делать? Хм... вообще-то умеет – лечить, например. Нет, это надо решать как-то по-другому, и это нужно обдумать. Нужен какой-то социальный статус в этом мире, нужно имя. И его как-то надо сделать, имя-то. Как там этот трактир именовался? «Красная лошадь»?

– Эй, уважаемый, а где тут найти гостиницу «Красная лошадь»?

– Извозчика поймай да и поезжай – они все знают. А нам по трактирам некогда ходить, – хмуро отбрил его случайный прохожий, пробежавший с рулоном ткани, – то ли портной, припоздавший от купца, то ли воришка, поперший где-то эту самую ткань.

В общем-то идея насчет извозчика была очень дельной, так что Андрей с удовольствием ею воспользовался. Вот только найти этого самого отлынивавшего от работы извозчика он никак не мог – они как будто попрятались по щелям. Ему даже подумалось, что, может, с наступлением сумерек эти труженики вожжей и кнута прекращают работу, как провинциальные автобусы? Потом вспомнил – надо свистеть. Он никак не мог привыкнуть, что извозчика в этом мире подзывают именно так. Ему это казалось неприличным и даже опасным – за свист в спину он вообще-то и в морду бы дал. Но тут свои порядки.

Андрей оглушительно свистнул, морщась и мысленно плюясь, и, как по волшебству, перед ним через пару минут стояла пролетка с извозчиком, одетым в жилетку на голое тело и в цветные шальвары. На его голове торчало что-то вроде ермолки, придававшее «водиле» очень забавный вид. А еще через пять минут Андрей уже мчался по улицам города на дьявольском сооружении, выбрасывающем искры из-под колес и оглашающем невероятным грохотом всю округу. За такое пренебрежение к порядку и тишине на Земле уже давно бы водилу засунули в каталажку, но тут все было в порядке вещей. Он еще и свистел на ходу, гикал и был совершенно доволен жизнью и пассажиром, не особо торговавшимся за каждый медяк. Андрей заподозрил, что его надули минимум процентов на тридцать – сорок, но он был не в том настроении, чтобы вести длительные переговоры с целью минимизировать транспортные расходы. Вообще-то настроение у него было не очень хорошее – новый город, ни одного знакомого человека, все надо начинать заново. Груз ответственности, груз мыслей – о прожитом, о будущем...

Андрей стал прислушиваться к болтовне извозчика, и в его словах, которые тот вставлял между свистом и гиканьем, уловил некую информацию, которая его заинтересовала:

– Уважаемый, что за турнир, говоришь?

– Ну как? Разве вы приехали не на турнир? Я думал, на турнир. Каждый год проводится, осенью. Через неделю будет. Неужто не слышали про турнир? А откуда вы прибыли? Из Славии? А! Теперь ясно – дикая страна, дикая. Даже про турнир не слышали. Фехтовальный турнир, да. Наш император организует его каждый год, как и его отец, как и его дед. Лучших фехтовальщиков знают все – вот прошлый турнир выиграл Гортус Шанский, позапрошлый тоже он, два года назад – Зиртон Герский, а три года назад...

– Погоди. Расскажи про турнир – что там делают, какой приз, кто участники и кто вообще там может участвовать?

– Любой житель страны – мужчина или женщина, без разницы. Выигравший получает приз – тысячу золотых, и знак – серебряная сабля на черном фоне. Его могут пригласить на службу императору, где он тоже будет получать хорошее жалованье. Если захочет пойти на службу, конечно. Большинство победителей и призеров турнира служат императору. А у тех, кто не служат, или свои фехтовальные школы, или же им просто ничего не надо – это аристократы, у которых денег просто море. Им главное – слава. Женщины же любят победителей, не так ли? – Извозчик весело подмигнул и щелкнул кнутом так, что тот как будто выстрелил.

– А иностранцы могут участвовать в турнире? – с интересом осведомился Андрей.

– Не знаю... сомневаюсь, – задумался извозчик. – В правилах вроде такого нет, чтобы запрещалось, вот только кто его туда допустит? Как это – иностранец и выигрывает наш Балронский турнир! Это невозможно! Это скандал! А забавно было бы, если бы иностранец настучал нашим победителям по башке, что-то они зажрались, мне кажется. Одни и те же все время выигрывают, одни и те же. Понимаете? Нет интриги!

– Ты очень много знаешь о турнире, – усмехнулся пассажир. – Неужели и все жители города так много о нем знают?

– Почему и нет? Не так много у нас удовольствий, за исключением турнира и сожжения исчадий – и развлечься нечем.

– А что, у вас исчадий сжигают? – нахмурился Андрей. – И что, много исчадий казнят?

– Не так много, как хотелось бы, они научились прятаться. Скрывают свою гнусную сущность. Инквизиторы ищут их, иногда находят. Некоторые исчадия никак не могут скрыть свои демонские способности – говорят, что видят вокруг людей какое-то свечение, что они лечат, а не наводят порчу... Мерзкие вруны! Всем известно, что исчадия владеют волшебством, что они

наводят таким образом порчу. Слава богу, у нас есть инквизиция, которая искореняет эту гадость!

– А кто главный инквизитор в стране?

– Отец Харт. Первый инквизитор. Он только глянет на человека – и сразу видит, кто тот есть! Никогда не ошибается. Исчадия его до дрожи боятся. Он их чует. И они всегда сознаются в своих преступлениях, если за дело берется отец Харт.

– Долго еще ехать? – угрюмо спросил Андрей и, получив ответ, замкнулся и больше не заговаривал с извозчиком. Ему стало тоскливо и нехорошо.

В кармане зашевелилась Шанти, высунула мордочку наружу и спросила:

– Чего переживаешь? Что тут оказалось не намного лучше, чем в Славии? А чего ты ожидал? Царства всеобщего благоденствия, раз тут стоят церкви и молятся Богу?

– Не совсем, конечно, но не до такой же степени. Хотя... на Земле именем Божьим тоже творилось непотребное, почему тут должно быть исключение? Может, я и правда тут оказался с инспекторской проверкой, разгрести эти завалы дерьма? Но как я могу, Шанти? Я же один! Ну что я могу сделать! Как я в одиночку могу свернуть такую махину? Меня отчаяние берет...

– Начнем с того, что ты не один. Есть еще я – ты даже обижаешь, говоря, что ты один. Во-вторых, у тебя в этой стране есть друзья – тот же отец Никодим, а у него еще друзья, это тоже немало. Ты слишком торопишься. Вот чем мы, драконы, и отличаемся от людей – мы не спешим. Зачем спешить? Время все уладит, время источит камни и рассыплет их в песок. Надо лишь слегка помочь, подтолкнуть. Может, ты и есть вот такой толкатель. Успокойся и давай-ка решим вопрос с жильем, и самое главное – с едой. Я проголодалась. И еще – хочу в кустики. Если он сейчас нас не привезет, я ему наделаю прямо в его грязную телегу!

Напакастить в повозку ей не пришлось, потому что буквально через пять минут та остановилась перед неприметным зданием с вывеской, напоминающей картину «Купание красного коня», только без голого мальчика. Да и слава богу. Андрей точно бы не пошел в заведение, где на вывеске голые мальчики. Девочки – это куда ни шло, но и они не соответствовали его нынешнему депрессивному настроению. Ему хотелось забиться куда-нибудь в нору и никого не видеть длительное время.

Он и сам не мог определить причин такой дикой депрессии, когда душу сжигает темное пламя раздражения, злобы и недовольства всем

миром. Будучи человеком дисциплинированным и привыкшим сдерживать свои эмоции, Андрей не позволял себе проявлять признаки раздражения, изливать его на окружающих, но как ему хотелось сейчас вылить на кого-нибудь эти помои из души! Впрочем, как и любому человеку. Он ведь не был святым.

В гостинице былолюдно – Андрей ожидал чего-то подобного, как только речь зашла о турнире. Он представлял, сколько людей должно съехаться в Анкарру, если этот турнир был настолько популярен. И приз, кстати, недурен, тысяча золотых – огромные деньги для этого мира. Это дом, это сытное существование, это слава, известность.

Комната нашлась, но такая убогая, что Андрей вышел из нее в еще большем раздражении – похоже, что в ней держали метлы и швабры, а когда съехалось много народу, решили освободить для запоздавшего клиента. Он оставил свой рюкзак и вещмешок с барахлом в этой каморке и отправился в обеденный зал.

После усиленного поиска свободного места Андрей все-таки нашел себе уголок за длинным обеденным столом возле стены, отодвинув в сторону какого-то пьяницу, заснувшего на столешнице. Стряхнув крошки на пол, дождался подавальщицу и сделал заказ, как всегда, вызвав удивление просьбой принести сырой печенки, меда и молока, и, как всегда, ему пришлось демонстрировать свою подружку, весело выглядывавшую из кармана. После этого и после восторженных восклицаний официантки о красивеньком животном его оставили в покое, наедине со своими мыслями, если не считать шума и крика клиентов вокруг. Бренчала какая-то разухабистая музыка, с притоптыванием плясали мужчины, водя по кругу развеселых дамочек, – все, как всегда.

Принесли еду, и Андрей посадил на стол Шанти, принявшуюся жадно поглощать печенку и молоко. Пока ел, Андрей внимательно рассматривал людей вокруг, стараясь делать это так, чтобы они не замечали интереса к себе. Недаром у зверей внимательный взгляд вызывает приступ агрессии, взгляд в упор – это вызов. Андрей это знал, так что ему приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы рассмотреть окружающее, но и не ввязаться в драку. Хотя... при его настроении хорошая драка была бы как раз вовремя.

Народ был пестрым. Группы возчиков, легко узнаваемых и по поведению, и по специфическим одеждам, охранники караванов, мужики бывалые, часто со шрамами на лице – работа не сахар. Купцы сидели отдельно кучкой, и вокруг них клубились дамочки более симпатичные и молодые, чем у остальных посетителей, – к деньгам липнут, безошибочно

определил Андрей. Одеты все были по-разному, так что он никак не мог понять, есть ли какие-то отличия в моде у населения Славии и Балрона. Не было никакой четкой границы – вот так одеваются в Славии, а вот так – здесь. Было небольшое отличие в пестроте и яркости одежды у женщин, это да. Чуть более глубокие декольте, чуть более обтянутые бедра... а может, ему это просто показалось.

Когда Андрей заканчивал ужин, дверь в трактир распахнулась и вошел человек, сразу обративший на себя внимание Андрея – он был в черной одежде, ничем не напоминающей одеяние земного монаха, но наводящей на мысль о ней. Видимо, своим строгим покроем, аскетичностью. А может, сам человек наводил на подобные мысли – он был таким серьезным, таким строгим и важным, так горели его глаза, глубоко запавшие в глазницы, что все вместе оставляло ощущение холодного, безудержного фанатизма.

В толпе зашептали: «Инквизитор, инквизитор!» Шум сразу стих, а у барной стойки, куда тот направился, вокруг него сразу образовался кокон вакуума, как будто все боялись дотронуться до его рукава даже случайно. Это живо напомнило Андрею Славию – так ходили исчадия, так же с удовольствием ловили почтение и страх окружающих и наслаждались всеобщим вниманием.

Инквизитор спросил что-то у трактирщика – Андрей расслышал какое-то имя, ничего ему не говорящее, – и вышел из заведения. Люди сразу же зашумели еще сильнее, как будто нагоняя упущенное, Андрей же задумался: не из огня ли да в полымя он попал?

Ничего не решив для себя и полный самых отвратительных предчувствий, он отправился в свой чулан, с тем чтобы утром заняться поисками дочери Марка, а еще – найти подходящее место ночлега. Нынешнее ему совсем не нравилось. Все, на что он надеялся, что в старой кровати, которую впихнули в чулан, нет клопов. Уверенности в этом не было.

Глава 9

Суеты на улицах было больше. Или ему показалось? Ощущение такое, как если бы Андрей попал в Москву 1980 года – Олимпиада, открыт железный занавес, и все такое, бла-бла-бла... Это вот «бла-бла-бла» несло со всех тротуаров, из открытых дверей трактиров, с помостов уличных кафешек.

Кстати, он заметил одно местное отличие от Славии – тут было огромное количество небольших харчевен перед трактирами, где под навесами можно было сидеть, пить чай или вино, наблюдать за городской суетой и разговаривать. В Славии, вероятно, было слишком для этого холодно, но здешний мягкий субтропический климат позволял наслаждаться теплом круглый год.

Андрей оставил куртку в комнате, пошел на улицу в штанах, рубаше навыпуск и сапогах. Он не особенно выделялся в толпе, если не считать бледности кожи – загорать ему было некогда и негде, осень давно уже захватила Славию ежовыми рукавицами, и солнце не так уж и часто выглядывало из-за облаков.

Его путь лежал в магистрат, администрацию города, ведающую всеми хозяйственными делами. Он уже расспросил трактирщика, как устроено здешнее руководство городом, и не нашел особых отличий от Славии и даже от Земли. Система была практически одна и та же. Во главе магистрата стоял бургомистр, советники (читай – замы главы администрации) ведали определенными секторами деятельности, отделами, в которых сидела куча чиновников и праведно или неправедно творила свои дела. Само собой, через магистрат проходили все крупные и серьезные сделки с недвижимостью, осуществлялась забота о городе, его жизни и благоустройстве. И главное, магистрат нес также функции налогового органа – налоги со всех предприятий, купцов, все поборы за въезд и вход в город, налоги с дыма и налоги с телег, все шло сюда. Ну а раз налоги собираются, значит, ведется учет того, с кого они собираются: должны быть учтены все законопослушные граждане города, платящие налоги, – купцы, лавочники, трактирщики и всякая мастеровая компания. А если налоги с дыма – значит, учет домов и того, кому они принадлежат.

Задача была простой: зайти в магистрат, узнать, где обитает некая Антана, дочь купца Марка Нетурского, ну и... все в общем-то. Антане сейчас должно было быть лет девятнадцать, по здешним меркам вполне

взрослая девушка. В этом возрасте многие женщины уже имели по два-три ребенка, но, как сказал ему некогда Марк, Антана была еще сущим ребенком, когда он отравился в свою последнюю поездку, так что вряд ли она за это время обзавелась семьей и детьми. Впрочем, кто знает? Уж не Андрей, это точно.

Каменное здание с высокими сводчатыми потолками и лепниной – вероятно, оно должно было подавлять своим величием сразу, как только посетитель входил внутрь. Каменные лестницы, каменные статуи... бесполезная, бессмысленная роскошь, вызывающая отторжение и неприязнь – ведь это на деньги налогоплательщиков, с которых сдирали последнюю рубашку, грозили судами и отбирали имущество, заработанное годами.

«Что изменилось со времен Средневековья? – думал Андрей, глядя на это торжество чиновничьей воли и медленно поднимаясь по лестнице на второй этаж. – Только что вместо лошадей стали ездить на автомобилях, а как грабили народ, так и грабят во всех мирах».

Стражники строгим взглядом обшарили его фигуру, убеждаясь, что посетитель не принес арбалета или боевого топора, чтобы снести голову одному из чиновников, и пропустили его, объяснив, что учет домостроений и налоговый отдел находятся на втором этаже.

Длинный коридор с множеством дверей привел Андрея в тоскливое состояние, но он переборол себя и, толкнув первую попавшуюся дверь, оказался в большой комнате, заполненной рядами столов, на которых писцы чего-то переписывали и рисовали гусиными перьями, а потом подтирали и подчищали. Их тут было штук двадцать, не меньше, этих представителей офисного планктона. Позади всех сидел за отдельным столом важный господин лет пятидесяти, который наблюдал за процессом, как пастух наблюдает за стадом баранов.

Писцы в комнате стали оборачиваться на вошедшего, и начальник отдела строго прикрикнул:

– Работать! Работать, бездельники! – Потом он воззрился на Андрея, как на вошь, ненароком перескочившую на роскошный костюм с рубахи нищего, и с отвращением спросил: – Чего надо?

Андрей помедлил с ответом, сразу ощетинившись, как еж, и таким же голосом, холодным и с оттенком отвращения, сказал:

– Информация нужна.

Достав из кармана серебряник с профилем императора Славии, он бросил его на стол чиновника, зная, что это подействует лучше, чем если бы он долго уговаривал или угрожал расправой.

Так оно и вышло. Монетка волшебным образом испарилась, как втертая в стол, – доля секунды, и стол ее впитал, как тряпина заглатывает неосторожного путника, голос чиновника сделался сахарным, добрым и родным, как будто он увидел доброго друга, не виденного много-много лет.

– Чем могу помочь, уважаемый? Хорошему человеку – все что угодно!

Андрей подавил в себе желание сказать гадость и осведомиться: с чего тот решил, что он хороший человек? Затем сформулировал как следует свой вопрос и сказал:

– Мне нужна информация о жителе города. Вводные данные: девушка, лет девятнадцать – двадцать, звать Антана, дочь купца Марка Нетурского. Услуги будут вознаграждены. – Андрей достал и катнул по столу еще один серебряник.

Чиновник ловко его поймал, посветлел лицом, потом задумался:

– Сложная задача. Много людей придется задействовать, отвлечь от работы...

Андрей достал золотой, толкнул его по столу:

– Это поможет компенсировать труд этих людей?

– Половины – да...

Еще золотой отправился в ловкие липкие пальцы чиновника, и его как ветром сдуло со своего места. Он чуть не на руках отнес Андрея к креслу, усадил в него и, всячески раскланиваясь, выбежал из комнаты, будто за ним гнались демоны. Выбежал с уверениями, что все будет в лучшем виде и просто-таки замечательно.

После его ухода вначале было тихо – минут пять, потом клерки обнаружили отсутствие надсмотрщика и занялись тем, чем занимаются все клерки, когда за ними не следит начальство. Одни достали бутерброды и стали их жевать, запивая из бутылки чем-то подозрительно похожим на вино, другие вскочили со своих мест и принялись возбужденно обсуждать шансы бойцов на предстоящем турнире, в общем, пошел дым коромыслом, и только работать никто не желал – жалованье остается тем же, сколько бы они ни сделали, так зачем тогда упираться?

Ближайший к Андрею молодой клерк с улыбкой сказал:

– Вам это обошлось бы дешевле, если бы обратились напрямую в департамент налоговых сборов. А так он половину себе хапнет, половину им отдаст – а результат тот же.

Андрей лишь кивнул – ему было плевать на деньги, они у него были, и он надеялся, что и впредь будут. Как ни странно, последние месяцы они сами по себе к нему липли, даже без его особого участия. Стоит ему продать драконью чешую, и он будет гораздо богаче... впрочем, он не знал,

что будет, стоит ему продать чешую. Дадут ли чего-то за нее или нет.

Он посидел, подумал и спросил словоохотливого клерка:

– Скажи, а где записываются на турнир? Кто принимает заявки на участие?

– Тут и принимают, в магистрате. – Клерк удивленно приподнял брови. – Вы хотите участвовать в турнире? – Он внимательно осмотрел Андрея с головы до ног и с легкой усмешкой сказал: – Что-то вы не похожи на бойца. Нет-нет, не подумайте, я не хочу вас оскорбить, просто они такие здоровенные, такие могучие, такие...

– И что, все такие могучие и здоровенные? – усмехнулся Андрей.

– Вообще-то нет, – согласился парень. – Гортуса никак не могу назвать здоровенным – он маленький, руки зато как у обезьяны. А предплечья – оглоблей не перешибешь. Могучий, да. Но не мускулистый. Мне рассказывали, что им нельзя сильно набирать мышцы – скорость теряется. Это мне зять рассказывал – он служит в страже императора. Говорит, у них специальные упражнения, для скорости и ловкости. Гортус тот муху в воздухе двумя пальцами ловит. Я видел его на прошлом турнире, вот верите – даже не рассмотреть, как он бьет саблей! Только туманный след, и все. Бац! – и противник уже побит.

– Тупыми саблями бьются? – задумчиво спросил Андрей.

– Конечно! Говорят, во времена деда нынешнего императора бились и острыми саблями, до смерти, но теперь – только тупыми. «Мы же цивилизованные люди, зачем нам смерть на арене? Тем более что турнир служит для выявления лучших, а не для наслаждения смертью и кровью!» Хорошо сказано, да? Это наш император сказал. Кое-кто хотел, чтобы турнир был кровавым, вот он и выступил перед его началом в прошлом году. Есть партия, ратующая за восстановление старинных обычаев, они и требуют возвращения к кровавым зрелищам. Мол, это поднимает дух народа.

– Хм... а ты умненький. – Андрей взгляделся в лицо клерка. – Что ты делаешь в этом вертепе?

– Как что? Зарабатываю деньги, – усмехнулся парнишка. – Стабильное жалованье, крыша над головой. Коплю деньги на университет. Два года отучился – временно взял отпуск. Отец помер, кто будет обеспечивать? Мать по знакомству пристроила сюда, в канцелярию статистики. Жалованье неплохое, начальник не сильно притесняет – чего еще надо? Окончу университет – стану лекарем, буду иметь деньги. А сейчас приходится терпеть. Бывает и хуже. Это же не канавы копать под дождем на дорожных работах.

– Ты вот что... проводишь меня туда, где подают заявки на турнир? И вообще, раз ты все знаешь, не согласишься сопроводить меня как консультант сегодня днем? Мне нужно несколько мест посетить, я города вообще не знаю. Я тебе заплачу.

– Я бы с удовольствием, – улыбнулся парень, – да Гиом не отпустит. Я же тут на работе все-таки, а не просто так.

– Думаю, мы это уладим. Тебя как звать?

– Зоран. А вас как?

– Андрей.

– Вы и вправду хотите побывать на турнире в качестве участника? Подумайте прежде – несмотря на то что бьются тупыми саблями, без калек и смертей не обходится ни один турнир. Бойцы и правда сильные, со всей страны. Каждому хочется попытаться взять куш, а кроме того, перед ним открыты все двери для карьеры. Так что собираются все кому не лень – и наемники, и дворяне.

– Иностранцы есть?

– Я так и понял – вы из Славии. У вас акцент небольшой, и лицо бледное для балронца. Говорят, раньше участвовали и иностранцы, но потом по каким-то причинам их перестали регистрировать. Вроде как распоряжение императора. А может, просто произвол чиновников – ему-то, императору, какая разница, кто участвует? Все равно выиграет балронец – наши фехтовальщики самые лучшие в мире! У нас в школах детей учат фехтовать – считается, что это лучшая гимнастика. И я фехтую – конечно, не так хорошо, как победители турнира, но кое-что понимаю. Поэтому у нас такой интерес к фехтованию, все просто помешаны на нем.

– Вот, готово! – В дверь ворвался запыхавшийся Гиом и протянул Андрею листок, убористо исписанный со всех сторон. – Тут все данные на вашу Антану. Кстати, сейчас идет выселение ее из дома. Оказывается, она задолжала империи и имперскому банку кругленькую сумму. Имущество описали и сейчас будут опечатывать особняк купца. Задолжала не она, конечно, ее папаша, но какая разница? Имущество принадлежит купцу, так что платить ему, а если его нет – то наследнице. Еще какие-то вопросы ко мне есть, уважаемый?

– Мне нужен вот этот молодой человек на несколько дней. Возможно ли устроить ему отпуск на неделю, с сохранением жалованья?

– Не знаю... – туманно сказал чиновник, выразительно шевеля рукой, и, получив в нее золотой, просиял, радостно похлопал Зорана по плечу. – Иди помоги господину, не посрами звание чиновника магистрата! Помоги ему консультациями – зря, что ли, я тебя учил?

– Вот скотина! – радостно засмеялся Зоран, когда они с Андреем вышли в коридор. – Он, видишь ли, меня учил! Чему это, интересно? Вот любитель пыль в глаза пустить! Ну, Андрей, что будем делать? В чем проконсультировать? Могу указать место, где подают великолепных молодых осьминогов в белом вине с пряностями. Или показать, где находится бордель с красивыми девочками без дурных болезней. Не нужно? Ну тогда пойдем устраивать вас на турнир, чтобы вы наконец сбили спесь с этого хренова Гортуса?

– А почему у вас его так недолгобливают? – поинтересовался Андрей. – Извозчик мне тоже про него не очень хорошо говорил. Чего это такого в нем?

– Больно уж жесток, на мой взгляд. Ему надо не просто победить соперника, а еще и унижить его, вытереть об него ноги. Эта обезьяна очень, очень сильна. И он родовитый – сын одного из приближенных императора, советника Карлоса. Да и вообще, хватит ему уже! Хочется и еще кого-то увидеть в победителях. Я же столичный житель, а мы любим интригу, любим перемены – хлебом не корми, дай пошуметь и побунтовать! Вот и извозчик тоже такой.

– Понятно. Слушай, как мне узнать, сколько остался должен купец Марк Нетурский и можно ли как-то уладить выселение его дочери?

– Имеете интерес к девчонке? – подмигнул Зоран. – Да нет, ничего, вы мужчина красивый, почему и нет.

– Болван ты, – усмехнулся Андрей. – Я в жизни ее ни разу не видал – долг у меня перед ее отцом, обещал помочь ей чем могу. Так что как ситуацию выправить?

– Давайте так рассудим. Задача: имеется долг – налоги, заем в имперском банке. Решением налогового управления в погашение долгов изымается собственность должника. Что с ней будет? Ее продадут с торгов. Или просто любому желающему. Как сделать, чтобы эта собственность стала вашей? Пойти к тому, кто ведает долгами, отчуждением собственности и всякими такими гадкими штуками. Кто это такой? Начальник налогового управления, конечно. Вот как к нему подойти и что он запросит – это уже вопрос. Персона видная, важная, но деньги любит, очень любит. Хватит ли у вас средств, чтобы суметь его заинтересовать?

– Зависит от того, сколько они хотят взять за долг, само собой.

– Ага. Только вам не кажется, что мы не выясним это, пока не посетим этого достопочтенного господина? Пошли за мной! – Зоран понесся по коридору, как управляемый снаряд, так что Андрею пришлось почти

бежать. Они пробежали несколько переходов, лестниц, потом поднялись на третий этаж и наконец оказались у высокой двери с гербом нынешнего императора.

– Вот сюда. Но я туда не пойду, по чину не положено. А вы идите, да посмелее – тут уважают силу, робких не любят.

– Слушай, а почему тут охраны нет? – помедлил у двери Андрей. – А вдруг кто задумает главного налогового грохнуть?

– Есть, все есть. У него внутри охрана, – усмехнулся парень. – Резких движений не делайте, могут прибить. А если оружие есть – оставляйте, туда с оружием не пускают. Ну все, удачи, я вас жду тут.

Андрей толкнул дверь и оказался в приемной, где вдоль стен стояли кресла, на полу были настелены ковры. В приемной были только два здоровилы, напоминающие вышибал. Они внимательно осмотрели Андрея, потом один из них встал и равнодушно спросил:

– Вы по какому делу к господину Сиррусу? Он вам назначал?

– Нет, не назначал. Я по важному делу, обоюдовыгодному для империи и для него. Мне нужна аудиенция.

– Ну мало ли кому она нужна. Раз не назначал – уходите и не мешайте. Я что-то неясно сказал? – Мужчина угрожающе шагнул к Андрею, держа руку на небольшой толстой дубинке, заткнутой за пояс.

– Я по очень важному делу, – спокойно повторил Андрей. – Прошу доложить ему обо мне и сообщить, что он получит выгоду от общения со мной.

– Да что же это такое! – пожал плечами охранник. – Ты знаешь, сколько таких, как ты, каждый день пытается пролезть к господину Сиррусу? Замучился выкидывать идиотов. Иди, иди отсюда, пока я тебе башку не разбил или не сдал тебя в каталажку!

– Я заплачу за то, чтобы ты доложил Сиррусу. – Андрей достал серебряник и продемонстрировал его охраннику.

Увы, то ли серебряника было мало, то ли охранник был слишком честным, то ли просто встал не с той ноги, но монету он не взял, а, схватив за шиворот, потащил Андрея к двери.

Вот чего Андрей не любил, так это насилия над своей личностью, а еще когда его планы разбивались о чужую тупость. Так все было хорошо продумано – и на тебе, на его дороге оказался небольшой камешек в виде вот этого бритоголового здоровилы!

Андрей перехватил широкое запястье руки, держащей его за шиворот, слегка присел, сделав неумовимое движение, взял эту руку на излом так, что противник был вынужден согнуться, а потом и упасть на колени.

Андрей с силой хлопнул его по ушам, и охранник, зажав голову, свалился на пол, страдая от невыносимой боли.

Второй охранник выхватил из-за пояса дубинку и пошел в полуприсяде, перекидывая свое оружие из руки в руку. Он был профессионалом и участвовал во множестве драк, но никогда не встречал противника-оборотня. А поэтому был очень удивлен, когда на том месте, куда он опустил дубинку, никого не оказалось, а сам он каким-то образом был зажат рукой негодяя, взявшего его за горло. Секунду, две он пытался вырваться из стальных объятий, но сознание померкло, и он обмяк как мешок. К этому времени первый охранник попытался встать, отойдя от потрясения, и пришлось его уговорить, хорошенько стукнув в основание черепа.

Андрей рассадил охранников по креслам и, подойдя к двери, ведущей в кабинет налогового босса, толкнул ее и вошел.

Как и ожидалось, довольно богатое убранство, ковры, резные украшения окон, позолота и всякая богатая безвкусица, что частенько присуще людям, желающим показать свое могущество и богатство.

Хозяин кабинета сидел за столом, перед ним стояли два молодых человека, видимо секретари, подкладывали на подпись документы, которые он быстро проглядывал и подписывал, не особенно вникая в их содержание. После появления Андрея он поднял глаза и как будто с облегчением оторвался от производственного процесса. Удивленно осмотрев приближающегося к нему незнакомца, чиновник, хмыкнув, спросил:

– Это еще что такое? Почему без доклада? Кто пустил? Как ты сюда попал?

– Через дверь, как и все, – невозмутимо ответил Андрей. – Я предлагал доложить вам обо мне, но охранники почему-то не пожелали меня выслушать. Поэтому я и вошел без доклада.

– Да-а? Эртан, ну-ка погляди, что там с этими болванами? Как это он прошел мимо них? Я за что плачу им деньги вообще-то!

Один из секретарей бросился в приемную и тотчас вернулся, с изумлением и испугом на пухлом лице.

– Они то ли спят, то ли мертвы!

– Да не мертвые они! Успокоил я их, – досадливо хмыкнул Андрей. – Эти идиоты не выслушали, ничего не спросили – сразу давай руками человека хватать. Вот и пришлось их успокоить. Господин Сиррус, я к вам по делу купца Марка Нетурского. Я бы хотел узнать размер его долга казне и, если возможно, выкупить конфискованный дом и имущество. Конечно, с

учетом вашего интереса. Я в долгу не останусь. В знак моего уважения и за то, что выслушали меня, – десять золотых.

Андрей достал из кармана и положил на полированную крышку стола десять маленьких желтых кружочков. Сиррус впился в них глазами, помедлил и смахнул их в открытый ящик.

– Хм... вижу, вы человек серьезный и готовы к серьезному разговору, – начал он издали, и тут в кабинет ворвались два очумелых охранника.

Они с ходу попытались вырубить Андрея дубинками, тот легко увернулся от ударов, ткнул одного из них в горло, другому нанес резкий удар в солнечное сплетение. Охранники как снопы повалились на пол, а Андрей как ни в чем не бывало снова сел в кресло перед столом и благожелательно улыбнулся:

– Да-да, я вас слушаю, господин Сиррус, продолжайте, я весь внимание.

Чиновник ошеломленно посмотрел на лежащих здоровяков, вздохнул и с сожалением сказал:

– Вот где взять нормальных охранников? Если любой посетитель может пройти сквозь них, как горячий нож сквозь масло, как я могу доверять этим бестолочам? Выгнать их, к демонам, и все.

– Напрасно. Так-то они неплохи, но я сильнее, – усмехнулся Андрей. – Перейдем к делу? Так что вы скажете мне по делу купца Марка Нетурского?

– Нетурский, Нетурский... мне эта фамилия знакома... где-то я ее слышал... Эртан, принеси дело этого самого Нетурского, посмотрим, что там к чему.

Секретарь ушел, а чиновник задумчиво постучал по столу кончиками тонких пальцев, унизанных золотыми перстнями, и вдруг, просветлев, воскликнул:

– Вспомнил! Там история была, с дочерью этого самого Нетурского. Говорят, обворожительная красотка. Так на нее положил глаз один высокопоставленный человек, он хотел, чтобы та погрела его в постели долгими осенними ночами. А она взбрыкнула – типа стар ты для меня, нехорош. Весь город смеялся. Не буду говорить, кто это был... хотя это советник Карлос. – Чиновник радостно рассмеялся. – Он был в такой ярости, когда эта пигалица дала ему отпор! В общем, похоже на то, что она заработала себе большие проблемы. Очень большие. Папаша оставил ей долги и исчез. Так что расплачиваться теперь ей. Не хочет расплачиваться телом, расплатится имуществом. И все равно отправится зарабатывать

телом – что ей еще-то уготовано? Эртан, нашел? Ага... смотрим, смотрим... – Чиновник раскрыл папку с желтоватыми бумагами, поверх которых лежал большой лист с красной печатью. – Так, так... общий долг сорок тысяч золотых. Это налоги, пеня на них, банковский заем и пеня за просрочку. У нее описано имущества на двадцать тысяч золотых – дом и вся обстановка. Сейчас пристав находится у нее, принимает имущество и выкидывает девицу на улицу. Все как положено. Советник Карлос – очень влиятельный человек, очень.

– А кто оценил имущество в такую сумму? И кстати, оно не покрывает всю сумму, как тогда ее выплатит эта девчонка?

– Ну, рабства у нас нет, так что продажа в рабыни ей не грозит. Пойдет в бордель, заработает себе на жизнь. Или же в наложницы к кому-то из богатых людей, пока не истаскалась. Не надо было отказывать советнику. Все равно по его желанию стало. Кто оценивал имущество? Наши оценщики, конечно. Как обычно. – Чиновник пожал плечами и усмехнулся: – Ну да, всегда занижается. А что поделаешь? Нам еще нести бремя продажи, так что всегда цена раза в два занижается – это в порядке вещей. Но в общем-то дом и барахло стоят этой суммы, как я вижу из описания. Еще вопросы? Хотите выкупить ее дом? Понравилась милашка? Не связывались бы вы с советником Карлосом... не надо забывать, у него еще есть и сынок – победитель турнира два года подряд. Довольно нехорошая, злая личность. Кстати сказать, дуэлянт, уже пятнадцать дуэлей, и все со смертельным исходом, даже если договоренность была – до первой крови. Мне рассказывали, хвастается, что первая кровь – она же и последняя. Давно что-то не было слышно про его дуэли, после того как он второй раз подряд выиграл турнир. И пусть кто-то уверяет, что его папаша каким-то образом воздействовал на результаты боев, – чушь. Я видел, как он фехтует. Это монстр какой-то! Итак, к делу. Вы хотите выкупить имущество этого купца? Оно будет выставлено на торги через неделю после окончания турнира. Надо будет подать заявку, и, если других заявок не будет, вы с ходу купите это имущество. А если заявки будут, торгуетесь с теми, кто пожелал участвовать в торгах. Заявки на торги принимаю я. – Сиррус сделал многозначительную паузу и кивнул: – Десять процентов. Вы поняли? Встретимся после турнира, если будет желание. Как ваше имя? Андрей Монах? Ага, ясно. Я скажу секретарям и охранникам, чтобы пускали вас ко мне в любое время. Готовьте деньги – устроим веселые торги между вами... и вами.

Андрей попрощался и вышел из кабинета. Охранники все еще лежали в отключке. Угрызений совести он не испытывал: такая у них работа –

получать оплеухи. А у него работа другая – раздавать оплеухи. Каждому свое.

– Ну как, встретились с Сиррусом? – живо поинтересовался Зоран. – Так-то с ним можно договориться, он очень любит деньги, очень. А как охранники – пустили к нему? Я думал, выкинут вас. Как с ними договорились?

– Договорился, – ухмыльнулся Андрей и не стал ничего пояснять. – Давай-ка мы с тобой быстренько забежим, подадим заявку на турнир, а потом нам надо ехать вот по этому адресу и захватить девчонку. Ее сейчас на улицу выбрасывают, насколько мне известно.

– Ага, сейчас подадим, – улыбнулся Зоран. – Интересно, как они отреагируют на то, что человек из Славии участвует в турнире?

– А мы им не скажем. Ну-ка, вспомни какой-нибудь городишко в самой заднице мира, где-нибудь подальше от столицы. Вот я оттуда, к примеру. Зачем нам будоражить народ моим происхождением? Меньше знаешь – крепче спишь.

– Нужно внести один золотой и пять серебряников для регистрации! – сообщил кругленький человечек, сидящий за столом в кабинете. – Вы что думали, так просто все? Любой бродяга пришел и оставил заявку на участие? Нет уж... не умеете заработать золотой – нечего вам делать на турнире. Ну так что, будете регистрироваться? Ага... как вас записать? Анд-рей... Мо-нах. Есть. Возьмите сдачу. Сколько уже участников? Триста пятнадцать. Пока что. Думаю, будет больше. Еще не было претендентов с крайнего юга, да и северяне не особенно активничают. Еще неделя до начала, так что успеют. У вас все? А то мне на обед пора.

Андрей со своим спутником оказались на улице уже через пять минут. После душного тепла магистрата уличная пыль, поднятая повозками и ногами прохожих, показалась освежающей и животворящей. Почему-то в таких заведениях всегда пахло мышами, затхлостью и, как казалось Андрею, серой.

– Ты знаешь, где эта Морская улица, дом восемь? – задумчиво спросил Андрей, разглядывая листок бумаги.

– У моря, само собой, – фыркнул смешливый Зоран. – Надо извозчика брать. Это вам, воину, пристало таскаться на своих двоих – мышцы крепкие, могучие, а я, канцелярская крыса, не могу бродить по городу на своих слабых ходулях. Упаду и скончаюсь. И еще – у вас как, консультантов кормят в дороге?

– Давай-ка мы доедем до места, осмотримся, а там и решим насчет

кормежки, – озабоченно ответил Андрей, поглядывая на солнечный диск, поднявшийся высоко над городом. – Как бы нам не упустить девушку. Потом разыскивай ее...

Они остановили извозчика и понеслись по мостовой в сторону моря, видневшегося километрах в десяти, за муравейником из домов. Солнце светило, ветерок обдувал, с моря неся запах йода и водорослей, так что на душе у Андрея полегчало, и настроение слегка улучшилось.

– Что, предвкушаешь встречу с новой самкой? – ехидно усмехнулась Шанти, пошебуршившись в кармане. – Сегодня полечу на охоту. Сегодня ночью. Надоело у тебя в кармане сидеть.

– Так вылезай, сядь на колени, чего ты там все дрыхнешь-то?

– К сведению: дрыхнуть, как ты выражаешься, драконы могут сотнями лет. Это защитный механизм такой – спать, когда пищи мало или когда друг таскается по таким дурацким, скучным местам, что дракона от них просто тошнит. И чтобы не видеть эти пакостные места, дракон впадает в спячку!

– По-моему, ты всегда впадаешь в спячку, какое бы место ни было. Видимо, потому вы так долго и живете, что дрыхнете и дрыхнете.

– Я лучше промолчу, что ты делаешь вместо сна – озабоченный сексом самец!

– Чего несешь-то? – рассердился Андрей. – Язык твой раздвоенный и глупый. И вообще, не буду с тобой разговаривать!

– Ага! Рассердился все-таки! Не все тебе меня доставать своими высказываниями. Ладно, не злись. Как думаешь, девица симпатичная?

– Вряд ли. Ведь у нее наверняка нет раздвоенного длинного языка, гребня на голове, чешуи и хвоста. А также кривых лап с когтями и плевательных желез. Как она может быть красивой?

– Наконец-то ты понял критерии настоящей, непревзойденной красоты! – невозмутимо парировала Шанти. – А то все тебя тянет к каким-то мягкотелым, белесым, как мучные черви или личинки короеда, существам.

– Тьфу на тебя! – рассмеялся Андрей, Шанти его поддержала, и они с любопытством стали гадать, кого же увидят в конце пути, какая она, Антана, к которой они стремились через весь континент.

Все-таки Андрей надеялся, что девушка будет симпатичной – глупо, но героиня, которую спасает герой, всегда должна быть симпатичной. Он усмехнулся своим мыслям и вспомнил, как смотрел фильм «Молчание ягнят». Там маньяк похитил девушку, дочь каких-то высокопоставленных родителей, а героическая агентша ФБР ее спасала. Так вот, Андрея все время не оставляло ощущение неправильности: это была не та героиня,

которую следовало спасать – жирная, с противной рожей, а еще истеричная, грубая и наглая. Так и хотелось, чтобы маньяк ее прибил. Закон жанра все-таки требует симпатичную спасаемую мордашку!

Он рассмеялся своим мыслям – какая бы физиономия у Антаны ни была, придется ее спасать, раз уж начал и обещал Марку. Впрочем, советник Карлос вряд ли запал бы на уродку, так что все его рассуждения о возможно отвратительной внешности девушки, скорее всего, не имеют под собой основания.

Ехать пришлось около часа – улицы частенько оказывались запруженными повозками, народом, совершенно не желавшим идти по тротуару, несмотря на ругань и крики извозчиков. Дорожного движения в городе не коснулись никакие правила. Впрочем, возможно, это и спасало его от глухих пробок и безумия дорог земных городов.

Андрей иногда думал о том, что чем больше правил и запретов, тем дорожная обстановка в городах сложнее. Как будто власти задались целью причинить водителям как можно больше вреда, напакостить и насолить. Минимум восемьдесят процентов знаков и светофоров можно спокойно снести, Андрей был в этом уверен.

Дом Марка оказался вполне приличным – видимо, купец знал хорошие годы, очень хорошие. Белый особняк в два этажа, с прилегающим участком – ну прямо-таки коттедж на Рублевке. Ворота были закрыты, а возле них стоял человек с копьем, в кольчуге, шлеме, по виду типичный городской стражник.

Андрей подошел к нему:

– Уважаемый, не подскажешь, тут происходило выселение из особняка, девушку выселяли – ты не видел, куда она делась?

– Девушка? – переспросил стражник и, сдвинув шлем назад, с облегчением вытер лоб. – Ф-фу... какая жара сегодня. Девушка... была девушка, да. Сидела вон там, на скамейке, напротив дома. Плакала. Потом приехал какой-то молодой человек и увез ее.

– Куда увез? – с досадой спросил Андрей.

– Да кто знает куда. Увез, и все, – пожал плечами стражник. – Я что, за всеми девицами слежу?

– Как выглядел молодой человек? – Андрей был само терпение.

– Хм... лет двадцать – двадцать пять. Красавчик такой, просто как с картинки, да! – оживился стражник. – Одет дорого, как настоящий господин: атласная синяя рубаша, пояс с вышивкой золотом, сапоги из хорошей кожи, дорогие... я разбираюсь, у меня отец был башмачником. Вот что вспомнил – родимое пятно у него было, вот тут, слева, на шее. В

виде бабочки. Я еще подумал: вот отличительный знак – если его грохнут и бросят где-то, можно узнать по приметам. И еще где-то я его видел. Где? Не могу вспомнить. Вот вертится в голове что-то... вроде связанное с трактирами... или с борделями... Он не дворянин, это точно, – неожиданно закончил стражник, и его некрасивое лицо озарилось улыбкой. – Я давно служу в городской страже, благородных чую за версту, так вот, он слишком ярко, слишком богато и вызывающе одет для дворянина. Тем ни к чему так выпячивать свое богатство. Знаете, на кого он похож... на сутенера, вот! На элитного сутенера. А что вам эта девица – родственница какая-то? Жаль, жаль девчонку, пропадет одна. Так убивалась, плакала, просила подождать, мол, отец скоро вернется. А мы что, мы люди маленькие, нам приказали – мы и делаем. Распоряжение городского судьи было – выселить. Пристав командовал. Так что...

– Спасибо! – Андрей с уважением посмотрел на стражника, по виду которого никак нельзя было сказать, что он настолько наблюдателен и сметлив. – Очень благодарен за информацию. Вот возьми на пиво. – Андрей протянул стражнику серебреник, и тот с признательной улыбкой его принял. Андрей уже хотел уйти, но кое-что вспомнил и обернулся. – А не подскажешь еще, кто самый лучший бронник, такой, чтобы он занимался поставками брони высшему обществу, императору?

– Хочешь заказать себе булатную броню – прямая дорога к Надилу, – усмехнулся стражник. – Но дорого-о-о... мне не по карману у него заказывать. Вот он самый лучший и есть. И кстати, он и оружейник отличный. Лучшие сабли, мечи, кинжалы – все у Надила. У него даже клеймо свое есть – буква «Н» в овале. Вот ему все аристократы и заказывают броню и оружие. Ты сам-то, похоже, нездешний? Городские все Надила знают – его магазин и мастерская недалеко, в десяти минутах ходьбы отсюда, вниз по улице. У вас, кстати, ничего попить нету? Жаль. Мне тут еще торчать до вечера, а попить с собой ничего не взял. Стоит сейчас отойти – этот гребаный капрал тут же откуда ни возьмись выскочит, и плакало мое жалованье за неделю. Ну ладно, удачи вам, а я в теньке посижу. – Стражник с облегчением уселся на скамейку, на которой не так давно сидела Антана, оперся на копье и замер, глядя в пространство.

– Куда двинемся? – спросил Зоран. – Искать девушку или к броннику?

– К броннику. Раз уж он тут где-то рядом. А потом искать девушку – кстати, хотелось бы услышать твои соображения по поводу того, кто ее мог увезти.

– Кто? Да кто угодно, – глубокомысленно изрек Зоран, отдуваясь и отирая пот с виска. – И правда, жарко сегодня. Мог бы – и я бы увез, судя

по описанию, девка красивая. Мать мне давно талдычит: жениться тебе надо! Как будто я могу содержать жену на эти гроши. Вот отучусь, тогда... а сейчас приведи в дом жену – дети пойдут, пеленки, горшки... какая там учеба? Лучше я за серебреник куплю какую-нибудь страхолюдину, закрою глаза и представлю, что это красотка. Это будет практичнее.

– Ты канцелярская душа! Практичнее! А любовь?! А страсть?! – рассмеялся Андрей.

– Какая, к демонам, страсть, если пожрать семье нечего будет? Это только в сказках живут в шалаше и довольны. Нет уж... не надо такой семейной жизни. А что касается этого парня – сдается мне, что девка попала, и крепко, – нахмурился Зоран. – Слышал я, что есть такие соблазнитель, втираются в доверие к девицам, увозят их и продают в бордели. А там... там уже все идет как по накатанной. Обламывают строптивых, заставляют обслуживать клиентов. В городе масса борделей, штук, наверное, пятьдесят, не меньше. От самых дешевых портовых, с беззубыми старыми шлюхами, готовыми обслужить за два медяка, до элитных – по несколько десятков золотых за ночь. И даже экзотические, для любителей запретных удовольствий... говорят, что иногда девушек из этих борделей находят в море, прибившимися к берегу. Со следами пыток. Только молчат все. Эти бордели под покровительством высшего общества. Но это так, слухи, я ничего вам не говорил, а вы ничего не слышали. Лучше на эту тему помалкивать, целее будем. Ага, вот и оружейник. Или бронник, демон его разберет. Андрей, тут чайная рядом, может, я пока там посижу, подожду, а? Закажу нам чего-нибудь?

– Иди закажи, – усмехнулся Андрей и сунул в руки парню несколько серебреников. – Жди меня там. Я скоро.

Зоран, радостно подмигнув, помчался в чайную, Андрей же поднялся по крепкой деревянной лестнице с перилами к двери магазина, толкнул ее и, сопровождаемый звоном колокольчиков, оказался в длинном прохладном помещении, увешанном оружием и броней. На стенах ближе к входу висели обычные бронники и сабли, различной формы и модификации. В глубине помещения, за широким прилавком, перегораживающим торговый зал, висели уже дорогие, очень дорогие изделия – позолоченные кольчуги, бронники с пластинами, выделанными зеркальным золотом, сабли, украшенные камнями, золотом и серебром.

Человек за прилавком отложил какую-то древнюю рукописную книгу, на странице которой можно было рассмотреть рисунки людей в броне и с оружием в различных боевых позах, и, оглядев посетителя с головы до ног, равнодушно спросил:

– Вам что-то посоветовать? Саблю попроще и понадежнее? Кинжал? Засапожный нож? Может быть, кольчугу тонкой работы? У нас самые лучшие изделия в столице. Мастер Надил – поставщик двора его императорского величества. Может, хотите посмотреть эти великолепные вещи? – Продавец указал на золоченые кольчуги и инкрустированные сабли. – Очень достойные брони и сабли. Не смущайтесь их ярким видом – несмотря на украшения, они не потеряли смертоносной способности и обладают великолепным балансом. Дать попробовать саблю на баланс?

– Нет, благодарю. Я бы хотел видеть мастера Надила лично.

– А могу я осведомиться, с какой целью? Он сейчас в мастерской, надзирает за работой мастеров, и он очень не любит, когда его беспокоят во время работы – если, конечно, вы не особо важное лицо. – Продавец мазнул взглядом по фигуре Андрея, как бы давая понять, что тот уж точно никак не является особо важным лицом.

– Я хочу предложить ему приобрести кое-что ценное, то, что очень его заинтересует. Очень.

– Мастер Надил ничего не покупает. У него все есть. И уж точно не мечтает увидеть во время рабочего дня торговца каким-либо товаром. Если вам больше нечего сказать и вы ничего не хотите приобрести...

– Еще раз вам говорю, позовите мастера Надила, – жестко сказал Андрей, опершись на прилавок и слегка наклонившись вперед. – Если вы не позовете его, он упустит выгодное, очень выгодное дело и вряд ли похвалит вас за это. Давайте сделаем так, – Андрей сунул руку в карман, – я сейчас дам вам кое-что интересное, вы покажете это Надилу, и он скажет, интересно это ему или нет. А я подожду на крыльце.

Андрей положил перед продавцом драконью чешуйку, заигравшую на свету всеми цветами радуги. Она была довольно крупной, как и все чешуйки, выпавшие из Гары, – овал сантиметра четыре шириной и сантиметров семь-восемь длиной.

– Хорошо, подождите на крыльце, – растерянно сказал продавец. – Я доложу мастеру Надилу.

Ожидать пришлось минут пятнадцать, пока дверь позади Андрея скрипнула и продавец, слегка удивленный и озадаченный, предложил пройти за ним в мастерскую мастера Надила.

В помещении все звенело, стучало, горели горны, выпуская сизый угольный дым, относимый в сторону моря – ветерок в этот день дул с гор, потому на улице и не был ощутим этот чад кузни. Андрей усмехнулся – соседство такого предприятия не должно шибко радовать тех, кто построился рядом с мастером. Шум, звон, гарь – эдак и белье-то вывесить

некуда. По-хорошему эту кузню давно должны были выселить за черту города.

Мастер сидел за небольшим столиком, одетый в простую рабочую одежду. На вид ему было около шестидесяти лет, из которых он, наверное, не менее пятидесяти провел в мастерской, у горна, держа в руках молоток или молот. Его глаза, умные, хитрые, с прищуром смотрели на мир, и это наводило на мысль, что их обладатель умеет не только и не столько долбить молотом по наковальне, но еще и прекрасно разбирается в торговых делах, а также в придворных интригах – раз сумел пролезть во дворец как официальный поставщик. Это не так просто, и в большом городе уж точно найдется множество конкурентов, готовых подвинуть его на этом месте.

– Это принесли вы? – коротко и без предисловий спросил Надил. – Герит, иди на свое рабочее место, торгуй как следует, не спи за прилавком.

Продавец оторвался от созерцания чешуйки, лежащей перед мастером, и беспрекословно вышел из комнаты.

– Итак, что это? – Мастер двумя пальцами поднял пластину. – Если я правильно понял, это чешуя дракона. Редчайший и непробиваемый оружием материал, из которого можно сделать броню, достойную императоров. Так?

– Так, – ухмыльнулся Андрей. – Вы в курсе.

– А не возражаете, если я ее проверю? – прищурился Надил.

– Да без проблем, – пожал плечами Андрей. – А как проверите?

– Сейчас покажу. – Крепкий, сухощавый Надил вскочил с табурета и, открыв дверь, поманил собеседника: – Пойдемте! Сюда, сюда!

Они снова вышли в цех, прошли через него под перестук молоточков и молотов и оказались в дальнем углу, перед большой наковальней.

Надил подошел к стеллажу, на котором лежали три неприметные сабли с клинками, как будто покрытыми изморозью, взял одну. Потом подошел к куче железного мусора, обрезков, приготовленных к перековке, и достал оттуда металлический штырь-гвоздь длиной сантиметров двадцать и толщиной сантиметр. Положил его на наковальню и, взглянув испытующе на Андрея, с силой опустил саблю на штырь.

Протестующе взвизгнул металл, и куски штыря разлетелись в разные стороны, как кусочки дерева. Мастер любовно огладил клинок – на нем не было ни щербинки, ни вмятины, не имелось никакого следа, никакого воспоминания о том, что он только что разрубил металл толщиной в мизинец.

– Хорошая работа, не правда ли? – усмехнулся Надил. – Потому и ценят изделия, вышедшие из моей мастерской. На вес золота. И дороже.

Видите вот это клеймо? Все знают это клеймо. И знают, что мастер Надил разбирается в доспехах и оружии. А теперь посмотрим на вашу чешую. Если она настоящая, то... – Мастер положил чешуйку на наковальню, примерился и врезал по ней булатной саблей со всей своей немалой силы.

Сабля завизжала, а мастер затряс ладонью в воздухе – руку отсушил от удара по наковальне.

Чешуйка слетела на пол, мастер наклонился и взял ее в руки, внимательно разглядывая в солнечном луче, падавшем в кузню через одно из маленьких окошек, раскрытых настежь.

Потом подал чешую Андрею – на пластине осталась легкая зарубка, как будто царапина на полированной столешнице, и ничего более.

– Пойдем поговорим! – многозначительно кивнул Надил и пошел в свою контору.

– Итак, в чем состоит ваше предложение? – Мастер внимательно всмотрелся в лицо сидевшего перед ним мужчины.

У него осталось странное впечатление после осмотра – на вид около тридцати лет, зачесанные и собранные в воинский хвост волосы, грубо подрезанные чем-то острым, скорее всего ножом. Лицо совершенно гладкое, без шрамов и каких-либо повреждений, хотя по выправке и скупым, точным движениям ясно: это боец, воин, а значит, он должен иметь шрамы от ран, полученных за время службы. Невозможно быть воином и на сто процентов уберечь себя от ранений. Глаза – умные, темные, как будто пронизывающие насквозь, и было в них что-то такое, что позволяло думать: это опасный человек, очень опасный. Но мужчина улыбнулся, и его лицо перестало быть похожим на высеченную из гранита маску – он сразу как-то подобрел и стал человечнее. Мастер встречал в своей жизни таких людей – безжалостных, сильных, жестоких, но притом трепетно относившихся к друзьям и любимым женщинам, в этом было их слабое место.

– Я бы хотел продать эти чешуйки. Вы уже догадались, что у меня их не одна.

– Догадался. Но вы представляете, сколько их нужно на один доспех, на чешуйчатую тунику? Около полутора тысяч штук. И сколько вы хотите за вашу чешую? Учтите, больше четырех золотых за штуку я не дам.

Надилу показалось, что в глазах мужчины мелькнуло что-то вроде усмешки, а может, только показалось. Он помолчал и повторил:

– Полторы тысячи штук чешуи – имеется?

– Имеется. Больше имеется, я думаю. Значит, вы предлагаете четыре

золотых за штуку.

Человек замолчал и задумался, и Надил тут же поправился:

– В крайнем случае – пять. Но это последнее слово! Больше вам тут никто не даст. Это хорошая, просто отличная цена!

– Деньги сразу? – Незнакомец постучал пальцами правой руки по столу и поднял глаза на мастера.

– Расплата – когда вы принесете чешую. Сразу. И еще – я каждую проверю. Без обиды, дело есть дело. – И спохватился: – Вы сказали, больше есть? Правильно ли я понял – больше чем полторы тысячи штук?

– Правильно. Больше. Насколько? Я не знаю. Считать надо.

– Интересно, очень интересно! – заволновался мастер. – Я не спрашиваю, откуда вы ее взяли, но такой редкий товар и в таком количестве! Я только однажды видел доспех из драконьей чешуи – он хранился у деда нынешнего императора и был передан его сыну, отцу императора Зарта Четвертого, а потом утерян во время войны – обоз императора разграбили и похитили семейную реликвию. И вот – драконий доспех! Император будет в восторге... – Глаза Надила заблестели, и Андрею показалось, что в его глазах закрутились цифры, цифры, цифры.

Надо сказать, что самого Андрея тоже поразили цифры – если мастер так легко согласился на пять (!!!) золотых за чешуйку, то сколько же он собирался выручить сам? Не менее чем в два раза больше. Гарантия. Мужик ушлый – это было видно невооруженным взглядом.

– Итак, когда встречаемся? – сухо осведомился Андрей, прервав мечтания мастера. – Когда будут готовы деньги?

– Завтра в полдень. Берите всю чешую, если денег не хватит, я выдам вам вексель имперского банка. И кстати сказать – может, вам сразу перевести деньги на счет? У вас же есть счет в имперском банке? Мы можем встретиться здесь в полдень, пересчитать чешую и спокойно отправиться в банк, там положим на ваш счет все деньги, что причитаются вам за сделку. Ну так как?

– Хорошо. Завтра в полдень. Потом в банк – не таскаться же мне с мешками золотых.

– Верное решение, – удовлетворенно кивнул Надил. – Тогда прощаемся до завтра – у меня еще масса дел. Жду вас в полдень. Да, как вас звать? И как найти, если вдруг срочно понадобится?

– Андрей Монах. Найти как? Оставить записку у трактирщика «Красной лошади». Где я сегодня буду ночевать, пока не знаю, подыскиваю приличную гостиницу. Город забит приехавшими на турнир, негде и пристроиться.

– Да-да... – задумчиво покивал мастер. Видно было, что его мысли очень далеко от проблем посетителя.

Андрей распрощался с Надилом и вскоре уже сидел возле Зорана, благодушествующего под полотняным навесом. Тут и вправду было хорошо – поддувал ветерок, горячий травяной чай с пирогами и засахаренными фруктами, мисочка с медом и молоком – чем не жизнь?

– Точно, жизнь удалась! – довольно хрюкнула Шанти, вылизывая блюдечко с медом. – Вот почему люди лезли в нашу пещеру – чешуя! Интересно, если бы драконы собирали ваши ногти или волосы и продавали за огромные деньги? Смешно тебе, да? Нет, люди никогда не были нормальными существами! Ну ты только представь – мои отмершие чешуйки стоят таких денег!

– Положим, не твои, а твоей мамы, – лениво возразил Андрей, потягивая горячий чай и отдуваясь, как кит, вынырнувший из глубин Марианской впадины. – Твои чешуйки и на медяк не тянут. Не отрастила, понимаешь ли. Слушай, а давай бизнес организуем – ты будешь такая раскормленная, толстая сидеть в загончике и все время жрать, отращивая чешуйки, а я буду дергать их из тебя и продавать задорого. Правда классно?!

Шанти от возмущения поперхнулась и запрыгала по столу, зафыркав и напугав Зорана, потом из нее, как из «итальянца» в «Бриллиантовой руке», пошел поток «непереводимого итальянского фольклора». Остановилась Шанти только минут через пять, чтобы перевести дыхание, и Андрей невозмутимо предложил:

– Если ты уже высказала все, что думаешь обо мне и моем человеческом роде, может, сходим на море, искупаемся? Я так давно не купался в море, что уже и забыл, как это бывает. Быть возле моря и не искупаться – грех.

– Хм... а я вообще никогда не купалась в море, – призналась сразу остывшая драконица. – Я чего-то даже как-то боюсь. Хотя ты знаешь, ведь наши предки, по преданиям, вышли из моря! Предки драконов, конечно. Твои предки слезли с деревьев, а скорее всего, вылезли из нор, крысятины эдакие.

– Что, правда из моря? Наверное, от медуз произошли или от водных блох?

– Сам ты блоха, – пустила фонтан искрометного юмора драконица и принялась срочно допивать молоко. Допив, рыгнула и сообщила: – Я готова!

– Зоран, предложение такое, – начал Андрей. – Я хочу искупаться в

море. Можно тут найти местечко, где это сделать? Это первое. Второе – по дороге ты мне расскажешь, какова система имперского банка, как он работает. А кое-что еще я спрошу у тебя потом.

– Нет проблем. Пойдемте на берег, там в порту можно окунуться. Только вода уже прохладная, не лето ведь. И еще – лучше далеко не заплывать, акулы злые как черти. Сожрут – даже не поморщатся.

– Что, много акул? – обеспокоился Андрей.

– Как крыс. От маленьких и до таких, что и в лодке не поместятся. Каждый год столько рыбаков сжирают, что бабы рожать не успевают. Я по статистике смотрел – человек двести каждый год в столице попадают на обед к акулам. Зато и жирные они. Из акул беднота хорошие котлеты делает и жарит на углях. А что, на человеческом мясе-то эти гады хороший жирок нагуляли! – Зоран хохотнул, а Шанти зашипела, заметив, что Андрей удивительным образом умудряется находить маньяков себе под стать.

Булыжная мостовая вела к порту по кривой улочке, укрытой от солнца нависающими над ней широкими листьями чего-то пальмообразного. Зоран время от времени подпрыгивал и хлопал по маслянистым листьям, отчего в воздухе раздавался громкий звук, пока Андрей, ухмыльнувшись, его не остановил, заявив, что тот пугает прохожих. На что Зоран ответил: а для чего еще он хлопает-то? Как иначе заставить вон ту красотку обернуться и посмотреть на него, красавца? Ведь она на него, на него смотрела!

Шагать, по прикидкам Андрея, было еще минут пятнадцать, и он, решив более продуктивно использовать время прогулки, спросил Зорана:

– Скажи, здесь есть организованная преступность?

– Есть, конечно. Во главе стоит бургомистр, потом идут советники, начальники отделов и мелкая тварь вроде меня, отщипывающая понемногу.

– Это понятно, да, бандиты те еще, – улыбнулся Андрей. – Я имел в виду тех, кто грабит по ночам, обирает купцов и ворует кошельки из карманов подданных империи. Так, – спохватился он, глядя на коварную улыбку, наползающую на губы «консультанта», – налоговую службу мы опускаем, стражу – тоже. И отдела лицензирования тоже касаться не будем. Честные, не замутненные ничем бандиты и воры – они объединены в организации?

– Честные бандиты и воры? – хохотнул парень. – Ну да, есть такие. И не особо скрываются. Ходят в церковь, ставят свечки, молятся. Организации? Ага, есть. И не одна. Я не специалист по бандитам, но знаю, что есть группировка портовая, есть рыночная, есть центровые, есть северные и южные. Есть ли у них главный? Кто-то вроде императора?

Сомневаюсь. Они вечно грызутся, воюют, делят территории. Ходили какие-то слухи, что их пытались объединить, но, по-моему, это кончилось ничем. Слишком разные у них интересы. Хотите попробовать найти девушку через них? – Он проницательно посмотрел на Андрея. – Да, мысль дельная – если бы бордели ходили под бандитами. Вернее так: если бы все бордели ходили под бандитами. А то ведь дорогие, элитные, прикрываются аристократами – с ними бандиты не связываются, себе дороже. Зачем душить аристократов, когда полно купцов и бедняков, которых можно пощипать и которые совершенно бесправны. За аристократов могут и башку отрубить. Я бы взялся за дело так: найти какой-то элитный бордель, связаться с его хозяйкой и выяснить, откуда они получают «товар». Ниточка у вас есть – красавчик с родимым пятном в виде бабочки. Уверен, что он работает не на один бордель, это профессионал. Его должны знать многие. А вот как добиться, чтобы мадам сказала вам, где найти этого красавчика, – это уже ваша проблема. Вообще-то все люди боятся боли и смерти, не правда ли?

Андрей кивнул – его циничный спутник попал в точку. Другого пути не остается, кроме как взять в заложники мадам и попытаться выяснить... выпытать у нее все, что касается этого дела. И сделать это придется сегодня же ночью. Неизвестно, что там сейчас происходит с Антаной. Чем больше времени она находится в руках преступников, тем больше опасность того, что... В общем, хреново ей там сейчас, и все тут. Выручать нужно.

– Красотища, правда?! – восхищенно воскликнул Зоран. – Люблю море! Вода прозрачная, как слеза! Штормов давно не было. Вон туда лучше, под гору, – он показал на каменистый пляж из гальки-черепашки, – я там купаюсь, когда бываю на море. Только осторожнее, мне еще кое-какую плату с вас получить бы, одного обеда мало! Сожрет вас акула – и с кого получать?

Они отошли по берегу подальше от любопытных глаз, Андрей снял с себя рубаху, штаны, прикрыв ими пояса с деньгами, изрядно досаждавшие ему в путешествии, и, подойдя к кромке, тронул воду ногой.

– Теплая! – Он с наслаждением забрел по колено и остановился, шевеля пальцами ног.

Тихая, ласковая вода накатывала и откатывала, легонько массируя ступни, икры, и так хотелось улечься в эту волну и забыться хоть на минуту, представить, что ты где-то в Сочи, на пляже. Так он и сделал – лег, погрузившись почти целиком, выставив над водой только лицо, и улыбнулся. Не хватало только криков: «Белый амур! Халедный пиво! Фотку делаю, фотку! Фотку делаю, фотку!»

Рядом кто-то заплескался, Андрей насторожился, но успокоился –

Шанти забралась в воду и плавала около него кругами, блестя бусинками-глазками.

– Да, это здорово! – восторженно крикнула она. – Я сплываю подальше, чего ты тут устроился у берега?

– Шанти, не вздумай! – беспокоился он и сел. – Там акулы!

– Да ладно, я не такой вкусный объект, чтобы они заинтересовались. И не прокусят мою шкуру эти твари, ты же знаешь.

– Знаю, но все равно не плавала бы ты далеко. Поплескайся у берега, чего тебя несет на глубину-то?

– Как бы его не сожрали, хорька этого вашего, – озабоченно сказал Зоран, подгребая поближе и усаживаясь рядом. – Жалко будет, красивая животинка. Тут и вправду этих чертовых акул, как в супе. Рыбаки привозят рыбу – часть роняют, сети опять же моют, от сетей кровь, грязь идет, вот акулы здесь и собираются целыми стаями.

– Шанти, зараза, вернись! Акула! – Андрей вскочил, сжав кулаки и скрипя зубами от бессилия что-то сделать.

Возле плывущей Шанти возникла на глубине огромная тень – длиной метра три, а то и больше. Потом на поверхности показался треугольный плавник, описывающий вокруг плывущей драконицы-хорька сжимающуюся спираль.

– Шанти, детка, акула, спасайся! – в отчаянии крикнул Андрей и с ужасом увидел, как на месте плывущей Шанти выросла огромная голова с красной пастью и белейшими зубами. Она захлопнулась, как крышка мусорного бачка, и исчезла в глубине, оставив на поверхности расходящиеся круги.

Андрей вглядывался в волны, не веря, что вот так, *так* глупо все закончилось.

– Шанти, детка, где ты? Шанти!

Драконница молчала, и вдруг на поверхности моря в ста метрах от берега как будто открылся фонтан – в небо ударили брызги воды вперемешку с кровью, ошметки мяса, кишки, и довольный голос Шанти сказал в голове у Андрея:

– Извини, не сразу ответила. Они что думали, дракона так просто сожрать? Мерзкие тупые твари! Щас я сама их пожру!

– Что это там такое?! – со страхом спросил Зоран, показывая пальцем в море, где кипела вода, мелькали тела акул и расходилось огромное красное пятно.

– Не знаю, – пожал плечами Андрей и со вздохом облегчения снова сел в воду.

– Жаль вашего хорька, – посетовал Зоран. – Вот твари эти акулы! Одолели всех уже!

– Да ничего хорек... наплавается и вернется, – ухмыльнулся Андрей. – Он маленький, они его и не заметят. Они там вообще чем-то другим заняты, им не до него.

А в это время акулы были заняты двумя вещами: во-первых, они жадно пожирали друг друга, растаскивая кишки, куски мяса и сатанея от крови и смерти, а во-вторых, спасались от какой-то здоровенной твари, которая плавала в мутном облаке крови и, хватая поперек туловища, перекусывала акул пополам.

Шанти всегда была чревоугодницей – акулья печенка! Вот что ее привлекало. Те, кто пытался укусить ее за бок, были очень озадачены тем, что их зубы скользили по бронированному боку этого плавающего ящера, она же легко управлялась в воде. Как оказалось, драконица могла задерживать дыхание минимум минут на двадцать, а ее длинный хвост и кривые ноги великолепно справлялись с процессом проталкивания тела сквозь толщу воды. Видела Шанти в воде так же хорошо, как и на суше, так что для акул пробил час возмездия. Похоже, что в бухте собрались все акулы, которые жили у этого побережья, и вода кипела от тел. Безумие морских хищниц, возбужденных кровью, дошло до такой стадии, что они уже набрасывались друг на друга, не будучи атакованы или же не видя на противнике повреждений – они рвали своих соплеменниц до тех пор, пока кто-то не вцеплялся в них и не разрывал так же, как и они своих противников.

Андрей замороженно наблюдал происходящее и думал о том, что это чем-то похоже на конкурентную борьбу в бизнесе – в конце концов останется одна самая удачливая и самая сильная акула, которая, если дать ей возможность, поглотит все и вся. Если на нее не найдется дракона...

Он оглянулся и заметил, что из порта на берег спешат люди, чтобы полюбоваться странным зрелищем. Он нахмурился и приказал:

– Шанти, уплывай подальше, вдоль берега. Выходи и преобразовывайся в хорька. Потом беги сюда. Смотри, чтобы тебя не заметил никто, тут уже полно народу. Ну что, Зоран, одеваемся? – предложил он спутнику, который с жадным восторженным любопытством взирал на творящееся в море. – А то негоже голым задом светить – народ вон сбегается на зрелище. Похоже, у акул сегодня день безумия, не находишь?

– Это точно, – ухмыльнулся парень. – Не зря я с вами пошел! Такого никогда не видал! Есть о чем рассказать коллегам – и ведь не поверят, гады!

– Поверят. Скоро весь город об этом вопить будет. Глянь, что творится уже. – Андрей показал на толпу, стягивающуюся на берег моря. – Пошли-пошли, ты мне еще должен показать кое-что, потом я тебя отпущу. О, вот и мой хорек бежит, а ты говорил – пропадет! Нет, не пропадет, это такой хорек, что в воде не тонет и в огне не горит, правда, дорогуша? – Андрей потрепал Шанти по холке и мысленно добавил: – Вообще, трепку бы тебе задать! Разве можно так пугать своего друга, брата, а? Скотина ты все-таки, Шантючка! Я чуть не бросился отбивать тебя у акул. Сердце едва не разорвалось. Только зная тебя, гадину эдакую, я удержался, подумал: такую негодяйку так просто не сожрать. И точно. Чего там сотворила? Впрочем, догадываюсь. В животе преобразовалась, да? Разорвала несчастную акулу в клочья? Представляю, как она страдала от переедания, сожрав дракона в тонну весом! Не перенесла такой ядовитой драконицы.

– Ага, не перенесла, – хихикнула Шанти. – Знал бы ты, как воняло у нее в животе! Кстати сказать, там полупереваренная нога какого-то человека была. Брр... гадость какая. И, по-моему, голова. Тьфу!

– Но это не помешало тебе сожрать половину акул.

– Не акул, а только их печенки. Жирненькие такие, вкусненькие... надо как-то повторить набег, а? Замечательно подкрепилась. Да и мясо у них тоже недурное.

– Только без меня. После такого зрелища и есть-то не захочется. Полежай в карман, мышь ты белая.

– Сам мышь! – крикнула Шанти и запрыгнула в карман штанов.

Таскать ее в кармане было не очень приятно – весила драконица в этом виде около килограмма, и шастать с килограммовым довеском, оттягивающим пояс, не очень-то комфортно. А тут еще пояс с деньгами... даже два пояса. Федор щедро насыпал ему во второй, и килограмма два золота и серебра умучили Андрея мукой мученической.

– Зоран, расскажи об имперском банке, – попросил Андрей, когда они устало брели от порта вверх по улице. Спускаться было легко, а вот подниматься, да по жаре...

– Имперский банк. Принадлежит империи, само собой. Ссужает деньги под проценты и залог купцам и тому, кто пожелает. Деньги в нем хранят – приходят, открывают счет, сдают золотишко. Им выдают векселя – или на всю сумму, или мелкие, на любую сумму, но не менее десяти золотых. Их можно обменять на наличные в любом отделении банка – они есть в каждом крупном городе империи. Ну вот и все.

– А как же определяют, что счет принадлежит тебе? А если кто-то придет, представится моим именем и заберет деньги?

– Двойники, да? – усмехнулся Зоран. – Нет, не прокатит. Вексель надо иметь. Имеешь вексель – приходи и получай. Не имеешь? Иди лесом и морем.

– Хех! А если вексель пропал? Утонул? Сгорел? И что?

– И ничего, – ухмыльнулся Зоран. – Понимаете, да? Положил сто тысяч золотых и потерял вексель. Или утопил его. И сразу наш император стал на сто тысяч богаче. Замечательно, да? Твоя проблема – беречь вексель, хранить его. Это те же деньги. Ну а если утопил сундук с золотом посреди моря – к кому претензии? К тебе. Так что все нормально.

– И теперь еще вопрос. Мне надо найти приличную гостиницу. Меня поселили в каком-то хреновом чулане, я там еле-еле ноги вытягиваю. Демонский турнир этот! Все гостиницы, видать, забиты.

– Все, все, не сомневайтесь! – хихикнул Зоран, немного подумал и сказал: – Я вот что предложу: вы можете снять комнату у нас. Отцовская комната, он давно уже помер. Мать в своей живет, я в своей, места у нас хватает – гостиная есть, кухня. Живите, пока не найдете себе дом. Или пока не выкупите дом этой девчонки. Недорого – пять серебряников в сутки. Мать еще и сготовит вам. Она на дому шьет, целыми днями дома сидит, обслуживает проходящих клиентов. У нас водопровод есть – прямо с гор, по виадук, и туалет, а не горшки какие-то. С унитазом! – с гордостью сказал Зоран.

Андрею стало смешно – достижение, понимаешь. Впрочем, для средневекового мира это и было достижение.

– И душ есть во дворе. С медным баком – нагревается на солнце, под теплой водичкой классно искупаться. Ну что, пойдет?

– Пойдет. Поехали к тебе. Тьфу! Вначале поехали в гостиницу – заберем мое барахло, заодно и поужинаем. Ты после купания не захотел поесть?

– А я всегда хочу есть, – меланхолично отозвался Зоран. – Мама говорит, что или я расту, или у меня глисты в животе. Потому что столько нормальный человек есть не может. Как вы думаете, могут у меня быть глисты в животе?

– Могут, само собой, могут – маме надо верить. – Андрей с трудом удержался, чтобы не расхохотаться. – Пошли, глистатый, покормим твоего червяка!

Через час они подходили к гостинице, снова проталкиваясь через толпу. Андрей уже как-то отвык от такого многолюдия и с трудом вживался в роль городского жителя. Забрав свой рюкзак и вещмешок (он навалил их на протестующего Зорана), Андрей и его «консультант» отправились на

ближайший рынок, решив поужинать где-нибудь в более спокойном месте – трактир был переполнен наемниками, солдатами и купцами.

Спустя полчаса они все-таки нашли более-менее свободную кафешку и с облегчением пристроились там, сделав заказ в расчете на то, чтобы поест сейчас и взять с собой, – вполне вероятно, ночью тоже захочется поест.

Тем более что ночь Андрею предстояла очень даже беспокойная.

Глава 10

– Приветствую вас, госпожа. Как мне вас называть?

– Зовите просто Анра, – улыбнулась женщина. – Я же еще молода, хоть мой сын считает меня совершеннейшей старухой и развалиной.

– И ничего я не считаю! – возмутился Зоран. – Верите, Андрей, я сто раз ей говорил: выходи замуж за соседа, башмачника Петера. А она твердит, что отца моего забыть не может и будет жить одна. Похоронила себя в четырех стенах!

– Перестань, – нахмурилась женщина, – не твое дело! Извините, что он вывалил на вас наши семейные проблемы. Мой муж погиб три года назад – утонул в море с грузом пряностей. Только шлюпку выбросило. С тех пор мы сами по себе, перебиваемся как можем. Да ладно, речь не о нас. Зоран мне сказал, что вы хотите снять комнату. Можете жить в комнате мужа. Она большая, светлая. Вернее, это была наша с ним спальня, но с тех пор, как его нет, я там не сплю. Там все чисто, прибрано, кровать широкая – вам будет удобно. Давайте я вам тапочки дам – мы тут в тапочках ходим, муж любил, чтобы в доме было чисто.

Андрей автоматически отметил, что Анра еще довольно хороша собой, хотя ей уже под сорок. Есть такие счастливые женщины, которые до седых волос сохраняют стройную фигуру, гладкую кожу и крепкие, стройные бедра – и этого никакими упражнениями не добьешься. А если и добьешься, то путем жесточайших ограничений и тренировок. А вот некоторым дано от природы. Лицо приятное, можно даже сказать – красивое. Понятно, в кого пошел Зоран, имея такую симпатичную, лукавую мордашку.

Комната была просторная и чистая, кровать большая и застелена хорошим бельем, стол, стулья – все как положено. Из окна видны горы, торчащие над морем, и прозрачные занавески колышет ветерок – очень даже славно.

– Вот деньги, пока за пару дней. – Андрей протянул женщине десять серебряников, и та неловко их взяла, как будто ей было неудобно брать деньги за постой. Может, так оно и было. – Я бы хотел предупредить: мне придется уходить по делам, и иногда даже в ночь. Вас это не побеспокоит?

– Нет. У вас свои дела, вы молодой мужчина. И кстати, если захотите... можете привести женщину. Я все понимаю, мужчины без этого не могут... только просьба – не очень шуметь. У нас тут такие соседи

нудные... решат, что это я развлекаюсь, а мне было бы неприятно. – Анра смущенно рассмеялась.

– Хм... обещаю не шуметь, – улыбнулся Андрей. – И вот еще что: я не один. Со мной моя подружка.

– Где же она? – удивленно приподняла брови Анра. – Зоран мне говорил про вас одного.

– Вот она, хулиганка. – Андрей достал из кармана Шанти, и та прыгнула с его руки на постель.

– Ух ты! Какая красавица! – восхитилась женщина. – Вот уж подружка так подружка! Привет, милая! Как ее звать?

– Шанти. Она любит печенку, мед и молоко. Обжора.

– Забыла вам сказать, в плату входят завтрак и обед – ничего особенного, деликатесов нет, но готовлю я неплохо, по крайней мере, Зоран не жалуется. Впрочем, он все слопает, что ни дай.

– Да, я в курсе, – улыбнулся Андрей. – Мы сегодня с ним целый день по городу ходили, так что я успел познакомиться с его аппетитом.

– Ну все, идите в душ. Если есть грязная одежда – давайте, я постираю. Сейчас будем чай пить.

Хозяйка ушла, Андрей же подошел к окну и уставился на горы, белыми шапками возвышающиеся над городом. Он долго молчал, потом улыбнулся и сказал мыслеречью:

– Везет мне на людей – вот интересно, это спроста или Божественный промысел такой? Ты посмотри – мир-то поганый, а люди хорошие. Как так получается? Вот почему тот же Зоран или Анра не оскотинились, не стали зверьми, как многие? Как они умудряются сохранять душу среди этого дерьма?

– Ну, во-первых, ты чего-то расслабился, – усмехнулась Шанти. – Ты их знаешь-то совсем недолгое время. Может, они вообще маньяки-убийцы. Или кровососы какие-нибудь. Ты уснешь, а Анра подкрадется и начнет пить из тебя кровь.

– Ага. Соломинкой. Очень приятно пить кровь из людей через соломинку и запивать молоком. Желательно козьим.

– Тебе виднее, – невозмутимо отозвалась Шанти. – А во-вторых, дерьмо к дерьму липнет, а хорошее к хорошему. Это закономерный процесс. Так что ничего нет удивительного в том, что ты как-то умудряешься найти более-менее приличных людей среди этой кучи дерьма.

– Слушай, ты столько раз повторила слово «дерьмо», что мне даже запахло. Прекрати, а? Надо заняться твоим воспитанием. Ты невоспитанная девушка.

– Во-первых, я не девушка, а драконица. Во-вторых, я все называю своими именами, нравится это кому-то или нет. А в-третьих, если чем-то запахло – надо идти в душ. Тем более что я желаю поужинать, а без тебя это делать как-то неудобно. И не забывай, у нас сегодня ночная акция, стоило бы отдохнуть перед ней.

– Что у тебя с чешуей? Отросла после эпической битвы с толпой оборотней?

– Ну... почти. Чешется, зараза! Терпеть не могу, когда чешуя отрастает – зудит, гадина. Так-то отросла, ничего, сойдет. Быстро отросла, видать, ты, когда лечил, подстегнул регенерацию. Тем больше мне жрать охота. Иди мойся, что ли, а то я сейчас тебя есть буду вместо печенки!

Андрей, убоявшись голодной драконицы и ухмыляясь, устремился во двор, где обнаружил душевую кабину, очень даже приличную и умело сделанную. Солнце в этих местах светило постоянно, так что недостатка в теплой воде не было. Сюда же вода доставлялась по виадук, перенаправляемая куда нужно системой небольших желобов. «Система довольно эффективная, хотя и примитив», – решил Андрей.

Ужин они провели в светской беседе – Анра пыталась выяснить, кто он и что он, и, когда узнала, что Андрей прибыл для участия в турнире, обрадовалась и начала обсуждать шансы претендентов. Он тоскливо плавал в терминах и именах, не зная о турнире абсолютно ничего, и через некоторое время постыдно сбежал в свою комнату, сказавшись усталым. Зоран проводил его насмешливым взглядом и, напевая под нос какую-то песенку, тоже пошел к себе. Уже на пороге он остановился, подумал и вернулся к комнате Андрея. Постучав, услышал приглашение и вошел.

– Вот что я вспомнил: самый крутой бордель, о котором ходили слухи, будто он обслуживает власть имущих и вроде как принадлежит кому-то из них, это бордель «Розовый лепесток». Его все извозчики знают. – Зоран жестом попрощался и вышел из комнаты.

Андрей же улегся на кровать и принялся раздумывать о том, что ему предстояло сделать.

По его прикидкам, сейчас около пяти вечера, так что ему еще ждать часов шесть как минимум, пока город притихнет и накроется тьмой.

– Два серебреника? Получи. – Андрей сунул извозчику деньги, соскочил с подножки и отошел в сторону, чтобы не попасть под колеса грохочущей повозки, огибающей привезший его экипаж.

Несмотря на темное время суток, жизнь в столице кипела: проносились пролетки, быстрым шагом проходили люди, видимо торопясь

уединиться за стенами своих домов или же прикинуться к источникам благодатной жидкости в трактирах.

Андрей знал, что жизнь ночных клубов, к коим можно с натяжкой отнести и бордель, начиналась вечером, клиенты этих заведений, как и все нормальные люди, днем занимались своими делами – зарабатывали деньги, строили интриги и пакостили друг другу по мере сил и возможностей. Время для отдыха от своих трудов они изыскивали лишь вечером, тем более что днем бордели не работали – во всяком случае, большинство из них. Хотя девушки и жили там же, в комнатах борделя, но ведь им тоже когда-то нужно заниматься своими делами – отдыхать, спать, выходить в город. Ну а раз заведение днем не работает, чего в нем делать хозяйке? Само собой, уж она-то не жила в борделе. По крайней мере, сейчас, став хозяйкой. Не секрет, что большинство бандерш в прошлом были проститутками.

Застать ее на месте можно было только вечером – бизнес требует надзора, процесс нужно контролировать. Поэтому Андрей и не стал дергаться, суетиться, предпринимать какие-то действия до ночи – бесполезно и чревато. Решать нужно было ночью, сразу, на месте. Одно только беспокоило – если он собирался выступать на турнире, и тем более выиграть (в чем Андрей не сомневался), то светить свою внешность в роли освободителя прекрасных дам и карателя негодяев ему ну никак нельзя.

Андрей остановился под деревом, укрывшись от тусклого света, отбрасываемого зеленым фонарем на стену дома (здесь были не красные, как на Земле, а зеленые фонари, что вызвало усмешку у землянина – это как бы говорило: «Проезд открыт! Въезжайте!»). Достал из кармана заранее приготовленные кусочки ткани, свернул их в жгуты – два побольше заложил за щеки, два маленьких засунул в ноздри. Щеки и ноздри раздулись, меняя лицо до неузнаваемости. Затем Андрей распустил волосы и закрыл ими уши. Чуть сгорбился, визуально меняя рост. Теперь узнать его будет нелегко. А если узнают? Ну что теперь делать – узнают так узнают. Если он, конечно, оставит в живых тех, кто его сможет узнать... это он еще не решил.

Поднявшись по ступенькам на крыльцо борделя, толкнул зазвеневшую колокольчиком дверь и оказался в большой гостиной, чем-то напоминающей кофейню или же зал ресторана. Время было еще довольно раннее – внизу почти никого не было, а возможно, девушек вызывали лишь в последний момент, чтобы показать гостю. Так что сидели в комнате только одна скучающая девица, заинтересованно глянувшая на потенциального клиента, и охранник, он же администратор заведения,

сразу же дисциплинированно вставший с места и направившийся к Андрею.

– Что желает господин? Отдохнуть с девушками? Каких предпочитаете – брюнеток, блондинок, рыжих? – Лицо администратора выражало истовую готовность помочь, посодействовать господину в оставлении тут всех денег, что были у того в карманах.

– Мне нужно видеть хозяйку. У меня к ней выгодное предложение, – невнятно сказал Андрей. Жгуты во рту и в носу не располагали к упражнениям в ораторском искусстве. Но это и хорошо – пусть помнят сутулого шепелявого мужика с толстыми щеками. Пусть поищут...

– Пойдемте, я вас провожу, – понимающе кивнул администратор. Видимо, он решил, что этот господин из числа «особых» клиентов. Хозяйка принимала таких лично.

Они поднялись по застеленной зеленой ковровой дорожкой лестнице и по длинному коридору, очень напоминающему гостиничный, прошли к еще одной лестнице – ведущей на третий этаж. Там тоже был коридор, только покороче, между дверьми в комнаты было большее расстояние – видимо, это был этаж для VIP-клиентов. Одна из дверей вела в кабинет хозяйки – в этом Андрей убедился, когда администратор постучал в нее и после ответа вошел. Вскоре он выглянул и поманил Андрея рукой:

– Пройдите сюда!

Андрей оказался в таком салоне – вычурная мебель, шелковая обивка, позолота и фарфоровые чашки на полированном резном столике. За ним сидела дама – лет тридцати пяти, очень красивая, холеная, как породистая скаковая лошадь. Она спокойно посмотрела на Андрея, перевела взгляд на администратора и сказала:

– Иди на место, работай. – Потом снова посмотрела на Андрея и предложила: – Присядьте. Так в чем заключается ваше выгодное предложение?

Андрей помедлил и как бы невзначай обвел глазами комнату. В ней кроме хозяйки находились трое мужчин: двое из них явно были вышибалами или телохранителями – мятые-перемятые жизнью «кожаные затылки», третий не был похож на вышибалу, вот только от него исходила некая волна опасности, хоть ничего примечательного в его внешности не было. Этаким сухощавый, довольно высокий мужчина лет тридцати пяти, крепкий, с быстрым взглядом исподлобья. «Боец, настоящий боец, – решил Андрей. – Похоже, что-то вроде начальника службы безопасности».

– Мне нужна информация. Я ищу одного человека. Готов заплатить за сведения о его имени и местонахождении.

– Да-а-а? – неопределенно удивилась женщина. – И что за человек?

– Молодой мужчина лет двадцати пяти. Очень красивый, благообразный, щеголеватый. Одевается ярко, старается выглядеть как аристократ, но перебарщивает с расцветками. На шее с левой стороны родимое пятно в виде бабочки.

– И сколько же вы готовы заплатить за информацию о его местонахождении? – серьезно осведомилась женщина, и ее глаза сощурились, как будто она глядела в прицел винтовки.

– В разумных пределах, – усмехнулся Андрей, – хорошо заплатить.

– Выгодный клиент к нам пришел, а, Жарс? Готов выгодно платить! Жаль, что я не знаю того молодого господина, что вы ищете. Рада бы вам помочь, но... извините. Еще что-то ко мне есть? А то у меня дела, нужно обсудить с моими людьми... – Женщина, виновато улыбнувшись, пожалала плечами и выразительно уставилась на Андрея, как будто ожидала, что он испарится сию же минуту.

– Она врет, – тут же отреагировала Шанти, – она знает, кто это, и чего-то боится.

– Еще раз повторяю, – невозмутимо сказал Андрей, – я готов заплатить за то, чтобы вы указали мне на этого парня. Мне известно, что вы его знаете.

– Вы такой сложный человек... я же вам четко сказала: не знаю никакого парня! – Лицо женщины исказилось и сразу постарело, стало видно, что ей гораздо больше тридцати, а скорее всего – за сорок.

«Хорошо сохранилась. Хорошая косметика. Хорошая наследственность». – Эти мысли промелькнули в голове Андрея, пока к нему по знаку хозяйки борделя шли двое вышибал.

– Выведите господина отсюда! – негромко приказала женщина.

– Вы не боитесь, что сейчас совершите ошибку? – осведомился Андрей. – Фатальную ошибку.

– Не думаю, – презрительно оглядев невзрачного посетителя, бросила бандерша и откинулась на спинку кресла в ожидании расправы над лохом.

Андрей встал и, когда к нему подошли охранники и протянули руки, чтобы схватить его и выставить вон, он резким ударом пробил пресс одного, вырубив его наповал, и, выбив дубинку из рук другого, выключил его молниеносным ударом в челюсть. Громилы свалились как подкошенные – какой бы ты ни был здоровенный, мощный и могучий, если точно и умело ударить в определенную точку, то нокаут обеспечен. Андрей умел бить. А силы его хватало на нескольких таких охранников – вот только они об этом не подозревали.

После короткой «битвы» он снова сел на свое место напротив ошеломленной хозяйки борделя и сообщил:

– Мне придется причинить вам боль, но я все равно узнаю, что это за парень, где его найти. Мне известно, что он занимается поставками девушек в бордели. И он мне нужен настолько, что я готов уничтожить ради этого всех, кто находится в этой комнате.

Андрей посмотрел женщине в глаза, она моргнула, кинула короткий взгляд куда-то за спину посетителя, и Андрей мгновенно отклонился, пропуская мимо себя дубинку, вдребезги разнесшую стоявшую на столике красивую фарфоровую чашку. Содержимое чашки залило платье женщины, и та автоматически стала стряхивать с шелка капли зеленоватой липкой жидкости.

Андрей ухватился за руку провисшего по инерции администратора, подкравшегося сзади, и метнул его на столик, треснувший и развалившийся на куски. Нога мужчины, сделавшая оборот в воздухе, задела колено женщины, и та страдальчески скривилась, схватившись за ушибленное место. Администратор затих, оглушенный падением, и в комнате снова воцарилась тишина.

– Жарс, да сделай же что-нибудь! Ну в конце-то концов! На кой демон я вас тут держу?! – возмутилась женщина, с ненавистью глядя на странного посетителя.

Андрей подошел к входной двери, осмотрел замок и защелкнул его так, чтобы никто больше не вошел. Потом обернулся к Жарсу. Телохранитель мягко и плавно перетекал из стойки в стойку, выказывая знание каких-то единоборств, Андрей же спокойно ждал, когда тот подойдет и осуществит свое желание уронить супостата.

Надо сказать, Жарс был очень, очень умелым бойцом. Его кулаки выстреливали в голову противника так быстро, как будто были выпущены из корабельного орудия и имели сравнимое со снарядами разрушительное действие. Андрей не уклонялся от ударов – он легко отводил их в сторону скользящими движениями ладоней, и все эти «выстрелы» уходили мимо мишени. Жарс прекрасно владел телом, это было видно сразу, и знал, что в реальном бою балет с задиранием ног выше пояса есть глупость и баловство. Удары его ног шли в колени, голени и пах, вернее, метили – но не доходили, блокируемые ногами Андрея.

Описывать это можно долго, но на самом деле вся схватка заняла, как и положено, считанные секунды. Настоящие самураи не стоят часами в поединке, сошлись, обменялись молниеносными ударами – или труп, или ранен. Андрей не хотел убивать этого человека – он его не знал, тот ничего

ему не сделал, просто выполнял свою работу, охранял хозяйку. Поэтому ограничился тем, что через две секунды боя выключил противника коронным ударом в печень, добив сверху кулаком по основанию черепа. Без особых изысков и выкрутасов. Как бы ни владел боевыми приемами боец, каково бы ни было его умение и опыт, но если против него в бою встает существо, обладающее скоростью, превышающей его скорость раз в десять как минимум, какие шансы на победу? Ни-ка-ких. Именно существо – Андрей давно уже не был человеком...

Еще не затих звук от падения Жарса, как Андрей подошел к женщине, затеявшей эту разборку, и, схватив за руку, потащил ее к дивану в глубине комнаты. Швырнув хозяйку борделя на упругие подушки, он огляделся по сторонам и сорвал со стены занавесь, украшенную кружевами и рюшками. Разорвав ее на полосы, туго скрутил руки и ноги женщины, с ужасом наблюдавшей за его действиями и как будто впавшей в ступор – она молчала и только тряслась, как в лихорадке. Похоже, поняла, что от допроса с пристрастием ей не отвертеться.

Андрей сходил за креслом, поставил его рядом с диваном и, усевшись, спросил:

– Теперь-то ты все поняла? Я же тебя предупредил: ответь мне, и я уйду. И сейчас спрашиваю тебя: кто тот парень, где его найти?

– Я не знаю! – выкрикнула женщина.

Ее челюсть тряслась, зубы клацали от ужаса, и Андрей даже удивился: чего это она так боится? Как можно бояться того, что будет после, когда реальная опасность тут, в комнате?

– Давай так, – начал Андрей. – Ты боишься чего-то больше, чем меня. Но ты должна понимать, что я могу тебя изувечить, порезать на куски, содрать с тебя кожу – сейчас, здесь, сию минуту. И ты при этом боишься того далекого, что будет потом? Не пояснишь мне это дело? Как так может быть?

– Он все равно узнает, что я тебе сказала. Он очень, очень умный! Тут много свидетелей, и все знают, что ты пришел и искал этого человека. И когда парень пропадет, он начнет искать, сопоставлять факты и выйдет на меня. А тогда он порежет на куски и меня, и мою дочь, и моего сына. Ты что думаешь, тут так просто все? Что я хозяйка этого борделя? Я одна из многих, кто управляет его заведениями. И я ничего не скажу, убивай.

– Если я скажу, что мне тебя жаль, это будет неправдой, – мягко произнес Андрей. – Ты знала, куда лезла. И теперь пожинаешь плоды. Работа такая. Но если ты мне не скажешь, ты испытаешь ужасные муки. И возможно, умрешь. А вот он сможет добраться до тебя только *потом*, а ты

женщина умная, хитрая, найдешь способ выкрутиться. Впрочем, мне неинтересно, как ты выкрутишься. Если ответишь на мои вопросы, я тебя оставлю в живых, развяжу, и можешь сама поубивать своих людей, если уж так надо скрыть следы.

– Это бесполезно. Он все равно догадается и будет меня пытаться, захватит мою семью.

– А если я пообещаю, что уберу его? Если он умрет?

– Нет. Ты не сможешь. Я ничего тебе не скажу.

– Ну что же, ты не оставляешь мне выбора. – Андрей вздохнул и протянул руку к ауре женщины.

Если он мог убрать боль, то мог ее и навести? Ему ни к чему было прибегать к обычным физическим пыткам...

Андрей спустился по лестнице вниз, горбясь и опустив голову. В гостиной уже собралось штук десять «ночных бабочек», что-то бурно обсуждавших и даже не заметивших прошедшего мимо них мужчину. Только уже когда дверь хлопнула, закрывшись за посетителем, кто-то из девушек выскочил следом, чтобы посмотреть, кто же это такой был, но в темноте ничего нельзя было разглядеть.

Андрей пошел по улице, все дальше и дальше отходя от борделя. На душе у него было гадко. Шанти молчала, и ему тоже разговаривать не хотелось. Отойдя достаточно далеко, метров на пятьсот, он наклонился над ливневкой, ведущей в подземелья канализации, высморкался, выбив из ноздрей тканевые пробки, сунул пальцы за щеки, достал тампоны и отправил следом. Дышать сразу стало легче, но он еще несколько раз сплюнул, пытаясь избавиться от мерзкого привкуса мокрой тряпки. Пройдя еще немного, заметил возле одного из заборов скамейку и сел на нее, опершись локтями на колени и положив голову на ладони. Потом горько сказал:

– Сестренка, я становлюсь сентиментальным, что ли? Почему я так расстроился, узнав, что в стране, где все якобы молятся Богу, все такие боголюбивые и правильные, все так же, как и в стране, управляемой исчадиями?

– Вы, люди, слишком увлекаетесь, как мне кажется, – усмехнулась драконица. – Больше переживаете, больше подвержены эмоциям. И я, глядя на тебя, становлюсь сентиментальной, совсем не как дракон. Ну да, здесь не так, как ты себе напридумывал, и что? Может, ты для того и послан сюда, чтобы все исправить! Вот и исправляй.

– Как исправлять? Она ведь обделалась, ты знаешь? Ей было так

больно, что она просто обделалась. Это – ради чего? Это – по Божьим заповедям?

– А что ты хотел? Бороться со Злом чистыми руками? Чтобы не замараться? Считай, что ты берешь на себя грехи этих людей. И вот эта женщина стала через страдания немного чище. Кстати, крепкой оказалась. Я и не думала, что она так долго продержится. Представляю, что она чувствовала... ее крутило, как будто мокрое белье кто-то отжимал.

– Не напоминай мне, – буркнул Андрей, сплевывая на булыжную мостовую, – и так тошно.

– Ну-ну, чего ты?! Не раскисай! Вообще-то ты ее не убил, хотя и мог! А еще – раскрыл сеть дельцов, похищающих девушек и сдающих их в бордели. Разве этого мало? Осталось только уничтожить главного негодяя, найти этого красавчика, увезшего Антану, и... все в общем-то.

– И все за одну ночь – без подготовки, без разведки, тупо вырезая всех, кто встанет на пути, да?

– Ага! И надо поспешить – ночь идет, а ты еще никого не убил. Тебе не кажется, что ночь будет прожита зря?

– Честно говоря, не кажется, – невольно усмехнулся Андрей. – Вот поговорю с тобой, негодной, вроде как и легче, и даже проблемы становятся как-то проще. Почему так, а? Ты же пигалица бестолковая, думающая только о том, чтобы пожрать!

– Ну не только, чтобы пожрать, еще и... И вообще, я мудрая пигалица, если уж на то пошло, – хихикнула драконица, – а ты глупый старик!

– Наверное, да, – улыбнулся Андрей. – Ну что, мудрая пигалица, пошли бить злодеев? Слушай, а ты не могла бы превратиться в лошадь? Я заберусь на тебя и с комфортом поеду бить злодеев, а?

– Щас прям! Я чего, нанялась работать лошадью? Ты почище лошади бегаешь, я только копыта еще не отращивала! Не буду лошадью!

– Да я так, на всякий случай узнал, – хмыкнул Андрей и поднялся со скамейки. – Пошли, гроза оборотней. Сегодня нам придется испачкаться по самое не хочу...

– А где оно, это «не хочу»?

– Узнаешь, подружка, – тяжело вздохнул Андрей и, наращивая ход, пошел по улице туда, где находился дом главы городской стражи.

– Ну что, как обычно? – спросила Шанти, высовываясь из кармана.

– Нет, не пройдет, – с сожалением отмел предложение Андрей. – Узнают, что тут появился дракон, все равно кто-нибудь увидит. И если в Славии мы знали, что скоро оттуда свалим, то тут мы намерены задержаться надолго. А может, и навсегда. И нам светить тебя нельзя – тем

более что завтра у меня сделка по продаже чешуи. Значит, что?

– Значит, ты будешь тупо бить негодяев, стараясь их не убить, а один из них отрубит тебе башку. И тебе таки придется их всех прибить, иначе они запомнят твою внешность и разнесут известие о тебе по всему городу. И плакала твоя карьера. Очень жалею, что мы на день раньше не прибыли в город – столько хлопот бы сразу избежали. Не успели найти девчонку.

– Ну... это да. Хлопоты те еще. А что касается внешности – кто мешает мне побегать Зверем?

– Зверь не оглушает противников, Зверь сразу убивает. Не мне тебе рассказывать... Слушай, ну какого демона ты так переживаешь? Ну убьешь ты помощников, охранников этого самого главного стражника, и что? Они нехорошие люди, раз служат этому демону в человеческом обличье! Это же не простые стражники, патрулирующие улицы от шпаны, это негодяи! Убить их – твой долг. Очистить город от скверны – что может быть правильнее?

– Убедила, убедила, – усмехнулся Андрей. – Да, ты все верно говоришь. Итак, делаем вот что: я стучу в дверь, требую вести меня к хозяину – мол, важные известия. Они отпирают, я вхожу, всех валю, кого достану, и прорываюсь к их хозяину.

– Я следом – приму какой-нибудь боеспособный вид и буду тебе помогать. Все просто! Ты бы только разделся, а то станешь перекидываться – все в клочья полетит, потом голышом придется идти к матери Зорана. Кстати, я видела, как ты ее разглядывал... опять за свое взялся?

– Заткнись. Ничего не взялся. Не до того нам. Уже полночь скоро, а мы тут болтологией занимаемся.

Андрей разделся, аккуратно связав узел поясом с деньгами, и положил вязанку под ближайшую скамейку, замаскировав травой. Потом подошел к воротам особняка начальника городской стражи и громко постучал в дверь кулаком. Вначале открылось окошко-«кормушка» в калитке, потом открылась и калитка, и вышел охранник, здоровенный парень в кольчуге и шлеме.

– Эт-то что еще за хрень? Ты чего тут голый бродишь, придурок? И мешаешь людям спать, колотишь в двери! – Он потянулся, чтобы ударить негодного, но промахнулся.

Андрей молча схватил парня за голову и свернул шею одним движением, как будто откручивал кочан капусты с грядки. Не дав упасть, подхватил охранника и, втащив его во двор, бросил на выложенную плитами площадку широкого двора, чтобы оказаться перед десятком

воинов в полном боевом вооружении – с копьями и саблями наперевес. Видимо, они спешили на грохот, который поднял Андрей, и картина, которую они увидели, совсем не располагала их к вопросам типа «Вы что, с пляжа к нам зашли?» или «Видимо, вы хотите принять ванну?».

Сказать, что стражники обалдели, – не то слово! Только представить себе – в открытую калитку заходит голый человек и тащит на себе то ли мертвого, то ли оглушенного товарища и швыряет его наземь. Первая реакция – неверие своим глазам, потом ярость и – атака!

Толпа бойцов, взревев, бросилась на супостата, и тут он вдруг превратился во что-то непонятно-клыкастое, с горящими глазами, стальными мышцами и острыми когтями. В долю секунды умерли передовые стражники, а Зверь не останавливаясь помчался к дому, мысленно бросив:

– Бей их! Я за хозяином! Ни одного не выпусти!

Уже влетая в дом, он оглянулся и чуть не полетел кубарем от неожиданности и смеха. Дальше он уже бежал, подвывая от смеха и скаля зубы так, что со стороны можно было подумать: чудовище ярится и щерится, предвкушая гибель жертв.

Когда Андрей оглянулся, он увидел, что за стражниками носится акула! Да-да, здоровенная пятиметровая акула на кривых драконьих ногах. Все было на месте – плавники, хвост, виляющий из стороны в сторону и будто толкающий акулу вперед сквозь толщу воды, огромная зубастая пасть, настигающая противника и перекусывающая его пополам.

Иллюзии, создаваемые драконами, как подозревал Андрей, на самом деле были не совсем иллюзиями. Фактически это было что-то вроде трансформации – то есть часть материи драконы переправляли в подпространство и из оставшейся части лепили то, что им нужно. И это слепленное в общем-то обладало всеми способностями того, что драконы пытались изобразить. Если зубы – они кусали, если хвост – он вилял. Их можно было пощупать, понюхать, ощутить на своем теле... и стражники ощущали. Их не спасала броня – острейшие зубы сминали и прорывали ее как картонную, Шанти-акула разрывала их на части и бежала за следующей жертвой. Воля к борьбе у стражников была парализована. Кого они видели перед собой? Демона. Самого настоящего демона, прибывшего из ада. Чешуя Шанти под покровом иллюзии сохраняла свои способности держать удары, беречь свою хозяйку от повреждений, однако стражники, если бы не потеряли разум, могли бы попытаться нанести ей какой-то вред. И возможно даже – преуспели бы в этом. Дело в том, что чешуйки были непробиваемы, да, но если бить в них тяжелым острым копьём под

определенным углом, то как бы плотно чешуя ни прилегала к телу, ее можно было приподнять мощным ударом и загнать копьё в сердце дракона.

Но, во-первых, это надо знать, как бить и кого бить, а во-вторых, Шанти не собиралась ждать, чтобы какая-нибудь тварь подколола ее этой железякой. Она просто не давала задуматься и организовать оборону. Щелк челюсти! Нет головы. Щелк! Нет руки. Щелк!.. Скоро во дворе остались только трупы и Шанти, гадавшая, что же творит в доме ее друг и брат.

А творил он вот что: первым делом по уже накатанной схеме бросился искать спальню, возле которой стоял караул. Нашел, оторвал голову стражнику. Дверь заперта – ударом выбил ее вместе с замком, распахнул створки второй двери, обнаружил мужчину, лежавшего на спине, по нему ползали две девчонки лет четырнадцати, а то и меньше, усердно удовлетворявшие этого типа. Рывок к кровати – тот не успел ничего понять, как оказался придавленным тяжелыми лапами Зверя. Когти уперлись в грудь мужчины, пробив кожу и выдавив из нее крупные капли крови. Мужчина завопил, завопили-завизжали голые девчонки, и в спальню ворвались трое охранников, видимо патрулировавшие коридор.

Зверь соскочил с мужчины, бросился к охранникам, пытавшимся защититься саблями и алебардами, и за три секунды уничтожил всех – одному распорол живот, другому ударом когтистой лапы сорвал лицо, третьему разбил голову. Потом Зверь повернулся к описавшимся от страха девицам и глухо рыкнул:

– Вон отсюда!

Девчонки, повизгивая от ужаса, бросились из спальни, и их голоса затихли где-то в глубине дома. Андрей передал:

– Беги сюда, стереги, чтобы никто не мешал. Я на втором этаже!

Он подошел к двери спальни, плотно ее прикрыл и снова перекинулся в человека. Потом подошел к лежащему на подушке начальнику стражи:

– Ну что, поговорим?

Мужчина был сильно испуган, но держался спокойно. Он приподнялся и сел, опираясь на подушки, потом спросил:

– Что тебе надо? Денег? У меня их мало. Ты вообще знаешь, кто я? Как ты вообще осмелился напасть на начальника городской стражи?

Андрей неожиданно резко и сильно ударил его в лицо кулаком, раскवासив губы. Из треснувшей губы потекла кровь, обильно запятнав простыню так, будто по ней разлили стакан томатного сока.

– Видимо, ты ничего еще не понял, – холодно сказал он, – я всего лишь осведомился, готов ли ты вести беседу. Она будет проходить так: я задаю тебе вопрос, ты на него отвечаешь. Если отвечаешь неверно, я причиняю

тебе боль. Чтобы не было никаких сомнений и непонятностей, сразу скажу: я знаю, что ты хозяин сети элитных борделей, обслуживающих богатых людей и аристократов. Я знаю, что у тебя налажена система похищения девушек с целью их обработки и дальнейшего использования в борделях. Не отрицай, мы к этому не будем возвращаться, примем как факт. Начнем с главного: была похищена девушка по имени Антана, дочь купца Марка Нетурского. Похитил ее парень лет двадцати с родинкой на шее, родинка в виде бабочки. Мне нужно знать, где сейчас находится эта девушка, ну и где парень, это так, на закуску. Начинаем: где Антана?

– Не знаю никакой Антаны! Я не...

Хлесткий удар, брызги крови.

– Кто этот парень с родинкой?

– Никаких парней не знаю...

Удар, еще удар.

– В следующий раз я сломаю тебе палец. Или два. Повторяю вопрос: кто этот парень?

– Племянник. – Мужчина угрюмо вытер подбородок, кривясь от боли. – Мой племянник. Юкар.

– А что так быстро сдался? Я даже не успел тебя как следует попытать, – зло скривился Андрей. – Тогда вопрос: где этот Юкар сейчас?

– Не знаю! Правда не знаю! Гуляет где-нибудь.

– Какова его роль в бордельных делах?

– Он там главный – неужто не догадался? Я только прикрываю, имею половину. Он все делает – умный парень, очень, очень умный. Он как взглянет на девку – она за ним бежит куда угодно, хоть на край света. Умеет уговаривать. Ну и... вот.

Андрей помолчал, потом спросил по мыслесвязи:

– Шанти, как у тебя там дела? Есть недобитые негодяи?

– Нет. Я слежу за обстановкой.

– Бросай все. У меня без тебя застопорилось. Я не чувствую, врет он или нет. Только преобразись.

– Сейчас сделаю!

Дверь в спальню распахнулась, и в нее ввалилась свинья. Вернее, розовая такая свинка, с улыбающейся мордой и розовым пятачком. Размером с комод. Андрей прикинул – весом она, должно быть, килограммов пятьсот. Он оторопело посмотрел на подругу и выругался:

– Ты чего, не нашла ничего лучшего, чем этот вид, зараза ты эдакая?! Не до того ведь, все слишком серьезно!

– А чего такого-то? Элегантный вид. И чем тебе не нравится? Ты

делом вон займись. Сейчас я его слегка попугаю, а ты еще поспрашиваешь. – Свинья подошла к кровати и, поставив передние ноги с аккуратными копытцами напротив вытаращившей глаза жертвы, хрюкнула два раза совершенно по-человечески: – Хрю-хрю! – И добавила хриплым голосом: – Если будешь врать, я тебе лицо съем!

У главного стражника закатились глаза, и он потерял сознание. Андрей протянул руку, пощупал пульс на шее – живой. Облегченно вздохнул и досадливо сказал:

– Ты все, все и всегда превратишь в фарс! А если бы он сейчас подох? Кого тогда допрашивать, ты, бродячее кладбище бифштексов?

– Сам такой! – парировала Шанти. – Сейчас он очнется и будет гораздо сговорчивее!

Андрей похлопал мужчину по щекам, тот начал шевелиться, открыл глаза, пробулькал что-то, указывая на Шанти, и Андрей нахмурился:

– Ну да, да, говорящая свинья! И что? Если уж начальник стражи города занимается организацией борделей с малолетними девочками и всяческими извращениями, то говорящая свинья вполне вписывается в этот абсурд. Поэтому заткни пасть, отвечай на вопросы. Где живет твой племянник Юкар? Где он сейчас? Где Антана?

– Юкар собирался поехать на ночь в бордель «Цветок на море». Это в порту, за доками. Бывший корабль – трехмачтовая шхуна. Стоит у причала. Заведение для любителей жесткого секса. Девки вопят, когда их порют, так что пришлось делать подальше от жилых домов. Зато когда их пропускают через «Цветок», они как шелковые – делают все, что им прикажут. Скорее всего, Антана там. Я вообще-то не знаю, там или не там. Но если ее недавно взяли, то должна быть там. Еще раз – я не вникал в то, что делает племянник, мое дело устроить так, чтобы его не трогали и чтобы те, кто ищет девок, их не нашли. Ну еще иногда пользовался услугами девчонок бесплатно. Больше ничего. Я их не бил и не насиловал – они сами делами все, что мне надо. А кроме того, бордели имели государственное значение – девки выпытывали у клиентов их секреты, и Юкар доносил мне. Дело не в деньгах или не только в деньгах – тут государственные интересы, поймите правильно. Без компромата на аристократию, без знания политической обстановки управлять обществом нельзя! Это просто работа, и все.

– Он не врет, – сообщила Шанти, – он боится так, что от него воняет мочой. Похоже, он наделал под себя. Врать не собирается.

– Возьмите деньги, – глухо предложил мужчина, трясущимися руками натягивая на себя одеяло, – у меня есть деньги, я вам соврал! Вон там в шкафу, за фальшивой стенкой – векселя банка! Там на сто тысяч золотых!

По тысяче золотых на вексель. Вы всегда сможете получить по ним деньги. Не убивайте меня!

Андрей прошел к указанному шкафу, открыл дверцу, нашел углубление в стенке шкафчика и вырвал ее, не заботясь о том, чтобы отодвинуть крепления. Оттуда посыпались векселя – небольшие плотные листы бумаги с печатями, красивыми буквами и росчерками. Действительно, каждый из них был на тысячу золотых. Только вот незадача – они были именные. Получать по ним – верный способ попасть на плаху. Или как тут у них казнят, может, на виселицу. Впрочем...

Андрей собрал все бумаги и лишь один вексель осторожно засунул обратно, чтобы создать видимость, что не заметил его, когда хватал всю пачку. Аккуратно свернул бумаги в трубку, перевязал их оторванной от простыни полоской ткани и положил у входа, на столик с резными изогнутыми ножками. Потом подошел к стражнику и спросил:

– Где живет Юкар? У него есть свой дом? Или он живет у тебя?

– У меня. – Трясущимися руками мужчина показал куда-то на стену. – У него своя комната. Если отсюда выйти, третья налево. Пожалуйста, не убивайте меня! – Он соскользнул на пол, встал на колени и простерся ниц. Когда стражник распрямился, в его руках был метательный нож, который он ловко метнул в Андрея и юркнул под кровать. Как на грех, Андрей в это время отвлекся, глядя на входную дверь – ему показалось, что там кто-то зашуршал, – и нож воткнулся ему прямо в грудь, пронзив легкое. Андрей скривился от боли и, вырывая из себя клинок, спросил:

– Ты чего, не могла учуять, что он намерен напасть?

– Когда учуяла – уже поздно. Не думала, что он будет такой шустрый, – растерянно ответила Шанти. – Чувствую, сейчас это придунок торжествует. И чего торжествует – трудно его из-под кровати достать, что ли? Меня терзают смутные подозрения...

Андрей перекинулся в Зверя, потом обратно, убрав рану, подошел к кровати, с силой толкнул ее в сторону и застонал, обнаружив под ней люк, скорее всего запирающийся снизу. Он с яростью ударил по крышке, но та не поддавалась, держась как скала. Андрей перекинулся в Зверя, рванул ее когтями, но все, чего сумел добиться, – это сорвать деревянное покрытие. Под ним была металлическая плита, под стать танковой, которая не сдвинулась ни на миллиметр.

От ярости Андрей едва не впал в безумие, на пару секунд позволив сущности Зверя взять над собой верх – он бился о плиту, рвал ее когтями так, что чуть не искры летели. Негодяй ушел, и это сулило крупные, очень крупные неприятности. Фактически провал всей операции и угроза всей

будущей жизни Андрея и его друзей. Он даже завыл от бессильной ярости и бросился к дверям в надежде, что отыщет, куда выводит этот люк.

Остановил его голос Шанти:

– Тихо! Не бесись! Сейчас я эту гадость вскрою, а ты сразу беги за ним.

Шанти преобразовалась в полноразмерного дракона, сразу заполнив спальню своей тушей так, что та показалась крохотным чуланчиком. Подошла к люку, изготовилась и выпустила в крышку струю синего огня.

Андрей видел, как Гара разогревала камень до белого каления, а ведь температура плавления гранита очень, очень высока. И дочь не посрамила матери – через несколько секунд металлическая плита раскалилась так, что жар, идущий от нее, чувствовался на расстоянии пяти метров. Затем в ней стало появляться что-то вроде раковин, как будто ледяная пластина таяла под жарким летним солнцем. Капли металла падали вниз, и в воздухе пахло раскаленным металлом, а еще – дымом от сгоревшего дерева покрытия. Дым заполнил всю комнату, теперь в ней будет вонять гарью не один месяц.

Наконец крышка упала, и Шанти-огнемет прекратила изрыгать пламя. Андрей нырнул вниз, стараясь не задеть сияющие края люка, и исчез, оставив запах паленой шерсти. Шанти же принялась сбивать пламя с пола – он горел неярким, дымным пламенем, подбираясь к кровати и занавескам. Так-то ей было плевать на дом – сгорит и сгорит, – но не стоило привлекать внимание. Весь город сбежится к горящему дому начальника стражи – хотя бы, чтоб посмотреть и порадоваться.

Крутая лестница, задымленная так, что режет глаза. Длинный коридор, уходящий вниз. Нос Зверя забит запахом горящего дерева, и запах беглеца почти не пробивается через этот смрад. Но беглецу некуда деваться – кроме как бежать вперед. У него фора минут в десять, пока враги ломали крышку люка, но и скорость Зверя – это не скорость бегущего человека.

Андрей не пригибаясь мчится по тоннелю – он имеет высоту метра полтора. Местами на кирпичной кладке остался запах преследуемого – видимо, тут он бился головой о свод, не сумев как следует нагнуться. Неожиданно проход перегораживает еще одна дверь – обитая тонким железом. Зверь в ярости бьет в нее стокилограммовым телом раз, два, три – дверь не выдерживает, запор выворачивается, и Андрей вываливается в канализационный сток.

Запах беглеца пошел налево, и Андрей бежит по следу, все быстрее и быстрее, распугивая крыс и разбрызгивая по сторонам вонючую жидкость. Металлическая лестница наверх – запах идет туда. Решетка ливневки открыта. Два мощных рывка – Зверь наверху и уже видит фигуру

убегающего по улице мужчины. Тот не кричит, бежит молча, истово спасая свою жизнь. От его нерешительности и трусости не осталось и следа – не зря бандерша сказала, что это очень, очень умный человек. Он заранее спланировал свои действия, хоть и действительно боялся, но сделал все правильно – изобразил ужас и обморок, подобрался к люку и нырнул в него, спасаясь по заранее подготовленному плану. И ему оставалось чуть-чуть до спасения – в ста метрах виднелись стражники, стоящие возле высокого забора, подсвеченного факелами, видимо, за ним был императорский дворец. Чуть-чуть, но он не успел – беглеца накрыла тень, хрустнули позвонки, и из открытого рта не вылетело ни звука, кроме бульканья и хрипа.

Зверь схватил труп мужчины за шею и галопом помчался к люку канализации. Сбросил труп туда, спустился следом и аккуратно прикрыл отверстие ливневки решеткой. Потом немного постоял над трупом и решительно рванул голову мертвеца когтями. Через пять минут на месте человеческого тела валялись лишь куски мяса – Зверь растерзал его на части.

Уже уходя, оглянулся и увидел, как, попискивая и шевеля усами, к останкам бегут толпы крыс – запах крови разнесся по всему подземелью. Скоро здесь будут полчища серых мерзких тварей, которые оставят только обглоданные кости. Кто это был, чей труп – установить не будет никакой возможности.

В комнате так же воняло гарью. Шанти стояла возле дверей так, чтобы видеть и их, и люк.

– Догнал? – коротко спросила она. – Впрочем, чего я спрашиваю – только на тебя посмотреть...

Андрей перекинулся в человека, подошел к кровати, сорвал простыни и, как мог, вытер выпачканные в грязи и крови руки, потом оттер с тела вонючие красные потеки. Затем взял со столика рулончик ватки и вышел в коридор, прислушиваясь к тому, что происходило в доме.

В коридоре было темно, в воздухе все еще висела копоть и сизый дым, который вытянуло струей воздуха, идущего из приоткрытых окон и подземелья.

Неподалеку кто-то тонко повизгивал и хныкал – Андрей насторожился, но потом понял, что это плачут девчонки, которых он выгнал из спальни. Шанти их не тронула. Они были безопасны как свидетели. Конечно, потом их будут расспрашивать, что же случилось в доме. И что они расскажут? Акула на четырех ногах и непонятный зверь бегали по дому и убивали людей. Скорее всего, следователи решат, что девки спятили. И слава богу.

Андрей отсчитал третью дверь, вошел – спальня, похожая на спальню хозяина дома. Может, и вправду принадлежит Юкару – теперь уже не узнаешь. Андрей подошел к кровати и сунул векселя под матрас, укрывая их от чужих глаз. Огляделся – увидел дверь, ведущую, вероятно, то ли в ванную, то ли в туалет. Открыл – точно, и туалет, и ванная. Вернее даже, небольшой бассейн, наполненный водой, и вполне так чистой. Опустил ноги – вода холодная, но терпимо. Видимо, налили горячей воды, но хозяин комнаты ею не воспользовался.

– Ты чего тут купания устроил? – послышался голос Шанти, и следом показалась она сама – уже в виде хоряка.

– Чего-чего, как я оденусь – такой вонючий и в крови? Я там по канализации бегал, от меня разит, как из мусорного бачка. Сейчас я, скоро, пару минут, и все.

Андрей быстро смыл с себя грязь, отчего вода посерела и покраснела, выскочил из бассейна и, сорвав простыню с кровати, насухо ею вытерся.

– Все, помчались! Сейчас одежду возьму, и в порт.

Через минуту они мчались по коридору к выходу. Автоматически Андрей оценивал ситуацию вокруг дома – не видел ли кто, не поднялась ли тревога. Но нет – все было тихо, как на кладбище. Во дворе лежали разорванные трупы – ни раненых, ни оглушенных, только трупы. Шанти ничего не делала наполовину, кроме перекусывания туловищ врагов.

Андрей заглянул под скамейку, где оставил одежду, и сплюнул в ярости:

– Поперли! Вот суки! Вот гребаный город! Стоит оставить без присмотра барахло, спасая мир, и штаны тут же попрут! И пояс с деньгами тоже.

– Что, все поперли? – хихикнула Шанти.

– Чего радуешься-то? – сердито спросил Андрей. – Не все, но приличную сумму. Я на всякий случай с собой брал. Теперь чего, с голым задом бегать? Ну, суки, я вам сейчас устрою!

Он перекинулся в Зверя, обнюхал скамейку – след был, чистый и свежий. Пахло тремя людьми – двое мужчин и женщина. А еще – запах алкоголя. Нищие, люмпены?

Он помчался по следу, и Шанти еле успела заскочить к нему на загривок, вцепившись в густую шерсть, покрывающую Зверя толстым слоем. След вел к порту, петлял, а потом ушел куда-то в сторону, к горе, на берег моря.

Пробежав вдоль берега и ловя след верховым чутьем, Зверь унюхал дым – недалеко под деревьями кто-то жег костер. Он прислушался –

возбужденные голоса, смеются, женщина хихикает, звенят монеты.

– Делят твои денежки! – радостно сообщила Шанти. – Дай я их пугну, а? Ну пожалуйста! Давай сделаем ставки – обделаются они или нет? Давай?

– Все или частично?

– Я ставлю, что все. Уверена!

– А я, что только двое. Или меньше. Ставки?

– На желание. Кто проиграет – выполняет желание другого. Любое. Боишься?

– А ты?

– Я – нет. Договорились?

– Договорились, – усмехнулся Андрей и остановился, оглядываясь по сторонам.

Шанти соскочила с его спины, отпрыгнула в сторону и стала превращаться. Андрей с любопытством наблюдал, в кого она превратится – это была та же самая акула с четырьмя кривыми ногами и красными, светящимися как угольки глазами.

– Слабо, слабо! – скептически оценил вид подружки Андрей. – Не страшно, не хватит ужаса, чтобы вызвать приступ несварения желудка. Если только не съесть тебя, ядовитую...

– Погоди, тут главное – что и как сказать супостатам, страшный вид – это еще не все! Слушай отсюда, только не вылезай раньше времени, я сама все сделаю.

Шанти тяжело потопала по гальке-черепашке к мерцающему огоньку костра, Андрей отправился за ней. Остановившись в темноте под тутовым деревом, стал наблюдать.

Нищие как раз, вероятно, закончили делить благоприобретенные капиталы, мужчина подбрасывал в воздух золотые и ловил их, щерясь беззубой улыбкой, женщина хихикала, закатывая глаза, а второй мужчина отхлебывал из грязной бутылки что-то вонюче-алкогольное (Андрей даже с расстояния пяти метров ощущал мерзкий запах сивухи) и гордо приговаривал:

– Ну, кто заглянул под скамейку? А вы смеялись, дураки! Я, я все сделал! И по справедливости мне бо́льшая доля! Что, я не прав?

– Прав, прав, – счастливо улыбался второй бродяга, такой же грязный, заросший, неопределимого возраста и происхождения.

И тут он вытаращил глаза, захрипел и указал пальцем за спину своих напарников. Те вначале не поняли, потом недоуменно оглянулись и тоже застыли.

В тишине, не нарушаемой ничем, кроме потрескивания веток в костре,

раздался стук стекла о зубы и бульканье – жидкость текла из бутылки и заливала грудь выпивохи. Потом раздался замогильный хриплый голос:

– Как вы посмели разжигать костер на берегу моего моря! Я, акулий бог, требую жертвы – ОТДАЙТЕ ВАШИ СЕРДЦА-А-А!

Шанти так страшно заревела, что женщина, закатив глаза, упала на спину и затихла, а мужчины попытались уползти, завывая и хрипя, как будто им не хватало воздуха. Шанти подскочила к ним, ударом хвоста по затылку по очереди оглушила их и встала рядом.

– Обыскивай их, забирай наше бабло, а я пока их обнюхаю. Ага, этот готов, обделался. И этот тоже...

Шанти затихла, Андрей же, превратившись в человека, стал обшаривать карманы бродяг.

Собирая деньги в выпотрошенный пояс, он услышал позади какую-то возню и пыхтение. Оглянувшись, заметил, как Шанти уперлась лапой в живот нищенки и надавливает на него, как будто качая насос. Он вначале не понял, что та делает, а сообразив, возмутился:

– Бесстыдница! Наглая, бессовестная бесстыдница!

– Вот как ты сказал неграмотно! Бессовестная бесстыдница – ведь это два понятия, обозначающих одно и то же. Ты неграмотно выражаешься. Вот надо было сказать просто – бесстыдница, а не бессовестная бесстыдница. Фу тебе!

– Ах ты бесстыжая, наглая, бессовестная, болтливая драконица! Ты проиграла! И должна мне желание. И перестань давить на живот несчастной женщине – раздавишь ведь.

– Я аккуратно. И вообще, нечего их жалеть! Они наши деньги поперли.

– Не поперли, а нашли, – усмехнулся Андрей. – Я слегка погорячился. Вот я им немного оставляю. – Он бросил на бесчувственные тела по несколько серебряников, потом взял свою одежду (бродяги так и притащили ее связанной в тючок). – Прекращай выдавливать из нее – все равно считаться не будет.

– А вот это еще надо посмотреть! Факт есть – запах, и все такое прочее! Где мы уговаривались, что они должны сделать *это* без применения дополнительных физических усилий с моей стороны? Есть факт – все трое обделались. Это ты мошенничаешь, а не я! Выполняй условия пари!

– Хм... да, договоренности такой не было, чтобы не применять физическое воздействие, – глубокомысленно заметил Андрей, шагая вперед и похрустывая галькой, – но вообще-то нечестно. Это подразумевалось.

– Не знаю, чего вы там подразумевали, дорогой оборотень, но у нас,

честных драконов, как заключили договор, так его и выполняют. Дословно. Так что не вилай задом, а выполняй договоренности.

– Вот гадина ты какая, как хитро повернула! Тебя бы в адвокаты и на Землю – ты бы в судах имела фантастический успех. Такой наглой, хитрой и бессовестной летающей ящерицы свет не видывал. Демон с тобой, ты выиграла. Я не оговорил пункт о неприменении физической силы.

– То-то же, – удовлетворенно хихикнула драконица. – Ты должен мне желание.

– Но это было отвратительно, согласись! Выдавливает из женщины...

– Главное – цель достигнута! И ведь никто не пострадал, не правда ли? – рассмеялась Шанти.

– Кроме меня. Все, закончили шуточки... Похоже, мы на месте. Будь осторожна, гляди, чтобы тебя не прибили и чтобы мне никто башку со спины не отрубил. Подожди-ка... – Андрей оторвал от рубашки подол и замотал лицо на манер ниндзя. – Не хочу, чтобы потом все на турнире показывали на меня пальцем. Кстати, ты бы тоже превратилась во что-то другое – хорька могут узнать.

– В кошку?

– Главное, не в мышку. Не хочу соскребать тебя с пола в борделе после того, как наступят сапогом.

Андрей легкой походкой подошел к трапу, ведущему с причала на борт шхуны. Там визжала музыка, мелькали огни, мельтешили смутные тени – жизнь в борделе шла своим чередом. На трапе стояли двое охранников, мощные, крепкие, высокие – на полголовы выше Андрея, настоящие ходячие танки. Они должны были внушать уважение одним своим видом. Андрею они особого уважения не внушали ни как люди, ни как ходячие танки – чем больше башня, тем громче она упадет.

Когда он ступил на трап и тот качнулся под весом его тела, охранники тут же насторожились, как пауки, почуявшие попавшую в сети муху, и перекрыли дорогу странной фигуре с замотанным чем-то белым лицом.

Они умерли первыми. Андрей ударом перебил одному из них горло, второго вырубил в солнечное сплетение и, нокаутированного, отправил в воду. Обыскал первого охранника, нашел короткую, толстую дубинку из крепкого дерева, окованную железными кольцами – такая могла выдержать даже удар сабли или кинжала, – нашарил за сапогом длинный, острый как бритва нож с лезвием около двадцати сантиметров длиной, а также три метательных ножа, закрепленных в специальных карманах на подкладке куртки. Парень был профессионалом, и, если бы ему дать шанс, мог бы попытаться что-то совершить в деле искоренения незваных гостей. Но

шанс ему не был дан. Только в дурном кино герой важно вызывает злодеев на поединок, крича, что его кунг-фу лучше и он покарает их. На самом деле нормальный герой норовит воткнуть нож в почку часовому или с ходу перебить гортань – чтобы не предупредил остальных.

Толкнув дверь, Андрей оказался в круговороте движения – двое музыкантов наяривали что-то на инструментах, похожих на скрипки, в зале скакали разгоряченные пьяные клиенты, обнимая полураздетых или совсем голых девиц, выглядевших настолько молодо, что Андрея перекосило от отвращения – фактически это были дети. Девчонки лет одиннадцати – пятнадцати. Мужики, что с ними обжимались, были гораздо старше, в основном сорок – пятьдесят лет, одетые дорого и со вкусом. Впрочем, были и помоложе, двадцати – тридцати лет, но их было все-таки меньше, двое или трое. Помещение, в котором находился этот «танцзал», было выстроено на палубе бывшей шхуны – остались даже мачты, служившие опорой потолка. Помещение освещалось масляными фонарями, висевшими под копотеловителями. Освещение было довольно ярким, так что стало видно все подробности – размазанная помада на губах девчонок, красные, похотливые лица клиентов с блестящими от вина и желания глазами, мебель со следами винных пятен...

– Шанти, останься у дверей и никого не выпускай. Только впускай, – приказал Андрей.

Охранники шагнули ему навстречу – у одного в руке блеснул нож, другой достал дубинку. Кто-то из девчонок взвизгнул, а может, это взвизгнула струна одного из застывших в ужасе музыкантов, Андрей этого не знал, да ему и некогда было задумываться над такой ерундой.

Движение, удар – дубинкой вышиб нож, скользящим движением полоснул острым клинком по бедру, обратным движением воткнул нож в подбородок снизу, вогнав по самую рукоять и достав до мозга. Вырвал – удар в бок второму охраннику, ударом дубинки проломил череп. Вот тут девчонки и взаправду завизжали, глядя, как незнакомец за две секунды расправился с двумя охранниками.

Дальше происходила совершеннейшая и страшная резня – Андрей убивал всех мужчин. Жертвы падали снопами, умирая и даже не пытаясь защититься, – они лишь выли, визжали... Двое попытались спастись бегством, устремившись к двери, но там их встретил волк размером с теленка, и они отпрыгнули от страшных зубов назад, под смертельный удар клинка. Все было кончено через пятнадцать – двадцать секунд. Андрей пощадил лишь музыкантов, как будто по старой присказке: «Не стреляйте в музыканта, он играет как умеет!» Они забились в угол и закрылись своими

скрипочками, как будто были уверены, что те защитят их от смерти.

Андрей осмотрелся и перевел дыхание – он работал на полной скорости, и теперь его мышцы и связки слегка ныли от нагрузки, которую он им дал.

– Где Юкар? – спросил он глухо, остановив взгляд на одной из девочек, выглядевшей более-менее разумно и не застывшей как соляной столб.

Она попыталась что-то сказать, но вместо слов вырвалось какое-то карканье. Прокашлялась и с трудом сказала:

– Он внизу, с новенькой, «обламывает» ее, он так сказал. В каюте.

– Иди вперед и покажи где. В каютах кроме него есть клиенты?

– Нет, все здесь, – испуганно сказала та и отчаянно замотала головой. – Я не могу показать! Он меня потом убьет!

– Если выживет. Быстрее показывай, я сказал! – грозно прикрикнул Андрей и шевельнул длинным блестящим ножом, покрытым кровавыми потеками.

Девчонка испуганно проводила взглядом страшное лезвие и мелко затрясла головой:

– Да-да, покажу, идите за мной!

Она подошла к лестнице, застланной ковром, и стала спускаться в трюм, обшитый и отделанный шелковыми обоями. Тут было тихо, и только слышался плеск волн, а еще – плач и всхлипывания девушки, доносившиеся откуда-то из дальнего конца помещения. Потом неизвестная отчаянно закричала, как будто от сильной боли, и зарыдала, приговаривая:

– Ой, мамочка! Папа... папа! Не надо, пожалуйста, не надо... а-а-а!

Андрей бросился на крик, толкнул дверь в каюту – она была заперта изнутри. Он нажал изо всей силы, запор не выдержал, дверь хрустнула и слетела с петель.

Девушка стояла возле стены, вернее, была подвешена за руки на крюках. Крюки, как и остальные приспособления для активного и интеллектуального отдыха богатых людей, крепились к стене. Кандалы, глухой ошейник, специальные браслеты для растяжки крестом имели следы частого употребления, были потерты и поблескивали в свете нескольких светильников. Тот, кто стоял перед девушкой с кнутом в руках, явно был эстетом – ему хотелось разглядеть мельчайшие подробности строения тела жертвы, а также повреждения, наносимые его «инструментом». Девушка была полностью обнажена, ее тело густо покрывали красные, вздувшиеся полосы – подонок хлестал ее кнутом давно и со вкусом, уделяя особое внимание груди и бедрам несчастной.

Девушка была очень красива. Просто невероятно. Даже в свете фонарей было видно, что ее глаза сияют голубизной на фоне прекрасного, без изъянов лица – без изъянов, если не считать разбитую губу и синяка на левой скуле. Синяки покрывали и ее тело – особенно внутреннюю часть бедер. Похоже, что девушку изнасиловали, и не раз. Насильник также был голый и в полной готовности – то ли завершив свое грязное дело, то ли готовясь к очередному акту. Все эта картина в долю секунды запечатлелась у Андрея в мозгу, и первое, что он сделал, – метнул нож в негодая так, что тот вонзился ему в живот по самую рукоять. Тот завопил, упал на пол, Андрей подошел и, схватившись за рукоять, потянул нож и буквально выпотрошил мерзавца, как рыбу.

Отвратительно запахло нечистотами – видимо, нож зацепил и перерубил кишки, но Юкар был все еще жив и тихо стонал на полу, придерживая руками выпадающие внутренности, похожие на огромных, сизых червей.

Андрей шагнул к девушке, потерявшей сознание и обвисшей на руках, расставленных в стороны, нагнулся, отстегивая кандалы, в которых были закреплены ноги, потом обхватил ее за талию – придерживая, чтобы не упала, обрезал веревки. Аккуратно поднял на руки и, как ребенка, понес из пыточной комнаты. Через несколько секунд он уже поднимался по лестнице наверх.

Девчонки смиренно стояли у стены, глядя на незнакомца, обнявшего исхлестанную девушку, и ждали, что он им скажет.

– Сейчас мы уйдем, – объявил Андрей. – Вы вольны идти куда хотите. Можете забрать с корабля все что пожелаете. Но не задерживайтесь надолго, завтра начнется расследование, вас будут допрашивать, и вы можете сильно пострадать. Бегите подальше, туда, где вас не найдут. Это и вас касается, музыканты. Ты, – Андрей указал на девушку, что его провожала, – сходи и принеси какое-нибудь платье, мне нужно ее одеть. Быстро! Вы чего застыли? Быстро, быстро!

Девушки, как будто опомнившись, побежали вниз – видимо, обшаривать каюты. Через несколько минут появилась та, которую он послал за платьем, и протянула простенький сарафан из хорошей, добротной ткани, без особенных изысков.

– Возьмите, это ее сарафан. Юкар не позволял ей одеваться, сказал, чтобы ходила только голой, привыкала к работе. И бил, когда она прикрывалась. Он там еще живой...

– На, – Андрей протянул девушке нож, – добей его. Сможешь?

– Смогу, – кивнула она, и ее глаза загорелись мстительным

удовлетворением.

Она крепко сжала рукоять, сглотнула и решительно зашагала вниз. Андрей подумал, что этот твареныш, видимо, очень крепко всех достал, если девушка так легко согласилась его прирезать.

Он усадил бесчувственную Антану на стул, натянул на нее сарафан, потом снова взял ее на руки и пошел прочь из борделя. Его задача была выполнена. Андрей хотел подпалить корабль, но передумал. Пусть лучше девушки соберут барахло, оденутся, пошарят по карманам у клиентов и наберут себе денег – может, так у них и останется шанс выжить. Ведь на самом-то деле, куда им деваться? Ну вот выгнал бы он их посреди ночи на берег, подпалил корабль – и куда они потом? С деньгами – шансов у них больше. Если есть хоть немного мозгов в голове. Но это уже не его забота – он сделал все, что мог.

Дорога домой заняла около часа – бежать с девушкой на руках было неудобно, ведь она так и не очнулась. Андрей осторожно открыл калитку дома Анры и сразу пошел к душу. Открыл воду – она была еще теплой. Стащил с девушки сарафан и осторожно намылил ее со всех сторон, смывая кровавые потеки. Она стонала, когда Андрей касался красных, воспаленных рубцов, но так и не пришла в себя.

Андрей вымыл ей голову, вытер полотенцем, потом тщательно отмылся сам, вычистил, как мог, одежду и застирал на ней пятна крови. Затем схватил одежду в охапку, закутал девушку в полотенце и отнес в свою спальню. Прислушался: Анра и Зоран спали, из их комнат доносилось сопение, а Зоран еще и похрапывал, как три грузчика, вместе взятых.

Андрей уложил Антану в постель, накрыл одеялом и, развесив свою влажную одежду, уселся рядом с девушкой на кровать.

В ее ауре метались красные сполохи боли, мелькали черные прожилки – девушку била лихорадка. Прежде чем лечь спать, как бы он ни устал, Андрей должен вылечить Антану, это уже само собой было ясно.

Через двадцать минут на теле девушки не осталось следов пыток и издевательств, аура светилась ярким желтым цветом, а лицо Антаны порозовело и превратилось из мраморной маски прекрасной статуи в мордашку обычной красивой девчонки, по-детски пошлепывающей во сне губами.

Внезапно на ее лицо накатила тень, она застонала и тоненько вскрикнула:

– Не надо, пожалуйста!

Андрей нахмурился, склонился над девушкой и тихонько подул ей в лицо. Она слегка улыбнулась и прошептала:

– Папа...

Андрей вздохнул и нахмурился еще больше – как он ей расскажет, что отца нет в живых?

– Эй, братишка, что-то ты неровно к ней дышишь, а? – слышался мыслеголос Шанти.

– Тьфу на тебя! – отмахнулся Андрей. – По-твоему, я неровно дышу ко всем женщинам, которых встречаю в своей жизни!

– А разве не так?

– Не так. Спать давай. Я вот о чем тебя попрошу: если я вдруг разосплюсь, последи за ней, ладно? А то еще проснется раньше меня и даст стрекача. Представь себе – проснуться в незнакомом месте, голой, с мужчиной в одной постели. Пожалуй, сбежишь...

– А чего такого-то? – приснула Шанти. – Я каждый день так просыпаюсь! Голая и с мужчиной в одной постели. И ничего, не сбегаю! Вот уж нежности-то... ладно-ладно, не сердись, слежу. Спи спокойно. Я тоже тут у вас в ногах пристроюсь. Теперь у тебя в постели будут две голые девушки...

Через десять минут в доме все спали.

Глава 11

Антана открыла глаза и никак не могла сообразить, где она находится. Белый потолок, свет, струящийся из-за легкой занавески. Только что она была в кошмаре – красивое лицо Юкара с расплывшейся по нему кривой ухмылкой, его глаза, затуманенные сумасшествием. Этот человек не мог быть нормальным, никак не мог. Когда он подошел к Антане и сказал, что его послал отец девушки, чтобы позаботиться о ней, она так обрадовалась, что бросилась ему на шею – родная душа, скоро кончатся ее беды!

Последние недели она жила в непрекращающемся, постоянном страхе. Их магазины уже давно отобрали, забрали лошадей, забрали все более-менее ценное из дома – ее украшения, что покупал отец, украшения покойной матери, красивую посуду – все, что можно было реализовать быстро и без хлопот. Приставы чуть ли не дневали и ночевали в ее доме. Слуги разбежались – у нее практически не осталось денег даже для того, чтобы прокормить саму себя.

Дольше всех продержалась кухарка Горона – она до последнего подкармливала девушку, таская ей нехитрую еду, отрывая от своей семьи. Но и она в конце концов заявила: «Девочка, скорее всего, твой отец не вернется. Извини, я не могу больше тебе помогать. Ищи работу. Сходи в трактир – может, возьмут подавальщицей. Или иди в гувернантки – ты же умеешь писать и читать, будешь обучать детей богатеев. Мне надо заботиться о своей семье». С тем она ушла, и больше Антана ее не видела.

За свои девятнадцать лет она не сделала ничего плохого, за что судьба имела право наказать ее подобным образом. Впрочем, мало ли людей, чьих судьба наказывала тем или иным способом, – люди плачут, рыдают и спрашивают у Бога: за что? за что мне это? И нет ответа. Антана тоже спрашивала себя и Бога: за что? Она никого не обижала, радовала своего отца – веселая, легкая, добродушная. Да и с чего ей быть злой? Всегда сытая, всегда хорошо одетая. Отец – успешный купец: несколько магазинов, торгующих тканями и кожей, хороший дом. Девушка и не задумывалась, откуда все берется, и с недоумением встретила сообщение отца, что ему придется выехать в Славию, чтобы найти поставщиков, – дела в столице пошли не очень хорошо, кто-то норовит подмять весь рынок тканей и кож, и потому у него начались проблемы. Какие такие проблемы, что за проблемы – она не задумывалась, порхая по жизни как мотылек. Только потом она узнала, что отец взял крупную ссуду в имперском банке,

чтобы покрыть убытки магазинов и попытаться одной ставкой поправить свои дела. Антана лишь расстраивалась, что отец уехал надолго, – она скучала без него.

Шли месяцы, но его все не было и не было. Потом в дом зачастили гонцы от банка – они все время требовали деньги, и ей пришлось расплачиваться драгоценностями. Ранее у них был управляющий, но он исчез, и с ним исчезла крупная сумма денег – после этого дела пошли совсем плохо. Магазины закрылись, и через короткое время их забрали за долги.

В конце концов она осталась в полупустом доме совсем одна. Бродила по гулким комнатам, выглядывала в окна, ожидая, что отец вот-вот приедет, а ночью запиралась на все замки и сидела дрожа, боясь, что кто-нибудь ворвется, зная, что в доме, кроме нее, никого больше нет. Так проходил день за днем, день за днем, пустые, страшные и тоскливые дни. Она все время повторяла себе, что хуже уже быть не может, что хуже уже некуда, и вот сейчас должен настать подъем и все будет хорошо. Как она ошибалась...

Как-то раз к дому подкатил дорогой экипаж со стоящими на запятках слугами в белых перчатках и кучером, одетым богаче, чем иной купец. Антана выглянула в окно – в калитку громко постучали, и она поспешила открыть нежданным визитерам, ожидая известий от отца.

Он представился советником Карлосом – Антана ранее видела его на одном из приемов, устраиваемых магистратом для богатых купцов. Отец в тот раз впервые вывел ее в свет, и она танцевала при свете хрустальных люстр. Советник тогда подошел к ее отцу – они знали друг друга. Когда Антану представили этому человеку, девушка не обратила на него ровно никакого внимания – да и кто он ей? Зачем он ей? Не красавец – небольшой, какой-то квадратный, похожий на мешок с картошкой. Лицо круглое, с курносым носом. И торчащие как лопухи уши.

Отец был подчеркнуто любезен с этим человеком и сказал, что это очень, очень могущественный советник императора и то, что он, аристократ, снисходит до неродовитых купцов, есть его благоволение к ним, «безродным». Конечно, в словах отца были ирония и сарказм, но Антана не обратила никакого внимания ни на них, ни на этого самого высокородного. Меньше, чем на пенек в лесу. Однако, как оказалось, Карлос запомнил девушку. Совпадение или нет, но именно после этой встречи у ее отца начались проблемы. И вот сегодня советник приехал в их дом.

– Приветствую вас, госпожа Антана. – Карлос слегка улыбнулся,

испытующе глядя в лицо девушки.

– И я вас приветствую, – недоумевающе ответила Антана и предложила: – Пройдем в дом? Но отца нет, он в отъезде по делам. У вас какое-то дело к нему?

– Нет. У меня дело к тебе. Мы можем поговорить и тут. Я слышал, у твоего отца проблемы? Насколько я вижу, дела у вас совсем плохи... – Карлос обвел рукой двор, на котором не было ни одного человека. – Слуги разбежались, да?

– И что за предложение? – нахмурилась девушка.

– Твой отец никогда не вернется, – без обиняков начал советник, – я слышал, что он погиб в славийской тюрьме. Ты красивая девушка, зачем тебе пропадать в этом пустом доме? Так вот, мое предложение таково: я предлагаю тебе стать моей любовницей. Я обеспечу тебя всем, будешь жить так, как ты привыкла в доме отца. Я заплачу его долги. Но ты будешь моей наложницей...

Удар! Советник не успел договорить. Антана пылала яростью – ее реакция была совершенно произвольной. На щеке Карлоса алело красное пятно – отпечаток маленькой ладони.

– Уходите сейчас же! Негодяй! Пошел вон отсюда!

– Наглая девка, – усмехнулся Карлос. – Хочешь по-плохому? Думаешь, ты одна такая на белом свете? Ты сильно пожалеешь. Еще никто не осмеливался напасть на меня без того, чтобы потом горько пожалеть.

Антана потом не раз вспоминала эти слова. Она знала теперь наверняка: источник всех ее бед – этот коротышка с нелепыми ушами-лопухами.

Идти за помощью ей было некуда. Все, кто раньше называл себя другом ее отца, еще много недель назад показали свое истинное отношение – они или холодно принимали девушку, говоря, что ничем не могут ей помочь, или вообще приказывали слуге сказать, что их нет дома. Работать? А кем она могла работать – если только в трактире, правда что... гувернанткой ее тоже бы не взяли.

Она просто кожей чувствовала, как вокруг нее возник пузырь вакуума – как вокруг прокаженной или заболевшей чумой. Антана не была дурой, совсем нет, но отец оградил ее от мира настолько, насколько мог. Она судила о происходящем только по книгам да рассказам отца. Подружек у нее не было, все, что составляло ее жизнь, – огромная библиотека, которую купец составил за долгие годы. Она читала, мечтала и думала, думала...

Действительность оказалась гораздо прозаичнее и ужаснее. Никто не

явился в последний момент, чтобы спасти девушку от подонка, запершего ее в плавучем борделе. Не вернулся в последнюю минуту отец, как в добрых книгах, и не разогнал все беды мановением руки. Она в общем-то в глубине души знала, что тот, скорее всего, погиб, но так и не хотела в это поверить. Те сутки, что Антана провела в борделе, были адом. Сутки боли, унижений, страданий и полного отсутствия надежды. Она мечтала умереть, но и этого сделать не могла. Последнее, что запомнила, – обнаженный Юкар, стоящий перед ней с кнутом, и боль во всем теле, раздирающая, шипучая, такая, что из глаз непроизвольно лились слезы и темнел рассудок.

Юкар требовал, чтобы она была совершенно покорна и выполняла все, что он требует, все прихоти, самые ужасные и грязные. Он бил ее за малейшее неповиновение, за дерзкие взгляды, за нежелание удовлетворять его всеми доступными методами. Он мог изнасиловать ее множество раз, но хотел, чтобы она сама упрашивала его о насилии как о милости, и вдавливал ей это в голову в прямом и переносном смысле. Юкар называл это «обламывать необъезженную кобылицу».

За эти сутки она узнала о жизни больше, чем за все свои девятнадцать лет. И эта жизненная правда ее потрясла. От прежней Антаны мало что осталось, кроме яркой, потрясающей красоты да памяти о том, какой она была раньше – наивной и неиспорченной. Она все-таки не сломалась. Может, не успела, а может, природное упрямство не давало ей покориться насильнику. Он мог ее насиловать и избивать, но не смог добиться того, чтобы она пресмыкалась перед ним, превратилась в животное, которое ползает перед хозяином и ласково повизгивает, исполняя его прихоти. Это-то и бесило Юкара, который начал пороть ее так, что чуть не покалечил навсегда – некоторые удары кнута рассекли ее кожу до мяса и неминуемо оставили бы шрамы, если бы не Андрей. Сейчас ее кожа была чистой, как у младенца.

Антана повернула голову в сторону и вздрогнула – рядом, всего в полуметре от нее, лежал незнакомец. Он разметался во сне, одеяло сползло с широкой груди, обнажив выпуклые, сильные мышцы. Его руки, перевитые синими венами, создавали ощущение силы и опасности, такие руки могли ломать подковы, держать меч и гладить возлюбленную – в зависимости от того, что в этот момент хочет их хозяин. Мужчина был красив, но не слащавой красотой Юкара, а мужественной, зрелой красотой воина.

Некоторое время Антана тупо смотрела на «соседа», потом до нее стало доходить – чужая постель, мужчина... Она опустила руку под одеяло и коснулась своего обнаженного тела. Голая! Совсем! Раньше ее залила бы

краска стыда, а теперь, после тех испытаний, что прошла в борделе, девушка подумала: «Бежать! Окно открыто! Пока не видит! Я с ним что?.. О нет!» Она аккуратно ощупала себя и заглянула под одеяло, приподняв его, – следов того, что она занималась сексом, не было. И следов истязаний тоже не было. Ни синяков, ни рубцов, ни боли...

Как так могло быть? Повернула голову вправо – на табурете ее сарафан. Откуда? Она была в нем, когда Юкар увез ее. Как он оказался тут, когда сарафан стащили с нее в борделе, заставив ходить весь день голой? От нахлынувших воспоминаний из глаз девушки потекли слезы, и она закусил губу, чтобы унять душевную боль.

Антана тихонько встала с кровати и, взяв сарафан, быстро натянула на себя. Оглядываясь на спящего мужчину, подкралась к двери, приоткрыла ее, с ужасом ожидая скрипа, выглянула наружу и вышла, стараясь не шлепать по полу босыми ногами.

Из гостиной раздался шорох, и в коридор вышел худощавый парнишка чуть помладше ее или одного с ней возраста, к лицу которого будто приклеилась ироничная улыбка искушенного жизнью студента.

– О! Кто же это у нас такой красивый бродит по дому? Дай-ка я догадаюсь... Антана, да? Все-таки наш постоялец умудрился тебя найти. И не зря! Краса-а-авица! И где это таких красоток берут? Выйдешь за меня замуж? Я вон какой красавец – просто картинка! Умею заварить чай. И даже пожарить яичницу. Завидный муж, да? А то мама меня задолбала – говорит, мне надо остепениться, а то ничего путного из меня не выйдет. Чего ты так на меня таращишься? А! Моя красота тебя поразила? Придется отпаивать тебя чаем. Пошли за стол, завтракать будем.

Антана смотрела на мальчишку и не знала, что сказать. Перемещение из ада в обычный городской дом с улыбчивым мальчишкой было настолько резким, что мозг отказывался воспринимать действительность такой, какова она есть. Девушке казалось, что перед ней стоит не мальчишка, а такой же замаскированный подлец, злодей, монстр, как Юкар, поначалу показавшийся ей милым и славным. Вот сейчас и этот мальчишка улыбается, а через секунду станет злобной тварью с кнутом в руках и начнет ее истязать. Это было что-то вроде посттравматического психоза, наверное, так бы диагностировали это состояние врачи.

Вот только Зоран об этом не знал – он шагнул к Антане и был очень удивлен, когда у него из глаз вдруг вырвался фонтан искр, а земля поплыла под ногами. Антана схватила брусok, запирающий входную дверь, и врезала ему по макушке со всей силой гнева обманутой и униженной девушки. Благо еще, что, как у завязатого интеллектуала, голова у Зорана

была самым сильным местом, и проломить череп студиязуса она не смогла.

– А-а-а-а-а!

Вопль, исторгнутый Зораном, поднял всех – из своей спальни выскочила Анра, в одной ночной сорочке, почти не прикрывающей ее прелести. Выскочил и Андрей, сопровождаемый подпрыгивающей и фырчащей Шанти. Она ужасно радовалась переполоху и, выскочив вперед, нарочно начала насакивать на девушку, скаля зубы и изображая атаку – чтобы совсем уже было весело.

Антана, вытаращив глаза, отбивалась от мелкого белого чудовища, пытаясь попасть по нему поленом, но никак не попадала, и все это действие превратилось в веселую игру. Вот только зрители были практически голыми – Арна натягивала кружевную рубашку на полную грудь, Андрей же вообще забыл надеть хоть что-то. Так что внимание обеих женщин тут же привлекли первичные половые признаки, настойчиво указывающие на принадлежность Андрея к мужскому полу. Вот только отношение обеих женщин к этим самым признакам было полярное – Анра рассматривала их с удовольствием и видом знатока, удивленно-восхищенно приподняв брови, Антана же с ужасом – полная воспоминаний о насильнике Юкаре.

Андрей спросонок никак не мог понять причин переполоха и сообразить, что вообще-то сейчас он в привычном домашнем наряде поручика Ржевского – пенсне и тапочки. Впрочем, и тех тоже не было. Когда сообразил, чертыхнулся и бросился в комнату за штанами. Через несколько секунд появился снова если и не совсем одетый, то все-таки прикрывший срам.

– Зоран, чего ты вопишь? – строго спросил он, оглядывая окружающих и отмечая себе, что с девушкой ничего не случилось.

– Да чего, чего?! Вам бы так треснули по башке поленом, вы бы не так завопили? У меня, наверное, мозги потекли... Мама, там у нас нету бутылки вина?.. Мне надо поправить здоровье.

– Ты хочешь спиться? Твой дядя Зуран пил, пока не пропил состояние моей сестры и не сломал себе шею, свалившись в канаву возле трактира! И так заканчивают все безответственные молодые люди, которые вместо того, чтобы...

– Мам, перестань! Я уже выздоровел, не надо мне вина, только не кричи! – взмолился парень и посмотрел на Антану, по-прежнему стоявшую с поленом наперевес. – И за что это я по башке получил? Предложил ей выйти за меня замуж, и все! Ты же сама говорила, что мне пора жениться, я и решил, что нашел себе невесту!

– Кому и кобыла невеста, – непонятно пробурчал себе под нос Андрей

и, решительно шагнув вперед, встал перед девушкой, снова поднявшей свое оружие. – Девочка, тебя никто не тронет. Я Андрей, друг твоего отца Марка. Он поручил мне позаботиться о тебе. Положи полено, пойдем со мной!

Если бы Андрей знал! Он почти в точности повторил то, что сказал девушке Юкар, когда увозил ее в бордель. Информацию об отце и бедственном положении Антаны он получил от своего покровителя и партнера – начальника городской стражи. Откуда получил наводку тот – было очевидно.

После слов Андрея девушка, вместо того чтобы успокоиться, возбудилась еще больше и в ярости набросилась на своего спасителя, пытаясь нанести удар импровизированной дубиной. Сделать это ей не удалось – Андрей легко поймал ее за руку, но она тут же вцепилась зубами ему в плечо и прокусила кожу так, что потекла кровь. Он поморщился и, соприкоснувшись с аурой девушки, приказал: «Спать!» Антана тут же обмякла, разжав челюсти, и повисла на руках Андрея. Он поднял ее на руки, отнес в спальню, положил на кровать и накрыл одеялом.

Осмотрел плечо – прокус был очень глубоким, как будто его укусила собака. Кровь текла настолько обильно, что залила ему всю руку до запястья. Андрей вышел в кухню и осторожно смыл кровь, обнажив место укуса. Рана уже начала затягиваться, так что ничего страшного не случилось. Первый раз, что ли? После очередного превращения от раны и следа не останется.

Андрей расстроился. В общем-то он догадался, что случилось, но все равно на душе остался осадок. Как-то вышло не так, как-то не по-книжному... Ведь как должно было быть: он объявляет девушке о том, что является посланцем любимого отца, она радостно бросается ему на шею, а потом слушает, заливаясь слезами жалости и умиления, о похождениях и гибели ее отца в чужеземном государстве, неустанно благодаря своего спасителя и лобызая ему руки. Прокусывание плеч и другие террористические действия в отношении благодетеля сценарием не были предусмотрены, так что Андрей пребывал в некой растерянности. Потому обрушил свое негодование на ту, кто была ближе и ниже его ростом:

– Зараза ты! Сонная, обожравшаяся зараза! Просил же последить за девчонкой, а ты? И зачем ты на нее наскакивала, пугала?

– Ой уж и напугала! Я просто веселилась, и все. И не собиралась ее пугать! А то, что я проспала... а сам-то, сам! Хваленый оборотень – девка десять раз башку успела бы отрезать, а ты бы все продолжал спать. Ты-то почему ее проворонил?

– Сам не знаю, – серьезно ответил Андрей. – Похоже, что мой мозг не определил ее как опасность. Если бы тут бродил кто-то чужой, я бы уже вскочил. А она заложена в память как своя, неопасная, наверное, так. Да, я тоже облажался...

– Ладно, мы оба облажались, – милостиво согласилась драконица. – Пошли завтракать, а? Готовься к куче вопросов... сейчас тебя будут выворачивать наизнанку.

В дверь постучали. Андрей ответил, и в комнату заглянула Анра:

– Андрей, нам нужно поговорить. Может, объясните, откуда взялась эта безумная красавица? Что вообще в доме происходит?

– Пойдемте в гостиную. Заодно позавтракаем, хорошо? – предложил Андрей.

Женщина сердито кивнула и прикрыла дверь.

Андрей полностью оделся, выглянул в окно, прикидывая время – солнце еще было низко, до полудня далеко. Вышел в коридор и отправился в гостиную. Там его уже ждали Анра и Зоран, приложивший к шишке на голове медный ковшик. Парень незаметно подмигнул Андрею, скосив глаза на мать, и сделал умильную рожицу, наморщив нос: мол, да нормально все, не беспокойся!

Андрей сел за стол напротив женщины и налил себе чашку чая. Шанти вспрыгнула к приготовленной ей чашечке с медом и стала вылизывать приторную массу, щуря глаза и весело поглядывая на людей.

– Андрей, что это за девушка и откуда она взялась? – холодно спросила Анра. – Эта безумная чуть не вышибла последние мозги моему сыну! Он и так умственно отсталый, а тут еще и поленом по башке! А завтра она что, всех перережет? Объяснитесь.

– Это дочь моего друга, погибшего друга. Я обещал ему позаботиться о дочери. Она меня не знает. Там, откуда я ее вытащил, ее мучили, и у нее немного съехали мозги. Ну что теперь поделать? Она отойдет, скоро этот психоз закончится. Не выгонять же ее на улицу?

– Я бы мог сделать ей массаж ступней, – неожиданно заявил Зоран. – Я слышал, что массаж ног очень благотворно воздействует на организм женщин.

– Я бы тебе не доверила никакого массажа, а уж тем более массажа молоденьких девочек, после твоего массажа как бы не пришлось обращаться к повитухе. Знаю я тебя! Вы не представляете, Андрей, какой он извращенец! Я поймала его в десять лет с соседской девчонкой в сенном сарае. Голых! Видишь ли, они играли в лекарей! Девке одиннадцать лет – она с ним в лекаря играла! И даже не смутилась, между прочим! Вот

нынешняя молодежь какая, вот они, плоды просвещения! Начитаются книжонок, посмотрят картинки – и давай по санным сараям лазить. Я у него такую книжку нашла – стыд один!

– Это было руководство по женским болезням, – удрученно сказал Зоран, – мне пришлось потом выплачивать за нее в библиотеку университета. Мать ее спалила в печи, потому что решила: это книжка для растления малолетних извращенцев. Теперь видите, как я тут живу? Можно подумать, она никогда не была молодой!

– Я бы не сказал, что она сейчас старая, твоя мама очень симпатичная и очень даже аппетитная женщина! Уж простите, госпожа Анра, что я говорю о вас в третьем лице, я не знаю, как правильно вести себя в обществе женщин, тем более таких красивых, как вы. – Андрей невозмутимо отпил из чашки пахучего травяного отвара, а Шанти ехидно заметила:

– Теперь я знаю, почему на тебе женщины виснут... глянь, она аж покраснелась, а знаешь, что чувствует к тебе? Благодарность, удовольствие, смущение и... В общем, если ты захочешь, она твоя через тридцать секунд – столько надо, чтобы дойти до спальни.

– Не говори ерунды, я не собираюсь с ней спать!

– Ну конечно, у тебя помоложе есть, ага...

– Да что ты заладила! Отстань! – рассердился Андрей. – Антана мне как дочь! Она дочь друга!

– От этого не перестала быть женщиной, нет? А ты мужчиной... Все-все, молчу, не злись!

– Вы меня просто смутили, – улыбнулась Анра. – И все-таки, что вы собираетесь делать с этой девушкой? Она ваша любовница?

– Нет. Она мне как дочь. Просто некуда было ее поместить, я и положил ее с собой в постель. Но мы не занимались сексом, если вы об этом спросили. Просто спали в одной постели.

– Вообще-то это не мое дело, – успокоилась Анра, – она взрослая девочка, может заниматься чем хочет. Думаю, что под вашим покровительством ей будет хорошо, вы очень воспитанный мужчина.

– Спасибо, – усмехнулся Андрей. – Вообще-то я всегда считал себя неотесанным мужланом.

– Похоже, не видели вы мужланов, – вздохнула женщина. – Вот один из них сидит и ковыряет в носу! Вынь палец-то, негодный! Проковыряешь – вытечет мозг, а у тебя его и так не очень-то много. Весь в своего покойного отца – тот такая же деревенщина был!

– Однако это не мешало тебе жить с ним как у Бога за пазухой,

мамочка. Нечего отца поминать дурным словом. Он молодец. Когда он был жив, мы ни в чем недостатка не знали. А ковыряю я в носу потому, что если там засохнет, то это вредно влияет на деятельность мозга – есть трактат такой, «О вредоносном действии козюль на мозговую деятельность студентов», нам профессор его зачитывал. Суть его в том, что от козюль надо освобождаться сразу же, как только почувствуешь неудобство в носу, иначе может развиваться раковая опухоль мозга и ягодиц.

– Видали? Только что ведь придумал, стервец! – расхохоталась Анра. – Ягодицы-то каким местом к раку мозга, а? Несоответствие! Непродуманно!

– И ничего подобного, не зря же говорят: у него вместо головы задница! Вот и отношение ягодиц к мозгу, – невозмутимо парировал Зоран. – Мам, дай-ка мне еще плюшку. Вот умеешь ты плюшки печь – ночь пролежала, а как будто только что испекли. Ты бы могла озолотиться на своих плюшках, если бы продавала их аристократам.

– Не могу на него долго сердиться, – улыбнулась Анра. – Отец его тоже такой был – охальник, шустрый такой. Ни одной бабы, бывало, не пропустит, всем норовит подол задрать. Трижды его накрывала с любовницами в супружеской постели. Эх и лупила их... куда там вашей девчонке. Я их оглоблей била – и откуда только силы брались. В ярости была от его поведения. Потом клялся, божился... и опять приходил с запахом чужих женских благовоний. Негодяй! Мне его так не хватает, – неожиданно заключила она и, закрыв глаза рукой, поднялась и ушла на кухню.

– Всю жизнь дрались и всю жизнь любили друг друга, – грустно заметил Зоран. – Нам и правда его не хватает. И не в деньгах дело. Стану лекарем, много буду зарабатывать, я же умный... но отца не вернешь. А девчонка ваша красивая – я аж оторопел! Маленькая такая, она же ниже меня, пигалица, а крепкая – так врезала, аж голова трещит. Наверное, сотрясение мозга мне устроила. Ух, глаза горят, просто полыхают синим пламенем, и это ведь у брюнетки редкая штука. Глянет – аж мороз по коже. Если вы на ней не будете жениться, я ее точно уведу. Запала мне в душу, просто до невозможности.

– Не знаю, что ты имел в виду под «не будете жениться», но в моих планах не было такой графы, как «жениться на дочери друга», – усмехнулся Андрей. – И вообще, осторожнее с девочкой. Я ее вытащил из такого места, что немудрено и рехнуться. Поаккуратнее с ней – лишнего не говори и не наседай. А то я сам тебе шишку набью, учти.

Андрей подмигнул Зорану, но глаза его были серьезными, и тот невольно поежился. Этот человек точно не бросает слов на ветер, а его

глаза обещали многое, и такое, что не понравится нарушителю конвенции.

– Она спит и, наверное, проспит весь день. Не трогайте ее и не будите. Сон – лучшее лекарство.

– Верно говорите, Андрей. Зоран, не лезь к девочке, пусть отдыхает. Вечером я приготовлю пироги с ягодой, куплю молока – будем пировать. Вы куда-то пойдете сейчас?

– Да, мне надо на деловую встречу. Моего хорька я оставлю здесь, пусть отдыхает. Вы не могли бы поставить ей блюдечки с молоком и печенкой? Она у меня такая прожорливая.

– Конечно, конечно, – закивала Анра, – идите спокойно, все сделаю. Да! А как звать девочку? Вы так и не сказали!

– Звать? – запнулся Андрей. – Марго ее звать.

Он встретился взглядом с Зораном, тот приподнял левую бровь и легонько кивнул – понял, мол. Андрей тоже благодарно кивнул, а Зоран ухмыльнулся и незаметно для матери сделал жест, как будто что-то подбрасывал на ладони. Этот жест здесь означал то же самое, что на Земле потирание большого пальца об указательный – мол, денежки мне должен!

Андрей укоризненно покачал головой, а Зоран многозначительно кивнул – да-да, должен! «Парень умеет делать деньги, – подумал Андрей и усмехнулся. – Далеко пойдет, если не остановят».

– Ты чего, меня тут оставляешь?! – возмутилась Шанти. – Я не согласна! Я хочу гулять!

– Ну перестань. Ты мне очень нужна здесь. Вдруг девушка очнется? Никто, кроме тебя, не сможет ей помочь. Не забывай, что она не в себе. Закрой двери и за ними твори чего хочешь, если она попытается бежать – хоть вяжи ее. Мне обязательно надо добраться до оружейника, не забывай, нам нужны деньги. Я очень тебя прошу – последи за девочкой. Она беспомощна, растеряна, у нее мозги совсем съехали. В таком виде она может нанести вред и себе, и нам. Сделаешь?

– Да сделаю... останусь, чего уж там. Иди зарабатывай деньги.

– Спасибо, сестренка.

– Да не стоит благодарности. Кстати, ты помнишь, что должен мне желание?

– Помню, помню, ты разве дашь забыть? И какое оно, твое желание?

– Пока не знаю. Но буду знать... позже. Как время придет. Все, шагай, а то я передумаю!

– Вообще-то рано еще – мне к полудню...

– И чего? У них утро, а у тебя уже полдень! Если так хочет купить драконий мусор – он и сейчас тебя радостно примет. Шагай-шагай к

оружейнику!

– Маленькая диктаторша! Злая драконица! Я, может, хотел полежать, отдохнуть...

– Рядом с девицей, да? Иди уж...

– Нет, у тебя вправду какой-то развращенный, подозрительный мозг. Ты все видишь не в том свете.

– В том, в том я все вижу. И чувствую... Иди!

Андрей, усмехаясь, закинул объемистый рюкзак за спину и вышел из комнаты. Зоран стоял в прихожей и ухмылялся.

– Куда это вы без меня? Нет уж, раз я консультант, значит, консультирую. Я с вами иду. А то мать уже спрашивалась – чего это я в присутствие не собираюсь. А я что скажу? Что с вами по городу мотаюсь? Вместо работы. Она щас разорется, как торговка осьминогами. А чего там у вас в рюкзаке? Что-то шуршит такое...

– Есть одна пословица – «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали». Не слышал такую?

– Нет, не слышал. Интересная пословица. А все-таки – что там, в рюкзаке?

– Если тебя не прибудут, далеко пойдешь, – рассмеялся Андрей. – Более упорного и занудного типа, чем ты, трудно себе представить. Выходи давай. Анра, заприте за нами – мы ушли!

– Приветствую вас. Мастер Надил на месте?

– Да-да, конечно. – Продавец был сама предупредительность. – Он велел, как вы появитесь, в любое время провести вас к нему. Пойдемте, я только дверь запру.

Продавец закрыл входную дверь на брус и повел Андрея в мастерские. Оружейник распекал какого-то мальчика, демонстрируя ему плохо вытертый верстак, и не сразу заметил Андрея. Заметив, подхватился и, глядя на рюкзак за спиной мужчины, с волнением спросил:

– Это то, что я думаю? Правда? Они?

– Они, – усмехнулся Андрей. – Где будем пересчитывать? Я решил зайти пораньше – в полдень у меня намечены кое-какие дела, вы не против?

– Нет-нет, не против! Идемте ко мне в кабинет.

Они прошли через мастерские, потом длинным коридором в дом, пристроенный сбоку от магазина, и через несколько минут оказались в добротном кабинете, отделанном дубовыми пластинами. Одна стена была занята книгами и свитками, стол тоже был завален бумагами, на которых угадывались очертания каких-то механизмов, шестерен и зубчатых передач.

Надил поймал взгляд гостя и с улыбкой сказал:

– Интересуетесь? Я придумал одну штуку... Видите зубчатый кругляш? Он должен передавать усилие на другой кругляш, цеплять его. Вот только иногда закусывает передачу, и все тут! Голову сломал, как лучше сделать.

– А вы сделайте зубья не прямыми, а косыми, и все будет нормально, – автоматически сказал Андрей, думая о своем: будет ли с головой Антаны... то есть Марго, все в порядке, как пройдет турнир...

Мастер вскинул брови, раздумывая над словами Андрея, потом тряхнул головой и предложил:

– Сейчас я уберу все со стола, мы с вами сядем и будем пересчитывать чешую, хорошо?

Андрей пожал плечами – на столе так на столе, и Надил стал быстро и аккуратно убирать бумагу, бережно расправляя каждый клочок. Бумага в этом мире была довольно дорогой вещью, так что на помойках не валялась.

Завязки рюкзака развязаны, и на стол полился поток пластинок, похожих на яркие елочные игрушки...

Два часа – столько времени занял пересчет чешуи. Они сбивались, пересчитывали заново, снова начинали считать. Андрей уже был готов плюнуть и сказать: да черт с ними, с этими чешуями! Десятком больше – ну и ладно! Но мастер упорно считал и считал. Наконец подсчет был закончен.

Мастер посчитал столбики цифр на листке бумаги и торжественно объявил:

– Три тысячи семьсот тридцать три штуки! Это на полный доспех, да еще и останется! Я счастлив. И должен вам... считаем... восемнадцать тысяч шестьсот шестьдесят пять золотых. Подтверждаете сделку?

– Да, – кивнул Андрей.

Честно говоря, он был слегка удручен. Сумма неплохая, да, но, чтобы выкупить дом Антаны, этих денег точно не хватит. А еще ведь нужно купить дом Федору – они с Аленой скоро прибудут в столицу. Впрочем, у Федора лежала кругленькая сумма, и гораздо больше, чем та, что он выручил за чешую. В фургоне были спрятаны сокровища из тех, что Андрей забрал у исчадий и их прихожан. Там были перстни с драгоценными камнями, кулоны, цепи, броши и всякая такая дребедень. Он не знал их стоимости в этом мире, но не сомневался, что те были очень ценными. Точную оценку мог дать только ювелир.

Через двадцать минут они с Надилом выходили из магазина. Мастер надел дорогую одежду, поверх темного камзола золотую цепь с каким-то

орденом (потом Андрей узнал, что это был орден официального поставщика двора императора и он был очень, очень важен для определения статуса человека). За Надилом следовал охранник – по статусу положено, а за Андреем – Зоран, как всегда, загадочно улыбаясь и подмигивая проходящим красоткам. Из ворот дома мастера выкатилась пролетка, запряженная сытой, ухоженной лошадью. Надил и Андрей сели, телохранитель пристроился на облучке рядом с кучером, а Зоран позади, болтая ногами и насвистывая какую-то мелодию.

Как должен выглядеть средневековый банк? Эпическое сооружение с гномами за стойкой? Как же еще-то? А вот и нет – скучное серое каменное здание, внутри люди с такими же скучными серыми суконными физиономиями, как и их здание. По сравнению с ним любой земной банк – увеселительное заведение. Нудное оформление документов на имя Андрея Монаха, скучные сухие вопросы... такое впечатление, что это не люди, а тени.

Через час Андрей с облегчением выбрался на белый свет из этого денежного логова, имея в поясе векселя на кругленькую сумму. Он расстался с мастером Надилом, пожав ему руку и заверив, что, как только оциплет очередного дракона, тут же принесет чешую, не заходя ни к кому – сразу побежит к нему! На том и порешили, расставшись довольными друг другом.

– Куда отправимся теперь? – поинтересовался Зоран. – А вы расскажете мне, откуда у вас эта самая чешуя дракона, о которой говорил старикашка?

– Зоран!

– Да знаю, знаю... я любопытный осел, который сует нос не в свое дело, а людям не нравятся такие любопытные. И я могу получить по башке за свое любопытство, и оно может завести меня туда, откуда не возвращаются, и надо сдерживать свои патологические порывы собирать информацию, и вообще придерживать свой язык. Так?

– Хм... в общем-то да, – усмехнулся Андрей. – Вот сам ведь все понимаешь, тогда за каким демоном опять лезешь и лезешь не в свое дело?

– Не знаю, – уныло ответил парень и ковырнул засохший конский катях ободранным носком башмака. – Это выше меня! Я стараюсь сдержаться – и не могу. Вы останавливайте меня, если что. И не подумайте ничего плохого, я не со зла ведь лезу. Мне хочется помочь, да и любопытно все. Вы не бойтесь, я никому не скажу про Антану... Марго. Пока сами не разрешите. И денег за это не надо. Это я так просто ляпнул... меня как

демон толкает – вот скажи, ляпни, спроси! Сам себя потом ругаю, но все равно лезу. Не будете на меня сердиться?

– Буду, – улыбнулся Андрей, – и даже, предупреждаю, тресну по башке не хуже Марго, если тебя занесет куда не надо.

– Ну да, ну да... иногда это необходимо, – вздохнул парень, – я не обижаюсь. Ну что, куда сейчас идем?

– Сейчас мы навестим одного человека... где тут у вас Великий Синод?

– Это через весь город. Видите, во-о-он там – золотой купол? Это главный собор. Рядом с ним здание Синода. А вам кого там? Все-все, молчу!

Ехать пришлось довольно долго – проталкивались через толпы людей у рынка, категорически не желающих пропустить экипаж, потом разъезжались с двумя ломовыми телегами – одна зацепила другую, оторвала колесо, и выпавшие бочки перегородили улицу. Объезжать было еще дольше, потому долго ждали, когда грузчики раскатают завал и сдвинут неудачников. Когда подъехали к Синоду, уже был полдень. В соборе рядом шло богослужение, судя по доносившемуся из открытых дверей хоровому пению. Андрей перекрестился на храм, Зоран тоже – наскоро и небрежно. Затем они пошли к дверям Великого Синода.

Это здание мало чем отличалось от административных зданий города, за исключением того, что над входом, под каменным козырьком, нависающим над каменным же крыльцом, было помещено яркое цветное изображение Бога, грозно посматривающего с высоты на входящих и как будто вопрошающего: «Какого черта ты приперся отвлекать святых отцов от служения Мне?!»

В холле здания пахло благовониями и было прохладно, как будто работал кондиционер. Андрея и Зорана сразу заметил охранник, высокий и могучий, как монах Пересвет, сразивший Челубея в поединке на копьях. Он оценивающе осмотрел обоих посетителей, просветив как рентгеном, не нашел в них угрозы вере, ее служителям и задал банальный вопрос:

– Вы к кому? По какому делу?

– Я хочу видеть секретаря Синода Акодима, – ответил Андрей.

– Отец Акодим сейчас на заседании консистории. Освободится через час. Если хотите подождать, можете посидеть вот тут, на скамейке, или же погулять и подойти позже. Как о вас доложить отцу Акодиму?

– Скажите, что его хочет видеть человек от его друга Никодима. Мы пока погуляем, сходим пообедаем. А через час подойдем.

– Да, доложу, от отца Никодима. Я знаю его, достойный священник,

только немного невезучий, – улыбнулся охранник, – и пьет лишнего.

– Уже не пьет. Бросил, – тоже улыбнулся Андрей. – На него снизошла Божья благодать, и он осознал пагубность этого занятия.

– Ну и слава Господу! – искренне порадовался мужчина. – Хорошее известие. Отец Акодим будет ему очень рад. Идите с Богом, я обязательно о вас доложу. Советую зайти в заведение напротив – «Розовый петух». Там подают отличные блинчики с мясом, пряностями и острым соусом, а также много видов сладостей. Ну и супчик тоже хорош – попросите с клецками, они умеют их как-то особенно готовить, а секрет не выдают, демоны. Пока там народу должно быть мало – обед в Синоде еще не начался, посидите там. А как отец Акодим освободится, я пришлю за вами службу.

– Большое спасибо, – искренне поблагодарил Андрей, – мы так и сделаем.

Следующий час они с Зораном провели в чайной, где с удовольствием поглощали все то, что им предлагали. Наелись так, что Зоран испугался, как бы ему не стало плохо, если он съест еще хоть кусочек.

Все было очень вкусно – не зря сюда ходили святые отцы, ведь они всегда знали толк в хорошей еде, во всех мирах. Впрочем, они знали толк и в выпивке тоже. Вино было вполне приличным.

Служки все не было и не было, Андрей начал уже проявлять признаки нетерпения, постукивая пальцами по столешнице и потирая лоб, когда наконец заметил мальчишку лет десяти, бегом спешащего к входу в чайную. Да, это был гонец за ними.

Отец Акодим оказался огромным, кряжистым мужчиной с длинной бородой, слегка тронутой проседью. Этаким Илья Муромец здешнего разлива. Почему-то Андрей ожидал увидеть кого-то более интеллигентного на вид, с маленькой бородкой, худого – настоящую канцелярскую крысу. Но нет – этот человек отличался и телесной, и, как выяснилось в дальнейшем, интеллектуальной мощью.

– Приветствую вас! Проходите, проходите! – Акодим встал из-за стола и пошел навстречу посетителям, сканируя их взглядом, как система безопасности какого-нибудь военного объекта.

– Зоран, посиди в коридорчике, – распорядился Андрей, – нечего тебе тут слушать, неинтересно. Иди, иди... Приветствую вас, отец Акодим, – сказал Андрей, краем глаза следя за недовольным парнишкой, закрывающим за собой дверь. – Зоран, прикрой дверь плотно! – повысил он голос и, улыбнувшись, пояснил святому отцу: – Помощник мой. Излишне любопытен.

– Да-да, молодежь всегда норовит сунуть нос не в свое дело, –

добродушно прогудел Акодим. – Так вы, говорите, ко мне от Никодима? И как он там? Мне сказали, бросил пить. Снизошла на него благодать Божья?

– Есть такое дело, – кивнул Андрей. – Его приход поднимается, обустроивается. Скоро, видать, женится снова. На вдове односельчанина.

– Слава богу... – вздохнул Акодим. – Вот после смерти жены-то он и запил. Сколько раз я прикрывал его от гнева патриаршего, кто бы знал! Его давно хотели выгнать, лишить сана – жалобы шли на его поведение. И я по старой дружбе все покрывал, все улаживал. Сколько мне это стоило труда... Так какое у вас ко мне дело? Как мне вас называть, не знаю вашего имени?

– Андрей меня звать. У меня письмо к вам от Никодима. Вот.

Андрей подал сложенный в несколько раз листок плотной бумаги, священник принял его и, развернув, стал вчитываться в строки. Потом поднял глаза на гостя и с уважением сказал:

– Никодим за плохого человека радеть не будет. Видимо, вы очень неплохой человек, раз он так ходатайствует. И в чем ваша нужда, позвольте спросить? Что вы от меня хотите? И вообще, кто вы? Чем занимаетесь? По вашему виду можно сделать заключение, что вы воин, но руки слишком ухоженные, белые, шрамов нет – на наемника не особенно похожи. Телохранитель? Тоже нет – безоружны, те всегда ходят увешанные оружием. Ну так кто вы такой?

– Сам не знаю, – медленно сказал Андрей и посмотрел в глаза Акодиму. – Я приехал из Славии. И моя цель – уничтожить исчадий.

– Тогда вам не ко мне, – нахмурился священник. – Искоренением ереси и борьбой с исчадиями, явными и скрытыми, занимается инквизитор. Я лишь чиновник на службе у церкви и вряд ли смогу вам помочь. Вы пришли не по адресу.

– Почему-то мне так не кажется, – усмехнулся Андрей. – Судя по тому, что я видел в Славии и в этой стране, ваши инквизиторы мало отличаются от исчадий. Только что сердца не вырывают на алтаре, но зато сжигают на кострах, что тоже недурно.

– Исчадия служат демону, а инквизиторы – вере, – рассеянно сказал Акодим, поглядывая в окно и неосознанно чертя на столешнице какие-то знаки. – Ваши слова пахнут ересью, считайте, что я их не слышал.

Мужчины помолчали, глядя друг на друга, и Андрей уже начал с горечью думать, что пришел совсем не туда и что ему нечего делать в этом скопище чиновников от церкви, когда Акодим неожиданно сказал:

– Смотрю на вас и думаю: неужели Великий инквизитор стал таким умелым и хитрым, что подкупил моего друга Никодима и заставил его

написать такое письмо? Или отобрал письмо у настоящего гонца и прислал вместо него своего провокатора? Или же вы в самом деле друг Никодима, и я, закоренелый интриган, обжегшись на молоке, дую на воду! Вот что мне делать, скажите? Может, поведаете, зачем вы приехали в Балрон и чего хотите добиться от меня и вообще в этой несчастной стране? Развейте мои сомнения и подозрения, если сможете!

Андрей помолчал, вздохнул и решился:

– Меня никто не подсылал. Я вообще не из этого мира. Не демон, нет. Бывший воин, оказался в этом мире не знаю как. До этого я уединился в монастыре и молился Богу. Как оказался в Славии – не знаю. Я решил, что моя обязанность – уничтожить исчадий, что они угрожают миру. Для того Господь и перенес меня сюда. Ну и...

Андрей вкратце рассказал историю своих злоключений в Славии, конечно же опустив многие подробности – например, про то, что он стал оборотнем, про драконов тоже. Опустил, само собой, историю с борделем и Антаной.

Акодим слушал не перебивая, и только его глаза расширились и расширились, как будто он услышал что-то такое, что потрясло его до глубины души. Потом он откинулся на высокую спинку своего кресла, закрыл глаза. И замер, сложив руки в замок на животе. Так он сидел минуты три, потом вдруг широко раскрыл глаза и сказал:

– «И придет он, и будет наводить порядок по своему разумению, и ополчатся на него и правые, и виноватые, и те, кто идет против Слова Божьего. И пройдет он косою смертоносной по миру, и будет имя ему Ангел Смерти!» Неужели это вы, тот, из пророчества? Ваш приход предсказал святой Ефраим – упоминание о приходе Ангела Смерти имеется в его книге «Заветы», стих восемнадцатый. Великий инквизитор уверен, что Ангел Смерти – это он.

– Не знаю, что там насчет заветов, – пожал плечами Андрей, – и ничего ангельского в себе тоже не вижу. Даже крыльев нет. – Он усмехнулся, наклонился и похлопал себя правой рукой по левому плечу. – Никодим тоже про Ангела Смерти толковал, я так и не понял ничего. Никаких голосов в голове я не слышу, никто не указывает мне, что делать. Я сам решил: надо извести исчадий, потому что такие твари не имеют права на существование. Кстати сказать, то, что я увидел в этой стране, мне тоже не нравится. Борьба с исчадиями, насколько я понял, переросла в какую-то истерию, фанатизм, в стране выжгли всех врачей, всех ученых, творится безобразие. Это неправильно.

– «И ополчатся на него и правые, и виноватые, и те, кто идет против

Слова Божьего...» Никому не говорите то, что мне сейчас сказали. За такие слова угодить на костер – запросто. Даже я могу за такие слова не только лишиться сана, но и... в общем, инквизиция у нас работает на славу. Только кому на славу – Богу ли? Ладно, перейдем к конкретным, насущным делам. Чем я могу вам помочь?

– Мне нужно пробиться на самый верх государственной власти, чтобы суметь уничтожить исчадий и навести порядок в мире, – просто сказал Андрей.

– М-да-а-а... задачи вы себе ставите, достойные Ангела Смерти... Ладно, не хмурьтесь, Андрей так Андрей. И с чего думаете начать? Как решили пробиваться наверх? Ведь какие-то планы у вас уже были?

– Я зарегистрировался на турнир. И собираюсь его выиграть. Затем я хочу, чтобы император меня заметил и взял на службу. На хорошую должность. Ну а там... видно будет. В идеале – возглавить вторжение в Славию и вычистить заразу исчадий из этого мира.

– Хм... планы у вас... Вы уверены, что сможете выиграть турнир?

– Уверен. Главное, чтобы как-то подло не помешали – исподтишка чего-нибудь не вытворили. Турнир вообще-то охраняется? Следят за тем, чтобы не вредили бойцам? Чтобы не строили козней?

– Теоретически – да. Обеспечением порядка на турнире занимается начальник стражи. Теперь вот нужно искать нового, и срочно. Слышали про исчезновение прежнего начальника стражи? Скорее всего, слышали – весь город ведь гудит. В его доме кто-то перебил всех охранников, а сам он исчез. Там странные вещи творились, в этом доме... Великий инквизитор, как всегда, говорит, что это дело исчадий и нужно увеличить финансирование инквизиции, а еще – ужесточить выявление и уничтожение скрытых исчадий. Даже если они находятся в рядах служителей церкви. Грядет большая чистка. Сегодня по этому поводу собирался Синод, а потом было заседание консистории по заявлению инквизиции. Решено в течение года увеличить количество инквизиторов на пятьсот человек. Поднять жалованье инквизиторам и расширить их полномочия. Начальник стражи, честно говоря, был паскудным человеком, но кроме того – двоюродным братом советника Карлоса. А тот фаворит императора. Кто теперь будет начальником стражи, одному Богу известно. Боюсь, как бы не поставили Гортуса, давно ходили слухи, что император к нему благоволит – как же, герой, победитель турнира, неоднократный притом. А то, что он подлец и убийца, кому это интересно? Он сын Карлоса, и этим все сказано.

– А что, император не видит, каков из себя тот же Карлос? Ведь Карлос

негодяй, как и его сын. Или император такой же?

– Я обрисую вам ситуацию – несколькими мазками. Там много оттенков, но главный цвет вы увидите. Итак, император. Человек неплохой, но не тот, что нужен стране, – так думают многие, кто в курсе происходящего. Зарт Четвертый застрял в семнадцатилетнем возрасте. Охота, развлечения с девушками и женщинами – он очень до них охоч. Пиршества, соревнования, музыка и танцы. Страной управляют несколько группировок: инквизиция, Карлос с его родней, Синод. Держится хрупкое равновесие, сместить которое в пользу одной из сторон может любой случай – например, исчезновение одной из ключевых фигур, такой как начальник стражи. От того, кто займет это место, зависит, куда качнется маятник. Если этот пост займет ставленник инквизиции – это очень, очень плохо. Представитель Карлоса – тоже нехорошо, но не фатально, он просто будет хапать себе в карман, как и хапал. Ставленник Синода – лучший вариант. Мы тогда сможем им управлять. Синод при всей его разнородности – все-таки более прогрессивен, чем инквизиция.

– Я слышал, что император любит набирать на службу победителей турнира. Это так?

– Так. Он обожает соревнования любого рода – даже если это плевание дохлым жуком. Да-да, и такое было. На его ночных развлечениях-пиршествах. Победителю заплатили тысячу золотых. Победителей турнира обычно берут в элитную гвардию императора или же в телохранители. Впрочем, задача этих самых телохранителей в основном заключается в том, чтобы выпивать вместе с императором, развратничать, принимать участие во всех его безумствах. Поэтому, если вы задумали таким способом вылезть наверх, это практически нереально. Никто не воспримет всерьез человека, который был лишь игрушкой в руках императора.

– Это как поставить себя, – усмехнулся Андрей. – А кого прочит в начальники стражи Синод?

– Пока не пришли ни к какому решению. – Аходим с любопытством посмотрел в лицо странному гостю. – А почему спросили? Что, думаете... хм... нет, исключено. Вас никто не знает. Не получится.

– А когда планируется назначение?

– После турнира. Теперь все вертится вокруг турнира. Пока что эту должность занимает заместитель начальника стражи, временно.

– А если я выиграю турнир, возможно ли как-то воздействовать на императора, чтобы он принял нужное нам решение?

– Вряд ли. Вы должны выиграть так, чтобы он был в восторге. Чтобы это было красиво. Кстати сказать, я слышал, что снова подняли вопрос о

том, чтобы участники выступали с острыми саблями. Император был против, но Карлос настоял, что это красиво и соответствует древним традициям. Видимо, сынок его подсуетился, хочет крови. Он и тупым клинком поубивал несколько человек, а если дать ему острый... многие, похоже, вообще откажутся от участия в турнире. Но даже если вы красиво выиграете, останется тот, кто никогда не пропустит вас на выгодную должность. Карлос. Пока жив – не пропустит.

– Пока жив, не пропустит... – задумчиво повторил Андрей. – И все-таки попробуйте выдвинуть мою кандидатуру на пост начальника стражи. Звучит дико, да? Пришел неизвестный человек и желает стать главным стражником. Но все-таки попробуйте. Пророчество, говорите? Забавно... Вот еще какой вопрос у меня, совсем простой, хозяйственный: мне нужно купить приличный дом. Без изысков и роскошеств, просто хороший дом. Может, посоветуете посредника, занимающегося продажей домов?

– Дома в столице дорогие. Сумеете купить что-то приличное? Денег хватит?

– У меня есть около девятнадцати тысяч золотых. Мне кажется, хватит. Или нет?

– Более чем хватит, – удивленно приподнял брови священник. – На очень хороший дом без изысков хватает десяти тысяч. Вы же не элитный дом ищете, в два-три этажа, так что все нормально. Посредник? Сходите к Лердону, он возле рынка живет. Мне иногда приходилось к нему обращаться за помощью в продаже церковных объектов собственности. Он довольно приличный человек, если так можно сказать о посредниках. Ухо с ним тоже надо держать остро, но, по крайней мере, он внаглую не надувает. И еще он мне обязан, побоится вас обмануть – иначе потеряет кормушку при Синоде. Так что скажите ему, что пришли от моего имени, и он с вас возьмет по-честному.

– Спасибо. – Андрей встал. – Пойду к вашему Лердону.

Акодим снова вышел из-за стола и протянул руку для прощания.

– У меня появилась надежда, что все не так уж и плохо закончится. – Священник улыбнулся в бороду и добавил: – Хорошо, что Он вас прислал. Все по пророчеству, все.

– А что там говорится, в пророчестве? Выиграет Ангел Смерти битву или нет?

– А вот об этом ничего не говорится, – с улыбкой сказал Акодим. – Пророчества частенько мутны, и толковать их сущее наказание. Вы оставьте адрес, где вас найти. И приходите дня через два, я скажу, чтобы вас сразу пропускали ко мне. Если что-то совсем срочное – меня вызовут

даже с заседания. Я предупрежу. Что касается вашей кандидатуры на начальника стражи – фантастично, конечно, но... кто знает? Если выиграете турнир... попробуем. Надо будет разработать легенду – откуда вы взялись, сделать документы. Обязательно появитесь через два дня, да, обязательно. Лучше в это же время.

Андрей кивнул и вышел из кабинета секретаря Синода, а священник долго сидел неподвижно, потом негромко, нараспев сказал:

– «И будет гром, и будет молния. Погибнут тысячи, и тысячи восстанут. И падет Ангел Смерти, выполнив свой долг». Прости, Господи, за ложь мою! Прости!

– Спасибо, уважаемый. Возьми себе за труды. Вот этот дом?

– Да-да, с синими ставнями, за зеленым забором, он! У меня свояк продавал дом, так через него продал всего за два дня. Умелый господин!

Андрей сошел с пролетки и попросил извозчика подождать, если у того есть время. Тот радостно согласился. Пассажир был не конфликтным, довольно щедрым – даже не торговался за проезд, так почему бы и не подождать?

Через минуту Андрей со своим спутником уже стучал в ворота дома. А еще через полтора часа стал владельцем особнячка в купеческом квартале – одноэтажного, с пятью комнатами, кухней, гостиной, большим двором с конюшней и сараем, водопроводом от виадук – как в доме Анры, с вполне приличным туалетом и душем. Даже обстановка имела – кровати, кушетки, столы, занавеси, – осталась от прежних хозяев. Куда делись прежние хозяева, Андрея интересовало меньше, чем никак. Главное – дом ему понравился, деньги у него были, так что он со спокойной совестью отдал их посреднику, с которым они съездили в магистрат и за считанные минуты оформили договор купли-продажи, зарегистрировав в отделе недвижимости. Сделка по меркам Земли была совершена просто молниеносно, и это при отсутствии телефона, Интернета, компьютеров и факсов. Деньги и связи важнее технических новшеств.

Теперь оставалось лишь купить белье, посуду, все те мелочи, без которых нельзя существовать в любом из миров. Это заняло еще полтора часа, благо рынок был не очень далеко от дома. Громыхающий, бренчащий экипаж, заваленный тюками, узлами и корзинами, подкатил к новоприобретенному дому, и через двадцать минут содержимое пролетки перекочевало в большую гостиную. Разбирать покупки Андрей решил попозже – нужно было навестить Антану, узнать, что с ней происходит. Так-то он был спокоен – если бы что-то срочное, серьезное, Шанти давно

уже нашла бы его. А раз не нашла, то все в порядке.

Андрей ошибался.

– Шанти, как вы тут? Как девчонка? Я домишко прикупил, так что можем скоро переселиться! – Андрей, довольный сегодняшним днем, вошел в свою комнату и приветственно махнул рукой подруге, сидящей на кровати возле девушки.

– Плохо дело, Андрей, – серьезно ответила Шанти. – Я уже хотела за тобой бежать, но решила дождаться. У нее лихорадка. То ли от того, что с ней произошло в борделе, то ли еще из-за чего. Она горячая, красная, прямо-таки жаром пышет. Лечи давай. Чувствую, плохо ей, совсем плохо. Так, что и меня корежит.

Андрей сел рядом с Антаной, посмотрел на ее ауру – и чуть не вздрогнул. Та не была похожа на человеческую. Это была аура оборотня.

– Кровь! Она хлебнула моей крови! Я не знаю, что делать, – удрученно сказал Андрей. – Если сейчас начать ее лечить – результат будет непредсказуемым. Механизм мутации запущен. Теперь она или умрет, или станет оборотнем. Все, что я могу сделать, – это подкачать ее жизненную силу. И еще надо быстро валить отсюда. Когда очнется, может начаться большой барабум. Два оборотня в одной комнате – мебель этого может не перенести. Ведь она и так находится в иллюзорном мире, где перед ней враги и все хотят ее мучить, пытаться! Ты представляешь, что будет, когда она очнется и автоматически перейдет в тело оборотня?

– Ой! Я чего-то даже боюсь, – призналась Шанти. – Она с поленом-то полдома перебила и перекусала, а оборотнем... ой-ой-ой!

– Собираемся. Переезжаем в свой дом. Там запремся в комнате и будем сидеть, пока она не сформируется. А потом... потом видно будет.

– А тебе не кажется, что девушка может не вернуться в человеческий облик? Что она так и останется безумной, только еще и безумным оборотнем?

– Все может быть, – хмуро кивнул Андрей. – Тогда мы убьем ее. Безумный оборотень в городе нам ни к чему.

– И это после того, как мы перебили массу людей, рисковали своей жизнью?

– Да, это после того, как мы перебили массу людей и рисковали своей жизнью. Еще вопросы? Нет? Тогда лучше помалкивай. Если безумный оборотень вырвется из дома, он уничтожит столько людей, что это будет сравнимо с вражеским нашествием. Я не готов отвечать за смерти сотен и тысяч людей. При том что это поставит под удар мою миссию, все то, за

что я боролся. Хватит болтовни! Пора действовать.

Андрей отправился на кухню. Анра и Зоран о чем-то весело болтали, но прервали разговор, когда появился постоялец.

– Андрей, присядьте, попейте с нами чаю. – Улыбка Анры была искренней и широкой. Женщина явно благоволила к Андрею.

– Извините, нам нужно срочно съезжать. Спасибо вам за гостеприимство. Зоран, можно тебя ненадолго? Извините, Анра, что все так скоротечно, мне было у вас хорошо.

– Как жаль, – расстроилась женщина, – а я хотела с вами поболтать... Вы очень положительно воздействуете на моего сына, как настоящий отец. Я даже хотела попросить вас пожить у нас просто так, без денег... лишь бы помогали в воспитании моего оболтуса.

– Извините... мне надо уйти, – виновато развел руками Андрей и добавил: – Я как-нибудь зайду к вам в гости, хорошо?

– Замечательно! – обрадовалась Анра. – Только обязательно зайдите, обязательно! А то я сама вас найду и отругаю, что не выполняете обещаний.

– Хорошо, – натужно улыбнулся Андрей. – Зоран, иди сюда.

Они вышли в коридор, и он тихонько шепнул:

– Немедленно отправляйся за извозчиком. Девушка заболела, у нее лихорадка. Это не заразно, но мне нужно увезти ее отсюда. Она может кричать и беспокоить соседей, а в доме, который я купил, закрыть ее будет проще.

– Сейчас сделаем!

Зоран с готовностью бросился к дверям, Андрей же подумал о том, что неплохо иметь такого расторопного секретаря. Любопытный излишне, конечно, но умный пацан и дельный...

Андрей замотал девушку в простыню, взял на руки, и через десять минут они уже тряслись в пролетке. Сквозь простыню чувствовался жар тела Антаны, и Андрей, когда заглядывал ей в лицо, видел изменения – ее глаза из голубых вдруг становились желтыми, с вертикальными зрачками. Зоран смотрел с интересом и тревогой, но ни о чем не спрашивал и вообще молчал, чем удивил Андрея.

Он поблагодарил парнишку и попросил прийти завтра утром – вдруг что-то понадобится, а он не может оставить больную. Потом, положив Антану на кровать, постарался побыстрее выпроводить Зорана, боясь, что в любую минуту начнутся настоящие превращения и тот увидит, кем становится девушка. Зоран был слегка обижен явным желанием старшего товарища от него отделаться, но пообещал прийти с утра, как проснется.

Так началась ужасная ночь, о которой потом долго не мог забыть Андрей. Они с Шанти договорились, что будут спать по очереди, чтобы не проморгать момент, когда Антана превратится в Зверя, или, вернее, в Зверицу.

Это случилось под утро, когда Шанти спала, а Андрей, усталый, утомленный ночным бдением и непрерывной подкачкой ауры девушки, прилег и закрыл глаза. Он не спал, но пребывал в какой-то полудреме, когда организм находится в пограничном состоянии и не поймешь, то ли сон вокруг, то ли реальность. Когда над ним склонилась морда Зверя с горящими глазами и пастью со щелкающими огромными зубами, вначале на долю секунды он решил, что это сон, и лишь потом понял – началось! А понял он это после того, как пасть Зверя рванула матрас, промахнувшись по человеку, и в комнате поднялся буран из разлетевшегося пуха. Андрей был раздет – он готовился к такому событию, и, когда Зверица напала на него, намереваясь оторвать голову, он встретил ее грудью, грудью Зверя.

Слившись в один когтистый и зубастый комок, они ревели, хрипели, боролись – у Зверицы было преимущество, она хотела лишь убить, тогда как Зверь не хотел ее убивать и старался зажать ее и не дать передвигаться. Дверь в комнату он запер и забаррикадировал шкафом, так что ее даже не было видно, а комната была подобрана такая, в которой не было окон. Это была не жилая комната, а кладовая для хранения припасов. Андрей притащил сюда кровать, шкаф и устроил импровизированную спальню.

Зверица была невероятно ловкой и сильной – Андрей, несмотря на то что был сильнее, никак не мог прижать, скрутить ее, лишить возможности двигаться. Он пытался ей что-то сказать, но она ничего не слушала и лишь редела, хрипела, нечленораздельно мычала и рычала, как настоящий зверь. Андрей изловчился и швырнул ее через комнату так, что она ударилась о стену и на секунду застыла, оглушенная ударом. Тогда он вскричал:

– Шанти, дракона! Полный размер! Зажми ее в углу, только осторожно, она может порвать чешую, у тебя и так бока побиты. Нет, стой, не подходи к ней – дай огня, слегка и прямо по ней! Подпали ей морду и не давай выйти из угла – огненный барьер!

В воздухе полыхнуло, противно завоняло жженой шерстью, а Зверица завизжала от боли. Как только она попыталась выскочить из угла, в пол била струя огня, и она, боясь его, оставалась на месте, рыча и поводя желтыми сияющими глазами.

Андрей превратился в человека, сдернул с кровати простыни и сделал что-то вроде импровизированного килта, обернув ткань вокруг бедер. Потом вышел вперед и сказал спокойным голосом:

– Антана, девочка, я друг твоего отца. Мы были с ним в тюрьме, и он просил меня помочь тебе. Пойми, тут нет врагов! Видишь – это дракон, а драконы не работают в борделе. Это Шанти, она очень хорошая, она убила всех, кто тебя обижал. И я убил их. Они наказаны, и теперь тебя никто не обидит. Мы всех убьем, всех, кто попытается тебя тронуть! Превращайся в человека, возвращайся, девочка! Тебя зовут Антана, ты хорошая девочка, тебя очень любил папа, просил тебе передать – он очень сильно тебя любил. Я шел к тебе за тысячи верст. Прости, что не успел вовремя тебя найти. Антана, вернись, ты нам нужна!

Зверица на глазах стала меняться – шерсть становилась короче и короче, челюсть как будто втягивалась внутрь головы, а ноги удлинялись, становясь стройными, гладкими, девичьими.

Через минуту на месте загнанного в угол зверя стояла красивая девушка с черными как смоль волосами и неожиданно синими, ясными глазами. Она дрожала и недоуменно смотрела на странную парочку – полуголого мужчину и дракона, смутно сияющего в темноте своей чешуей. Антана оперлась на стену, стараясь не упасть, и, повернувшись к мужчине голым боком, смущенно спросила:

– Вы кто такие? Вы от папы? Я в такую беду попала... или это был сон? А где я сейчас? Дракон? Откуда дракон? Как такое может быть? Ничего не понимаю...

– Слава богу! Она вернулась, – облегченно сказал Андрей и, обращаясь к девушке, добавил: – Все тебе расскажу, объясню. Мне так много придется тебе объяснить! Но теперь все будет хорошо и просто замечательно. Ведь не может быть иначе, правда, Шанти, сестренка моя? – И радостно засмеялся.

Драконица вторила ему, ухая и помахивая радужными крыльями, а Антана, открыв рот, смотрела на эту странную парочку – дракона и мужчину. Она еще не понимала, не осознавала, что в ее жизни началась совершенно новая полоса. Впрочем, как и у ее новых друзей.

Примечания

Екк. 1, 9 – 11.